

Российская Академия Наук
Институт философии
Институт философии Национального центра
общественных и гуманитарных наук Вьетнама

Российско-вьетнамский проект
«Исторические судьбы социализма»

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ СОЦИАЛИЗМА

Москва
2004

УДК 300.46
ББК 66.017.88
И 90

Редакционная коллегия российского издания:

Ю. К. Плетников (ответственный редактор)

Нгуен Чонг Тьуан

В. Г. Федотова

Льонг Динь Хай

В. Н. Шевченко

Рецензенты:

доктор филос. наук *Ю. А. Муравьев*

доктор филос. наук *В. И. Толстых*

И 90 Исторические судьбы социализма. — М., 2004. — 326 с.

Социализм характеризуется в книге как прорыв в общечеловеческое будущее. Выясняется вектор современных социальных и мировоззренческих новаций: социализация капитала, кризис наемного труда, несовместимого с постиндустриальными технологиями, формирование уклада трудовой коллективной собственности. Раскрываются специфические черты строительства социализма во Вьетнаме и Китае. Восстанавливается понимание полного социализма как бесклассового общества. Анализируются социокультурный смысл социалистической идеи, гуманистическая природа социализма и др.

Предисловие

Предлагаемая читателю книга подготовлена в соответствии с российско-вьетнамским исследовательским проектом «Исторические судьбы социализма» Института философии Российской академии наук (РАН) и Института философии Национального центра общественных и гуманитарных наук (НЦОГН) Социалистической Республики Вьетнама. Концептуальной основой книги является раскрытие внутренней связи современных исторических тенденций развития общества с необходимостью коренного преобразования системы общественных отношений. Несмотря на все «хитрости истории» — тупики, зигзаги, попятное движение — современная эпоха, по мнению автора предисловия, остается эпохой перехода человечества от капитализма к социализму.

В современной российской литературе продолжает доминировать негативная оценка марксизма. Марксизм обвиняют в догматизме и доктринерстве, объявляют устаревшей теорией, не соответствующей реалиям современного мира. Подобная оценка, если абстрагироваться от идеологических позиций, свидетельствует о незнании и непонимании сути марксизма, который не содержит и не может содержать готовые рецепты на все случаи жизни, на чем основывается доктринальное мышление, требует постоянный творческий поиск, осмысление и теоретическое обобщение новых явлений действительности. Как научная теория он всегда должен соответствовать реалиям эпохи. В этом ракурсе все миропонимание К.Маркса, разъяснял Ф.Энгельс, — «это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 352*).

В таком же ключе трактовал марксистский подход к познанию социальной действительности и В.И.Ленин. Он писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России» (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 184*), к России, продолжая мысль Ленина, иначе, чем к Китаю, к Китаю иначе, чем к

Вьетнаму и т.д. Формулировки китайских теоретиков — «китаизированный марксизм», «социализм с китайской спецификой» — вполне соответствуют марксистской традиции.

В настоящее время в мире обозначились два сценария перехода к социализму. *Первый сценарий* представляет собой конкретизацию в зависимости от исторических и национальных особенностей страны, концепции новой экономической политики (нэпа), разработанной В.И. Лениным применительно к мелкокрестьянской стране, какой была в то время Россия. Он, учитывая специфику страны, успешно реализуется в социалистическом строительстве в Китае и Вьетнаме и, видимо, может стать ориентиром для других мелкокрестьянских стран современной мировой периферии.

Второй сценарий относится к определившимся преобразованиям в развитых капиталистических странах. Он рассчитан на постепенное расширение, углубление и практическую реализацию социалистической идеи как она трансформирована в социал-демократических социальных проектах и программах. Наметившаяся в наше время в западноевропейских странах тенденция сближения коммунистических и других левомарксистских (левые социалисты и др.) партий и групп, совпадение их требований с требованиями наиболее последовательного крыла движения за глобальную демократизацию («антиглобализм»), о чем идет речь в книге, может способствовать радикализации и самих социальных проектов, программ и способов их осуществления, придать этому процессу более последовательную социалистическую ориентацию. Конечно, и здесь нельзя обойти такие универсальные черты нэпа как смешанная экономика, ее государственное регулирование в интересах рабочего класса, трудящихся. Но эти идеи обретают в данном случае свои формы, отличные от подобных форм в мелкокрестьянских странах.

Западные теории постиндустриального электронного, постэкономического, посткапиталистического и т.п. обществ возникли не на пустом месте. Они так или иначе свидетельствуют о том, что капитализм исчерпал возможности своего прогрессивного развития. Предложения (часто утопические) технологического обновления различных сторон общественной жизни и труда, взятого в его профессиональном плане, то есть так называемых «техноструктур», к чему в конечном счете чаще всего сводятся эти теории, не снимает задачи коренного изменения общественных отношений, прежде всего отношений собственности.

В книге констатируется два возможных пути завоевания власти рабочим классом и его союзниками, определенных в классическом марксизме — силовой (немирный) и мирный. Казалось, что данный вопрос решен вполне однозначно. Однако в последнее время появились иные суждения. Серьезны ли они? Обратимся к первоисточникам.

Первый путь решения вопроса о власти был обоснован К.Марксом и Ф.Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии» (середина XIX в.). Авторы исходили из требования «насильственного ниспровержения буржуазии», ибо в то время «превращение пролетариата в господствующий класс» означало бы и «завоевание демократии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 435, 446). Во второй половине XIX в. в передовых капиталистических странах сложилась новая ситуация: завоевано всеобщее избирательное право, возникли профсоюзы и политические организации рабочего класса. Во вновь возникшей ситуации в некоторых демократически наиболее продвинутых странах возникли возможности *второго пути* — мирного завоевания власти рабочим классом.

Выступая на митинге в Амстердаме в сентябре 1872 г., посвященному Гаагскому конгрессу 1-го Интернационала, К.Маркс говорил: «Мы знаем, что надо считаться с учреждениями, нравами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то может быть прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами» (Там же. Т. 18. С. 154). Вместе с тем это не означало, что мирный путь решения вопроса о власти исключил для Маркса и Энгельса силовой (немирный) путь или определенное соединение того и другого. После цитированных слов Маркс продолжал: «Но даже если это так, то мы должны также признать, что в большинстве стран континента рычагом нашей революции должна послужить сила; именно к силе придется на время прибегнуть, для того, чтобы окончательно установить господство труда» (Там же).

Из таких же позиций исходил и Ф.Энгельс. Ссылаясь на К.Маркса, он отмечал: «<...> в Европе Англия является единственной страной, где неизбежная социальная революция может быть осуществлена всецело мирными и легальными средствами» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 34), подчеркивая при этом, что «вряд ли можно ожидать, чтобы господствующие классы Англии подчинились этой мирной и легальной революции без «бунта в защиту рабства»» (Там же). В наиболее общем виде Энгельс формулировал свои позиции так: «для меня как революционера пригодно всякое средство, ведущее к

цели, как самое насильственное, так и то, которое кажется самым мирным» (Там же. Т. 37. С. 275). Отсюда вполне естественным был ответ Энгельса на требования немецкой буржуазии (после отмены исключительного закона против социалистов) отказаться от силовых революционных методов борьбы: «К сожалению, мы не в состоянии сделать господам буржуа такое одолжение <...>» (Там же. Т. 22. С. 253).

Выбор того или другого пути завоевания власти зависит от многих обстоятельств, в том числе от организованности противоборствующих сторон внутри страны и на международной арене, состояния, повторим еще раз слова Маркса, «учреждений, нравов и традиций» конкретного общества. Не исключал на основе такого анализа и возможность мирного решения вопроса о власти и В.И. Ленин. Еще накануне российской революции 1905–1907 гг. он считал, что «рабочий класс предпочел бы, конечно, *мирно* взять власть в свои руки <...>» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 264). Позже, в 1921 году, т.е. в начале нэпа, он писал: обстоятельства могут сложиться «так, что заставят капиталистов мирно подчиниться и культурно, организовано перейти к социализму на условиях выкупа» (Там же. Т. 43. С. 215).

Конечно, гражданская война в России, развязанная свергнутыми классами, борьба вооруженных формирований революции и контрреволюции в Германии, Венгрии, Финляндии заставила в то время В.И. Ленина сконцентрировать внимание на силовом (немирном) пути завоевания и удержания власти трудовым народом. Но это ни в коей мере не ставило под сомнение при других обстоятельствах возможность мирного перехода к социализму. Попытка некоторых «критиков» марксизма противопоставить Ленина Марксу и даже объявить Ленина бланкистом, экстремистом и «левым ревизионистом» можно объяснить только научной недобросовестностью, попыткой «доказать» недоказуемое.

Значительное внимание уделяется в книге рассмотрению социализма как посткапиталистического общества. Более чем семидесятилетнее противостояние социализма и капитализма на международной арене привели к необратимым сдвигам в самом капиталистическом мире. В ответ на вызов социализма капитализм вынужден был прибегать к некапиталистическим способам поддержания своей стабильности: целевое планирование (программирование) и государственное регулирование экономики; перераспределение национального дохода, учитывающее на основе социальных программ определенные интересы трудящихся слоев населения. К концу XX в. в развитых капиталистических странах сложилась смешанная экономика. В среднем в ее составе частная, в том числе акционерная соб-

ственность, составляет 60 процентов, государственная, включая находящиеся в руках государства акции, — 30, трудовая коллективная — 10 процентов.

Трудовые коллективные предприятия устраняют противоположность между трудом и капиталом, преодолеваются условия наемного труда. Но они существуют внутри капиталистической системы и поэтому не могут не подчиняться законам капиталистического рынка. В книге приводятся на этот счет слова К.Маркса о том, что ассоциированные производители становятся здесь как бы капиталистами по отношению к самим себе. Условием преобразования подобных предприятий в форму социалистического хозяйствования является решение вопроса о власти в пользу рабочего класса, трудящихся и национализация стратегических средств производства. В развитых капиталистических странах возникли, таким образом, наряду с технико-технологическими и социально-экономические предпосылки продвижения к социализму.

Внедрение новейших постиндустриальных технологий качественно изменяет состав рабочего класса. Если следовать ленинскому критерию, согласно которому пролетариат (рабочий класс) является социальной группой, занятой созиданием материальных ценностей в промышленном производстве, то возникает вопрос о том, какое место в социальной структуре общества занимают сейчас компьютерные специалисты, непосредственно включенные в технологический цикл созидания материальных ценностей? В книге делается вывод, что наряду с квалифицированными рабочими подобные специалисты становятся передовой частью рабочего класса. В марксистской литературе высказаны и иные суждения: в современный рабочий класс входит вся интеллигенция или выдвигается идея формирования нового производительного класса, объединяющего участников материального и духовного производства, в том числе учителей и врачей. Правильность таких суждений вызывает сомнения. Вопрос, видимо, надо ставить не о новом классовом образовании, а о зарождении в постиндустриальных технологиях предпосылок соединения умственного и физического труда.

В книге восстанавливается ряд невостребованных и забытых (важных для теории социализма) положений, в том числе социально-экономический анализ К.Марксом «кооперативных фабрик рабочих», на что уже обращалось внимание, и понимание В.И.Лениным полного социализма как бесклассового общества. Речь идет о завершающем этапе развития социализма как низшей фазы коммунизма, когда уже преодолены не только социальные различия между рабо-

чими и крестьянами, но и между городом и деревней, между людьми умственного и физического труда. Для Ленина социализм был не мостиком на пути к высшей фазе коммунистической общественной формации, а длительной исторической эпохой. Соответственно в книге рассматриваются переходный период к социализму, ранний социализм и полный социализм, развивающийся на собственной бесклассовой основе.

Строительство социализма во Вьетнаме, как и Китае, находится сейчас на этапе переходного периода. Официальные китайские источники называют современный этап развития «начальным социализмом», который будет продолжаться сто и более лет. Ему соответствует смешанная экономика, включающая и общественно-экономические уклады государственного капитализма и частного капитализма, которая характеризуется как «социалистическая рыночная экономика». Вместе с тем подчеркивается и необходимость ее государственного регулирования.

Дэн Сяопин, с именем которого связывается развитие современного Китая, среди существенных признаков социализма называет «ликвидацию эксплуатации». Но решение данной задачи и означает преодоление уклада эксплуататорской частной собственности, являющейся одной из принципиальных задач переходного периода к социализму. Китайские теоретики вносят сейчас в понимание нынешнего этапа строительства социализма весьма важное уточнение, обозначая «начальный социализм» термином «первоначальный этап социализма», характеризуя его как «рождающийся и оформляющийся социализм» (*Ли Дэшунь. Теоретические основы социализма с китайской спецификой // Марксизм: прошлое, настоящее, будущее. М., 2003. С. 77*). Конечно, первоначальный социализм можно трактовать в широком смысле, включая в него и этап раннего социализма. Однако это ни в коей мере не ставит под сомнение первостепенное значение решения задач переходного периода, рассчитанные на долгосрочную перспективу.

Вьетнамские официальные источники обозначают современный этап строительства социализма как «*длительный переходный период*», предполагающий в свою очередь «*различные этапы и формы экономической и общественной организации переходного характера*» (Документы IX съезда Коммунистической партии Вьетнама. Ханой, 2001. С. 38 — на рус. яз.). Экономическую основу общества составляет «*социалистически ориентированная рыночная экономика*» (Там же. С. 40), ведущую роль в которой занимает государственный сектор. Социалистическое государство «управляет экономикой с помощью зако-

нов, стратегии, планирования, планов, политики, рыночных механизмов, различных форм экономики и методов управления рыночной экономикой для стимулирования производства, освобождения производительных сил, развития положительных, ограничения и преодоления отрицательных сторон рыночного механизма и защиты интересов трудового населения и всего народа» (Там же. С. 40–41).

В предлагаемой читателям книге проводится философско-исторический анализ причин поражения советской модели социализма; рассматривается современная экологическая ситуация — возникновение угрозы глобальной экологической катастрофы и необходимость вторжения в права корпоративного капитала как первого шага на пути реализации концепции устойчивого (самодостаточного) развития системы общество–природа; анализируются современные проблемы глобализации, причины возникновения нового социального движения за глобальную демократизацию («антиглобализм»), направленного против корпоративного капитала за солидарность с народами мировой периферии; выясняются гуманистические ценности социализма; раскрывается социалистический вектор происходящих в мире социальных и мировоззренческих трансформаций. Значительный интерес представляет исследование социализма как пространства культуры. В связи с социокультурной проблематикой выскажу некоторые дополнительные соображения, касающиеся интеллектуальной собственности.

Чтобы разобраться в природе интеллектуальной собственности, необходимо прежде всего ответить на общий вопрос, что вообще понимается под собственностью. Если следовать марксистской традиции, то родовым понятием по отношению к собственности выступает понятие присвоения. Но присвоение может быть естественной связью (так присваиваются атмосферный воздух, солнечный свет и тепло и т.п.) и общественной связью, т.е. отношением между людьми по поводу объекта (предмета) присвоения. В этом втором случае присвоение и есть собственность. Поэтому можно сказать: *собственность* — исторически определенный общественный способ присвоения людьми объектов производственного и непроизводственного потребления. Собственность всегда связана с вещью (материальной и идеальной) — объектом присвоения. Вместе с тем собственность не просто вещь. Она и отношение между людьми по поводу вещи. В современном мире отношения собственности сохраняют свой статус экономических и юридических (правовых) отношений. Другими словами, экономические отношения собственности предстают в юридическом облики.

Интеллектуальная собственность занимает в системе собственности особое место. Ее объекты (идеальные «вещи») — итог творческой духовно-интеллектуальной деятельности, названной К.Марксом всеобщим трудом, под которым он понимал «всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 116), а если расширить предмет рефлексии, то можно сказать — всякий действительно творческий духовно-интеллектуальный труд. Уникальность всеобщего труда, соотносящегося с духовным производством в его марксистском понимании, означает принципиальную невозможность измерить получаемый результат затратами общественно необходимого труда. Вряд ли позволительно говорить и о его предельной полезности, ибо возможности практического использования фундаментальных научных достижений могут возникнуть многие годы спустя. Понятие всеобщего труда становится не экономической, а социокультурной категорией.

Интеллектуальная собственность всегда персонифицирована, хотя правом собственности на идеальные «вещи» (включая разработки новейших технологий) могут обладать, наряду с отдельными физическими лицами, фирмы, корпорации, государство и др. Ее юридический статус определяется нормами авторского и патентного прав, лицензиями и другими правовыми документами. Экономические же отношения собственности выступают в данном случае в превращенном виде в силу социокультурной природы всеобщего труда.

По истечению установленного законом срока давности идеальные «вещи» перестают быть объектом собственности (исключение составляют предметы изобразительного искусства, поскольку право собственности не имеет здесь срока давности). Они выводятся из системы экономических и юридических отношений собственности, сохраняя вместе с тем свое положение общественного богатства. Это богатство присваивается всеми и каждым так же естественно, как атмосферный воздух, солнечный свет и тепло, о чем уже шла речь. Сохраняя в рассматриваемом контексте внешнее сходство с общественной собственностью, духовно-интеллектуальное богатство (национальное и мировое) вообще перестает быть собственностью.

Возможна и такая, рассмотренная К.Марксом, ситуация, когда плодородные земли, используемые как средства производства, находясь вне отношений собственности. Изучая теорию ренты Д.Рикардо, К.Маркс делает такой вывод: если бы «земля представляла собой неограниченный элемент не только по отношению к капиталу и к населению, но и фактически, т.е. была бы «неограничена», как воздух и вода, была бы «в наличности в неограниченном количе-

стве», то тогда присвоение земли одним лицом не могло бы на деле несколько исключить присвоение земли другим лицом. Тогда не могло бы существовать никакой частной собственности на землю (и не только частной, но и «общественной» и государственной собственности не могло бы быть). В этом случае, если бы к тому же вся земля была повсюду *одинакового* качества, за землю не могла бы быть взимаема никакая рента» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 2. С. 337).

Действительно, в далекую эпоху колонизации европейцами новых незаселенных территорий существовала возможность естественного присвоения созданного природой земельного богатства как средства производства до возникновения общественных отношений присвоения. Сейчас такое соотношение естественного и общественного присвоения сельскохозяйственных земель потеряло свою актуальность и имеет лишь абстрактно-теоретическое значение. Однако нечто подобное нельзя сказать о соотношении общественного и естественного присвоения применительно к идеальным «вещам». В условиях возрастания роли всеобщего труда оно приобретает все большую теоретико-методологическую актуальность для исследования соотношения интеллектуальной собственности и общественно-го богатства как социокультурного достояния человечества.

Читатель найдет в книге аналитический материал о «третьем пути» как «вызове» левым силам, о современном социал-демократическом понимании перспектив социального государства, об интерпретации современной России в западных концепциях. В виде своеобразного заключения в книге рассматривается постмодернизм, называемый автором «последним прибежищем либерализма», прикрывающим с помощью своего, образно говоря, «сurreалистического» понятийного аппарата, отношения господства и подчинения, утверждаемые современной глобализацией.

Редакционная коллегия книги выражает глубокую благодарность официальным рецензентам — докторам философских наук, профессорам В.И.Толстых и Ю.А.Муравьеву, всем принимавшим участие в обсуждении рукописи научным сотрудникам секторов социальной философии и философских проблем политики Института философии РАН, а также персонально Т.Я.Кордюковой и И.Б.Рябушкиной, подготовивших компьютерный текст книги.

Ю. К. Плетников

ЧАСТЬ I

СОЦИАЛИЗМ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В. С. Семенов

Мировая практика социализма в XX веке и перспективы на XXI век

Закончился XX век. Мир вступил в XXI столетие и развивается уже в новом — третьем тысячелетии. Но уроки, итоги, проблемы, противоречия, сложившиеся тенденции развития XX века продолжают оказывать огромное воздействие на общественные, цивилизационные, геополитические процессы и в современных условиях. Диалектика преемственности и прерывности продолжает неумолимо проявлять себя и на новом витке всемирного исторического развития. Казалось бы — новый век, новое тысячелетие! Но они всего лишь продолжение единого естественноисторического процесса со всеми его прошлыми и с новыми противоречиями, трудностями и проблемами.

Новизна XXI столетия проявилась прежде всего в том, что в своей самооценке мир XX века в теоретическом самоанализе оказался глубоко неудовлетворенным качеством, характером и итогами развития за 100 лет общества, цивилизации, геополитических взаимоотношений. Более того, буквально на всемирном уровне было признано, что человеческое общество, человеческая цивилизация, сам человек находятся в состоянии глубокого кризиса, что практиковавшиеся до этого пути, формы и способы общечеловеческого развития во многом устарели и исчерпали себя, оказались неэффективными в новых исторических условиях. Вместе с тем со всей определенностью подчеркнем, что именно социализм, освобожденный от всех деформаций и искажений XX века, способен на практике обеспечить новый тип исторического развития, дать надежный ответ на давние общечеловеческие поиски и устремления, предложить лучший справедливый и гуманный пример и образец переустройства и обустройства мира.

Как складывался в XX веке социалистический мир

Предшествующий XX веку XIX век был периодом безраздельного господства капитализма и его носителя — буржуазии. Это продолжалось и первые 16 лет XX века до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года в России.

С этого рубежного года XX столетия мир разделился на старый, первый мир — капиталистический и новый, второй мир — социалистический. *Началась качественно другая и новая эпоха — переходная эпоха*, эпоха всемирно-исторических преобразований, трансформаций, поворотов, причем и вперед — от капитализма к социализму, и назад — от социализма к капитализму. Но в любом случае капитализм перестал быть единственной господствующей общественно-политической системой в мире. Это было его крупнейшее поражение. *Началась новейшая история человечества — борьбы и сосуществования, соперничества капитализма и социализма.*

После второй мировой войны на развалинах колониальной системы в результате национально-освободительных революций сложился «третий мир» — совокупность освободившихся от колониальной зависимости государств, стран и народов. Это так называемый развивающийся мир, развивающиеся страны.

С этого периода эпоха XX века оказалась разделенной *на три основные общественные системы*, взаимоотношение и борьба которых составили главное содержание переходной эпохи. Причем в центре постоянно находилась борьба двух главных и противоположных общественных систем — капитализма и социализма. В этой борьбе, к сожалению, в конце XX столетия перевес и временную победу одержал капитализм, сумевший при опоре на предателей в советском руководстве и на других реакционеров разрушить основы социализма в первой и самой великой социалистической державе — в СССР.

Несмотря на это и в начале XXI столетия мир продолжает *оставаться в переходном состоянии, по-прежнему разделенным на три основные общественные системы* — капитализм, социализм и развивающиеся страны, при возросшем наличии смешанных, переходных общественных состояний.

Новый мир социализма исторически складывался в XX веке следующим образом.

1917 г. — победа Великой Октябрьской социалистической революции в России.

1921 г. — победа Народной революции в Монголии.

1944–1945 гг. и первые послевоенные годы — разгром фашизма и возникновение десяти стран народной демократии в Европе и Азии: Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, ДРВ, КНДР, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия.

1949 г. — образование Китайской Народной Республики.

1959 г. — победа Кубинской революции.

1976 г. — завершение воссоединения Вьетнама и провозглашение Социалистической Республики Вьетнам.

На путь социализма встали четырнадцать стран Европы, Азии, Америки. На трех континентах из пяти. Если в 1917 г. доля всех стран социализма в мировом итоге составляла 16,0% территории и 8,2% населения, то в середине 40-х гг. — 18,8% территории и 12,2% населения, а в 1976 г. — 26,2% территории и 34,0% населения.

Таким образом, главный вывод заключается в том, что XX век — век социализма. И это несмотря на то, что в конце 80-х — начале 90-х годов с социалистического пути на капиталистический были насильственно повернуты СССР, восемь стран Центральной и Восточной Европы и Монголия. Но социалистическими остались Китай, Вьетнам, КНДР, Куба. Социализм не только живет, но и усиливается, укрепляет свои позиции. Причем не только в Азии, но и под носом у США — на Кубе. Вот что бывает, когда социалистическая линия проводится умно, творчески, последовательно, принципиально, твердо.

Прорыв социализма в новое общечеловеческое будущее

Научно оценивая главные уроки теории и практики социализма в СССР и в других странах мира за семьдесят с лишним лет (1917–2000), целесообразно остановиться на уроках развития социализма как положительного, так и отрицательного характера. Ибо всегда следует учитывать то и другое, делая упор на положительное и не повторяя крупных ошибок, промахов и провалов.

Помимо России многие социалистические революции начались в менее развитых капиталистических и отсталых полукапиталистических, докапиталистических, феодальных, ранее колониальных странах (Китай, Вьетнам, Монголия, Северная Корея, Куба). Революции в Германии в 1918 г. и Венгрии в 1919 г. не переросли в победоносную социалистическую, что могло бы кардинально усилить социализм и существенно изменить весь ход всемирной истории.

Россия, вырвавшись после революции 1917 г. вперед в создании нового типа политических (власть народа через Советы), социально-экономических (общественная собственность на главные средства

производства), национально-интернациональных (дружба и сотрудничество многонациональных и разнонациональных народов) отношений, в то же время была еще отсталой в области экономики и культуры. «Мы, пролетариат России, — писал В.И. Ленин, — *впереди* любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих и вместе с тем *позади* самого отсталого из западноевропейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному «введению» социализма»¹. Поэтому нужно преодолеть эту общественную диспропорциональность и броситься догонять развитые капиталистические страны, и прежде всего Германию, по уровню их экономического, технико-организационного, культурного прогресса.

Ленинская концепция строительства социализма носила комплексный и глубинный характер. Она включала пять основных блоков: экономическое строительство; социальное развитие; политическое, демократическое развитие; идейно-духовное, научно-культурное, нравственное развитие; национальное, межнациональное, интернациональное развитие.

Двумя главнейшими факторами, пронизывающими все эти блоки и скрепляющими их в одно целое, были: (1) самостоятельное и творческое созидание трудящимися, народом социализма, (2) труд как основа прогресса общества и главный способ самореализации жизненных потенций человека. Как подчеркивал В.И. Ленин, «напрасно приписывают нам то, что мы хотим насильно ввести социализм <...>. Мы готовы помочь рабочим в осуществлении социализма»². Социализм успешен и защищен тогда, когда его создает свободный и самостоятельный народ — хозяин страны. Если трудящиеся, граждане чувствуют, что это общество «не их», а командной верхушки, они не пойдут по доброй воле защищать его, как это и случилось в СССР — России в августе 1991 и в октябре 1993 года.

Труд и только эффективный труд обеспечивает прогресс общества, цивилизации, народа и человека. Сломав решающую ориентацию на труд, горбачевское и особенно ельцинское «руководство» тем самым разрушило в СССР — России страну, общество, цивилизацию, повернуло на путь деградации народ и человека. При социализме, многократно подчеркивал В.И. Ленин, особенность труда, в отличие от капитализма, в том, что это труд «на себя», это добровольный, сознательный, эффективный, контролируемый и самоуправляемый труд трудящихся как хозяев власти и собственности, а не отчужденных от них.

Конечный смысл и оценка комплексного, гармоничного социалистического общества, строящегося на труде и на самовласти, самоуправлении народа, в том, что это — «лучшее общество», говоря словами В.И.Ленина, по сравнению с предшествующим, капиталистическим. «Мы хотим добиться нового, лучшего устройства общества: в этом новом, лучшем обществе не должно быть ни богатых, ни бедных, все должны принимать участие в работе <...>. Это новое, лучшее общество называется *социалистическим обществом*»³.

Для обеспечения практических успехов социализма в развитии и прогрессе экономики, образования, культуры, науки не только возможно, но и необходимо использовать весь передовой мировой опыт, в том числе капиталистических стран. Но при главнейшем социально-политическом условии — под руководством и под контролем социалистической, Советской власти. Социализм при этом так и останется социализмом. Более того, он станет еще более могущественным и сильным, что подтверждает нынешний опыт использования социалистическим Китаем и социалистическим Вьетнамом под руководством коммунистических партий новейших технико-экономических и научно-культурных достижений ведущих капиталистических стран.

Социалистическая практика дает огромное разнообразие путей движения к социализму и его последующего развития, выявляя диалектику общего в социалистическом прогрессе и особенного в конкретном воплощении этого социалистического прогресса в разных странах, регионах мира, у народов с различными историческими, национальными, бытовыми традициями и спецификой. В своей практике, особенно в разных регионах мира и на разных континентах, социализм раскрывает огромное богатство проявления, свои «цвета» и специфику, неодинаковость и определенную непохожесть. В этом нет ничего опасного, когда речь идет о социалистических по существу странах.

А разве одинаковы и похожи друг на друга капиталистические страны? Даже в верховодящей «семерке» есть с одной стороны США, с другой — Япония, с одной стороны Канада, с другой — Германия, далее — Великобритания, Франция, Италия. Все со своими особенностями, значительными отличиями, большой спецификой и традициями. А менее развитые и просто отсталые капиталистические страны, которых большое количество! И это нормально. Социализм же вообще, как новое общество, должен быть богаче и разнообразнее по содержанию и форме, по методам и путям развития, при единой сущностной социалистической основе.

Очень важный урок для социализма в XX веке сводится к тому, что становление и развитие социализма есть сложный диалектический процесс. Он совершается через постоянно объективно возникающие противоречия и в определенных и конкретных условиях антагонизмы, через объективные трудности, требующие их своевременного выявления и преодоления, при возможности появления и реальном наличии субъективно обусловленных конфликтов, допускаемых партийным и государственным руководством ошибок и промахов. В политической линии сверху могут допускаться искажения и деформации, а в отдельных конкретных случаях проведение прямо деструктивного, разрушительного политического курса.

Чтобы не стоять на месте, не откатываться назад, а неуклонно идти вперед, развитие социализма должно осуществляться динамично посредством постоянного накопления количественных и качественных изменений, поворота от экстенсивных к интенсивным методам общественного развития, своевременного проведения назревших реформ и качественных революционных скачков, существенного обновления социализма в соответствии с новыми этапами его прогресса и наивысшими общемировыми цивилизационными достижениями.

Это самые сложные уроки минувшего восьмидесятилетнего развития социализма, показавшего, что для успешного и нарастающего его подъема нужны колоссальная энергия народных масс, подлинное доверительное единство народа и партийно-государственного руководства. При постоянном контроле снизу, со стороны трудящихся, народных масс за деятельностью верхов, их избрания и переизбрания по требованиям снизу. Необходима научно обоснованная, творческая, принципиальная, смелая, подлинно революционная, открытая, демократическая политическая линия руководства, понимаемая, поддерживаемая и принимаемая трудящимися, народом как своя собственная линия действий, жизни и разделяемых прогрессивных перспектив.

Ошибки в новом деле социалистического строительства — дело неизбежное, но и требующее четкой и быстрой реакции на них: выявления, признания, исправления ошибок, учебы на ошибках. «Мы будем неизбежно делать ошибки, но на каждой ошибке теперь будут учиться <...> миллионы трудящихся, которые на себе будут чувствовать последствия каждой ошибки, сами будут видеть, что перед ними стоят неотложные задачи учета и распределения продуктов, поднятия производительности труда, и которые на опыте видят, что власть в их руках, что никто им не поможет, если они не помогут себе сами <...>»⁴.

Самая главная из многих допущенных и исправленных ошибок, за которые несли ответственность и признавали это все (партийное и государственное руководство, партийные съезды принимаемыми решениями, в том числе и лично В.И. Ленин), состояла в неоправданно большом забегании вперед в общественных преобразованиях в первые годы установления Советской власти в России. А именно — в замене ориентации на длительное и поэтапное практическое движение к началам социализма стремлением сразу и быстро ввести в России коммунизм чуть ли не в его полном и последовательном воплощении. Признав данную ошибку, В.И. Ленин, не откладывая, сформулировал и обосновал целую программу практических действий и политическую линию развития, заменяющих нереальные предположения на реальные расчеты, отвечающие фактическому состоянию тогдашней российской действительности.

Два главных ленинских совета в обеспечении реальных социалистических успехов и социалистического подъема сводятся к следующему: (1) составление реальных планов развития, (2) главное внимание практическим делам, практическим достижениям и свершениям.

Следуя именно таким путем после преодоления многих ошибок и трудностей, разрешения или уменьшения противоречий и конфликтов, Советская Россия в первые шесть лет под руководством В.И. Ленина добилась огромных успехов. За рубежом, в том числе в США (например, У.Ростоу), ленинский период считают самым прогрессивным и удачным в развитии России. Действительно, к 1923 г., т.е. через два года после окончания гражданской войны, существенно повысился объем промышленного производства, впервые после революции за рубеж было продано 130 млн. пудов зерна. Рост промышленности был органически соединен, начиная с 1920 года, с грандиозной программой электрификации народного хозяйства (ГОЭЛРО), которую В.И. Ленин назвал второй программой партии. Уже к концу 1925 г. в соответствии с планом ГОЭЛРО были построены пять электростанций: Каширская, Шатурская, «Красный Октябрь» (Ленинград), Кизеловская, Нижегородская (Балахнинская). Заканчивалось строительство Штеровской и Волховской электростанций.

По инициативе и при поддержке В.И. Ленина в народное хозяйство широко внедрялась научная организация труда, основывающаяся на передовом мировом опыте. В стране, несмотря на последствия разрухи и трудности, были созданы 12 высших институтов по организации труда, прежде всего Центральный институт труда ВЦСПС (1920 г.), рабочие факультеты (рабфаки), новые высшие учебные за-

ведения (вузы) и академии. Страна покрылась сетью опорных научно-технических пунктов, что позволило сделать качественный рывок в освоении и развитии техники и культуры.

Огромную роль в научном управлении народным хозяйством страны играли Госплан и Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), существовавший с декабря 1917 г. по январь 1932 г. В конце 1917 г. — начале 1918 г. на базе ВСНХ были созданы местные органы: областные, губернские и уездные советы народного хозяйства.

Проведенные в 1922 и 1924 гг. денежные реформы, которые двумя этапами ввели сначала параллельную твердую рублевую валюту («трудовые деньги»), а затем оставили ее одну, ликвидировав «нетвердую», эмиссионную валюту, дали возможность ввести золотой червонец и сделать советскую валюту полностью конвертируемой на мировом рынке.

Хозяйственные и финансовые успехи дополнялись большими достижениями в области подъема образования, науки, культуры, здравоохранения, обеспечением отдыха и улучшением бытовых условий жизни огромных масс трудящихся.

Народ на деле увидел ценность, достоинство и преимущество социализма. Огромный авторитет и уважение социалистическая Россия завоевала у трудящихся и коммунистов мира. Она стала воплощением нового общества и новой цивилизации, окном в будущее.

Не только СССР, но и вся совокупность социалистических стран, весь мировой социализм добился колоссальных успехов в развитии экономики, науки, образования, культуры, обороноспособности всего за несколько десятилетий своего исторического развития. На всемирной арене мировой социализм быстро увеличивал свою долю и вес в экономическом и военно-стратегическом соотношении, существенно тесня капитализм, что не могло не вызывать у него беспокойства и даже паники.

Доля всех стран социализма в производстве мировой промышленной продукции поднялась с менее 3% в 1917 г. до примерно 20% в 1950 г., до около 36% в 1960 г. и до более 40% в 1986 г. По национальному доходу в 1986 г. их удельный вес составил одну треть мирового.

В целом к 1986 г. из общего объема промышленной продукции мира на долю развитых капиталистических стран приходилось около 50%, социалистических стран — более 40%, развивающихся стран — примерно 7%. В СССР выпускалось промышленной продукции больше, чем ее производилось во всем мире в 1950 г. По экономическим показателям СССР занял первое место в Европе и второе в мире после США.

Вот каким к середине 80-х годов XX столетия стало соотношение трех мировых систем и прежде всего капитализма и социализма в общечеловеческом развитии. Социализм уверенно наращивал свою силу и мощь.

Негативные и кризисные явления в социалистическом развитии

Опыт развития мирового социализма за все его годы выявил также целый ряд наиболее типичных негативных, отрицательных явлений, мешавших его прогрессу, осложнявших и замедляющих его продвижение вперед, но объективно и неизбежно не ведущих к его саморазрушению или самоустранению. К разрушению социализма в СССР и в Центрально-Восточных странах Европы привели масштабные подрывные действия международной империалистической реакции, использовавшей в своих контрреволюционных целях предателей из политического руководства СССР и других стран, а также созданную внутри них контрреволюционную «пятую колонну».

Выделим пять групп наиболее типичных негативных явлений, проявившихся в развитии социалистических стран и представлявших для их успеха и прогресса наибольшую опасность.

Первое негативное явление и существенная опасность — бездеятельность или недостаточно активная, вялая деятельность партийного и государственного руководства, лидеров страны по практическому разрешению назревших противоречий и особенно антагонизмов. По преодолению трудностей и конфликтов, быстрому исправлению допущенных ошибок, по недопущению кризисных ситуаций. В случае же кризисов — по быстрейшему преодолению их. Недопустима беспечность к вопросам обеспечения постоянной динамики социалистического развития, накапливания количественных и качественных изменений, осуществления в соответствии с назревшими потребностями серьезных реформ, революционных действий и поворотов ради обновления и подъема социализма.

Сталинский период развития социализма в СССР, продолжавшийся с конца 20-х годов до начала 1953 г., характеризуется тем, что в общественном процессе диалектические начала саморазвития были подменены началами административно-командными. Творцом успехов и огромных, всемирных достижений в развитии страны в тот период по-прежнему был народ, трудящиеся. Но обеспечивались они не диалектически обоснованным, народно-демократическим, творчески-самосозидательным путем, а в решающей степени путем волевым, беспрекословно-установочным, командно-исполнительным.

Увеличивалось количество существенных противоречий. К давним — между промышленностью и сельским хозяйством, городом и деревней, людьми умственного и физического труда (которые в ленинский период начали преодолеваются, смягчаться) добавились новые дисбалансы, диспропорции в развитии народного хозяйства и общественной системы в целом. Характерно, что ВСНХ и вся сеть советов народного хозяйства были ликвидированы в январе 1932 г. Так же с конца 20-х годов была ликвидирована вся эффективная система научной организации труда, инициированная В.И.Лениным, и до середины 60-х гг. в стране ничего не было слышно о НОТ и передовых зарубежных достижениях в производстве и его организации.

В послесталинский период, охватывающий более 30-ти лет до начала пресловутой горбачевской «перестройки» в 1985 г., все отмеченные и другие противоречия так и оставались «главными тормозами», «сдерживателями», препятствиями успешного социалистического развития, поскольку они десятилетиями не разрешались, решительно не преодолевались из-за безответственности, бездарности находящихся сверху единовластных правителей в виде генеральных и первых секретарей партии. Никто из них не пошел на коренное практическое улучшение ситуации в стране путем решительного реформирования, обновления, революционного поворота, как делал В.И.Ленин, вводя нэп. Ленинские уроки, ленинский реальный опыт и глубочайшие теоретические разработки прошли мимо них, оказались невостребованными.

Бездеятельность и безответственность высших руководителей Советского Союза, как лидирующей социалистической супердержавы, привела к огромному упущению возможностей своевременного совершенствования, обновления социализма и в самом СССР, и в других социалистических странах. В послесталинские годы потребности объективного роста, преодоления многих обострившихся противоречий и трудностей, исправления допущенных ошибок поставили в повестку дня главнейший вопрос: с социализмом не все ладно, в нем много упущено и много допущено негативных явлений, много искажений и отступлений в решающих социалистических основаниях и принципах, прежде всего в реальной принадлежности власти и собственности трудящимся, народу. Поэтому социализм в СССР и в других странах нуждается в существенных изменениях по линии его обновления, совершенствования на подлинно социалистических началах с учетом современной реальности и конкретных условий в каждой стране.

Первые «звонки» по неблагоприятию дел в социалистическом строительстве прозвучали в 1948 г., когда руководитель Югославии И.Тито провозгласил и начал осуществлять линию внедрения самоуправления рабочих, трудящихся на предприятиях, в хозяйственно-трудовых отношениях в стране. Правда, там это реформирование не привело к реальному самоуправлению рабочих, трудящихся на предприятиях, а главным образом повысило самостоятельность управленческого и технократического корпуса.

С 50-х годов «звонки» о серьезном неблагоприятии в социалистическом развитии, о нарастании кризисных явлений стали настойчиво раздаваться в социалистических странах Восточной Европы, буквально перерастая в «набат» о необходимости проведения срочных существенных преобразований, реформирований в сторону улучшения и подъема социализма. Эти требования стали чаще раздаваться в Польше, затем в Венгрии, Чехословакии, отличающимися более продвинутыми демократическими традициями, гражданским самосознанием, опытом борьбы людей за свои права.

Основными были требования обеспечения демократии, народовластия, конкретно — участия рабочих, трудящихся в управлении предприятиями, самоуправлении через «рабочие советы», контроля и распоряжения производственными, трудовыми, распределительными отношениями, чтобы добиться большей социальной справедливости и ликвидации, сокращения привилегий начальства. В Польше это выразилось в ряде острых конфликтных ситуаций, в Венгрии и Чехословакии — в массовых выступлениях трудящихся, населения (в том числе контрреволюционного характера) в событиях 1956 и 1968 гг.

Изначально их требованиями было движение за обновление социализма, за избавление его от явных дефектов и деформаций. Подавление этих выступлений путем ввода советских войск (и других социалистических стран) в Венгрию и Чехословакию более или менее стабилизировало обстановку, но не разрешило назревших противоречий, трудностей, не сняло кризисных явлений, не улучшило сам социализм. Дальнейшее кризисное ухудшение обстановки привело к массовым выступлениям в Польше в 1980—1981 гг. с лозунгами обновления социализма. Главными направлениями предлагаемых изменений были: демократизация; гуманизация, обеспечение прав и свобод; постановка в центр развития интересов народа, трудящихся, человека; самоуправление на всех уровнях, прежде всего непосредственно на предприятиях; устранение системы привилегий и социального паразитизма; гласность и полная информация; моральное обновление и оздоровление социально-духовных и нравственных отношений.

Принимая во внимание, что к данным справедливым в основе требованиям и выступлениям подключились внутренние контрреволюционные и внешние империалистические силы, все же следует признать, что их основным источником и причиной кризисных обострений были собственные объективные и субъективные недостатки, изъяны, ошибки в развитии социализма. Недаром, говоря об уроках событий в Польше, Л.И. Брежнев сказал на XXVI съезде КПСС в 1981 г., что необходимо «чутко прислушиваться к голосу масс, решительно бороться со всякими проявлениями бюрократизма, волюнтаризма, активно развивать социалистическую демократию, проводить взвешенную реалистическую политику во внешнеэкономических связях».

В те годы в мировом коммунистическом движении, прежде всего в Западной Европе, стало резко высказываться несогласие с тем «реальным» обликом, который приобрел социализм в СССР. Это проявилось в концепциях так называемого «еврокоммунизма» во Франции, Испании, Италии и других странах. Коммунисты и трудящиеся западноевропейских стран, добившиеся тяжелой борьбой многих завоеваний в демократических правах и свободах, не могли согласиться с их ограничениями в СССР и с таким ущербным образом «реального социализма».

Они рисовали улучшенный, более возвышенный и привлекательный образ, как они говорили, собственных «цветов», «моделей» и «вариантов» социализма. Главными его качественными дополнениями были: 1) подлинная демократия, 2) права и свободы человека, 3) многообразие и плюрализм мысли, слова и действия, 4) богатство и разнообразие, индивидуализированность материальной и духовной культуры, 5) в целом более высокое качество цивилизованности.

Со всем этим советское руководство обязано было считаться, обязано было показать пример решительного, революционного выхода из кризиса и деформаций, обновлять социализм у себя и поддерживать все здоровые призывы и линии обновления в европейских и всех других социалистических странах. В итоге вопиющих бездействий и бездеятельности партийно-государственного руководства перед лицом исторических требований социалистический общественный процесс был застопорен, практически стоял на месте, говоря словами В.И. Ленина, топтался на месте, а потому деформировался, наращивал свои недостатки.

Проводя линию «советоцентризма», «кремлецентризма», советские руководители не проводили реформы у себя и не поощряли их в братских социалистических странах Восточной Европы. Наоборот, подавляли там попытки к социалистическому обновлению. А ведь это создавало опасность слома самого социализма.

Если на место старого не приходит новое, то старое, отживающее начинает саморазрушаться. Это закон диалектики. Руководство СССР, как и руководство любой социалистической страны, не обеспечивающее динамизм общественных изменений и преобразований в соответствии с объективными потребностями, прорывающимися посредством острейших противоречий, антагонизмов, кризисов, спадов, деформаций, несет колоссальную ответственность за судьбы социализма.

Второе негативное явление и главная опасность — перерождение власти, отрыв ее от народа и превращение в единовластную, авторитарную, диктаторскую, замена власти народа и власти для народа властью над народом.

В досоциалистических эксплуататорских обществах противостояние власти и народа естественно, поскольку оно покоится на классовом, социальном антагонизме господствующих классов, устанавливающих свою власть, и классов трудящихся. В самых развитых демократиях мера демократии определяется тем, сколько ее удалось отвоевать, завоевать трудящимся, всем населением в классовой борьбе. В лучшем случае буржуазная демократия выражает власть над народом в приукрашенных формах, а максимально, при социал-демократических правительствах, — что-то среднее между властью над народом и властью для народа. Вот почему класс капиталистической, империалистической олигархии не опасается за свое истинное господство, когда правительственным управлением занимаются социалисты, социал-демократы, лейбористы. Политический курс по своей сущности остается тем же — буржуазным.

Капитализм часто устанавливает власть против народа, причем в жесточайшей, диктаторской форме. Причем главными «специалистами» по установлению диктаторских режимов являются «демократические» США, создавшие кровавые диктатуры во многих странах Латинской Америки (Батиста на Кубе, Стресснер в Парагвае, Пиночет в Чили и т.д.), Азии (череда диктаторов в Южной Корее), Африки. В Европе это фашистский гитлеровский режим в Германии как крайнее порождение того же капитализма. Одним словом, капитализм и диктатура, капитализм и фашизм — частое, обычное, естественное соединение и взаимодополнение.

Принципиально иное соотношение власти и народа должно быть при социализме. Социализм основывается на самовласти народа. К.Маркс это выразил словами «управление народа посредством самого народа»⁵. Социализм и последовательная демократия неразрывны, органично едины. При В.И.Ленине народ через властные функ-

ции Советов сам творил и созидал социализм. Впервые в истории это была действительно власть народа, власть самого народа, воздействующего примера которой на мир так боялись империалисты и которую они с самого начала стремились разрушить или хотя бы максимально деформировать.

Возможную опасность деформирования советского народовластия, отрыва власти от народа увидел сам В.И. Ленин в последние годы своей деятельности. В конце 1922 — начале 1923 г. он разработал три основные линии преобразований, которые должны были, по его замыслу, предотвратить возможность перерождения советской власти.

Первая линия — исключение преувеличения, абсолютизации роли одной властной личности — вождя, устанавливающего фактическое единовластие, авторитаризм, диктатуру.

Вторая линия, предложенная В.И. Лениным, — предотвращение подмены государственной власти партийной, когда государственное научное и хозяйственное управление теряет самостоятельность и начинает выполнять политические установки, от чего существенно страдает дело хозяйственно-экономического и культурного подъема социализма. В конце марта 1922 г. В.И. Ленин писал, что «необходимо разграничить гораздо точнее функции партии (и Цека ее) и Соввласти; повысить ответственность и самостоятельность совработников и совучреждений, а за партией оставить общее руководство работой всех госорганов вместе, без теперешнего слишком частого, нерегулярного, часто мелкого вмешательства»⁶. Вот принципиальнейшее разграничение: государственная власть управляет страной, партия через коммунистов осуществляет общее руководство социалистическим развитием, не подменяя, не подчиняя и не подминая под себя государственную власть.

После В.И. Ленина И.В. Сталин всю власть сосредоточил в своих руках, государственные органы лишил самостоятельности и инициативы, ликвидировал ВСНХ и систему НОТ, в результате чего все развитие социализма стало обеспечиваться не деятельностью компетентных и профессиональных государственных органов, а решениями и установками практически одного человека. Самое поразительное, что и после Сталина никто из «новых» руководителей так и не вернулся к ленинским разработкам и предложениям, что намного подняло бы эффективность развития социализма в СССР.

Третья ленинская линия оберегания социализма от перерождения и деформации — усиление контроля за властью сверху снизу, со стороны рабоче-крестьянских масс, трудящихся, чтобы сохранить государственную власть народной, а не наднародной, а тем более противонарод-

ной. В работе от января 1923 г. «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)» В.И. Ленин высказал критику в адрес Наркомата рабоче-крестьянской инспекции («Рабкрин»). Рабкрин реальной инспекционной проверкой деятельности верхней власти не занимался, создавая лишь видимость работы (а это стало потом частым правилом). Чтобы взять под постоянный контроль со стороны рядовых трудящихся, народа высшую государственную (и партийную) власть, В.И. Ленин предложил реорганизовать Рабкрин и соединить его с Центральной контрольной комиссией партии в один мощный контролирующий орган со стороны рядовых рабочих, крестьян, интеллигентов, партийцев. Этот его важнейший совет также не был реализован.

Третье негативное явление и главная опасность — отрыв партийной верхушки от партийных масс, ликвидация контроля рядовых коммунистов за деятельностью партийных руководителей и партийной бюрократии, перерождение партийных лидеров и партийного аппарата, антидемократизация партии, выход на первый план вместо живых, творческих, самостоятельных общественных начал жесткой, регламентированной, бюрократической организационной структуры, идущей сверху, от единого лидера вниз, а не снизу вверх, разделение на две партии — партию масс и партию бюрократии. Данную опасность В.И. Ленин связывал с предыдущей опасностью перерождения партийно-государственной власти.

В записках конца декабря 1922 г. В.И. Ленин предложил предстоящему XII съезду партии увеличить число членов Центрального Комитета партии на 50—100 человек, главным образом из числа рядовых рабочих (а также крестьян), рабочих с производства, которые не прошли советскую службу и у которых поэтому еще не «создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться» (В.И. Ленин имел в виду прежде всего бюрократизм и приспособленчество к начальству).

Такое введение в состав ЦК значительной части трудящихся из низов, по мысли В.И. Ленина, помогло бы решить целый ряд проблем. Это нужно «и для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии». «<...> Такие рабочие, присутствуя на всех заседаниях ЦК, на всех заседаниях Политбюро, читая все документы ЦК, могут составить кадр преданных сторонников советского строя, способных, во-первых, придать устойчивость самому ЦК, во-вторых, способных действительно работать над обновлением и улучшением аппарата»⁷.

Эти ленинские сугубо демократические, партийно-народные рекомендации не были выполнены ни при И.В.Сталине, ни после него. А ведь это действительно бы сохранило партию единой, боевой, революционной, партией «своей» для огромной массы трудящихся, которые бы и защищали ее как «свою» партию от разрушения ее М.С.Горбачевым, А.Н.Яковлевым, Б.Н.Ельциным.

Многие лучшие и важные партийные демократические и морально-нравственные традиции, существовавшие в период В.И.Ленина, были отброшены и забыты. Это партийный максимум получения заработной платы, это прикрепление партийных руководителей и работников аппарата к низовым партийным организациям на производстве, чтобы знать жизнь и запросы гуши масс, это периодичность проведения партийных съездов и партконференций, когда при В.И.Ленине съезды проводились каждый год, а то и по два в год, ибо нужно было всей партией совместно обсуждать сложнейшие диалектические проблемы социалистического строительства и совместно принимать решения. А не тогда проводить съезды, когда это решит вождь.

В-четвертых, В.И.Ленин выделил еще три главных врага для развития социализма и успехов трудящейся, народной власти.

В докладе «Новая экономическая политика и задачи политпросветов», сделанном на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г., В.И.Ленин специально выделил раздел под названием «Три главных врага». Ими являются следующие. Первый враг — коммунистическое чванство, стремление все задачи решать «декретированием», т.е. путем волевого воздействия, безапелляционных установок, часто не соответствующих объективным реалиям и требованиям. Такое чванство связано с показухой и парадностью. И эти «болезни» проявлялись затем, действительно, очень многие годы. Второй враг — безграмотность, ибо «безграмотный человек стоит вне политики <...>. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика». Третий враг — взятка. «Хуже будет от закона, если практически он будет применяться в условиях допустимости и распространенности взятки. При таких условиях нельзя делать никакой политики, здесь нет основного условия, чтобы можно было заняться политикой»*.

В-пятых, В.И.Ленин специально обратил внимание на ряд других негативных явлений, нашедших впоследствии, к сожалению, массовое проявление как в СССР, так и в других социалистических странах. Прежде всего это — бюрократизм и бюрократия. Их негативная сущность заключается в отрыве должностных лиц, работников аппарата от масс, в превращении их в привилегированный слой, стоящий

над народными массами. Характерной чертой их «деятельности» являются злоупотребления и волокита. Им необходимо противопоставить местное самоуправление.

Следующий враг и опасность — безотчетность, бесконтрольность в деле производства и распределения продуктов. Поэтому «учет и контроль — вот *главное*, что требуется для «налажения», для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества»⁹. Нужно идти «от рабочего контроля к рабочему управлению производством». Широко практикуемые в ленинский период массовый учет и контроль трудящихся, рабочее управление и самоуправление затем были свернуты бюрократической машиной и сошли на-нет.

Существенная опасность для успехов социалистического прогресса — социальный паразитизм, выражающийся в распространении спекуляции, жульничества, махинаций различного рода, коррупции, особенно характерной для бюрократии (здесь и взятка, и паразитизм). Социальный паразитизм в последующем, при отсутствии систематической борьбы с ним, массово проявился в теневых финансовых и хозяйственных операциях, тунеядстве и т.д.

Большую угрозу социализму несут, подчеркивал В.И.Ленин, «элементы разложения», как он их называл: преступность, хулиганство и др. Он предупреждал, что «нужно время и *нужна железная рука*», чтобы сладить с элементами разложения, которые показать себя «*не могут* иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода». Преступность вообще может погубить многие достижения и завоевания. «Не было ни одной великой революции в истории, когда бы народ инстинктивно не чувствовал этого и не проявлял спасительной твердости, расстреливая воров на месте преступления. Беда прежних революций состояла в том, что революционного энтузиазма масс, поддерживающего их напряженное состояние и дающего им силу применять беспощадное подавление элементов разложения, хватало не надолго»¹⁰.

Насколько был прав и в этом В.И.Ленин. Преступность, «теневая экономика», социальный паразитизм были пущены на самотек «демократической либерализацией» М.С.Горбачева, а при Б.Н.Ельцине, форсированно насаждавшем капитализм, преступные и мафиозные кланы вообще подчинили себе значительную часть экономики, срослись с финансово-промышленной буржуазией и коррумпированной, продажной властью.

Многолетняя послеленинская социалистическая практика подтвердила, что наибольших успехов в подъеме и прогрессе добились те социалистические страны, которые вели решительную, подлинно революционную борьбу против всякого рода негативных, разложившихся, разрушительных общественных явлений и процессов.

В СССР в послеленинский период многие десятилетия — вплоть до 80-х годов, к сожалению, продолжали сохраняться такие негативные явления, которые ослабляли потенции и преимущества социализма и во многом прямо противоречили его сущности и содержанию. Это отчуждение масс трудящихся, народа от собственности и власти; отключение их, начиная со сталинского периода, от самостоятельной и активной социальной и политической деятельности во имя трудовых, общенародных интересов; ущемление и умаление демократии, в том числе и в первую очередь партийной; нарастание бюрократизации государственного и партийного управления; нарушение прав человека, личности и гражданина.

Вслед за СССР подмена первой и решающей роли народа в социалистическом развитии ролью отдельной личности стала повторяться во многих других социалистических странах, приводя к тому, что на место власти народа вставала власть одного лица. А это сразу создает опасность допущения грубейших ошибок и сбоев в развитии социализма. Во-первых, ошибки допускают как раз отдельные личности, а не народ, классы в целом. Во-вторых, проблема в том, какими качествами обладает правящее лицо. Гений ли это, как В.И. Ленин, большая личность революционера, как Фидель Кастро и Хо Ши Мин, умный и смелый реформатор, как Дэн Сяопин, талантливый практик и человек, как Янош Кадар, или часто ординарное, случайное лицо, волей обстоятельств и собственными интригами пробившееся к власти. Тогда от него можно ожидать чего угодно, вплоть до величайшего в мировой истории предательства, которое совершил М.С. Горбачев.

Если бы перечисленные негативные проявления и деформации в реальном развитии социализма были разрешены или хотя бы нарастающе устранялись, то внешним и внутренним контрреволюционным силам, развернувшим со второй половины 80-х годов борьбу против социализма и самого СССР, не за что было бы уцепиться и не на чем было бы спекулировать в своей злобной и разрушительной атаке на социализм.

Таковы тяжелые уроки пренебрежения со стороны власти настоящей потребностью своевременного и решительного разрешения возникающих противоречий и проблем, быстрого и кардинального преодоления кризисных явлений, что позволяет снимать временно возникающие трудности, выходить из кризисных состояний и обеспечивать дальнейшее поступательное и прогрессивное развитие социализма. Этим противники и враги социализма лишаются самой возможности спекулировать на его трудностях роста и тем более возможности развешивать подрывные действия по его уничтожению и ликвидации.

XXI век — век качественно новой социалистичности и коммунистичности

Мировой социализм в начале XXI столетия оказался существенно суженным в результате подрывных и разрушительных действий империалистической реакции, опиравшейся на внутреннюю продажную и контрреволюционную «пятую колонну». Но не разгромлен и не уничтожен, как хотелось бы современному ультраимпериализму.

В первую очередь удар с помощью внутренних прислужников был нанесен по СССР — социалистической сверхдержаве и фактическому лидеру социалистического мира. Сразу после этого и почти одновременно насильственно свергалась социалистическая власть в странах Центральной и Восточной Европы под лживыми буржуазными лозунгами свободы, демократии, прав человека. Такая же замена произошла в Монголии.

Прочно на социалистических позициях остались Китайская Народная Республика, Социалистическая Республика Вьетнам, КНДР и Куба. Три страны в Азии и одна — в Америке. И это — мировая система: и по огромной территории на двух континентах, и по колоссальной численности населения, и прежде всего по растущей экономической и культурной мощи. Достаточно сказать, что КНР по экономическим показателям и особенно по темпам экономического роста заняла ныне второе место в мире после США, принадлежавшее ранее Советскому Союзу.

Так в 1998 г. по важнейшему экономическому показателю — размерам валового национального продукта и паритету покупательной способности (ВНП по ППС) в млрд. долларов — США находились на первом месте — 7783, Китай — на втором: 3770 (почти дважды уступая). Затем Япония — 3076, Германия — 1737, Индия — 1599, Франция — 1301, Англия — 1222, Италия — 1156, Бразилия — 1039, Мексика — 765 и т.д. Россия же — 631. Но у России сохранился огромный и мощный военно-стратегический потенциал. Китай одновременно за период 1990—1997 гг. занимал первое место в мире по темпам роста валового внутреннего продукта (ВВП) — 11,6%. США же — 3,0%, Япония — 1,5%, Германия — 1,4%, Индия — 6,0%, Россия — минус 7,7%. За тот же период Китаю также принадлежало первое место в мире по темпам роста промышленного производства — 16,3%. США же — 4,3%, Япония — 0,7%, Германия — минус 1,0%, Индия — 7,2%, Россия — минус 9,3%.

Социалистический Китай по экономическим показателям и темпам роста уверенно выходит на позиции мировой супердержавы.

Надо сказать, что и в современной России социалистические традиции и настроения все еще сильно дают себя знать. Да и в странах Центральной и Восточной Европы после того, как они вкусили все «прелести» шокового капитализма, народ все чаще стал избирать во главе властей (президентами и премьерами) лидеров социалистических, ранее коммунистических партий.

Весь опыт и все уроки исторического развития в XX столетии убеждают в правильности поставленной временем назревшей проблемы необходимости перехода человечества к качественно новому, более высокому типу общественного, цивилизационного, геополитического развития. Данная необходимость обусловлена в первую очередь объективными потребностями общемирового развития.

До настоящего времени в мире не было объективных условий для перехода на качественно более высокий путь общественного развития. Эпоха промышленных, индустриальных революций, даже первые десятилетия научно-технической революции и прогресса в 60–80-е гг. XX века обуславливали экономическую базу, дающую возможность лишь прежних, ограниченных по своим возможностям конкретных моделей развития. Отражая экономическое положение, соответствующим был и уровень культурных, информационных, социальных, духовно-нравственных предпосылок.

Качественно новые объективные предпосылки в научно-техническом, информационном, технологическом и, в целом, экономическом развитии стали складываться в последние годы XX столетия. Причем преимущественно в наиболее быстро и высоко развивающихся странах и регионах, включающих как известные страны «семерки», так и новые страны и гиганты, среди которых выделяется Китай.

Созрели и продолжают созреть также субъективные предпосылки поворота на новый тип общественного и глобального развития в виде новых, нестандартных идей, концепций, программ развития. Появляются и новые лидеры, внедряющие или готовые внедрять новые идеи, цели, программы в практику общественной жизни.

Мы не можем согласиться, когда некоторые теоретики и практики видят будущее человечества в XXI веке лишь в «постиндустриальном» обществе и цивилизации, в «информационном» обществе и цивилизации, в «обществе сферы услуг» и тому подобном. Да, реально эти тенденции действительно проявляются в развитых странах Запада. Но это есть продолжение уже известного, наезженного, удовлетворяющего именно правящие экономические и политические круги этих стран пути развития. Пути развития старого, известного типа, достаточно продемонстрировавшего свою односторонность, уродли-

вость, корыстно-хищническую природу и явно исчерпавшего, дискредитировавшего себя. На таком пути мир может ожидать только нарастание кризиса и неумолимое движение к глобальной катастрофе. Это путь в тупик, а не в действительно прогрессивное будущее.

При определении путей качественно нового общественного развития речь не должна также идти просто о конвергенции социализма и капитализма. Такой путь может давать некоторые положительные результаты, но лишь до определенных качественных пределов переходного состояния, пока не затрагиваются существенные стороны и черты того или другого общественного строя. Опыт, противоречия, катаклизмы, столкновения и жесточайшие войны XX столетия, которые по-прежнему продолжают и усиливаются в первые годы XXI века, требуют перехода к новому качеству общественного, цивилизационного и мирового, глобального развития, которое можно определить как тип системного, сбалансированного, комплексного, гармоничного, справедливого и устойчивого развития. Это — качественно более высокий и новый диалектический тип развития, во-первых, для общества, во-вторых, для цивилизации, в-третьих, для общества, человека и природы, взятых в единстве и глубоком взаимодействии, в-четвертых, для всех стран мира, для геополитических и глобальных отношений.

Новая модель цивилизационного развития должна повернуться ко всем сторонам общественного развития, взятым в единстве и целостности, ко всему миру, к человеку во всех странах и регионах, должна обеспечивать гармонию человека, общества и природы повсеместно, во всем мире. При этом, как и в любом развитии, оно будет иметь свои приоритеты и первостепенные задачи, а именно лежащий в основе подъем экономики и культуры, включающей совершенствование здравоохранения, защиты здоровья людей. Сочетание упора на основополагающие проблемы с одновременным обеспечением всесторонности и целостности изменений придаст общественному, цивилизационному, глобальному развитию прогрессирующий, гуманный и нарастающий характер.

В обществе это должна быть системная целостность взаимосвязанного развития экономической, социальной, национальной, политической, управленческой, научно-культурной, духовно-нравственной, бытовой и повседневной сфер жизни по диалектическому принципу «и-и», и общественного организма в целом.

В цивилизации — диалектическое единство процессов развития материальной и духовной культуры, нацеленной на целостное, всестороннее личностное развитие и совершенствование человека.

Во взаимоотношениях природы, общества и человека — линия прогрессивного развития общества и человека при обязательном обеспечении сбережения, восстановления и совершенствования природной, экологической среды обитания человека и общества.

В геополитическо-глобальных взаимоотношениях — мир между странами и народами, прекращение эксплуатации и угнетения одними странами и группами стран других стран и народов, устранение несправедливой системы обеспечения благополучия одних стран за счет других, преодоление деления мира на богатые и бедные регионы и страны, международное запрещение применения силы, вооруженных действий и акций, войн, террора для достижения гегемонистских и других целей, с применением международных санкций против нарушителей таких запретов.

Ясно, что все это может складываться и достигаться не сразу, что это есть процесс, и длительный процесс, сложный и противоречивый. Процесс на все XXI столетие. Но речь в данном случае идет о новой качественной парадигме, новой направленности развития мира во всех отношениях и параметрах в XXI веке. Объективная и субъективная необходимость такого нового качественного развития нужна не просто и не только для выживания самого нынешнего мира, а для его дальнейшего твердого и устойчивого роста и прогресса, для его прорыва в такое будущее, которого действительно заслуживает человек и человечество на Земле.

Данный процесс все равно пойдет, и уже практически идет. Если не всем человечеством сразу, то его наиболее прогрессивными частями и регионами. Такими, как социалистический Китай, Вьетнам, Куба, как социально-народно ориентированные Индия и другие страны. Такие страны и народы, которые понимают и осознают, что нужно срочно и кардинально вырваться из устаревших антисоциальных, антигуманных линий предшествующего общественного, цивилизационного и геополитического развития.

Конкретные страны и регионы будут показывать пример и образец движения в лучшее будущее для всего мира. И этим станут стимулировать интенсификацию перехода все новых и новых стран и народов на нового качества прогрессивный путь общечеловеческого развития.

Россия должна не только не отстать от такого единственно правильного выбора, но и постараться быть в первых рядах социальных и духовных преобразований в XXI столетии. В XX веке Россия уже однажды, в 1917 году, обозначила новый путь общественного развития, существенно отличающегося и прямо противостоящего капита-

листическому пути. Это путь упора на социальность, на совместную коллективность, на приоритет общих ценностей и служение общему делу с большой идеей и целью. Сейчас, после провалившейся «перестройки» и еще более катастрофических последствий «демократических реформ», для России самым важным и решающим является выбор самого оптимального и лучшего пути общественного развития.

В историческом развитии цивилизации в России больше всего проявились две ее главные отличительные особенности и черты: духовность и социальность (коммунальность, взаимопомощь, общение людей). В славянских, среднеазиатских, кавказских цивилизациях упор делался на духовность (безрелигиозную или религиозную), а не на потребительство, не на материальное, обывательское обогащение и насыщение. Архитектура, живопись, музыка, танцы, поэзия, философия, наука, народные промыслы — вот что оставило в виде шедевров культурное, цивилизационное развитие народов нашей страны. И вместе с тем — всегда огромная и тесная социальная связанность людей между собой, живущих вместе и активно помогающих друг другу. У народов Средней Азии это проявилось и проявляется в «хашаре» — коллективной поддержке и помощи, у славян — в русской общине, соборности. В совокупности духовность, коммунальность и социальность с самого начала были и остаются двумя главнейшими отличительными чертами цивилизационного облика и цивилизационного развития народов нашей страны. На них нужно и следует опираться и в настоящем, и в будущем развитии России.

Человечество по мере своего взросления и обогащения опытом ставит перед собой все более качественно новые, высокие и благородные задачи своего будущего и своих перспектив.

В.И. Ленин подчеркивал, что «весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве»¹¹. Данный идеал и данная парадигма XIX века оказались все еще не реализованными полностью и везде человечеством.

В XX веке в ходе Великой Октябрьской социалистической революции, потрясшей мир и перевернувшей мир за «десять дней», было завоевано и установлено народовластие, власть трудящихся в результате политической революции и утверждена общественная собственность на главные средства производства, обеспечена социальная спра-

ведливость производства, труда и распределения в результате социальной революции. Власть и собственность стали принадлежать трудящимся, народу. Но данная великая реальность, достигнутая в годы деятельности В.И.Ленина, была затем искажена и деформирована в послеленинский период в СССР. И снова, как и в XIX веке, великая идея и надежда человечества XX века оказалась не реализованной в полном виде и во всех регионах мира помимо нынешних социалистических стран, добывающихся на практике их осуществления.

Следовательно, во-первых, человечество в XXI веке будет несомненно *стремиться дорешать и претворять в жизнь великие идеи и парадигмы девятнадцатого и двадцатого веков, выражающие общедемократические и социалистические идеалы и стремления человечества*. При этом, что очень важно, дорешать их в качественно новых, более зрелых условиях XXI века. Это означает необходимость рассмотрения самих общедемократических и социалистических задач в XXI веке в новом качестве, а их практического осуществления более зрелыми и совершенными путями, методами, способами.

Но дело не только в дорешении в XXI столетии недоделанных в XIX и XX веках великих наметок и поставленных задач человечеством.

В XXI веке, во-вторых, человечество, исходя из новых объективных и субъективных условий, будет ставить перед собой, несомненно, и *качественно новые, более высокие цели и рубежи в развитии*, в том числе по пути социалистичности и коммунистичности.

Это не только новое качество свободы, равенства, братства, власти народа, собственности трудящихся, социальной справедливости, дружбы народов и их интернационального взаимодействия и сотрудничества, мира на земле. В самом утверждении народами социалистичности и коммунистичности на первый план в новых условиях XXI столетия, по нашему убеждению, выдвигаются более высокого качества задачи и цели. Они сводятся *к трем основным качественно новым ступеням социалистичности и коммунистичности*, к которым следует стремиться.

Во-первых, *социализм как культура, как культурная цивилизация*, а не только и не просто как материальное достижение и материальное благосостояние людей и народов. В.И.Ленин, определяя существо будущего нового общества, отметил, что новая «культура=коммунизм»¹². Это означает необходимость наличия в новом обществе высокого уровня творческо-культурного освоения человеком как окружающего его мира — природы, общества, так и самого себя. Культурная цивилизованность становится в XXI веке необходимым составным качеством создаваемой народами социалистичности.

Во-вторых, *социализм как гуманизм*, как построение всех общественных отношений не только на принципах устранения всякой эксплуатации, угнетения, порабощения, насилия, но главным образом как насыщение этих всесторонних общественных отношений и повседневного образа жизни людей последовательной человечностью, заботой об их благе и достоинстве. Такой внутренний гуманизм может складываться именно на базе высокой культуры и цивилизованности. И прежде всего — в результате ликвидации всякого отчуждения человека, людей от власти, собственности, всех форм и проявлений общественного бытия, в результате ликвидации какого-либо человеческого самоотчуждения. К.Маркс писал в своих ранних работах, что коммунизм есть «подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека». Это есть «полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всякого богатства достигнутого развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т.е. *человечному*. Такой коммунизм<...>=гуманизму<...>»¹³. Гуманный человек, обогащенный достижениями культуры, прежде всего человек именно общественный, гуманно живущий среди людей.

В-третьих, *социализм и коммунизм как обеспечение глубокой и диалектической взаимосвязи свободного развития каждой личности со свободным развитием всех людей в обществе*. Это известнейшие слова К.Маркса и Ф.Энгельса из «Манифеста Коммунистической партии» о том, что новое общество станет ассоциацией, «в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»¹⁴. Следовательно, во-первых, необходимо обеспечивать свободное развитие каждого человека, идти именно от личности. Тогда, во-вторых, станет возможным свободное развитие всей совокупности людей. И, в-третьих, на этой базе образуется и сложится именно свободная ассоциация людей.

Таковы, на мой взгляд, три новых качества социалистичности и коммунистичности, которые новый XXI век выдвигает как необходимые парадигмы движения к новому человеческому сообществу. В результате этого и будет осуществляться качественный прорыв от раннего, еще не зрелого, становящегося, в ряде стран деформированного, в том числе в СССР, социализма XX века к новой, высокой, более сложной, зрелой и богатой социалистичности XXI столетия. *Это будет уже качественно другое общество социалистического типа.*

В этом движении вперед в будущее вместе с нынешними социалистическими странами Россия снова может и должна продемонстрировать свой пример, показать образец, начать новый общественный эксперимент, дающий возможность встряхнуть и обновить ны-

нешний мир. Россия снова может и должна стать первопроходцем в определении качественно новых, целостных и гармоничных путей общественного и цивилизационного развития. Делая это и для себя, и для всего мира.

Примечания

- ¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 36; Т. 43. С. 211.
- ² Там же. Т. 36. С. 56.
- ³ Там же. Т. 7. С. 132.
- ⁴ Там же. Т. 36. С. 446.
- ⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 350.
- ⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 61.
- ⁷ Там же. Т. 45. С. 343, 347, 348.
- ⁸ Там же. Т. 36. С. 185.
- ⁹ Там же. Т. 33. С. 101.
- ¹⁰ Там же. Т. 36. С. 195.
- ¹¹ Там же. Т. 38. С. 367.
- ¹² Там же. Т. 51. С. 299.
- ¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 588.
- ¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 447.

Советская модель социалистического общества: причины поражения

Количество работ, посвященных советскому социализму, опубликованных за последние 10—15 лет, просто необозримо. Однако почти все эти работы носят публицистический характер. Большая часть публицистики, которая откликается, как обычно, на злобу дня, написано с откровенно антисоциалистических позиций. Их авторы ставили перед собой цель не столько объяснить, сколько убедить читателя в том, каким был чудовишным советский строй и какие теперь замечательные перспективы открылись перед страной после его падения.

Объективное, подлинно научное осмысление советской модели социализма и ее трагической судьбы только начинается. Понять природу советского социализма можно только в контексте мирового исторического процесса, основных тенденций ее развития в последние полтора века, а применительно к России, с момента вступления Российской империи в 1861 г. на путь форсированного перевода различных сфер жизни общества на капиталистические рельсы.

В философии истории К. Маркса идея социализма занимает центральное место. Социализм есть будущее человечества, и это положение подтверждается сегодня всем ходом развития человечества в эпоху невиданного обострения глобальных проблем и ускорения процессов глобализации. Верность идее социализма — это главное условие, дающее возможность правильно подойти к изучению советской модели социализма.

Чтобы понять ее, необходимо ответить на ряд вопросов. Прежде всего строился в Советском Союзе социализм по Марксу или нет. Если строился не по Марксу, то можно ли называть построенное в СССР общество социализмом или это был лжесоциализм. К такому ответу

склоняются сегодня не только противники Маркса, но и ученые, по-прежнему считающие себя марксистами. Затем встает вопрос о причинах российской революции 1917 г., почему она произошла, как особенности исторического развития пореформенной России сказались на характере революции и дальнейшем продвижении Советского Союза по социалистическому пути. И, наконец, как могло получиться, что советский социализм при его огромных достоинствах, которые перевешивали все недостатки, погиб в тот момент, когда идея социализма получила огромное признание в мире и мировая система социализма при всех ее сложностях имела перспективы для дальнейшего развития.

Сначала о том, можно ли называть построенный в Советском Союзе общественный строй социализмом или нет. Философия истории К.Маркса приобрела свой классический вид в то время, когда в большинстве стран Западной Европы вполне сложился домонополистический капитализм, иначе говоря, капитализм свободной рыночной конкуренции частных собственников, которые осуществляли свое политическое руководство обществом через парламенты как высшие органы законодательной власти.

К.Маркс полагал, что социализм как новый общественный строй должен сменить высокоразвитый по тем временам капитализм, который, с одной стороны, практически уже исчерпал все свои потенциальные возможности, а с другой стороны, довел все общественные противоречия до предельной остроты. Социализм выступает как способ разрешения этих противоречий. Из западного капитализма вырастает западный социализм, который есть продолжение и вместе с тем революционное отрицание капитализма. Нередко марксову формационную логику развития общества называют европоцентристской, но это не совсем точно. Дело в том, что у Маркса речь идет о логике развития человеческого общества как такового, и в этом смысле формационная логика носит универсальный всеобщий характер. Согласно формационной логике из развитого капитализма вырастает социализм, а поскольку наиболее развитый капитализм находится на Западе, то ответ на вопрос о том, каким будет универсальный социализм как новый общественный строй, даст именно западный социализм и в теории, и тем более на практике.

Маркс сам не раз высказывался так, что его можно причислить к сторонникам европоцентризма. К примеру, говоря о незападных странах, еще только вступающих на путь капиталистического развития, он писал в «Капитале», что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного

будущего»¹. При этом нельзя перескочить, по мысли Маркса, через естественные фазы развития, но общество «может сократить и смягчить муки родов»².

Но вряд ли можно обвинять Маркса в сознательном европоцентризме. Маркс разрабатывал свою формационную концепцию в эпоху домонополистического капитализма. Он был убежден в том, что переход к социализму осуществится сначала в большинстве развитых капиталистических стран Европы, а затем и в других странах по мере их превращения в капиталистические. Здесь необходимо сделать одно важное замечание. Проблематика социализма как способа разрешения противоречий капиталистического общества оказывается весьма чувствительной к состоянию и уровню развития этого общества. Поскольку капитализм на Западе развивается, превращается в монополистический, постольку должны развиваться и качественно меняться представления о том социализме, который продолжает вызревать в западном обществе на стадии его капиталистического развития. Поэтому и нельзя создать целостную, тем более завершенную концепцию социализма, отвлекаясь от теории и практики капитализма.

С появлением монополистического капитализма резко возрастает неравномерность развития человеческого общества. Капиталистический Запад к началу XX в. завершает колониальный раздел мира. На исторической арене появляется целый ряд стран, перед которыми в силу неизбежных обстоятельств возникает дилемма — либо превратиться в колонию, либо перейти на путь создания современной капиталистической экономики такой, какая уже имеется в странах развитого Запада. Среди этих стран была Россия, Российская Империя.

Особенности и итоги форсированного развития России по капиталистическому пути (1861–1917)

Россия вступает на путь форсированной трансформации общества в условиях огромной военной, экономической и административной отсталости страны по сравнению с капиталистическим Западом. Чтобы Россия смогла стать капиталистической страной, в ней должна была произойти буржуазная революция. Эта революция по необходимости приобретает в России вид революции «сверху». Иными словами, преобразование общества из самодержавно-помещичьего в капиталистическое начинается при определяющем воздействии реформ, проводимых «сверху» государственными органами власти и самим императором. Реформы по глубине преобразований общественных отношений и политических институтов должны были носить революционный характер.

Вообще говоря, совершение перехода от одного общественного строя к другому, более высокому по уровню развития предполагает решение огромного комплекса сложнейших задач во всех сферах общественной жизни. В западной Европе этот переход занял несколько столетий. Огромная отсталость требовала от России решения подобного рода задач в кратчайшие сроки с тем, чтобы ликвидировать эту отсталость и превратиться, как говорится, в нормальную капиталистическую страну западного образца. К сожалению, проблема перехода в отечественной литературе как советского периода, так и постсоветского ставится и решается по идеологическим мотивам крайне упрощенно.

Как же складывался ход реформ в России? Создание сверху государственной властью капитализма как нового общественного строя предполагает кардинальное реформирование всех основных сфер общественной жизни — экономической, политической, социальной и духовно-идеологической. Если ограничиться из-за недостатка места особенностями проведения экономической и политической реформ, то следует подчеркнуть, что они приводят к успешным результатам только в том случае, когда носят соразмерный характер. Другими словами, по мере становления капиталистической экономики должно происходить обновление политического строя так, чтобы обе стороны взаимно стимулировали дальнейшее реформирование друг друга. При этом государство не должно упускать из своих рук контроля над ходом протекания общественных процессов в этот самый сложный период жизни страны. Но вместе с тем самодержавная власть должна была реформировать себя за время реформ примерно так, как это сделал Бисмарк, который превратил Германию в буржуазную монархию, хотя и с многочисленными феодальными пережитками. Самодержавие, однако, не имело никаких намерений реформироваться, т.е. реформировать само себя.

В процессе проведения экономических реформ в промышленности сложился и быстро рос капиталистический уклад. Достаточно сказать, что к началу первой мировой войны Россия вышла на пятое место в мире по уровню промышленного производства.

Поскольку промышленный капитализм в России создавался главным образом сверху, через усиления государственной власти, он и получился верхушечным. Здесь он ничем не отличался от западного капитализма, но с одной весьма характерной особенностью. Значительная часть финансов и передовых отраслей промышленности (электротехника, химия, металлургия и т.д.) принадлежали капиталистам Германии, Бельгии, Франции. Царское правительство влезало

ло в огромные долги и становилось все более зависимым, особенно во внешней политике, от западных стран. Напротив, развитие капитализма снизу, в толще крестьянских и ремесленнических масс, встречалось с огромными трудностями. Россия накануне революции 1917 г. оставалась крестьянской страной (около 80% населения). В ней сохранялось самое отсталое землевладение по сравнению с Западной и Центральной Европой.

Главнейшая задача антифеодальной буржуазной революции — аграрно-капиталистический переворот в деревне — осталась нерешенной к 1917 г. Оба пути преобразований — прусский и американский — проявили себя в тогдашней России. Но ни один из них, ни оба вместе так и не победили, хотя товарные отношения постепенно проникали в деревню, разлагая натуральные формы хозяйствования.

Неэффективность аграрных реформ привела к тому, что в пореформенной России особенно с 90-х г. XIX в. устойчивой и преобладающей тенденцией становится не рост зажиточных крестьянских хозяйств или латифундий, работающих на товарный рынок, а массовая пауперизация, люмпенизация крестьянства, появление многомиллионной армии босяков. Босяк — это человек, выбитый из привычных устоев и опустившийся в силу разных причин на социальное дно. Босячество сыграло огромную роль в усилении радикальных настроений в обществе.

Россия в годы форсированного движения по капиталистическому пути менее всего преуспела в процессах демократизации общества. Создавая индустриальную базу, допуская под своим контролем развитие промышленно-банковского капитала, самодержавие стремилось к тому, чтобы использовать капиталистический уклад для сохранения и укрепления своей власти. Получалось так, что не растущий и крепнущий капитализм разрушает старое, феодальное общество, как это было на Западе, а, напротив, самодержавно-помещичья власть всячески пытается приспособить капиталистический уклад для защиты своих корыстных интересов, всех безнадежно устаревших феодальных порядков. Возникает и становится все более явной тенденция к срастанию нарождающегося промышленного капитализма в России с самодержавной властью, к превращению его в экономическую подпорку царизма.

Более того, по мере нарастания различных оппозиционных движений, требовавших политических реформ, самодержавная власть предприняла на протяжении всего пореформенного периода целый ряд мер по укреплению полицейских порядков в российском государстве. По справедливому замечанию либерала П.Струве, сделан-

ному им в 1903 г., действительная самобытность современной ему России заключалась во всемогуществе политической полиции, ставшей сущностью российского самодержавия³. Несмотря на ряд вынужденных мер после революции 1905 г. самодержавие все равно не помышляло ни о каких кардинальных политических реформах. Оно продолжало вплоть до самого падения сохранять в своих руках, по выражению В.И.Ленина, 99/100 политической власти⁴. Крупная буржуазия так и не была допущена к рычагам власти даже во время войны 1914–1917 гг.

В новой редакции свода основных государственных законов, опубликованного в апреле 1906 г., говорится, что «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает»⁵.

Можно сказать, что в пореформенной России на рубеже XIX–XX вв. складывается ситуация наложения исторических эпох, когда противоречия более высокого уровня развития не находят своего относительного разрешения из-за нерешенности противоречий, принадлежащих более низкому, феодальному уровню развития. Такая ситуация способствовала постоянному нарастанию всех свойственных обществу противоречий. С каждым новым шагом по пути создания в России капиталистической экономики эти и многие производные от них противоречия приобретали все большую остроту.

Российское общество заходит в тупик не потому, что не развиваются экономика, товарно-денежные отношения. А потому, что новые экономические отношения требуют радикального переустройства политической системы, и прежде всего допуска буржуазии к рычагам власти. В условиях, когда самодержавие использует экономические реформы для усиления своей власти, многие социальные функции капитализма принимают весьма уродливый превращенный характер.

К тому же Россия, будучи великой державой, огромной своеобразной хотя и не вполне сложившейся цивилизацией, не могла стать, разумеется, зависимой страной, а тем более полуколонией промышленно развитого Запада. Именно такая тенденция явно прослеживается в последние два-три десятилетия существования Российской империи. Сращивание капиталистического уклада с самодержавием закрывало путь реформаторского превращения России в капиталистическое общество западного типа.

Если говорить в целом, то пореформенная Россия весь этот период вплоть до революции 1917 г. находилась в переходном состоянии от самодержавно-помещичьего строя к капиталистическому

строю. В конечном итоге антифеодальная, буржуазная революция «сверху» потерпела поражение. Россия не стала и не могла стать нормальной капиталистической страной, но всячески противилась тому, чтобы превратиться в колонию. Революция 1917 г. открыла перед ней перспективы другого пути превращения России в современное индустриально развитое государство.

Характер социальной силы, способной реально свергнуть самодержавие, обуславливался, в первую очередь, особенностями государственного строя. Главная из них — строгая иерархия бюрократической власти. Отсюда вертикальность всей русской жизни и соответствующий вертикальному характеру государственной системы менталитет подданных российской империи. Безусловный примат в обществе вертикальных связей над горизонтальными означает, что в нем не могут сформироваться большие группы людей с четко выраженными групповыми интересами. Отсюда отсутствие постоянно выраженной общественной солидарности и широкого активного сопротивления тех, кто недоволен режимом и его действиями. Бедность основной массы населения усиливает у них чувство покорности и зависимости, которые сознают себя абсолютно беспомощными перед лицом могущественной вертикали бюрократической власти во главе с императором. Заметим, что все эти черты проявились в столь же явном виде и в советском, и в современном постсоветском обществе. Видимо, можно говорить о наличии некоего инварианта государственного устройства российского общества, обусловленного особенностями его многовекового исторического развития.

Поэтому выступить против самодержавия могли только те, кто нашел в себе силы духовно освободиться от власти режима и всех тех иллюзий, которые навязывались стране сторонниками легальных, постепенных изменений в государственном устройстве. Но поскольку самодержавная власть до самого конца сохраняла монополию на политические действия и не собиралась ни с кем делиться своей властью, то свержение самодержавия становится главнейшим условием разрешения всех острейших противоречий российского общества.

Вот откуда, из какой потребности вырастает идея партии нового типа — партии профессиональных революционеров. Поэтому ни о какой потере почвы большевиками-революционерами говорить нельзя. Ленин в начале своей профессиональной деятельности заявил о том, «что для русских социалистов особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса»⁶. В дальнейшем Ленин интерпретирует Маркса под углом зрения решения важнейшей задачи,

которая стояла перед страной — свержения самодержавия. Здесь проходил водораздел между партией большевиков и всеми остальными социалистами, которые верили в спасительную силу реформ.

После февральской революции 1917 г., совершенной крупной буржуазией, возможность продолжения движения России по капиталистическому пути действительно была. Но буржуазия, придя к власти, не имела политического опыта решения общегосударственных проблем, тем более в военное время, и потому быстро довела страну к осени 1917 г. до полной национальной катастрофы. Сегодняшние либералы много пишут о том, что альтернатива приходу большевиков к власти была. Но в чем же она заключалась? А. Янов, непримиримый противник советского социализма, утверждает, что тогда не требовалось ничего нового придумывать. Просто нужно было выдернуть «ковёр из-под ног у большевиков. Перехватить все их лозунги»⁷. Ценное признание, говорящее о том, что в то время не было реальной альтернативы большевистской программе спасения страны и вывода ее из глубокого кризиса.

Социалистический выбор особенно после провала корниловского мятежа, который имел целью установление военной диктатуры крупной буржуазии, становится исторической неизбежностью. Альтернатива здесь одна — это полный распад, уход России с исторической арены. Поэтому не только большевики делали революцию, но и предельная острота нерешенных проблем делала большевиков. Катастрофическое положение страны, в первую очередь, привело к большевизации страны, подготовило необходимые условия для прихода большевиков к власти.

Социалистический выбор 1917 года и поиск модели социализма, адекватной сложившимся историческим условиям

К оценке российского-советского социализма необходимо подходить с тех позиций, что прорыв на более высокую формационную ступень общественного развития происходит не в центре, а на периферии исторического процесса, причем в тех странах и регионах, в которых все общественные отношения достигают предельной остроты. Причина тому — отсталость и неразвитость. Именно они не позволяют тем или иным странам несмотря на все усилия перейти на тот новый исторический уровень развития, на котором уже находятся более развитые страны.

Поэтому конкретную историю перехода от капитализма к социализму нельзя рассматривать как постепенную реализацию формационной логики истории. Но, с другой стороны, если не поверять

каждый ход истории этой логикой, то тогда теряется ясное теоретическое понимание хода истории. История социализма в СССР, который стал первой в мире страной, вставшей на путь социалистического развития, позволяет понять многие сложные и еще не до конца осмысленные особенности взаимных отношений между формационной логикой и конкретной историей.

Как показала общественно-историческая практика XX в., возникновение социализма как нового общественного строя складывается из самых различных попыток в тех странах и регионах, в которых возникают революционные ситуации и перед которыми открываются иные, чем капитализм, возможности и пути дальнейшего прогресса. Самой отличительной чертой этих различных моделей социализма является то, что их содержание определяется прежде всего особенностями свершившейся социалистической революции, уровнем развития капитализма, отрицаемого революцией, а затем уже особенностями национальной истории и культуры.

Другими словами, ранние модели социализма и прежде всего советская модель лишь фрагментарно, частично воспроизводят то богатое содержание социализма, присущее его универсальной формационной модели, причем воспроизводят в национальной форме. Национально-ориентированные модели и есть в точном смысле слова ранний социализм в отличие от зрелой формы социализма, которую можно определить как западную модель социализма.

Первоначально выбор большевиков, на который в значительно мере повлияла гражданская война, принял форму военного коммунизма. Попытка его создания закончилась полным провалом. Эта попытка реализации утопии подверглась справедливой критике как сторонниками марксизма, так и его противниками. Судя по текстам, партия большевиков и Ленин в тот момент исходили из классических представлений Маркса о социализме эпохи домонополистического капитализма, базирующемся на бестоварном хозяйстве. Впоследствии Ленин признал ошибочность представлений российских большевиков о возможности перехода к коммунистическому обществу через организацию прямого продуктообмена между городом и деревней.

Действительная сложность конкретизации социалистического выбора заключалась в том, что в стране не было материально-экономических предпосылок для непосредственного перехода к социализму. Другими словами, формационная логика, созданная применительно к этапу индустриального домонополистического капитализма, здесь не работала. Более того, история XX в. так и не дала примера перехода высокоразвитой капиталистической страны Запада к социализму.

Другими словами, логика выдвигает определенного рода теоретическую модель будущего как некий идеальный мировоззренческий ориентир. Но ее превращение в нормативное описание устройства общества, подлежащее практической реализации, вполне можно квалифицировать как действия по реализации утопии.

Как взгляды Ленина времен нэпа, так затем и Сталина по вопросам строительства социализма нельзя так просто квалифицировать как утопические. Дело в том, что они не просто стремились к тому, чтобы построить социализм в России. Они исходили прежде всего из тех конкретных и первоочередных задач, которые стояли перед страной. Продолжение процесса индустриализации страны в тех сложившихся внешних и внутренних условиях было возможно лишь на путях строительства и дальнейшего развития социализма. У каждой революции есть свои законы и своя логика развития.

Поэтому перед теоретиками большевистской партии стояла задача такого прочтения взглядов Маркса на социализм, которое способствовало бы решению насущных задач развития советского общества. Эта ситуация является типичным проявлением первенства практики перед теорией. Разумеется, общественно-историческую практику нельзя сводить к решению лишь сиюминутных задач. Марксистское понимание практики исходит прежде всего из учета закономерностей деятельности передовых социальных сил, направленных на революционное преобразование действительности в соответствии с определенными целями и задачами.

Вот почему необходимо со всей определенностью отвергнуть обвинения в адрес Ленина в том, что он отступал от Маркса как в дореволюционный период, так и особенно после выдвижения идеи нэпа. Также в значительной мере не обоснованы упреки в адрес Сталина в отношении его упрощенных взглядов на социализм, который был целью и задачей деятельности партии и государства. Проблема заключалась в другом, в фактическом устранении Сталиным из марксистской теории ее философии истории.

Разработка теории строительства советского социализма проходила с большими трудностями и с большими ошибками. Теперь, смотря ретроспективно, можно сказать, в чем была наибольшая сложность. Существует, по крайней мере, два уровня изучения социализма. Первый, философский уровень, который является составной частью марксовой формационной логики исторического процесса. Здесь речь идет о том, каким представляется социализм на данной стадии истории, социализм, который вырастает из противоречий капитализма и идет так или иначе ему на смену. Здесь весьма опасно для теории со-

циализма как стадии всемирной истории рассуждать о том, что такое социализм вне его органической и неустранимой связи с капитализмом. В этом источник догматизации теории социализма. По мере развития капитализма должны с неизбежностью изменяться теоретические взгляды на природу социализма.

Другой уровень был связан тогда с разработкой теории советского социализма, когда необходимо было решать жизненно важные для страны задачи. На решение этих задач было сориентировано содержание советского социализма. Именно по этой причине теория советского социализма довольно проста по своему содержанию, если ее соотносить с философским содержанием социализма, как будущей стадией всемирной истории. По мере успехов на пути строительства социализма перед страной вставали уже более сложные задачи. И в принципе содержательность теоретических представлений о социализме должна была резко возрасти особенно после смерти Сталина.

В идеале формационный уровень социализма выступает долговременным стратегическим ориентиром для тех, кто разрабатывает уровень конкретной теории советского или другого национально-ориентированного социализма. Но в сталинский период философская концепция социализма была отодвинута в сторону, хотя и продолжали существовать тексты Маркса и комментарии к ним. Отодвинута была по той причине, что разрыв между двумя теоретическими ликами социализма был настолько велик, что открытое его обсуждение с неизбежностью порождало бы во всем обществе большие сомнения в том, действительно ли Советский Союз и Сталин строили и построили социализм, а не какой-нибудь другой строй (лжесоциализм), который не имеет ничего общего с социализмом в марксовом, т.е. философском, формационном смысле слова?

К такому выводу после гибели советского социализма пришли многие отечественные ученые, такие, как А.П. Бутенко, Г.С. Арефьева, А.С. Ципко и ряд других⁸. Эту позицию следует признать ошибочной.

О природе советского социализма

Раскрытие содержательных сторон советского социализма, его природы предполагает глубокое проникновение в диалектику целей, которые ставила партия и государство перед страной, средств, примененных для достижения этих целей, и, наконец, полученного результата.

Главнейшая особенность ситуации, в которой очутилась страна после Октября 1917 г., заключалась в том, что готовых материальных предпосылок для перехода к социализму как целостной обществен-

ной системе не было ни после свершения Октябрьской революции, ни тем более после окончания гражданской войны. Еще в марте 1918 г. В.И. Ленин отмечал: «Неужели не ясно, что в материальном, экономическом, производственном смысле мы еще в «преддверии» социализма не находимся?»⁹.

Это означает, что у такого рода стран переходный период к социализму носит опосредствованный характер в отличие от высокоразвитых капиталистических стран, для которых переход, в случае его практической реализации, окажется непосредственным и потому относительно кратким по времени. «При революции, — отмечал В.И. Ленин, — государственно-монополистический капитализм непосредственно переходит в социализм»¹⁰.

Цель новой экономической политики заключалась в том, чтобы через создание «переходных ступеней, посредствующих звеньев» перейти в дальнейшем к построению материально-технической базы социализма и на ее основе к утверждению социалистических начал во всех других сферах общественной жизни. Иными словами, Советское государство в интересах восстановления народного хозяйства допускало до известного предела развитие как частного, так и государственного капитализма. И следовательно, допускало борьбу между капиталистическим и социалистическим укладами. Вопрос «кто кого» не мог решаться в таком случае чисто политическими или идеологическими средствами. Складывалась весьма сложная и опасная ситуация с точки зрения перспектив развития в направлении к социализму. Возникает реальная угроза перерождения политического строя и утраты революционных завоеваний. В теоретическом плане в течение переходного периода объективно существует альтернативность в историческом развитии страны.

Процесс создания «посредующих звеньев», по-видимому, занял бы несколько десятилетий, особенно учитывая мелкокрестьянский характер страны. Социализм надолго бы ушел из повседневной практики и превратился бы в довольно отвлеченную идею, реализация которой отодвигалась в далекое и не очень определенное будущее. При благоприятных внешних условиях такой ход событий возможен.

Но для советской страны внешнеполитические условия складывались крайне неблагоприятно, реальная угроза военного столкновения сохранялась, а современной экономики, в частности, военной промышленности не было. Более того, в стране по мере реализации идей нэпа выявились и тревожные перспективы в развитии сельского хозяйства, связанные с резким падением объемов товарного хлеба.

Когда И.В.Сталин как руководитель партии и государства ставит в середине 20-х гг. вопрос о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране в условиях враждебного капиталистического окружения, то он имел в виду другие временные рамки достижения социализма, нежели нэповские ориентиры. Сталин в конце 20-х гг. отказывается от политики нэпа. Вопрос о том, изменил ли Сталин ленинской программе нэпа или он поступил правильно, остается глубоко дискуссионным в рамках марксистских исследований. Мне кажется, перерождение политической системы на путях нэпа было неизбежным, хотя формы и способы перерождения были бы обусловлены конкретной ситуацией, сложившейся в стране и за ее пределами.

Поскольку Сталин делает строительство социализма первоочередной практической задачей, то здесь как раз и возникают совершенно новые проблемы в теории и практике строительства в СССР национально ориентированного социализма. Суть проблемы заключается в двух аспектах. Во-первых, в том, чтобы придать социализму такое конкретно-практическое содержание, которое могло бы стать стержнем массовой идеологии. Во-вторых, вести строительство социализма на мобилизационной основе, закончить его в предельно сжатые сроки. Сталин не без оснований превратил вопрос о сроках строительства социализма в вопрос о жизни и смерти советского государства.

Первоначально в то содержание социализма, который строился и быть построен в стране, Сталин вкладывает довольно общие положения. Вот как Сталин определяет основные принципы советского социализма в докладе «О проекте Конституции Союза ССР в декабре 1936 г.: «Проект новой Конституции СССР исходит из факта ликвидации капиталистического строя, из факта победы социалистического строя в СССР. Главную основу проекта новой Конституции СССР составляют принципы социализма, его основные устои, уже завоеванные и осуществленные: социалистическая собственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства; ликвидация эксплуатации и эксплуататорских классов; ликвидация нищеты большинства и роскоши меньшинства; ликвидация безработицы; труд, как обязанность и долг чести каждого работоспособного гражданина по формуле: «кто не работает, тот не ест». Право на труд, т.е. право каждого гражданина на получение гарантированной работы; право на отдых; право на образование; и т.д. и т.п.»¹¹. Для решения этих задач необходимо было в максимально ускоренном темпе провести индустриализацию, коллективизацию сельского хозяйства и культурную революцию.

Строительство социализма «сверху» предполагает определенный стиль руководства этим процессом. Партийно-государственная власть задает определенные показатели в виде контрольных цифр пятилетних планов, выполнение которых носит безусловный характер. Складывается директивный стиль управления, получивший впоследствии определение административно-командной системы управления и проникший во все стороны общественной жизни.

Идеологию сталинизма можно назвать идеологией мобилизационного строительства социализма в особых условиях отсталости страны и крайне неблагоприятных внешних факторов. Здесь, конечно, необходимо отделить механизм идеологической пропаганды и агитации от тех наслоений, которые были связаны с личными качествами Сталина.

Цель мобилизационной идеологии заключалась в создании эффективной поддержки строительства социализма «снизу». Энтузиазм народных масс сыграл в 30-е годы огромную роль. Но цели идеологии простирались гораздо дальше. Они заключались в достижении идейно-политического единства советского народа. Отсюда поощрение энтузиазма и осуждение всяческих выражений несогласия и сомнений вплоть до вспышек массового террора в отдельные годы, причины которых и сегодня с трудом поддаются объяснению. По крайней мере, их нельзя сводить к интригам Сталина и его деспотическим замашкам.

Отличительной чертой раннего социализма в СССР явился не посткапиталистический, а в значительной степени его антикапиталистический характер. Общее правило здесь таково: чем радикальнее была социальная революция, разрушающая старый строй, тем меньше черт этого строя наследовал в себе новый строй. Революция 1917 г. осуществила двойной, т.е. самый радикальный, разрыв сначала с самодержавием, а затем с практически безжизненными буржуазными политическими институтами. Впоследствии с введением нэпа революция с экономической точки зрения совершила грандиозный откат назад, который грозил опасностью термидора, т.е. буржуазным перерождением нового строя. В сталинской модели социализма заимствования из капитализма вновь свелись в основном к материально-технической, производственной стороне экономики.

Вообще говоря, в реально существовавшей советской модели социализма проблема сочетания социалистических начал с историческим прошлым страны и ее культуры всегда представляла собой большую сложность. Первые шаги Сталина по форсированному созданию социализма еще несли в себе нигилистический пафос рево-

люции к прошлому страны (снос храма Христа-спасителя). Но Сталин вскоре понял, что социализм должен быть укоренен в отечественной истории и культуре. В 1934 г. Сталин совершает резкий поворот к русской истории. Вульгарные взгляды М. Н. Покровского на русскую историю были осуждены, хотя реабилитация русской истории и культуры была односторонней. Классовая обусловленность всех социальных и исторических событий была чрезвычайно гипертрофирована. К тому же на эти классовые оценки сильно повлияли личные пристрастия Сталина.

В дальнейшем по мере развития советского общества уже в 60–70-е гг. постепенно, с различными зигзагами советский социализм находит все больше связей со своей богатой историей и культурой. Особенно показательна в этом отношении острая дискуссия, развернувшаяся в 70-е гг. в советской печати, между консерваторами и реформаторами по вопросу об отношении к Сталину и, более широко, к историческому прошлому страны¹².

Можно сказать, что социалистическое общество, построенное в стране в 30–50 гг. во времена Сталина, — это общество раннего или, как пишут отдельные авторы, сталинского социализма. Но, видимо, точнее всего передает специфику советского социализма термин государственный социализм. Почему государственный? По той причине, что масштабы вмешательства государства есть масштабы восполнения им недостающих условий цивилизационного, культурного характера для строительства социализма. Однако следует решительно возразить против того, чтобы называть советский социализм тоталитарным социализмом. Особенно в том случае, когда под целью советской, особенно сталинской «тоталитарной», власти понимается регрессивное упрощение социума, превращение общества в атомизированную бесструктурную массу.

Что здесь можно сказать? «Тоталитарные» элементы можно усмотреть в устройстве государственной власти в самодержавной России, порождаемой абсолютным превосходством вертикали власти над горизонтальными связями гражданского общества. В советском обществе был воспроизведен инвариант устройства власти, который остается свойственным России даже и в сегодняшнее постсоветское время. Советское общество вовсе не представляло собой в социальном плане бесструктурное общество. Была определенная социальная структура, в которой, разумеется, особую роль играла партийно-государственная бюрократия. Отличительной чертой советского социализма как раннего социализма была однопартийная диктатура, т. е. партийное руководство всем ходом социалистического строительства, когда

любые вопросы — хозяйственные, культурные, спортивные и т.д., считались естественно партийно-организационными. Это характерный признак любой мобилизационной модели развития общества.

Теперь насчет еще одного весьма дискуссионного вопроса о том, правильно ли сделал Сталин, отступив от Маркса, объявив, что в Советском Союзе в 1936 г. был построен социализм. Если не спорить о терминах (Маркс писал не о социализме, а о низшей ступени коммунистической формации), то между позициями Маркса-Ленина и Сталина в понимании природы социализма есть вполне зримое различие. Маркс относил преодоление общественного разделения труда на рабочий и крестьянский труд в общем-то к историческим задачам, которые решаются на капиталистической ступени развития общества. На этой ступени все материальное производство и промышленных товаров, и сельскохозяйственной продукции ставится на индустриальные, фабрично-заводские рельсы. Поэтому социализм, по Марксу, и представляет собой бесклассовое общество, в котором преодолены различия между трудом рабочего класса и крестьянства.

Ленин делал акцент на том, что строительство социализма в Советской стране означает создание современной индустриальной экономики, что откроет реальную возможность для преодоления классовых различий между рабочим классом и крестьянством. Отсюда длительность переходного периода от капитализма к социализму и все вытекающие отсюда объективные трудности, присущие переходному периоду в Советском Союзе. Получается, Сталин назвал социализмом то, что в действительности представляло собой переходное состояние общества (две трети населения в конце 30-х гг. проживало по официальной статистике в сельской местности).

В этой ситуации действительно трудно отдать предпочтение какой-либо точке зрения. Ни одна из них не дает решения проблемы. Если принять позицию осуждения левацкой торопливости Сталина, то получается так, что социализм в точном смысле слова при всей напряженной деятельности партии и народа сможет быть построен лишь спустя многие и многие десятилетия, если не столетия. Вряд ли можно будет строить его все это время, тем более мобилизационным способом. Разочарование в идеалах социализма в той или иной степени неизбежно. Возвращение на путь капиталистического развития представляется в этом случае вполне разумной альтернативой в широком историческом плане.

Но и сталинская позиция также не избавляет от многих серьезных трудностей и прежде всего от разочарования широких масс трудящихся. Что же это за социализм, в котором сохраняется в огром-

ных размерах тяжелый неквалифицированный труд как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, естественно, с его очень низкой оплатой. Мы имеем дело здесь с типичным перенесением, сознательным или неосознанным — это другой вопрос, принципиально нерешаемой задачи с одного этапа социалистического строительства на другой его этап. Придет время, обнаружится эта нерешенная в теории и на практике проблема, и уже другим руководителям страны в 60–70-е гг. придется искать ее решение или вновь откладывать ее решение.

Однако, смотря ретроспективно с позиций постиндустриального этапа развития общества, Сталин поступил не так уж опрометчиво. Социализм является бесклассовым обществом по меркам индустриальной цивилизации, когда действительно казалась реальной перспектива превращения сельского труда в разновидность промышленного труда. Сегодня проблема преодоления различий между рабочими и крестьянами в условиях растущего господства постиндустриальных форм труда не является центральной. Все западные страны уже давно поняли, что нельзя больше ориентироваться на экономические и политические параметры индустриального этапа в развитии общества. Возможны другие траектории становления социальной структуры, свойственной по-новому зрелому социализму.

С появлением постиндустриального этапа в развитии общества все страны, построившие ранние формы социализма, вынуждаются к тому, чтобы переходит к его зрелой форме. Национально-ориентированный социализм перерастает или имеет тенденцию к превращению в цивилизационный социализм. Сегодня об этом можно говорить со всей определенностью. В нем просматривается иное решение проблемы бесклассового общества по сравнению с индустриальным этапом.

Выше уже говорилось о том, что ранний социализм содержал в себе лишь некоторые из всеобщих универсальных черт социализма. И то, чего он был лишен, воспринималось в 60-е г. теперь как недостаток, который подлежал если не устранению, то, по крайней мере, внятному теоретическому объяснению.

В раннем социализме имеется много негативных сторон, которые делали социализм при его изучении с философской точки зрения, что могли себе позволить зарубежные марксисты, иногда весьма непривлекательным. На любые замечания партийные руководители страны реагировали крайне болезненно. Но в 60-е гг. недостатки

советской модели социализма стали настолько очевидными, что необходимо было принимать срочные меры по совершенствованию ранней, крайне неразвитой формы социализма.

Среди этих многих недостатков был один главнейший — устарелость всей мобилизационной системы управления страной. Всевластие партийно-государственного аппарата, практическое отсутствие действенных форм контроля над его деятельностью, — все это способствовало появлению новых и все более опасных актов волюнтаризма. Полное политическое бесправие советских людей, жесткая идеологическая дисциплина также превратились в серьезный тормоз развития общества.

Нарастание кризиса советского общества в 70–80-е гг. и причины его развала

В середине XX в. происходит смена вектора всемирной истории. Развертывается грандиозная научно-техническая революция, начавшаяся практически одновременно на Западе и в СССР. Наука становится решающим фактором развития общества, которое претерпевает под ее воздействием огромные изменения, вступая тем самым в принципиально новую, постиндустриальную фазу развития. Многовековая история индустриальной цивилизации подходит к концу.

В этих условиях всевластие партийно-государственной бюрократии становится серьезным тормозом на пути развития советского общества. Идеи социализма сохраняют верность подавляющее большинство советских людей. Но жизнь настоятельно требует перемен. Решительно устарела концепция мобилизационного строительства социализма в условиях осажденной крепости. Понимают это и партийные верхи.

В новой партийной программе, принятой на XXII съезде КПСС в 1961 г., утверждалось, что социализм в нашей стране победил полностью и окончательно, и была провозглашена задача развернутого строительства коммунизма¹³. В конце 60-х г. партия фактически отказывается от этой идеи. Но поскольку в СССР уже построено развитое социалистическое общество, то задачей партии и народа становится дальнейшее его совершенствование.

Однако на поверку оказалось, что обновленная идеология социалистического развития обладает крайне бедным содержанием. Она не столько раскрывает действительные противоречия и трудности, с которыми столкнулось советское общество, сколько их тщательно камуфлирует. Начинается латентный, скрытый кризис социализма.

На самом деле, как это сегодня становится все более ясно, в 60–70-е гг. объективно назрел переход от раннего социализма к зрелому, который должен был носить цивилизационный характер. Можно говорить о новой революции «сверху», целью которой становилось коренное совершенствование всех сфер общественной жизни.

Конечно, социализм мог победить окончательно в СССР, с точки зрения внутренних условий развития, только в том случае, когда он начинает развиваться уже на своей собственной основе. Но основу его составляет не просто материально-техническая база, но массовая поддержка «снизу», когда дальнейшие пути и средства совершенствования социализма становятся сознательным выбором народа, а следовательно, его политическим выбором. Однако в стране в условиях всевластия партийной номенклатуры отсутствовала сколь-нибудь нормальная политическая жизнь. Социализм как реальная практика теряет динамизм и привлекательность и прежде всего экономическую эффективность. Его могла спасти в широкой исторической перспективе только массовая политическая поддержка «снизу». По иронии истории ровно через 30 лет после того, как было объявлено, что социализм победил полностью и окончательно, он перестал существовать в стране как общественный строй.

Следовательно, в центре всего спектра перемен, которые становились исторической необходимостью, была политическая реформа, реформирование всей политической системы общества. Эта идея составляла основу всего диссидентского движения в стране в 60–80 гг. Вопрос был в том, способна ли партийно-государственная бюрократия, одним словом, номенклатура на серьезные реформы и тем самым на добровольное ограничение своего всевластия.

Проблема бюрократии раннего социализма оказалась чрезвычайно сложной. Л.Троцкий в своей работе «Преданная революция» (1936) много внимания уделил этой проблеме. С одной стороны, бюрократия выполняет совершенно необходимые функции, являясь мощным орудием мобилизации общества. Это основа всей командно-административной системы, вся энергия которой на всех уровнях направляется на решение созидательных задач.

Но, с другой стороны, бюрократия начинает занимать в обществе все более привилегированное положение, а затем всячески пытается закрепить и оградить свои привилегии. Поэтому большинство населения относит рост привилегий бюрократии к явлениям пережитка социализма. Защитить привилегии она попытается, писал Л.Троцкий, через восстановление частной собственности. «Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наслед-

ство детям. <...> Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущий класс»¹⁴. Так что, рассуждал далее Троцкий, судьба социализма зависит от того, чиновник ли съест рабочее государство или рабочему классу удастся справиться с чиновником¹⁵.

Еще более глубоко выявил суть противоречия югославский партийный деятель, а затем диссидент М.Джилас: «Собственностью, являющейся де-юре общественной, общенациональной, фактически в своих интересах распоряжается одна группа. Такое несоответствие правовых и реальных отношений <...> неуклонно приводит к расхождениям между словами и делами правящих структур, так как все предпринимаемые ими меры сводятся в конечном итоге к упрощению существующих собственнических и политических отношений. Новый класс не может разрешить это противоречие, не ставя одновременно под угрозу свои позиции»¹⁶.

Партийно-государственная бюрократия, сделав ряд робких попыток в 60-е годы по реформированию экономической сферы после чехословацких событий 1968 г., отказалась от планов каких-либо серьезных перемен в обществе. Бюрократия из мотора реформ становится их тормозом. Сохранение стабильности и преемственности становится девизом бюрократии, у которой все, стремящиеся к переменам, становятся диссидентами и ревизионистами.

История провальной перестройки вновь продемонстрировала, сколь сложной оказалась для российского общества проблема революционных преобразований «сверху». Конечно, речь в принципе не должна идти о полном уничтожении государственной бюрократии, выступавшей и продолжающей выступать в качестве стержня, несущей опоры всего российского государства и общества в силу исторических условий их становления и развития. Но успешное преобразование раннего социализма в зрелый возможно при условии, что теория социализма будет в полной мере учитывать цивилизационные особенности российского общества. Фактически же практика опередила здесь теорию уже в 50–60-е гг., когда начинается мощный рост социалистического движения во всем мире и складываются новые и самые разнообразные модели социализма.

Общественно-историческая практика второй половины XX в. привела к появлению пока еще неразвитых, но уже определившихся в своей специфике цивилизационных моделей социализма, таких, как китайская, арабская модели, и, конечно же, еврокоммунизм (хотя и не получивший развития) как новое видение того западного социа-

лизма, который способен разрешить противоречия капиталистического общества, вступившего на постиндустриальную стадию своего развития. Отношения между социалистическими странами во второй половине XX в. как в теории, так и на практике были далеко не идеальными, нередко напряженными и даже конфликтными, приводившими к вооруженным столкновениям (конфликт между КНР и СССР в конце 60-х гг.).

Причина их взаимного непонимания заключалась прежде всего в том, что национально-ориентированная советская модель выдавалась за универсальную модель социализма. Серьезного различия между особенным и всеобщим в советском марксизме не проводилось, марксистская философия истории и философская теория социализма фактически не развивались, они были встроены в идеологию советского общества и были ей подчинены.

Кажется, только сегодня становится ясным, насколько важной для исторических судеб социализма явилась бы своевременная разработка теории зрелого социализма. С одной стороны, современная модель социализма должна быть глубоко укоренена в истории и культуре общества, вбирать в себя его цивилизационную природу. Когда об этом нет ясного представления, тогда и возникают постоянно острейшие дискуссии о связи социализма с историей страны. В качестве примера можно привести диаметрально противоположные предложения А.Сахарова и А.Солженицына в 60–70-е гг. относительно содержания назревших, по их мнению, политических реформ в стране. Сахаров стоял на западных позициях. А Солженицын делал упор на самобытность России¹⁷.

Но с другой стороны, цивилизационная модель социализма — это необходимая ступень в развитии социализма в направлении к глобальному социализму, т.е. к социализму во всемирном масштабе. Глобализация мира как объективный процесс показывает, что сложилась вся полнота материальных предпосылок социализма — не только производственных, но и природных. Разрешение глобальных проблем — экологических, военных, социальных и т.д. — в интересах всего человечества возможно лишь с позиций социализма, отвергающего частную собственность на природную среду обитания человечества. Глобализация «по-американски» — это утверждение господства «золотого миллиарда» над остальным миром. Сегодня стало ясным, что глобальная концепция выживания и дальнейшего прогресса человечества вместе с тем задает и параметры разрешения глобальных проблем каждым регионом или цивилизацией. От того, по какому

пути пойдет дальнейшее развитие человечества, по американскому варианту, многополярному или социалистическому, будут зависеть и параметры развития России в XXI в.

Сколько-нибудь целостной картины преобразований раннего социализма в зрелый, цивилизационный социализм в общественной науке в СССР в 60–80-е гг. не возникло и не могло возникнуть. Жесткая идеологическая цензура стала непреодолимым препятствием для проведения открытых теоретических дискуссий о перспективах социализма.

Целью перестройки, которую начал Горбачев в середине 80-х г., было коренное реформирование всех сфер общественной жизни, и в этом смысле перестройке задавалась революционная направленность. Перестройка, как говорил М. Горбачев, — «это сравнительно длительный процесс революционного обновления общества, имеющий свою логику и этапы. <...> Две ключевые проблемы развития общества определяют судьбу перестройки. Это демократизация всей общественной жизни и радикальная экономическая реформа»¹⁸. Выше говорилось о том, что форсированное насаждение капитализма закончилось неудачей, так как самодержавие категорически отказалось проводить политическую реформу в стране. Буржуазная революция «сверху» оказывается успешной только в том случае, когда экономическая и политическая реформы взаимно стимулируют развитие друг друга.

В ходе горбачевской перестройки сложилась ситуация прямо противоположная той, которая была в пореформенной России, но она также привела к провалу реформы сверху.

Первые шаги перестройки были сделаны в правильном направлении. Они были направлены на ускорение научно-технического прогресса, повышению эффективности экономики страны, что вызвало огромный энтузиазм в обществе. Но затем Горбачев стал стремительно проводить политические реформы, направленные, как он сам выражался, на слом командно-административной системы. Фактически он широко открыл двери для безнаказанного растаскивания государственной собственности, начала капитализации страны. С отменой цензуры произошел самый настоящий развал всей общественной системы — от партийно-государственного аппарата до ценностных установок советских людей. Критика недостатков строя, как реальных, так и надуманных, очень быстро обернулась полным его отрицанием. Политические реформы, приведшие к развалу экономики и общества, вместе с тем предоставили полную свободу действий антисоциалистическим силам.

Партийно-государственная бюрократия явилась главным виновником гибели социализма. Отказаться от всевластия она не могла и не желала. Недаром самые злобные статьи в адрес социализма готовились или получали одобрение в идеологическом отделе ЦК партии. Произошло окончательное и бесповоротное перерождение бюрократии, которая решила не просто обменять власть на собственность, а присоединить к власти собственность.

Пока рядовые граждане, как они думали, сражались за демократию, политические свободы и гражданские права, номенклатурная бюрократия стала без лишнего шума присваивать себе на правах частной собственности самые лакомые куски общенародной собственности, у которой почему-то вдруг не оказалось хозяина. Это незаконное присвоение собственности было задним числом признано законным после насильственного уничтожения партийно-советских институтов власти и управления.

Развал союзной государственной машины в 1991 г. оказался полным сверху донизу, до самых простых элементов механизмов государственного управления обществом. Хаос и дезорганизация становятся повседневной реальностью. Демократическая оппозиция, настоящим создателем которой была правящая номенклатура, добившись разрушения старой административно-командной системы, погубила тем самым и единое союзное государство.

Таким образом, отвечая на вопрос, была ли неизбежна гибель советского социализма, можно ответить — нет, гибель не была неизбежной. В основном все зависело, в тех конкретных условиях, от позиции бюрократии. Но вопрос о том, смогла бы государственная бюрократия пойти на сознательное ограничение своей власти, остается открытым. Дважды на протяжении века именно отечественная бюрократия стала причиной тех национальных катастроф, которые обрушивались на страну. И в третий раз судьба сегодняшней России зависит от того, сможет ли страна освободиться теперь уже от номенклатурно-криминального капитализма. Вопрос состоит в том, где та социальная сила, способная вывести страну из тяжелейшего кризиса, сформулировать реальные цели и задачи в условиях растущей глобализации мира, сделать бюрократию, поставив ее под контроль общества, эффективным инструментом для решения насущных задач развития. Многое здесь зависит также от личности, которая становится во главе государства, от ее теоретической подготовленности и политической мудрости. Чем ниже уровень влияния гражданского общества на политику властных кругов, тем больше судьба страны оказывается в зависимости от первого человека в государстве.

Трагическая гибель первого в мире социалистического общественного строя безусловно является временной в широкой исторической перспективе. Создание современной теории социализма, отвечающей тенденциям развития мировой цивилизации в условиях растущей глобализации, выступает важнейшей задачей философии творческого марксизма. Ее создание предполагает тщательное, предельно объективное изучение особенностей семидесятилетней истории становления и гибели советского социализма.

Примечания

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 9.
- ² Там же. С. 10.
- ³ Струве П. Б. Россия под надзором полиции // Освобождение. Т. 1. № 20/21. С. 357.
- ⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 279.
- ⁵ Цит. по кн.: Политическая история России: Хрестоматия. М., 1996. С. 594.
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 182.
- ⁷ Янов А. Россия против России. Новосибирск, 1999. С. 265.
- ⁸ См., например: Ципко А. С. Насилие джи или как заблудился призрак. М., 1990; Бутенко А. П. Особенности крушения тоталитаризма коммунистических цветов // Общественные науки и современность. 1995. № 5; Арефьева Г. С. Общество как объект социально-философского анализа. М., 1995.
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 303.
- ¹⁰ Там же. Т. 34. С. 373.
- ¹¹ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1945. С. 515–516. Вопрос о воздействии фактора на соотношений тенденций выживания и развития в ходе становления социализма мало привлекал к себе внимание в советский период. См. подробнее: Соколов Ю. В. Становление социализма в условиях сосуществования двух общественных систем // Проблемы мирового революционного процесса / Отв. ред. Г. Г. Водолазов. М., 1989.
- ¹² См. подробнее: Коэн С. Переосмысливая советский опыт (Политика и история с 1917 г.). Benson: Vermont, 1986.
- ¹³ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 3. М., 1962. С. 230.
- ¹⁴ Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. С. 210.
- ¹⁵ См.: Там же. С. 236.
- ¹⁶ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 225.
- ¹⁷ А. Сахаров в своей статье, написанной с позиций социализма с человеческим лицом и впервые опубликованной на Западе в 1968 г., отмечал нравственный, морально-этический характер преимущества социалистической ступени развития общества по сравнению с капитализмом, поддерживал идею конвергенции в смысле восприятия советским социализмом положительных сторон капитализма. Вместе с тем он резко критиковал порочную бюрократическую систему управления, сложившуюся в СССР. Сахаров говорил «о необходимости интеллектуальной свободы, которая дает народу и интеллигенции возможности контроля и общественной экспертизы всех действий, намерений и решений правящей группировки» (Сахаров А. Д. Тревога и надежда. М., 1990. С. 32). А. Солженицын дал резкую отповедь А. Сахарову. Говоря о будущем страны, он призывал полнее опираться на ее многовековые традиции: «Сегодня меньше, чем все минувшее столетие, приличествует нам видеть в западной парламентской системе единственный выход для нашей страны. <...> Россия тоже много веков просуществовала под авторитарной властью нескольких форм — и тоже сохраняла себя и свое здоровье» (Солженицын А. И. На возврате дыхания и сознания // Из-под глыб. Paris: YMCA-Press, 1974. С. 26). Впоследствии они неоднократно обменивались суровыми обвинениями в адрес друг друга.
- ¹⁸ Горбачев М. Октябрь и перестройка. М., 1987. С. 31–32.

Социализм как посткапиталистическое общество

Несмотря на временное поражение социализма в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы, современная историческая эпоха, начатая Великой Октябрьской социалистической революцией в России, продолжает оставаться эпохой перехода человечества от капитализма к социализму. Однако этот переход разворачивается теперь в новых исторических условиях. Поэтому важнейшей задачей марксистских исследований стала сейчас дальнейшая разработка теории, прежде всего теории научного социализма. Речь идет не только о теоретическом осмыслении новых явлений социальной действительности, но и об очищении теории от устаревших ситуационных установок, догматических упрощений, не подтвержденных общественной практикой априорных суждений, а также тщательном анализе не востребуемых и забытых марксистских идей, позволяющих глубже понять реалии нашего времени.

Социализация капитала

Классовая борьба рабочих и других отрядов трудящихся, а главное — противоборство социализма и капитализма на международной арене привели к необратимым сдвигам в самом капиталистическом мире. В ответ на вызов социализма капитализм вынужден был прибегать к некапиталистическим методам и формам поддержания своей стабильности. В недрах мировой капиталистической системы начали накапливаться социально-экономические явления, подрывающие сами устои капитализма. В экономике ведущих капиталистических

стран возник и продолжает разворачиваться процесс социализации капитала, т.е. возрастание общественных начал его организации, функционирования и развития:

— целевое планирование (программирование) и государственное регулирование экономики, в том числе индикативное (показательное) планирование, ориентирующее деятельность хозяйствующих субъектов в соответствии с прогнозами изменения рыночной конъюнктуры;

— перераспределение национального дохода, учитывающее в известной мере жизненные интересы трудящихся слоев населения (в развитых капиталистических странах государство участвует в перераспределении 40–50 процентов внутреннего валового продукта);

— индивидуальное предпринимательство на основе кооперирования отдельных хозяйственных функций мелких хозяйств, например, создание фермерских кредитных, сбытовых, машинно-технических и т.п. кооперативов;

— коллективное предпринимательство на основе различных форм трудовой коллективной собственности.

В современную эпоху явно обозначилась тенденция диалектического самоотрицания капитализма. В диалектико-материалистическом понимании социализм не сводится лишь к простому антикапитализму. Историческое развитие невозможно без исторической преемственности. Но эта преемственность не имеет ничего общего с конвергенцией капитализма и социализма — конструированием некоего «гибридного общества». Она реализуется через диалектическое «снятие» — включение в новую общественную систему предшествующих социальных достижений в преобразованном и подчиненном виде. Поэтому социализм выступает в историческом процессе как посткапитализм. Отсюда и одно из принципиальных замечаний В.И.Ленина: социализм есть «государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией»¹. Историческая тенденция самоотрицания капитализма создает в наше время принципиально новые материальные предпосылки перехода человечества на путь социалистического развития.

Особую роль в самоотрицании капитализма как общественной системы играет формирование общественно-экономического уклада трудовой коллективной собственности. Наряду с традиционными трудовыми кооперативами в индустриально развитых капиталистических странах сложились и получают развитие две новые базовые формы трудовой коллективной собственности: кооперативные объе-

динения и акционерные общества работников, имеющих дело со средним и крупным производством. Причем акционерные общества работников представляют собой своеобразный способ выкупа частного капитала трудовым коллективом, преобразования нетрудовых акций в трудовые, бесплатно распределяемые между рабочими и служащими в зависимости от их трудового вклада в производство.

Возникновение в индустриально развитых капиталистических странах общественно-экономического уклада трудовой коллективной собственности внутренне соподчинено с кризисом наемного труда — основы основ самовоспроизводства капитала и вместе с ним отчуждение человека труда от собственности, власти и культуры. Этот кризис стал в наше время одним из наглядных выражений несоответствия капиталистического способа присвоения средств к жизни с современным уровнем развития производительных сил. Очевидно, пишет известный польский философ А. Шафф, что «труд в том виде, как он понимается сегодня, то есть наемный труд, будет исчезать. Я не знаю темпов, в которых будет проходить этот процесс, но ясно, что он уже начался»².

Отличительной чертой наемного труда как продажи рабочей силы является отсутствие экономической связи между трудом и продуктом труда. Заработная плата наемного рабочего определяется до включения его рабочей силы в производственный процесс. Премии и другие поощрения рабочих в конечном счете — лишь административные меры. На современном этапе развития производительных сил эффективность наемного труда падает по мере внедрения в производство новейших постиндустриальных технологий. У наемного труда нет будущего, поскольку он лишен прежде всего такого побудительного стимула созидательной деятельности, каким является хозяйская мотивация, порождаемая трудовой коллективной собственностью. Анализ хозяйственной деятельности новых предприятий трудовой коллективной собственности свидетельствует, что они в сравнении с технологически сопоставимыми частнокапиталистическими предприятиями имеют более высокие темпы роста производительности труда и прибыльности, создают больше рабочих мест.

К. Маркс, исследуя возникавшие во второй половине XIX века «кооперативные фабрики рабочих», обращал внимание на то, что внутри таких фабрик положительно устраняется противоположность между трудом и капиталом. Поэтому складывающиеся здесь производственные отношения уже нельзя считать капиталистическими в их классическом виде. Но это еще и не социалистические отношения, поскольку подобные предприятия не могут не подчиняться гос-

подствуюющей экономической системе, законам ее функционирования и развития. Отсюда и сами ассоциированные производители становятся своеобразным «капиталистом по отношению к самим себе»³.

Трудовая коллективная собственность преобразуется в форму социалистического хозяйствования при соблюдении двух условий: переход государственной власти в руки рабочего класса, трудящихся и утверждение сопряженной с ней государственной собственности на «все крупные средства производства»⁴. Самоотрицание капитализма соединяется с его отрицанием, что составляет основное содержание социалистической революции. В этом отношении самоотрицание капитализма, как его поддержание нетрадиционными, т.е. некапиталистическими методами, не снимает различия между эволюционными и революционными процессами.

В широком смысле слова эволюция тождественна развитию. В таком смысле мы говорим, например, об эволюции солнечной системы, планеты, животного и растительного мира, человеческой цивилизации и т.п. Причем в самом развитии выделяются две ветви: восходящая (прогресс) и нисходящая (регресс). В узком смысле слова, применительно к общественной жизни, эволюция имеет и другое значение. Она сопоставляется с революцией. Социальная эволюция выступает здесь как прогрессивные и регрессивные изменения общественных отношений, не затрагивающие их сущностные черты. Социальная революция, напротив, означает коренное преобразование общественных отношений, точнее, переход от одной системы общественных отношений к другой независимо от мирных или немирных способов решения вопроса о власти. Вместе с тем далеко не всякая смена системы общественных отношений является революцией.

Социальная революция неотделима от общественного прогресса. Она означает не просто смену, а прогрессивную смену системы общественных отношений. Этим революция отличается от контрреволюции и последующей реставрации старых, утративших историческую перспективу, общественных отношений, как это имеет место в современной России. Другими словами, революция — прогрессивная, контрреволюция — регрессивная ветви общественного развития. Показателем же общественного прогресса в современном мире с полным основанием можно считать положение трудящихся масс: мера их реальных прав, свобод, социальных завоеваний, условия раскрытия и реализации каждым своих способностей. В марксистской интерпретации всестороннее развитие человека, кроме всего прочего, — и всеобщая производительная сила.

Под углом зрения перехода человечества от капитализма к социализму надо оценивать и состояние современных миросистемных связей, охватывающих собой, во-первых, отношение между людьми (система «общество») и, во-вторых, взаимные отношения людей к природе (система «общество-природа»).

Глобализация и «антиглобализм»

После развала Советского Союза и завершения таким образом «холодной войны» утвердилось лидирующее положение в мире США как единственной сверхдержавы. Отражением возникшей действительности, которую образно называют «однополюсным (однополярным) миром», стала американская доктрина «нового мирового порядка». Концепция модернизации получила свое закрепление в этой доктрине в виде концепции глобализации. Ее ядро составила глобализация экономики. Сама по себе экономическая глобализация выражает объективно возникшую историческую тенденцию интернационализации развития общественного производства, углубления международного разделения труда и международного обмена. В соответствии с тенденцией самоотрицания капитализма основой здесь могут быть только равноправные и взаимовыгодные миросистемные связи, учитывающие культурную самобытность и гуманистические ценности всех стран и народов, их собственную идентичность. С такой тенденцией в условиях противоборства двух мировых систем вынуждены были считаться и правящие круги западных стран. Устранение мировой социалистической системы изменило порядок вещей. Рассматриваемая историческая тенденция обрела явно выраженную одностороннюю форму империалистического господства и подчинения. Современная глобализация обозначила собой новый период развития империализма как высшей стадии капитализма⁵.

Доктрина нового мирового порядка исходит из разделения мира на богатые и бедные страны — развитой центр («золотой миллиард») и слаборазвитая периферия, предназначенная быть сырьевым придатком «золотого миллиарда», источником дешевой рабочей силы, пространством получения дополнительной прибыли за счет «грязных», экологически вредных технологий, свалкой радиоактивных и токсических отходов. Фундаментальными позициями глобального центра (Северная Америка, Западная Европа, Япония) являются «пять монополий»: технологические новации, международные финансовые потоки, природные ресурсы планеты, средства информации и коммуникации, рынок вооружения. Надгосударственными органами но-

вого мирового порядка выступают транснациональные (в основном американские) корпорации, Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация и т.п. Произошла деформация ключевой неоллиберальной ценности: понятие свободного рынка подменено фактически понятием открытого рынка. Экономическое господство поддерживается руководством США и возглавляемого ими Североатлантического альянса (НАТО) угрозами применения военной силы к странам, проводящим независимую политику, и прямыми вооруженными акциями (как это было в Югославии и Ираке) без санкций Совета безопасности ООН, в подрыв ее правового статуса и международного права вообще. Возник опасный прецедент превращения мирового порядка в мировой беспорядок. Именно здесь, как мне представляется, надо искать корни международного терроризма.

Империалистическая форма глобализации увеличивает разрыв жизненного уровня населения центра и периферии. В 1960 году доход населения стран «золотого миллиарда» был выше такого дохода в наиболее бедных странах (около 20 процентов народонаселения Земли) — в 30, в 1990 — в 60, в 1997 — в 74 раза. В самом центре нового мирового порядка усиливается социальное напряжение: растет конкуренция на рынке рабочей силы, а вместе с ней и безработица, наблюдается снижение заработной платы, дискриминация женщин-работниц, урезаются права профсоюзов, сокращаются социальные программы, завоеванные людьми труда в годы противостояния мирового социализма и капитализма, получают все большее распространение финансовые спекуляции, мошенничество и отмывание «грязных» денег, организованная преступность сращивается с высокопоставленным чиновничьим аппаратом, процветает наркобизнес, нелегальная миграция, торговля живым товаром. В этом отношении далеко не случайно, что именно в центре нового мирового порядка зародилось массовое движение, получившее название «антиглобализм».

На поверхности явлений это движение часто ассоциируют и даже отождествляют с акциями экстремистски настроенных «леваков». Действительно подобные акции сопровождают массовые выступления антиглобалистов (Сиэттл, Давос, Прага, Генуя и т.д.). Вместе с тем совсем не они отражают сущность происходящих процессов. Речь идет о новом социальном движении, выражающем протест против корпоративного капитала и солидарность с народами периферийных стран. Сложилась «коалиция коалиций», объединяющая профсоюзы, левых социалистов, коммунистов, анархистов, «зеленых» и другие неправительственные организации. По своему социальному со-

ставу новое движение представляет рабочих, студентов, современных («компьютерных») специалистов, определенную часть служащих, крестьян периферийных стран. В нем участвуют известные политики, ученые, журналисты.

Развернулся, несмотря на все трудности и внутренние противоречия идеологических и политических установок, процесс консолидации и организации нового социального движения, которое некоторые исследователи называют «третье левое»⁶, а сами участники — чаще всего «Движение за глобальную демократизацию» (ДГД), в антиимпериалистическое интернациональное движение⁷. Существуют такие международные протестные сети ДГД как АТТАК* (Франция), имеющее свои комитеты в Бельгии, Италии, Швеции, Бразилии, Аргентине, России; «Крестьянский путь», включающий крестьянские организации 60 стран, в том числе «Движение бедняков Тайланда», «Движение безземельных в Бразилии». Хорошо известной организацией является «Сеть прямого действия», подготовившее массовое выступление в Сиэтле (США); «Центр объединенного юга» со штаб-квартирой в Бангкоке (Тайланд) и другие организации в различных странах мира, в акциях которых участвуют сотни тысяч и миллионы человек.

В последние годы состоялись представительные встречи сторонников этого движения: в Бразилии — «Международные социальные форумы» (Порту-Алегри, 2001, 2002, 2003 гг.), в Италии и Франции — «Европейские социальные форумы» (Флоренция, 2002 г., Париж-Сант-Дёни, 2003 г.). Прошли социальные форумы за глобальную демократизацию в Африке и Индии. О массовости и антиимпериалистической направленности нового социального движения можно судить, например, по форуму во Флоренции. К его завершению общее число делегатов достигло около 60 тыс. человек. Это были представители 426 организаций из 105 стран мира, в том числе и России. На форуме принято два документа: «Декларация социальных движений Европы» и «Заявление против развязывания войны в Ираке». Лейтмотивом социального форума стал призыв: «Другая Европа возмож-

* АТТАК — аббревиатура французского названия «Акция в поддержку налога Тобина в помощь гражданам». Дж.Тобин — лауреат Нобелевской премии по экономике — предложил облагать небольшим налогом все операции по переводу (вывозу) капитала. В масштабе 0,1 процента от суммы перевода налог мог бы дать доход 150–300 млрд. долларов в год, который должен направляться на программы развития в бедные страны. Организация переросла первоначальные задачи, включив в свои требования «придание глобализации человеческого лица».

на!». Кульминацией же форума явилась мирная (без всяких эксцессов) антивоенная манифестация, в которой по мнению организаторов, властей и прессы приняли участие более миллиона человек.

По своим программным установкам новое социальное движение выдвигает прежде всего общедемократические требования, хотя сохраняется и существенное различие (более умеренное и более радикальное) в интерпретации этих требований организациями, входящими в движение:

- придать глобализации «человеческое лицо», т.е. добиваться усиления демократического контроля на основе действительных социально-экономических, политических, культурных прав человека;
- опираться на императив интернациональной солидарности между народами, культурами, цивилизациями;
- сокращать и аннулировать государственную задолженность бедных стран, усиливать им международную помощь;
- добиваться занятости для всех;
- защищать природу и политику устойчивого развития.

Однако в наше время нельзя быть подлинным демократом, если бояться идти к социализму. Это осознают и наиболее последовательные участники протестного движения. Отсюда и сами массовые протестные выступления, как это было в Сиэттле (США, декабрь 1999 г.), начали называть не только «фестивалем сопротивления», но и «антикапиталистическим карнавалом». Термин «третье левое», если обозначать им новое социальное движение, отражает коренные противоречия нашего времени, на основе которых формируются новые общественные силы, соединяющие процессы самоотрицания и отрицания капитализма. Конечно, это далеко не простой процесс. Непременным условием его дальнейшей организации является осознание рабочим классом, фермерами (крестьянами), другими слоями трудящихся, прежде всего интеллигенцией, той угрозы, которую несет человечеству глобальный капитализм. Сам факт наличия программных установок движения говорит о том, что такое осознание уже началось. Многое зависит здесь от отношения к новому мировому порядку «властителей дум»: прогрессивно мыслящих ученых, публицистов, политиков.

Показательны в этом отношении идеи, выдвигаемые представителем периферии нового мирового порядка сенегальским социологом Самиром Амином, известным по публикациям трудов во Франции. Он формирует свои позиции по современным проблемам глобализации, иначе, мондиализации (французский синоним) в виде дилеммы: «капиталистическое варварство и социалистическая эмансипация»⁸. Если противоречие между тем и другим будет преодолена

путем утверждения первого полюса, то капитализм рискует стать еще более ужасным, чем то, что «было в предыдущие фазы его развития»⁹. Если же заставит признать себя второй полюс, постепенно осуществляя свои требования, то тогда современная фаза капитализма «станет фазой его заката и долгого перехода к социализму»¹⁰.

Теме «Капиталистическая глобализация — альтернативы — оппозиционные движения — роль коммунистов» была посвящена встреча представителей 33 социалистических, коммунистических и рабочих партий из 31 страны всех континентов (Берлин, июль 2002 г.). В совместном Заявлении участники встречи принимают вызов: интернациональная солидарность и сотрудничество левых сил против капиталистической глобализации. Провозглашено, что коммунистические и левомарксистские партии — не только партнеры, но и часть современного антиглобалистского движения. В Заявлении содержится призыв к руководству компартий обсудить вопросы о новых формах интернационального сотрудничества на принципах равноправия, взаимного уважения и международной солидарности, возможности созыва для этого международного совещания. Завершается Заявление словами: «За будущее без капитализма, социализм нужен и возможен!»¹¹.

Глобализация включает в свой процесс экологическую составляющую. Вместе с тем современное состояние системы общество-природа требует специального рассмотрения.

Угроза экологической катастрофы

Научный анализ ориентации человечества на достижение жизненных стандартов «золотого миллиарда» на основе либеральной демократии (политической и экономической) и потребительской культуры, как предлагал это, например, американский социолог Ф.Фукуяма¹², доказала свою полную несостоятельность. Даже приближение периферии к потребительской культуре центра нового мирового порядка вызовет такую антропогенную нагрузку на природную среду, которая приведет к деградации современной биосферы со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для человечества. Слова К.Маркса, высказанные им по поводу истории некоторых регионов мира (Персия, Месопотамия и др.) о том, «что культура, — если она развивается стихийно, а не *направляется сознательно*, — оставляет после себя пустыню <...>»¹³, — оказались пророческими применительно к биосфере Земли в целом.

Экологический кризис, возникший в середине XX столетия, перерос на рубеже тысячелетий в угрозу глобальной экологической катастрофы. По подсчетам специалистов антропогенная нагрузка на биосферу Земли превысила допустимые границы почти в два раза. Впервые в своей истории человечество перешагнуло порог самовоспроизводимых возможностей биосферы.

Важным событием в осознании надвигающейся экологической угрозы стала Конференция ООН по окружающей среде и развитию с участием глав государств и правительств (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.). Выступая на церемонии открытия Конференции ее Генеральный секретарь Марис Стронг (Канада) обращал внимание участников конференции на причины возможной катастрофы. Он говорил: «Процессы экономического роста, которые порождают беспрецедентный уровень благополучия и мощи богатого меньшинства, ведут одновременно к рискам и дисбалансам, которые в одинаковой мере угрожают и богатым и бедным. Такая модель развития и соответствующий ей характер производства и потребления не являются устойчивыми для богатых и не могут быть повторены бедными. Следование по этому пути может привести нашу цивилизацию к краху»¹⁴.

Хотя Конференция завершилась декларативными заявлениями по частным вопросам и общей декларацией «Повестка дня на XXI век», ее достижением стало возвышение идеи устойчивого развития, выдвинутой еще в 1987 году Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию (комиссией Брундтланд), в получившую официальное международное признание концепцию устойчивого развития.

По своему стратегическому замыслу концепция устойчивого развития есть концепция выживания человеческой цивилизации в условиях антропогенно перегруженного мира, надвигающейся экологической катастрофы. Она представляет собой системное образование, которое обосновывает рассмотрение системы общества и системы природы, взятых отдельно друг от друга, в исследовании более широкой системы общество-природа. В этой связи возникает вопрос о смысле базисного английского термина «sustainable». В повседневной жизни термин переводится на русский язык как «устойчивость», синонимом чего выступают слова «постоянный», «неподверженный колебаниям». Ближайшим аналогом выступает здесь понятие стабильности. При системном же анализе под указанным английским термином понимается нечто другое: динамическое равновесие, т.е. способность системы восстанавливать свои основные параметры. Поэтому вполне резонно выглядит предложение за-

менить слова «устойчивое развитие» словами «самоподдерживающее развитие»¹⁵. В современной российской литературе используется также словосочетание «самодостаточное развитие». При таком подходе концепция обозначается как «концепция самодостаточного развития системы общество-природа»¹⁶.

Концепция самодостаточного развития системы общество-природа составляет ядро конституирующейся в наше время новой интегральной науки — «глобалистики». Ее предметом является изучение современного состояния миросистемных связей и разработка на этой основе мировой и региональных моделей управляемых жизнеспособных систем общество-природа. По своим задачам она должна быть и научно-теоретической, и научно-конструкторской наукой.

Значительный вклад в становление глобалистики как науки вносит известный российский ученый А.П.Федотов¹⁷. Интеграция отдельных глобальных проблем в науку глобалистику стало возможным благодаря предложенным им обобщенных количественных параметров (математических формул): индекс антропологической нагрузки на биосферу, индекс устойчивого (самодостаточного) развития, индекс социально-экономической дисгармонии и рентное число (рента). Серьезный научный и практический интерес представляет также созданная автором шкала интенсивности антропогенной нагрузки на биосферу Земли, карта и мировые центры надвигающейся глобальной экологической катастрофы.

А.П.Федотов сравнивает биосферу Земли с общим домом человечества. Каждая страна имеет в этом доме отдельную квартиру. Однако дом перегружен хозяйственной деятельностью и перенаселен жильцами. В подобных условиях биота (наличные растения, животные и микроорганизмы) утрачивает способность стабилизировать биосферу. В сложившейся ситуации требуются для начала хотя бы общие правила проживания в доме, т.е. биосфере. Необходимо определить допустимые пределы антропогенной нагрузки на биосферу каждой страны и размеры материального возмещения за принесенный ущерб. Вводится формула расчета причиненного ущерба, соотнесенного с территорией страны, который по международному соглашению должно возмещать правительство. Полученные таким путем выплаты (рента) поступают в распоряжение особого органа ООН и используются исключительно для защиты биосферы.

Многие глобалисты, опираясь на концепцию «пределов роста», выдвинутую еще в 70-х годах XX века супругами Доннелой и Денисом Медоузами и другими исследователями¹⁸, считают, что достиже-

ние самодостаточного развития системы общество-природа возможно только путем прекращения мирового экономического роста (стабилизации численности народонаселения и объема материального производства). Но можно ли в наше время, когда четверть населения Земли находится за чертой нищеты и бедности, когда во многих странах основными сельскохозяйственными орудиями остаются деревянная соха и мотыга, вообще отказаться от экономического роста? Думается, что нет. Подобная абстрактная установка выражает интересы лишь «золотого миллиарда». Здесь необходимы и дифференцированный подход, и программа первоочередных мер и этапов решения данной задачи. Более того, принципиально важно определить и стратегию таких миросистемных преобразований.

Как представляется, речь может здесь идти о следующем:

— сокращение военных расходов и использование огромного по своим масштабам освобождающегося материального и интеллектуального потенциала (годовой военный бюджет США превысил 350 млрд. долларов) в интересах сохранения и развития человеческой цивилизации, полного искоренения всех форм нищеты и бедности;

— изменение жизненных стандартов или, иначе, устоявшейся модели жизни «золотого миллиарда», которое Альберт Гор называет мучительным переходным периодом¹⁹, т.е., другими словами, ограничение стихийного роста материальных и особенно престижных материальных потребностей, а вместе с ними и ценностной и культурной ориентации стиля жизни. Целенаправленное формирование разумных материальных потребностей, сопряженных с индексом самодостаточного развития системы общество-природа применительно к отдельной стране и мира в целом;

— экологизация технологических процессов — их подключение к естественному круговороту вещества и энергии в приповерхностной оболочке Земли. Экологическое производство — производство и воспроизводство природных условий человеческой жизнедеятельности, например очищение от антропогенного загрязнения внутренних водоемов и вод Мирового океана, восстановление плодородия почвы, обводнение пустыни, рекультивация горных отвалов и т.п.;

— создание совершенного и доступного для населения всех стран здравоохранения и образования. Регулирование демографических процессов.

Возвышение человеческих потребностей мыслится при таком подходе прежде всего как возвышение информационных, духовно-интеллектуальных начал всех сфер человеческой жизнедеятельности. Все это, разумеется, невозможно без коренного преобразования

общественных отношений, в первую очередь отношений собственности. Дискуссия при обсуждении документов конференции в Рио-Жанейро убедительно доказывает: самым серьезным препятствием для реализации идеи самодостаточного развития системы общество-природа, в том числе внедрения новейших экологически безопасных технологий, является частная монополистическая собственность на средства производства. Она стала камнем преткновения на пути развития цивилизации. Показательно в этом отношении обсуждение на Конференции Конвенции о сохранении биологического разнообразия.

Развитые капиталистические страны получают высокие прибыли от разработки и внедрения биотехнологий в сельское хозяйство, медицину, защиту природной среды. Поставщиком же первичного генетического материала для создания биотехнологий выступают преимущественно страны тропического пояса. Естественно, что эти страны полагают справедливым передачу им части прибыли для проведения работ по сохранению биологического разнообразия или передачу на льготных условиях самих биотехнологий, способных содействовать решению задач охраны природной среды. Эти предложения были включены в проект Конвенции о биологическом разнообразии. Однако они вызвали негативную реакцию делегации США. Возглавляющий американскую делегацию тогдашний президент США Дж. Буш-старший отказался подписывать Конвенцию на том основании, что она нарушает права интеллектуальной собственности корпораций, компаний и отдельных лиц. Такую же жесткую позицию делегация США занимала и по всем другим документам конференции, в которых, хотя бы косвенно, затрагивался вопрос о передаче новых технологий, требуя, чтобы подобная передача осуществлялась только на коммерческой основе.

Нечто подобное произошло и с Киотским протоколом (соглашением) Международной конференции по глобальному изменению климата в Киото (Япония, 1997 г.). Есть серьезные основания связывать глобальное потепление климата Земли с промышленным загрязнением атмосферы «парниковыми» газами, прежде всего углекислым газом, возникающим при сжигании минерального топлива. Киотское соглашение призвало промышленные страны резко сократить такое загрязнение атмосферы. Поскольку по данным на 1992 год на долю США приходится 22,9 процентов, т.е. около четверти его мирового выброса, постольку они должны нести соответствующие (самые большие по сравнению с другими странами) затраты по выполнению Киотского протокола. Под давлением корпоративного лобби нынеш-

ний американский президент Дж. Буш-младший отказался признать и выполнять Киотский протокол, уже подписанный полномочными лицами американской администрации, объявляя, что это соглашение приведет к ослаблению американской экономики. Даже не посвященным в политические игры лицам подобный аргумент вызывает совсем другую ассоциацию: речь идет о защите сверхприбылей американских корпораций. Такую же антиэкологическую позицию заняла официальная делегация США и на Конференции ООН по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (ЮАР, август — сентябрь 2002 г.). При поддержке Саудовской Аравии и других членов ОПЕК она заблокировала предложение Европейского Союза и Бразилии о сокращении выброса в атмосферу продуктов сжигания минерального топлива путем повышения доли в мировой энергетике к 2010 году возобновляемых источников до 10—15 процентов.

Как будут развиваться события, покажет время. Однако одно ясно: капиталистический механизм умножения максимальной прибыли работает сейчас за счет разрушения биосферы Земли, которую как целое нельзя разделить государственными границами. Капитализм стал опасным для настоящего и будущего человечества. Поэтому вполне обоснованно исторически мыслящие российские разработчики концепции самодостаточного (устойчивого) развития применительно к нашей стране связывают ее с учением В. И. Вернадского о ноосфере (сфере разума), утверждающего, что понятие ноосферы «находится в полном созвучии с основной идеей, проникающей научный социализм»²⁰. Хотим мы это признать или нет, но частная монополистическая собственность поставила человеческую цивилизацию у последней черты самосохранения и выживания. Ее ограничение и преодоление — единственная перспектива общественного прогресса.

Под этим же углом зрения рассматривает миросистемные связи российский исследователь А. П. Федотов. Он считает, что капитализм отыграл свою историческую роль. В XXI веке перед человечеством стоит задача сконструировать и построить принципиально новую управляемую жизнеспособную мировую систему. В качестве реальной предпосылки такого перехода рассматривается включение в миросистемные связи рентной платы всеми странами за пользование биосферой. Именно этот конструктивно-исторический акт может быть в понимании автора первым шагом на пути к управляемой плановой социально-экономической системе — «экологическому социализму», который определяется как «социализм эпохи антропогенно перегруженной Земли»²¹.

Речь в данном случае идет не о каком-то «новом» социализме, а о дальнейшей разработке теории научного социализма, диалектики общественного развития вообще. Суть возникшей перед человечеством задачи заключается в том, чтобы сознательно соединить на научной основе взаимодействующие стороны противоречия между человечеством и биосферой так, чтобы, по образному сравнению В.И.Ленина, получилась не какофония, а симфония²². От решения этой задачи зависит будущее человеческой цивилизации. По оптимистическому сценарию XXI век должен стать веком невиданного в прошлом исторического перелома в судьбе человечества.

Рассмотренные реалии современного мира не укладываются в традиционную в недалеком прошлом проблематику марксистских исследований. Новые реалии требуют новых теоретических обобщений. Приходится констатировать и другое. Многие идеи основоположников марксизма, характеризующие социализм как посткапитализм, оказались вне поля зрения исследователей. Это относится и к ряду принципиальных положений, выдвинутых В.И.Лениным в процессе теоретического осмысления практики социалистического строительства в Советской России.

Коренная перемена точки зрения В.И.Ленина на социализм

После окончания гражданской войны (1918–1920 гг.) перед российскими коммунистами возник вопрос, как строить социализм в мелкокрестьянской стране, какой была в то время Россия. Политика военного коммунизма, существовавшая в годы войны, была заменена «новой экономической политикой» (нэпом). Ее центральным звеном выступала экономическая связь между социалистической (национализированной) промышленностью и крестьянскими хозяйствами. По первоначальному замыслу крестьяне выполняли заранее установленный натуральный продовольственный налог (продналог). Оставшиеся же после выполнения продналога сельскохозяйственные продукты использовались крестьянами для личного потребления и продуктообмена на промышленные изделия. В соответствии со второй Программой коммунистической партии (1919 г.) при переходе от капитализма к социализму устраняются товарное производство, рынок и деньги. На деле же получилось другое. Вместо продуктообмена (товарообмена), отмечал В.И.Ленин, появилась «обыкновенная купля-продажа, торговля»²³.

Перед советским государством возникла практическая задача учиться торговать, вести счет деньгам, создавать финансово-банковскую систему. Короче, использовать экономические формы товарного

производства. По оценке В.И.Ленина, сложилась такая ситуация, «когда мы должны были подойти к социализму не как к иконе, расписанной торжественными красками»²⁴. Отсюда начало перемены точки зрения В.И.Ленина на социализм, его вывод: строить социализм надо «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете <...>»²⁵.

Творческий поиск той степени соединения частного (личного) интереса с общим, той степени подчинения одного другому, которая позволила бы вовлечь в социалистическое строительство все трудовые слои населения России, в первую очередь крестьянские массы, привел В.И.Ленина к убеждению о необходимости по-новому взглянуть на кооперацию. Изначально он разделял традиционные по тем временам взгляды российских коммунистов. Выделялись два вида кооперации: буржуазная и рабочая.

Буржуазная кооперация рассматривалась наряду с концессиями, частной арендой государственного имущества, комиссионной торговлей продукцией государственных предприятий в качестве советской формы государственного капитализма²⁶. Обобществлению подлежали в такой кооперации не сами хозяйства, а их определенные функции. Например, на кооперативных началах создавались предприятия мелких товаропроизводителей по переработке сельскохозяйственной продукции. Доходы распределялись по капиталу, т.е. в зависимости от вложенных средств. Рабочая кооперация была представлена потребительской и промысловой кооперацией. Промысловая кооперация представляла трудовые объединения мелких земледельцев или мелких ремесленников. Она занималась производством и сбытом сельскохозяйственных и неземледельческих продуктов, в том числе кустарных изделий из дерева, кожи, металла и т.д. Потребительская кооперация выполняла другую роль. Она обеспечивала на взаимовыгодной основе заготовку сельскохозяйственных продуктов, их перевозку и справедливое распределение среди рабочих.

Кооперации отводилась важная, но все же вспомогательная роль. Поэтому, перечисляя общественно-экономические уклады тогдашней России, В.И.Ленин не выделял кооперацию в качестве особого уклада²⁷. Буржуазная кооперация относилась В.И.Лениным к государственному капитализму, потребительская включалась в социалистический (национализированная промышленность) уклад, а промысловая — в мелкотоварный. Кооперативным предприятиям не придавалось самостоятельное значение²⁸. Однако и в этом вопросе жизнь заставила внести существенные коррективы.

В последней из продиктованных В.И.Лениным статье политического завещания, названной им «О кооперации» (январь 1923 г.), была обоснована роль в социалистическом строительстве производственной трудовой кооперации. Конечно, в мелкокрестьянской стране трудовая кооперация имела и имеет первостепенное значение для вовлечения в социалистическое строительство крестьянские массы. Однако, как показала общественная практика, ее роль не сводится лишь к социалистическим преобразованиям крестьянских хозяйств. Трудовая кооперация (трудовая коллективная собственность в целом) занимает важное место в социалистическом преобразовании всей системы общественных отношений.

В.И.Ленин не знал марксовской оценки кооперативных фабрик рабочих, которые начали возникать в США и Германии во второй половине XIX века, замечания К.Маркса и Ф.Энгельса об использовании кооперации в качестве промежуточного звена при переходе к полному коммунизму²⁹ и др. Несмотря на это, его анализ трудовой кооперации совпадает, продолжает и развивает идеи К.Маркса и Ф.Энгельса.

Прежде всего В.И.Ленин обосновал условия преобразования трудовой кооперации в форму социалистического хозяйствования. Такими условиями, повторим еще раз, являются, во-первых, переход государственной власти в руки рабочего класса, трудящихся и, во-вторых, утверждение государственной собственности на основные (главные) средства производства. Более того, В.И.Ленин открыл в трудовой кооперации то, что не предполагали и не могли предполагать К.Маркс и Ф.Энгельс. Для него трудовые кооперативы не только негосударственный социалистический хозяйственный уклад, но и «новый принцип организации населения»³⁰. Поэтому трудовая кооперация (производственная, потребительская, сбытовая и др.) должна охватить все население страны, включая прежде всего крестьянство. И задача не сводится здесь лишь к понятному массе населения выбору путей соединения при поддержке государством личных и общих интересов. Новый принцип организации населения представляет собой и коллективную форму самодетельности трудового народа во всех сферах социалистического строительства: экономической, социальной, политической и духовной. В качестве горизонтальных связей он становится характерной чертой развития социализма как гражданского общества.

Фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна, заключалась в идее социалистических преобразований общества без учета основного вопроса, каким является вопрос о завое-

вании государственной власти рабочим классом, трудящимися. Когда же эта задача решена, остается, по мысли В.И.Ленина, только одно: сделать трудовое население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды кооперации. Но для этого нужен целый исторический переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы или, другими словами, «культурная революция»³¹, без чего в мелкокрестьянской стране трудящиеся не смогут сделать осознанный добровольный выбор социалистического пути развития. Строй «цивилизованных кооператоров» неотделим здесь от «строя социализма»³². Поэтому после решения вопроса о власти центр тяжести переносится на мирную организационную культурную работу, которая имеет своей перспективной целью именно кооперирование. «Теперь, — резюмировал В.И.Ленин, — мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен <...> с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»³³.

Конечно, коренная перемена точки зрения на социализм не ограничивается лишь обоснованием условий преобразования трудовой кооперации (в современном мире трудовой коллективной собственности вообще) в форму социалистического хозяйствования. После решения задач переходного периода ближайший, ранний социализм организуется в своей экономической основе в виде двухукладного общества — государственная собственность и трудовая коллективная собственность. Актуализируется проблема хозяйственного оборота между этими укладами. Требуется новый подход к решению вопроса о формах планирования, судьбе товарного производства, рынка, закона стоимости и многое другое³⁴.

Идея полного социализма как бесклассового общества

К.Маркс и Ф.Энгельс не проводили понятийного различия между коммунизмом и социализмом. В «Анти-Дюринге» и других работах Ф.Энгельс трактовал социализм в том же смысле, в каком К.Маркс писал о коммунизме в «Критике Готской программы». Этапы развития посткапиталистической общественной формации определялись К.Марксом как низшая и высшая фазы коммунистического общества.

Из такого же понимания соотношения социализма и коммунизма исходил в 90-х годах XIX в. и В.И.Ленин. Поэтому он называл социальную революцию пролетариата коммунистической революцией³⁵. Разграничение понятий социализма и коммунизма утвердилось в марксистской литературе позже, в начале XX века. Наиболее обсто-

ательно такое разграничение проведено В.И. Лениным в книге «Государство и революция». Понятие социализма использовалось теперь исключительно для обозначения низшей фазы коммунистического общества.

В марксистском понимании социальное равенство людей означает только одно: уничтожение классов и классовых различий³⁶. Но на какой фазе коммунистической общественной формации решается данная задача? Ответ на поставленный вопрос был обоснован В.И. Лениным. Разберемся в его сути.

Начиная с конца 60-х годов XX в., этап зрелости социализма в Советском Союзе определялся как развитой социализм. Подобная интерпретация зрелости социализма была явно завышенной. Однако все по порядку. Действительно, В.И. Ленин использовал термин «развитой социализм». В первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти», например, это звучало так: «<...> с точки зрения уже развитого социалистического общества»³⁷. Но предпочтение он все же отдавал другому, хотя и синонимичному (если, разумеется, не заниматься схоластикой) термину — «полный социализм». Сформулировал В.И. Ленин и объективный критерий этапа полного социализма, позволяющий отличать полный социализм от первоначального, раннего социализма. Обращалось внимание на следующее: «<...> социализм означает уничтожение классов, а пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор остаются разные классы и, следовательно, не может быть полного социализма»³⁸.

Задача построения бесклассового социалистического общества находилась в центре внимания В.И. Ленина особенно после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Понимание социализма как уничтожение классов подчеркивалось им в работах «Очередные задачи Советской власти», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», других статьях и выступлениях. Причем речь всякий раз шла не только об эксплуататорских классах, но и о социальном различии между рабочими и крестьянами. Выступая на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию в мае 1919 года, В.И. Ленин, в частности, говорил: «Общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество»³⁹. Самое же главное для понимания содержания преобразований, необходимых для уничтожения классов, было обозначено В.И. Лениным в статье «Великий почин».

В начале абзаца статьи, где формулируется определение классов, В.И. Ленин пишет: «А что это значит «уничтожение классов»? Все, называющие себя социалистами, признают эту конечную цель социа-

лизма, но далеко не все вдумываются в ее значение». И далее, в следующем абзаце, перечисляются основные преобразования, необходимые для достижения такой цели: «Ясно, что для полного уничтожения классов, надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще всякую частную собственность, **надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда.** Это — дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо отменить еще и всякую *частную* собственность на средства производства, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками»⁴⁰.

Построение в СССР к середине 30-х годов основ социализма или, точнее, основ раннего социализма вновь актуализировало проблему преодоления классовых различий. Исходя из ленинских идей, XVII конференция (1932 г.), а затем и XVII (1934 г.) съезд ВКП(б) в своих документах отметили, что исторической задачей является теперь «окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных *строителей бесклассового социалистического общества*»⁴¹.

К сожалению, начиная с XVIII (1939 г.) съезда партии, ленинское понимание полного социализма как бесклассового общества оказалось невостребованным руководством Советского Союза. Построение основ раннего социализма было представлено тогда в виде полной, а затем и окончательной победы социализма. Третья программа партии, принятая на XXII съезде КПСС (1961 г.), объявлялась программой развернутого строительства коммунизма — высшей фазы коммунистической общественной формации. Более того, намечались даже конкретные календарные сроки (80-ые годы) вступления страны в коммунизм. Все это привело к упрощенным представлениям задач социалистического строительства, исторических границ социализма, его трактовке всего на всего в виде некоего промежуточного мостика на пути к коммунизму.

Утопический романтизм программы обнаружился уже через несколько лет после ее принятия. Возник теоретический вакуум, который в спешном порядке заполнила во многом умозрительно сконст-

руированная концепция развитого социализма. В известной мере эта концепция преодолевала упрощенное понимание социализма. Но и она была далека от решительного устранения допущенной ошибки. Для В.И.Ленина развитой (полный) социализм — бесклассовое общество, в концепции же развитого социализма бесклассовое общество еще только создается в исторических рамках развитого социализма. Непонимание всей сложности, трудности, длительности строительства социализма не было преодолено. Теоретическая несостоятельность в понимании исторических этапов становления и развития социализма и как следствие несоответствие практической политики насущным задачам социалистических преобразований обернулись в конечном счете трагедией контрреволюционного переворота и капитализацией страны.

Прежде чем перейти на основе восстановления ленинских идей к рассмотрению основных этапов становления и развития социализма (переходный период к социализму, ранний социализм и полный социализм) выскажем свои соображения о формационной природе социализма. Речь идет о следующем. Некоторые авторы предлагают сейчас выделять социализм в качестве особой общественной формации⁴². Такая позиция имеет свою историю. В свое время она была достаточно широко распространена в ГДР — первом социалистическом государстве на немецкой земле. Нынешние интерпретаторы в теоретическом плане не вносят ничего нового. Вместе с тем понимание социализма как низшей фазы коммунистической общественной формации имеет в марксизме принципиальное значение. И это далеко не слова. Практика социалистического строительства убедительно подтвердила ту истину, что между низшей и высшей фазами коммунистического общества нет исторически фиксированных рубежей. Уже в условиях раннего социализма возникают, например, фонды общественного потребления, распределение которых не зависит от количества и качества труда. Развитие социализма есть одновременно и развитие его общекоммунистических начал, что надо иметь в виду и при рассмотрении этапов социалистического строительства.

Переходный период к социализму

Начало переходного периода к социализму неотделимо от завоевания государственной власти рабочим классом, трудящимися, т.е. от решения (мирным или немирным путем) коренного вопроса социальной революции. Определение же задач переходного периода, в свою очередь, предполагает привлечение и творческое развитие с уче-

том специфики конкретного социально-экономического положения и уровня исторического развития страны идей ленинского нэпа, использования их для разработки концепции и программы, которую можно назвать неонэпом. К обновленному социализму через неонэп — такова перспектива социалистического строительства и в современной России.

Предпочтительной государственной формой социализма является в Российской Федерации Республика Советов. Как органы общественно-политической самодеятельности рабочего класса Советы возникли в ходе революции 1905 г. Но зародились они не на пустом месте. Их идея уходит в глубины российской истории — традиции вечевой демократии, ограничивающей в свое время власть удельных князей, и соборности. В противоположность эгоистическому индивидуализму западного менталитета соборность — это понимание и организация общественной жизни не в виде простого сложения «я» и «ты», а в виде «мы» — их внутреннего единства, где «мы» выдвигается на первое место перед «я» и «ты» и где изначально вырастают присущи российскому образу жизни коллективизм и артельность.

Если обратиться к истории Советской власти, то она не исключала ни многопартийности (первое Советское правительство), ни свободы выборов и отзыва депутатов. Важную роль играла в первые годы Советской власти производственно-отраслевая организация выборов, позволяющая трудовым коллективам держать под контролем государственную и общественно-политическую деятельность своих депутатов. Как представительная организация Советы непосредственно или с помощью создаваемых ими государственных учреждений осуществляли все властные полномочия: законодательные, исполнительные, ревизионно-контрольные, судебные и др. Депутаты, отмечал В.И. Ленин, «должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями»⁴³.

Современные критики советского периода российской истории противопоставляют всевластию Советов принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Но может ли сам по себе этот принцип считаться универсальным критерием демократичности общественного строя, гарантом прав и свобод человека? Нет и еще раз нет! За всеми ветвями власти (выборы, назначение должностных лиц, постановления и решения судей и чиновников и др.) в буржуазно-демократических странах стоит в большей или меньшей степени власть «денежного мешка». Вспомним хотя бы такой факт. На последних президентских выборах в США, когда судьба

хозяйина Белого дома зависела от результата пересчета избирательных бюллетеней в штате Майями, полномочия судебной власти были как бы забыты. Решение принималось не на основе учета волеизъявления избирателей, а путем сговора избирательных команд кандидатов в президенты — Дж.Буша-младшего и А.Гора, за которым просматриваются интересы техасских монополий. В нынешней же России с ее авторитарной конституцией ни о каком разделении властей вообще не может быть и речи. Заявление первого российского президента «как я скажу, так и будет» не нуждается в комментариях.

Отличие от последующих этапов социалистического строительства переходный период характеризуется смешанной экономикой. Часто ее отождествляют с многоукладной экономикой, утверждая при этом, будто в истории общества экономика всегда была смешанной. Но имеет ли смысл подобное удвоение термина? Думается, что нет. С моей точки зрения, смешанная экономика представляет собой такую многоукладную экономику, в которой сосуществуют и взаимодействуют различные по своей формационной природе исторические типы собственности. Наличие смешанной экономики свидетельствует о переходном состоянии общества. Либо это — реликт предшествующего формационного развития (например, современная Россия), либо зарождение новой общественной формации, о чем идет речь при переходе от капитализма к социализму.

Применительно к Советской России В.И.Ленин различал пять общественно-экономических укладов смешанной экономики: социалистический (национализированная промышленность), государственно-капиталистический, частнокапиталистический, мелкотоварный, патриархальный (определенная часть крестьянства)⁴⁴. Позже, когда стала понятна роль в социалистическом строительстве трудовой кооперации, возникли основания выделять в смешанной экономике не один, а два социалистических уклада: государственный и, в современной интерпретации, трудовой коллективный — трудовая кооперация и акционерные общества работников. Причем при организации предприятий трудовой коллективной собственности надо помнить предупреждение Ф.Энгельса: дело должно «быть поставлено так, чтобы интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества»⁴⁵.

Не останавливаясь специально на характере всех укладов смешанной экономики, выясним наиболее важные черты государственного капитализма. Во-первых, нельзя отождествлять государственный капитализм с государственной монополией, которая может быть и капиталистической и социалистической, т.е. поставленной на служ-

бу народа, во-вторых, необходимо проводить различие между государственным капитализмом при сохранении власти капитала и при переходе от капитализма к социализму, когда государственные командные высоты и основные, т.е. стратегические отрасли промышленности, транспорта, информации, связи, земли сельскохозяйственного назначения, земные недра, леса, воды становятся собственностью государства и устанавливается государственная монополия на внешнюю торговлю.

В.И. Ленин считал, что «оболочку государственного капитализма» составляли в Советской России подконтрольные государству промышленники, торговцы, буржуазные кооператоры⁴⁶. Однако суть проблемы не только в государственной подконтрольности частного капитала, но и совпадении определенных интересов социалистического государства и частных предпринимателей в оживлении народного хозяйства, упорядочении рыночной стихии, получении взаимной выгоды от раздела производимой продукции или дохода.

В Советской России государственный капитализм, включая и такую его форму как концессии, не получил сколько-нибудь серьезного развития. Вместе с тем сама постановка вопроса о государственном капитализме не потеряла своей актуальности. Заметную роль государственный капитализм играет сейчас в смешанной экономике таких стран, как Китай и Вьетнам, находящиеся на этапе переходного периода к социализму. Формой государственного капитализма выступают здесь, например, открытые акционерные общества, где контрольный, по крайней мере блокирующий, пакет акций принадлежит государству и где наряду с государством участвуют частные, в том числе и иностранные, капиталы.

В нынешней России первой не только социалистической, но и общедемократической задачей является национализация криминально-компраторской собственности, сконцентрированной прежде всего в финансово-промышленных группах российских олигархов, что создало бы условия равноправной рыночной конкуренции и соревнования всех (независимо от формы собственности) товаропроизводителей и обеспечило бы социалистическую ориентацию рынка. Но перспективы развития укладов смешанной экономики переходного периода далеко не однозначны. Сразу же возникнет проблема частной собственности. Рассматривая эту проблему, важно проводить различие между двумя формами частной собственности: эксплуататорской, основанной на присвоении чужого неоплачиваемого труда, и неэксплуататорской, основанной на личном труде⁴⁷. Если первая форма частной собственности преодолевается при переходе к социализму (ис-

ключение, видимо, составят в течение определенного периода госкапиталистические фирмы с участием иностранного капитала), то функции второй не исчерпываются этими границами. Основанный на собственном труде мелкотоварный общественно-экономический уклад — фермерские хозяйства, мелкая розничная торговля, предприятия бытового обслуживания — могут сохранять свою общественную значимость и в условиях раннего социализма. Сказанное не ставит под сомнение магистральную линию общественного развития: перспективу постепенного преобразования мелкотоварного производства в ассоциированное крупное производство в той степени, в какой такое производство позволяет более эффективно решать соответствующие хозяйственные задачи. Нельзя забывать и то, что мелкотоварное производство всегда способно порождать капиталистические отношения, в том числе преобразовываться в определенных условиях в криминальную «теневую экономику».

Что же касается частнокапиталистических предприятий, присваивающих чужой неоплачиваемый труд, то их судьба зависит от конкурентноспособности в состязании с предприятиями других форм собственности. Нет необходимости запрещать такие предприятия. Жизнь сама проведет «естественный отбор». Однако в любом случае они должны подчиняться власти закона: государственный и рабочий контроль, предельная нижняя планка оплаты труда, нормы отчисления в фонд социального развития, уровень техники безопасности и т.п. Инициатива возбуждения процедуры изменения формы собственности должна быть законодательно закреплена за трудовыми коллективами и их уполномоченными органами в лице профсоюзов и советов. Наиболее предпочтительным способом решения данной задачи может стать выкуп у капиталистов акций и других активов. Комментируя высказанные по этому поводу замечания К.Маркса и Ф.Энгельса⁴⁸, В.И.Ленин обращал внимание на обстоятельства, которые могут «сложиться так, что заставят капиталистов мирно подчиниться и культурно, организованно перейти к социализму на условиях выкупа»⁴⁹.

Ранний и полный социализм

Ранний социализм, построенный в мелкокрестьянской стране, какой была дореволюционная Россия, представляет собой неантагонистическое классовое общество. Основу его социальной структуры составляют новый в социальном отношении рабочий класс и новое крестьянство. Причем рабочие соотносились тогда в СССР с госу-

дарственной, а крестьяне — колхозно-кооперативной собственностью. Подобное соотношение имеет и сейчас определенный смысл для социалистического преобразования в мелкокрестьянских странах. Но важно учитывать и другое. В развитых капиталистических странах, о чем уже шла речь, возникли новые формы трудовой коллективной собственности, имеющие дело со средним и крупным производством. Подобные процессы не могут не влиять на состояние экономики всех стран, ставших на путь социалистического развития. Наряду с государственными промышленными и сельскохозяйственными предприятиями промышленные и сельскохозяйственные трудовые коллективные предприятия сближают классовое положение людей труда по их месту в системе промышленного и сельскохозяйственного (аграрного) общественного производства. Складывается тенденция движения раннего социализма к социальной однородности общества. Понятие «рабочий» и «крестьянин» («фермер») приобретают значение профессиональных понятий, обозначающих род занятий — промышленный и аграрный (земледелие и животноводство). Классовые же различия, как это предвидел В.И. Ленин, трансформируются в социальные различия между городом и деревней, между людьми физического и умственного труда⁵⁰.

Важным шагом на пути соединения физического и умственного труда выступает в наше время внедрение в производство высоких, постиндустриальных технологий. В производственной деятельности квалифицированных по роду занятий рабочих и крестьян прогрессивно возрастает удельный вес интеллектуальных операций. Более того, непосредственным производителем материальных ценностей становятся теперь и включенные в производственный процесс в сфере промышленности работники умственного труда — технологи, программисты, операторы. Применительно к сельскохозяйственному производству этот список пополняется агрономами, зоотехниками, ветеринарными врачами. Преодоление социального различия между городом и деревней означает и создание в условиях сельских поселений качества жизни, не уступающее по своему уровню городскому, — комфортность быта, развитая инфраструктура, медицинские, образовательные, культурные и другие подобные учреждения.

В экономике раннего, а затем и полного социализма сохраняются такие предшествующие социализму черты, как товарное производство, рынок, закон стоимости. Однако эти характеристики экономических процессов становятся при социализме характеристиками особого рода. Они преобразуются новой, по сравнению с капитализмом, целью социалистического производства (не получение прибыли и

сверхприбыли, а удовлетворение потребностей общества и человека) и подчиненным этой цели планированием развития народного хозяйства. Позволю себе лишь два замечания. Во-первых, практика социалистического строительства убедительно доказала, что рынок потребительских товаров и деньги, как всеобщий эквивалент затрат общественно необходимого труда, представляются наиболее простым, понятным и гибким способом реализации социалистического принципа распределения по труду. Они позволяют человеку труда получать заработанную им долю общественного богатства в том виде, в каком такая доля соответствует его потребностям, запросам, вкусам. Во-вторых, самой глубокой, по моему мнению, причиной рыночных отношений применительно к средствам производства выступает наличие двух общественных форм социалистической собственности, необходимость эквивалентного обмена между основанными на них предприятиями. Это не ставит под сомнение определение социалистической экономики как плановой. Рынок при социализме — инструмент плана, позволяющий полнее учитывать состояние общественных и индивидуальных потребностей, и одновременно дополнение плана саморегулирующими звеньями народного хозяйства.

Развитие раннего социализма неотделимо от решения главного требования социализма — фактического обобществления производства, что нельзя сводить лишь к проблеме технико-технологической трансформации. Здесь необходимы не технико-технологические, а социально-экономические решения. Их суть — преодоление условий наемного труда в масштабах всей экономической системы, сохраняющихся и после ликвидации эксплуатации человека человеком, другими словами, устранение отчуждения труда от работника. Речь идет о таких преобразованиях, при которых трудящиеся действительно стали бы совладельцами народного достояния, получили бы возможность непосредственно распоряжаться результатами своего труда. Именно так завершается изначально начавшийся процесс конституирования государственной социалистической собственности в собственность общенародную.

Характерной чертой наемного труда, на что уже обращалось внимание, является отсутствие экономической связи между трудом и созданной трудом продукции. Устранение эксплуатации человека человеком еще не означает полное преодоление условий наемного труда. Как мне представляется, возможен лишь один путь решения данной задачи — соединение в лице человека труда работника и хозяина. В этом, с моей точки зрения, суть социалистического обоб-

ществления производства, обобществление на деле. Соответственно должна конституироваться и политическая экономия социализма: логика капитала уступает свое место логике труда.

Подобная проблема не существует применительно к предприятиям трудовой коллективной собственности, несовместимых с наемным трудом по самой своей природе. Но как быть с государственной собственностью? Показателен югославский опыт, положительные и отрицательные моменты которого требуют изучения и объективной оценки. Вместе с тем понятно, что именно общесистемный монополизм и формализм, выдаваемый за демократию, позволил управленческой и технократической элите навязать свои интересы трудовым коллективам, сведя в конечном счете на нет их права и творческий потенциал самоуправления. Югославский опыт убедительно доказывает: самоуправление трудового коллектива теряет смысл, если в его непосредственном распоряжении нет собственной экономической базы.

Экономическая эффективность государственной собственности зависит от формы ее использования. Государственная собственность может, например, быть представлена и в предприятиях прямого государственного подчинения (стратегические отрасли промышленности) и в самоуправляемых трудовым коллективом, его полномочными органами арендных предприятий.

Первые характеризуются полной собственностью государства на средства производства и неполной собственностью на производимую продукцию. По крайней мере определенная часть продукции, ее денежный эквивалент, формируемый в том числе и из средств государственного финансирования производства, становится трудовой коллективной собственностью. Эта собственность поступает в распоряжение трудового коллектива, включая образование (в соответствии с трудовым вкладом в производство) личного дохода каждого работника.

Вторые предприятия характеризуются тем, что государство сохраняет за собой права собственника средств производства, которые передаются во владение и пользование трудовому коллективу в соответствии с договором об аренде. Трудовой коллектив не может изменить профиль предприятия или закрыть предприятие и распродать средства производства. Произведенная же продукция поступает в полное распоряжение трудового коллектива, является его трудовой коллективной собственностью со всеми вытекающими отсюда последствиями. Государственное управление подобными предприятиями осуществляется не непосредственно, а опосредствованно через органы самоуправления трудового коллектива. Самоуправляемые народные предприятия могут, следовательно, основываться не толь-

ко на трудовой коллективной собственности на средства производства, но и на государственной собственности на средства производства, арендуемые трудовым коллективом.

Трудовая коллективная собственность применительно к первым и вторым предприятиям, использующим государственную собственность на средства производства, становится внутрисистемным дополнением к государственной собственности. Она образуется как относительно самостоятельная экономическая основа производственной демократии, оперативного и независимого от административного давления самоуправления трудового коллектива. Экономическая связь между трудом и результатами труда приобретает в данной ситуации зримое и понятное для всех выражение. Рачительное использование средств производства само собой выступает непреложным требованием трудовой деятельности. Работник и хозяин естественным образом воссоединяются здесь в одном лице. Хозяйская мотивация труда обретает черты не благих пожеланий, а повседневной реальности. Завершается процесс преодоления условий наемного труда, становление социалистической государственной собственности как общенародной собственности, формирования полного социализма и его развития на собственной основе.

Полный социализм — бесклассовое общество социального равенства и социальной справедливости людей труда. Если социальное равенство означает устранение классов и классовых различий, то социальная справедливость разворачивается, если использовать старое определение русской философской мысли, как соответствие «деяния и воздаяния» применительно ко всем субъектам социалистического общества — индивидуальным и групповым. Причем и социальное равенство, и социальная справедливость уходят при социализме своими корнями в последовательное осуществление принципа: «от каждого по способности — каждому по труду».

Экономическую основу полного социализма составляет двуединый уклад — две подчиненные и организованные применительно к постиндустриальным технологиям формы собственности — общенародная и трудовая коллективная, двуединство которых в социалистической экономике окончательно стирает классовое различие в социальном положении людей труда. Ведущее значение в двуединой экономической системе полного социализма всегда будет иметь общенародная собственность на средства производства, особенно представляющая стратегические отрасли народного хозяйства. Вне таких отраслей, наряду с общенародной, если исходить из современных тенденций, возрастает и удельный вес трудовой коллективной собствен-

ности. Получат дальнейшее развитие два аспекта взаимодействия общенародной и трудовой коллективной собственности: во-первых, в виде относительно самостоятельных частей двуединой и целостной экономической системы, во-вторых, в виде внутривидового дополнения в каждом отдельном предприятии общенародной собственности собственностью трудовых коллективов. Причем, повторив еще раз мысль Ф.Энгельса, дело должно быть поставлено так, чтобы интересы отдельных коллективов не преобладали бы над интересами общества. Окончательно утверждается научно организованная и управляемая государством (с использованием различных форм и методов планирования и регулирования) планомерность общественного развития. Вертикальные связи государственного управления сочетаются с горизонтальными партнерскими связями субъектов общественной жизни. В определенных экономических границах сохраняются и преобразованные социализмом товарное производство, рынок и закон стоимости.

Полный социализм — общество развитой социалистической демократии, качественно нового уровня социальных завоеваний трудящихся, их свобод, прав и ответственности во всех областях общественной и личной жизни. Совершенствуются и закрепляются в качестве простых норм нравственности и справедливости равные для всех условия раскрытия человеческой индивидуальности — задатков, способностей и талантов. Окончательно уходят в прошлое все остаточные явления отчуждения человека труда от собственности, власти и культуры.

Перечисленные характеристики социализма далеко не исчерпывают всех его граней. Да это сейчас не столь уж важно. В конечном счете дело не в перечислении родовых признаков, а в теоретическом видении социализма, разработке современной теории социализма. Решение данной задачи неотделимо от идейного наследия К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина (в том числе актуализации не востребуемых и забытых сформулированных ими положений и выводов), соотнесение его с проблемами современной эпохи.

Примечания

- 1 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 192.
- 2 Шафф А. Мой XX век // Свободная мысль. 1994. № 4. С. 31.
- 3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 483.
- 4 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.
- 5 Зюганов Г.А. Глобализация: тупик или выход? М., 2001. С. 172–175.
- 6 См.: Кагарлицкий Б.Ю. Глобализация и новые социальные движения // Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски. М., 2002. С. 172–175.
- 7 См.: Биндюков Н.Г. Антиглобализм как движение против империалистической глобализации // Диалог. 2003. № 8–9.
- 8 Амин С. Мондиализация и демократия — противоречие нашей эпохи // Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски. С. 120.
- 9 Там же. С. 124.
- 10 Там же.
- 11 За будущее без капитализма // Правда. 2002. 25 июля.
- 12 См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопр. философии. 1990. № 3.
- 13 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 45.
- 14 Цит. по кн.: Коптюг В.А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 года): Информ. обзор. Новосибирск, 1992. С. 7.
- 15 См.: Руткевич М.Н. Система общества. Социологические очерки. СПб., 2001. С. 114.
- 16 Плетников Ю.К. Будущее — социализм. Новые черты современной эпохи. М., 2000. С. 21.
- 17 См.: Федотов А.П. Введение в глобалистику. Наброски науки о современном мире. Второе дополненное издание. М., 1999; Он же. Глобалистика. Начало науки о современном мире. М., 2002.
- 18 См.: Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рэндерс Й., Беренс III В.В. Пределы роста. М., 1991; Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рэндерс Й. За пределами роста. М., 1994.
- 19 См.: Гор Эл. Земля на чаше веков. Экология и человеческий дух. М., 1993.
- 20 Вернадский В.И. Размышление натуралиста. Кн. 2. М., 1977. С. 67.
- 21 Федотов А.П. Глобалистика. Начало науки о современном мире. М., 2002. С. 126.
- 22 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 211.
- 23 Там же. Т. 44. С. 208.
- 24 Там же. Т. 45. С. 303.
- 25 Там же. Т. 44. С. 151.
- 26 См.: Там же. Т. 43. С. 225–227.
- 27 См.: Там же. Т. 45. С. 279 и др.
- 28 См.: Там же. С. 374–375.
- 29 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 480–484. Т. 36. С. 361.
- 30 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 373.
- 31 См.: Там же. С. 372, 376–377.
- 32 См.: Там же. С. 373.
- 33 Там же. С. 376.
- 34 См.: Плетников Ю.К. Будущее — социализм. Новые черты современной эпохи. М., 2000. С. 39–46.
- 35 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 312.
- 36 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20; Т. 24. С. 104; Т. 33. С. 113; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 353 и др.

- ³⁷ Ленин В.И. Т. 36. С. 139.
- ³⁸ Там же. Т. 43. С. 130.
- ³⁹ Там же. Т. 38. С. 353.
- ⁴⁰ Там же. Т. 39. С. 15 (подчеркнуто. — *Ред.*).
- ⁴¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 5. С. 35–36, 131 (подчеркнуто. — *Ред.*).
- ⁴² См.: Ключовог Ф.Н. Социализм как общественно-экономическая формация // Социализм вчера, сегодня, завтра. М., 1997.
- ⁴³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 48.
- ⁴⁴ См.: Там же. Т. 36. С. 296; Т. 43. С. 207; Т. 45. С. 279 и др.
- ⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 361.
- ⁴⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 296.
- ⁴⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 773.
- ⁴⁸ См.: Там же. Т. 22. С. 523.
- ⁴⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 215.
- ⁵⁰ См.: Там же. Т. 39. С. 15.

Социализм — пространство культуры

Поражение социализма в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы не означает, что потерпела крах, оказалась несостоятельной и социалистическая идея. Попытки возложить на нее ответственность за все происшедшее не кажутся мне убедительными. Идеями еще нужно уметь пользоваться. Они способны оборачиваться собственной противоположностью в руках тех, кто не готов к их восприятию ни исторически, ни нравственно, ни культурно. В истории было пролито немало крови во имя самых возвышенных, но неверно понятых или ложно истолкованных идей. Призывы к свободе приводили к анархии и насилию, лозунги народовластия — к тотальной власти государства над личностью, стремление к равенству — к нетерпимости ко всякой яркой индивидуальности. Разве имевшие место в истории и еще возможные злоупотребления свободой отвергают саму идею свободы, ее непреходящую ценность для человека?

Идеи обычно живут до тех пор, пока существуют люди, верящие в них. Сегодня людей с социалистическими убеждениями, если говорить о России, явно поубавилось, но они есть, и никто не может гарантировать, что завтра их не будет больше. Здесь напрашивается определенная аналогия. Как средневековое общество не во всем совпадало с моральными заповедями христианства, господствовавшего тогда в европейском общественном сознании, так и общество «реального социализма» разошлось с принципами социализма. Будущий историк не пройдет мимо очевидного факта разрыва между теорией и практикой социализма, провозглашенными лозунгами и достигнутыми результатами. И как конец Средневековья не сопровождался

гибелью христианства, хотя и породил атеистическое умонастроение, так и завершение в Европе эпохи «реального социализма», подняв волну антикоммунистических настроений, не обязательно повлечет за собой исчезновение самой идеи.

Социализм — идеология или наука?

Несостоятельность «реального социализма» в том его виде, как он существовал в СССР и некоторых других странах, ни в чем не проявилась так резко, как в сфере идеологии. Официальная идеология прошла мимо методологических и теоретических сдвигов в общественной науке XX в. Марксизм советского образца если и реагировал на достижения современной науки, то в областях, далеких от исторической, социальной и политической мысли. Интеллектуальный кризис «реального социализма» явился причиной и всех остальных его кризисов. Важно, однако, разобраться в том, что привело к этому кризису. Истоком его, на наш взгляд, стал миф о полной победе социализма. В.И. Ленин считал, что социализму предшествует длительный переходный период с рынком и частной собственностью. Через двенадцать лет после смерти В.И. Ленина И.В. Сталин объявил, что социализм «в основном» построен. Идея была отождествлена с реальностью. Вопрос о том, в каком отношении реальность находится к теории социализма, по тем временам даже не ставился. Уже тогда о социализме стали судить не по его теоретической модели, а по идущим сверху политическим акциям, которые каждый раз и подверстывались под идею социализма. В итоге реальность была идеализирована, что исключало возможность ее научного и критического осмысления, а идея вульгаризирована. Социализм как бы проделал обратный путь от науки к утопии.

Элементарная научная добросовестность заставляет при анализе и оценке любой идеи отделять ее от политики, которая проводится якобы во имя ее осуществления. Можно спорить о том, в какой мере данная идея является теоретическим заблуждением, но неправильно искать доказательство ее ошибочности в деятельности конкретной политической партии и ее идеологов. Последние могут преследовать собственные цели, не всегда руководствуясь логикой теории. История знает не мало примеров разрушительной силы идей, как только они соединялись с властью, становились средством ее легитимации. При желании не только социалистическую, но и любую другую идею можно превратить в нечто устрашающее для людей. Как известно, их отправляли на костер и гильотину не только во имя социализма. И кого потом винить за это — идею или политиков?

Сегодня у социализма появился шанс вернуть себе утраченный статус научной теории, столь же влиятельной и авторитетной, как другие направления научной общественной мысли. После всего, что было, у него нет более важной задачи, чем вновь завоевать доверие к себе академической науки, занять достойное место в общественном сознании. Без этого нельзя всерьез помышлять о возрождении массового социалистического движения. Наивно думать, что одно лишь недовольство масс своим нынешним положением может обеспечить социализму признание в общественном мнении, победу в борьбе за власть. Сегодня побеждает тот, кто более других способен улавливать тенденции общественного развития, понимать, куда идет история, владеть методом научного анализа и предвидения. Сделанная когда-то марксизмом заявка на превращение социализма из утопии в науку актуальна и для нашего времени, но только с учетом новых условий и обстоятельств.

Разговор о социализме из чисто политической плоскости, в которой он обычно ведется, следует перевести также и в плоскость теоретическую. Те, кто видит в социализме лишь политическое движение, представленное разными партиями, объединениями и союзами, не имеющее прямого отношения к движению современной научной мысли, рискуют навсегда остаться политическими маргиналами. К счастью, правом голоса в этом разговоре обладают не только партийные функционеры, но и ученые. Если кому из политиков и кажется, что «философские рассуждения» о социализме уводят в сторону, далеки от жизни, то на это можно возразить следующее: ничто так не дискредитирует теорию, как ее монополизация партийными идеологами, далекими часто и от науки, и от философии. Их кажущаяся близость к жизни, не подкрепленная близостью к науке, ничего хорошего, как правило, не сулит. Во всяком случае, политический и научный разум — пока еще далеко не совпадающие между собой величины. Мыслительное пространство, в котором циркулируют научные идеи, и пространство политическое, где действуют партии, не составляют единого целого. И если политику считать делом практическим, а науку теоретическим, то отношения между ними еще далеки от состояния полной гармонии и взаимопонимания.

Вообще идея совпадения теории с практикой не может трактоваться буквально. Ссылаясь в доказательство ее на К. Маркса, мы как-то не заметили, что такое совпадение возможно у него в мире, где полностью преодолено отчуждение, где человек принадлежит самому себе. Оно — это совпадение — дело далекого будущего, точнее, всей истории в ее бесконечности. Требовать его в каждый конкретный момент истории — значит принижать статус теории до уровня чисто эмпирического и инструментального знания.

Коммунистам и социалистам необходимо учитывать это простое взаимоотношение между теорией социализма и реальной практикой общественного развития. Провозглашая социализм своей целью, они должны отдавать себе отчет в существующей пока несоразмерности этой цели тому, что сегодня можно реально предложить стране в качестве практической программы. Нельзя обманывать себя и других, полагая, что социализм есть задача сегодняшнего дня, что он уже сейчас полностью реализуем в действительной жизни. Подобная поспешность, продиктованная соображениями сиюминутной политической и партийной выгоды, вредит теории, сводит ее к заботам и тревогам повседневной жизни, возможно и важным с практической точки зрения, но весьма заниженным по отношению к смыслу и масштабу самой теории.

Если большинство современных политических партий обращаются к науке только как к средству достижения своих политических целей, видят в ней лишь технологическое обеспечение выдвигаемых ими программ и лозунгов, то для социализма в прошлом было характерно отношение к науке как способу обоснования не только средств, но и самих целей политической деятельности. Социалистическая политика всегда мыслилась как научно-обоснованная (по средствам и целям) политика, как предельное сближение политики и науки. Недаром основоположниками и лидерами социалистических и коммунистических партий и движений в прошлом становились, как правило, крупные и признанные теоретики социализма, внесшие существенный вклад в развитие научной общественной мысли. Соответственно и социалистическое движение среди всех прочих считалось наиболее интеллектуальным политическим движением с широким кругом научных интересов в самых разных областях человеческой деятельности. К сожалению, на смену политическим лидерам с репутацией ученых и теоретиков приходят часто партийные функционеры, чистые аппаратчики, все достоинство которых определялось их способностью и склонностью к бюрократическим методам управления и администрирования. Ученые здесь — всего лишь консультанты, эксперты, советники (это в лучшем случае), но никак не политические стратеги и руководители. Вернуть социализму утраченный статус научной теории и является, на наш взгляд, важнейшей задачей всего современного левого движения

Культурный смысл социалистической идеи

С какими бы планами ни связывалась в прошлом социалистическая идея, она была и остается концентрированным выражением тех претензий, которые можно предъявить цивилизации, как она

сформировалась за последние несколько столетий, со стороны культуры, причем не какой-то выдуманной, а той, что сложилась в Европе, начиная с античности. Скажут, что исторически за это время в Европе сменилось много культур. Это, конечно, так, но все они пронизаны общей установкой на человека как «меру всех вещей», как на высшую ценность в иерархии мира. В отличие от западной цивилизации, выдвинувшей на первый план существование индивида как частного лица, европейская культура в своих классических образцах сделала принципом своего существования свободную и творчески реализующую себя индивидуальность.

В истоке социалистической мысли лежит, следовательно, гуманистическая установка европейской культуры. Неслучайно первые утописты (Томас Мор, например) почитаются и как выдающиеся гуманисты своего времени. К. Маркс был прав, называя коммунизм «реальным гуманизмом», продолжением и развитием прежде всего гуманистической традиции Нового времени, в том числе следствием, с одной стороны, осознания западными мыслителями образовавшегося разрыва между гуманистической установкой культуры на свободную индивидуальность и реальными (частными) формами жизни людей, а с другой — поиска путей преодоления этого разрыва в пользу культуры.

Уже отсюда ясно, что творцами социалистического сознания являются люди, способные вырабатывать, накапливать и использовать различного рода полезную информацию, расходовать в процессе труда не просто свою рабочую силу, а то, что вслед за Пьером Бурдьё можно было бы назвать «культурным капиталом». Своими корнями данное сознание уходит в образ жизни и менталитет того общественного слоя, который на Западе принято называть интеллектуалами и который, занимаясь «всеобщим трудом»*, обнаружил тенденцию к своему постоянному расширению, к превращению в производительную силу общества. Даже такой непримиримый противник социализма, как Фридрих Август фон Хайек, отмечает прямую связь между интеллектуальной деятельностью и социалистическими убеждениями. «Чем выше поднимаемся мы по лестнице интеллекта, чем теснее общаемся с интеллектуалами, — пишет он в своем последнем труде, — тем вероятнее, что мы столкнемся с социалистическими убеждениями. Рационалисты — люди по большей части просвещенные и интеллектуальные, а просвещенные интеллектуалы — по большей части социалисты». И чуть ниже: «<...> люди интеллектуальных профессий

* Маркс понимал под всеобщим трудом «всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 116*) — прим. ред.

по большей части бывают социалистами <...>»¹. Можно согласиться с Карлом Ясперсом, сказавшим о себе и других западных интеллигентах, что все они являются в каком-то смысле социалистами. Даже у К.Маркса при всей его пролетарской ангажированности представление о будущем скроено «по образу и подобию» людей интеллектуального, творческого труда, усматривающих в праве на такой труд главное достоинство социальной системы. Именно для таких людей лучшим обществом является то, которое открыто ко всем видам духовно-творческой деятельности и свободного общения. А уж как называть такое общество — дело второе.

По самой своей природе люди творческого труда никогда не примирятся с властью не только государства, но и денежного богатства над побудительными мотивами своей деятельности. Но только такую власть социализм и призван был оспорить (подобно тому, как либерализм отвергает всевластие государства). И как либерализм означает не уничтожение государства, а его перевод в правовое и конституционное пространство, так и социализм (вопреки его радикальным версиям) требует не разовой отмены денег и рыночных отношений вообще, а лишь максимально возможного на данный момент расширения пространства («царства») человеческой свободы, находящейся «по ту сторону» экономической и всякой иной внешней необходимости. Это пространство можно было бы назвать пространством культуры.

В своей структурной сложности общество, как известно, не исчерпывается сферами экономической рациональности и политической целесообразности. Существует и духовная сфера, в которой человек руководствуется ценностями высшего порядка — моральными, эстетическими, познавательными и пр. Как бы ни назвать ее — сферой «духа», свободы, культуры, подлинно человеческой коммуникации, именно она являет собой наиболее глубинный пласт бытия, обладает общезначимой степенью реальности. К этому онтологическому основанию человеческого общежития и обращена социалистическая идея. В самом общем виде социалистическая идея есть идея становления общества, живущего по законам культуры, отдающего им приоритет перед законами экономики и политики. В соотношении «экономика—политика—культура» он в этой связи ставит культуру на первое место, коррелируя ею остальные отношения, институты и учреждения. Такое видение общества в отличие от экономического и политического можно, условно говоря, назвать культурологическим (точнее, гуманистическим) или собственно человеческим.

К.Маркс искал альтернативу не капитализму самому по себе, а всей предшествующей цивилизации, которая на этапе капитализма достигает лишь своего наивысшего расцвета. «Великую цивилизую-

щую роль капитала» К. Маркс никогда не отрицал. Но помимо истории капитализма существует еще и история культуры. Однако обе эти истории до сих пор плохо «стыковались» друг с другом, оказывались во взаимоисключающих отношениях. На этапе капитализма эта нестыковка становится наиболее очевидной. Данный конфликт стал предметом обсуждения всех основных направлений общественной мысли Нового времени, включая социализм. В осмыслении причин этого конфликта и способов выхода из него марксизм, на наш взгляд, достиг наиболее значимых результатов. По мысли К. Маркса, история цивилизации постепенно, но неуклонно утверждала принцип общественного разделения людей, проводя его с неумолимой последовательностью через все стороны и сферы общественной жизни — разделение труда, собственности, власти, сознания и т.д. История цивилизации есть история победы разделенного, или частного, индивида (частного собственника или частичного работника) над всеми формами первоначальной и непосредственной коллективности людей, где части еще не выделились из целого, сливаются друг с другом в какой-то однородной и неразличимой внутри себя общности.

Но частное — отнюдь не синоним индивидуального. В обществе частных (разделенных) интересов индивидуальное есть скорее юридическая видимость частного, чем его реальная характеристика. Части на то и части, что могут удерживаться в составе целого по причинам, от них независимым, вне их находящейся и противостоящей им силой — то ли возвышающегося над ними государства, то ли механизмами товарного производства и обмена, вплоть до господства денег и капитала. Компенсацией разделения людей на частных индивидов становится концентрация на другом полюсе цивилизации развившихся до всеобщности, но существующих в отрыве, отчуждении от большинства людей их собственных сил и отношений. Вся цивилизация в своей досоциалистической истории движется в этой противоположности частного и всеобщего, каждая из которых в отрыве от другой тяготеет к чистой абстракции. Она объединяет людей как частных, или абстрактных индивидов, т.е. связывает их узами, не имеющими отношения к их личности, индивидуальности. В этом смысле она и противостоит культуре, где принципом коммуникации является неповторимая, уникальная, самобытная индивидуальность каждого человека, его индивидуальная свобода («свобода каждого»).

Можно ли такую культурную связь сделать — если не сразу, то хотя бы постепенно — не исключением из общего правила, а всеобщим основанием общественной жизни? Иными словами, можно ли, не отвергая положительных результатов цивилизации, положить в

основу общественного миропорядка не принцип социального разделения людей и их частного существования (цивилизационный принцип), а их объединение на базе индивидуальной, межличностной коммуникации (культурный принцип)? В терминах социально-исторической теории К.Маркса различие между этими принципами и фиксируется как различие между капитализмом (как высшим этапом всего частнособственнического развития) и коммунизмом, включая социализм (как уходящей в историческую бесконечность культурной альтернативой этому развитию). Переход из одного состояния в другое в разные времена может видеться по-разному — и в смысле сроков, и в смысле способов и путей его осуществления, но в любом случае он выглядит неизбежным с точки зрения реализации прав человека не только на свою частную жизнь, но и на свое индивидуальное существование. За набившей оскомину терминологией скрывается, таким образом, вполне реальная проблема, актуальность которой сохраняется и в наше время.

По словам Раймона Арона, в критике К.Марксом нынешнего общества «с надеждой реализации идеала целостного человека в результате простой замены одной формы собственности другой выражены одновременно величие и двусмысленность марксистской социологии»². Здесь, как считает Арон, социологическая по своей сути теория становится философией. В чем же ее двусмысленность? Прежде всего в том, что у К.Маркса, как полагает Р.Арон, неясно, какой вид деятельности, труда соответствует этому идеалу. «Если сугубо человеческая деятельность не определена, то остается опасность возврата к понятию целостного человека, отличающемуся крайней неопределенностью»³. К.Маркс, утверждает Р.Арон, нарисовал прекрасный идеал общества, но не указал пути его реализации. Как будет показано ниже, это обвинение совершенно беспочвенно, ибо не учитывает написанное К.Марксом по поводу «всеобщего труда» и «свободного времени». Идея целостности человека (или свободной индивидуальности) К.Маркса — не абстрактный философский идеал, а вполне земная реальность, имеющая, однако, своим основанием не экономические и политические, а культурные формы человеческой жизни.

Как и любая другая динамическая система, современная цивилизация включает в свое движение момент собственного отрицания и самокритики, благодаря чему она и приобретает способность к движению. В этом ее отличие от статических, традиционно замкнутых цивилизационных систем древнего мира, когда каждая из них видела своего противника не в себе, а в других цивилизациях, истощая и разрушая себя в непрерывных войнах с ними. Застойный характер этих

систем объясняется тем, что они не допускали критики в собственный адрес, испытывали по отношению к себе «чувство глубокого удовлетворения». А все недостатки и пороки приписывали своим близким или далеким соседям.

Цивилизация, родившаяся в Европе, несомненно, разделила бы судьбу предшествующих ей цивилизаций, если бы с момента своего возникновения в лице своей культуры постоянно не опровергала, не критиковала себя, не стремилась к самоизменению, т.е. не развивалась в весьма нелицеприятном для себя духовном контексте. Только в таком контексте можно понять причину появления столь радикально-критических теорий, как социализм и марксизм в целом. Их революционный радикализм объясняется во многом временем их возникновения, когда бедственные для большинства людей социальные и материальные последствия цивилизации были еще слишком остры и заметны. Чем более несовершенна цивилизация, тем более негативную критику в свой адрес она вызывает. Сознание незавершенности, незаконченности исторического развития, невозможности свети его к какой-то окончательной фазе и есть главное в марксизме. Как бы ни менялось социалистическое видение мира, оно всегда будет сохранять свойственное марксизму критическое неприятие существующей реальности, ибо реальность самого социализма тождественна человеческой истории в ее бесконечности, а не просто обществу, которое можно раз и навсегда построить на радость всем.

К.Маркс не ставил задачу нарисовать картину идеального общества, в котором люди, наконец, освободятся от истории, прекратят бег времени. Как раз наоборот. Коммунизм, с точки зрения научного социализма, и есть подлинная история людей (в отличие от истории вещей и идей), в которой человек делает себя единственной целью общественного развития. А история — это не просто существование людей в социально-организованном пространстве, а их жизнь во времени, которая не имеет конца и не может, следовательно, отлиться ни в одну законченную общественную форму. Не совершенное общество с совершенными людьми должно прийти на смену истории, а история, наконец, должна покончить со всяким общественным застоем, с попытками задержать ее в той или иной точке развития.

Каким же должно быть общество, позволяющее людям жить в истории, а не на ее обочине? Ведь оно не может быть уподоблено в этом случае жесткой и предельно институционализированной социальной системе с однозначно предписанными ролями и функциями. Вопреки всему тому, что Карл Поппер писал о К.Марксе, такое общество является значительно более открытым, чем то, которое стро-

ится на принципах либерализма. Обвиняя марксизм в отсутствии у него социальной, экономической и политической технологии, «как признает Ленин, — пишет К. Поппер, — *в работах Маркса вряд ли вообще можно найти хотя бы одно слово об экономике социализма* <...>»⁴. К. Поппер не учитывает того, что социалистическое видение общества основывалось не на историческом пророчестве, а на технологии особого рода — не экономической и политической, а культурной, апеллирующей к практике духовно-творческого труда. Это тоже социальная технология, но совершенно иная по сравнению с теми, которые используются в либеральных обществах. Различие между этими двумя видами технологий — либеральной и социалистической — необходимо теперь рассмотреть более подробно.

Либерализм и социализм о свободе и равенстве

Спор между либерализмом и социализмом есть по существу главный идеологический спор Нового времени. Оба они разделяют установку на свободу человека как высшую ценность, хотя по-разному трактуют ее. Для либерализма она исчерпывается экономической и политической свободой *частного лица* («политическая эмансипация общества»), для социализма она тождественна «человеческой эмансипации», *индивидуальной* свободе, не сводимой лишь к праву на частную жизнь.

Следует отличать частное от индивидуального. Частник — частный собственник или частичный работник — это человек, равный части, а не целому, продукт разделения труда и собственности на неравные доли. Как индивидуальность человек равен целому, как оно представлено в богатстве человеческой культуры. Носителей и творцов культуры — мыслителей, художников, людей науки и искусства — никак не назовешь частниками. Они живут в культуре по принципу не частного, а индивидуального (и тем самым всеобщего) существования. Если цивилизация с ее разделением труда делит человека, приравнивает его к части, то культура ставит своей целью сохранение и воспроизведение человеческой целостности, хотя бы и на уровне его духовной жизни. Вот почему цивилизация и культура двигались до сих пор как бы по разным орбитам, вступая в противоречие друг с другом.

Для либерализма цивилизация, родившаяся в Европе и обеспечившая победу частного начала во всех сферах жизни, есть высшее достижение и конечная цель мировой истории; для социализма она — только этап в общеисторической эволюции. Либерализм возник как оправдание и обоснование этой цивилизации, социализм — как ее

критика. Последним словом либерализма стало пророчество о «конце истории», для социализма история еще только начинается, если понимать под ней собственно человеческую историю.

Из всех свобод либерализм особо выделяет свободу частного предпринимательства. Его идеал — общество равных прав и возможностей, где каждый, если он достаточно трудолюбив и удачлив, может добиться жизненного успеха и общественного признания. Подобную свободу и обеспечивает даваемое либерализмом право на собственность. В реализации этого права либерализм, однако, столкнулся с серьезным противоречием: равенство прав в исходном пункте его программы на практике оборачивается неравенством в тех же отношениях собственности. Подобное неравенство как бы закодировано в самом рыночном механизме реализации равного и всеобщего права на собственность. Все имеют это право, но отнюдь не все реально владеют собственностью, не говоря уже о том, что собственность конкретных лиц сильно разнится друг от друга. Здесь как бы все свободны и наделены одинаковыми правами, но никто не равен друг другу. Даже если предположить, что в конкурентной борьбе за собственность побеждают наиболее достойные (что, конечно, крайне сомнительно), то и тогда налицо нарушение принципа практического равенства.

Отсюда первоначально и родилась социалистическая оппозиция либерализму. Если последний делает упор на политическую и экономическую свободу в ущерб фактическому равенству, то первые и еще незрелые концепции утопического социализма выдвинули на первый план задачу достижения фактического равенства, понимая под ним равенство имущественное, наделяющее всех общей собственностью и равным количеством материальных благ. Установление такого равенства — добровольное или принудительное, вплоть до ущемления личной свободы — и есть утопия уравнительного социализма. Здесь как бы все равны, но никто не свободен. Утопический социализм идеализировал состояние патриархальной, традиционно-общинной коллективности, исключаящей индивидуальный выбор. И сегодня еще с социализмом связывают эти, совершенно примитивные, представления о равенстве.

Принято считать, что либерализм защищает свободу в противовес фактическому равенству, социализм — равенство, часто за счет свободы. По известному выражению Ф.Хайека, социализм — это «путь к рабству». Здесь все решается мнением большинства или акциями централизованного и бюрократического государства. Противопоставление свободы и равенства, разделявшее долгое время либералов и социалистов, придерживавшихся уравнительных представ-

лений, создало ложную видимость возможности достижения свободы без равенства (либеральная утопия свободы) и равенства без свободы (социалистическая утопия равенства). Она — эта видимость — и сейчас владеет умами многих либералов и социалистов, сталкивая их в непримиримой борьбе.

Вопреки этим столкновениям, данная позиция представляется во многом мнимой. Нет свободы без равенства, как и равенства без свободы. По-своему это понимают и либеральные, и социалистические теоретики. Первые ищут решение проблемы с помощью неолиберализма, сочетающего право и мораль, на путях создания новой теории справедливости. Вторые, начиная с К.Маркса, предлагают иную, чем уравнилельно-распределительная модель, версию социализма, исходя из понимания социального равенства как ликвидацию классов и классовых различий.

Центральным для социализма является, как известно, принцип общественной собственности. Можно наделять социализм разными качествами — гуманизмом, социальной справедливостью и пр., но это только слова, пока не выяснено главное — что такое общественная собственность. В этой связи приходится лишь удивляться, когда слышишь, что общественная собственность, отстаиваемая социализмом, возникает, когда все становится общее или поделенное между всеми. Достаточно объединить средства производства в руках многих, чтобы считать такую задачу решенной. Но что мешает тогда установить общественную собственность на любом этапе истории? Почему теория запрещала обобществлять все подряд — соху, мотыгу, средства индивидуального и просто разделенного труда и т.п.? Коллективным может быть и субъект частной собственности, как то имеет место в различных формах буржуазной кооперации и открытых акционерных обществах. Частная собственность характеризуется не числом субъектов (если один, то частник, а если много, то уже не частник). Основу частной собственности — индивидуальной и групповой — составляет дележ общественного богатства.

Переход к общественной собственности предполагает изменение не столько субъекта, сколько объекта собственности, определенный уровень развития производительных сил общества. Не все может быть объектом обобществления, а одна замена индивидуального субъекта общим, или коллективным, ничего не меняет в природе собственности. Царство дележа есть подлинное царство частной собственности. Оно и породило мечту о равном дележе в ранних социалистических утопиях. Когда все станет общим, каждый может рассчитывать на одинаковую с другими долю общественного пирога. Принцип дележа со-

храняется и здесь, хотя трактуется как уравнительный и распространяется прежде всего на сферу распределения материальных благ. Равенство в достатке есть самая возвышенная греза такого социализма. Его можно назвать равенством в сытости, мечтать о котором вполне естественно в странах с хронической нищетой большинства населения.

Но может быть, мечта о равенстве — химера? пустой звук, несбыточное и ложное ожидание? Думать так проще всего, но за этим потянется ряд нежелательных следствий, одно из которых — отказ от свободы, ибо свободы без равенства не бывает.

Решением вопроса является, видимо, не отказ от равенства, а иное его понимание. Конечно, если не полное изобилие, то определенный достаток нужен любому человеку, но сам по себе он не гарантирует ни свободы, ни равенства. В погоне за ним люди часто жертвуют и тем, и другим. Равными друг другу они становятся тогда, когда живут по мерке своей индивидуальности, которая, как уже говорилось, равна не части, а целому. Когда каждый равен целому, тогда все равны между собой.

Поясним более конкретно эту альтернативу. Если понимать под равенством не крестьянскую мечту о сытости, характерную для остальных и бедных стран, то оно означает, говоря словами Э.Фромма, право не только «иметь», но и «быть». Как комментирует евангельский текст Э.Фромм, «Иисус и Сатана олицетворяют здесь два противоположных принципа. Сатана олицетворяет все, что связано с материальными потребностями, с властью над природой и человеком. Иисус же олицетворяет начало бытия, а также идею, согласно которой отказ от обладания есть предпосылка бытия. С евангельских времен мир следует принципам Сатаны»⁵. В этом раскладе социализм явно на стороне Иисуса. Даже в случае марксистской атеистической ортодоксии он намного ближе к христианству, чем любое другое социальное учение, базирующееся на чисто экономических или политических ценностях. Сутью социализма является близкое к христианству истолкование общественного богатства не как вешного или денежного, а как такого, основу которого образует сам человек во всей сложности и многосторонности своей душевной и духовной жизни. А формой этого богатства является культура, воплощающая в себе все, что достигнуто человеком в плане своего духовного развития. В этой форме богатство в принципе неделимо, является достоянием каждого и потому всех вместе.

Путь не просто к социальному, но к социально-индивидуальному равенству, действительно, лежит через общественную собственность, понимаемую, однако, не как собственность всех на что-то, а

как собственность каждого на все. Равенство не в обладании, а в бытии диктует и иное отношение к собственности. Как частное лицо человек нуждается в той части богатства, которую он может использовать в качестве предмета потребления или личного пользования, как свободная индивидуальность он нуждается во всем богатстве. Это и есть высшая формула общественной собственности, предполагающая не дележ богатства, а его присвоение каждым целиком и без остатка. Как свобода каждого есть условие свободы всех, так и собственность каждого на все богатство есть условие такой общественной собственности, собственности всех. Последняя — не та обезличенная собственность, которая принадлежит всем и никому в отдельности, а та, которая принадлежит каждому и потому всем вместе. Только такая собственность, исключаящая дележ, делает людей равными друг другу. В отличие от либерализма, провозгласившего равенство лишь в праве людей на собственность (и потому разделившего их по степени реального владения ею), социализм в своей коммунистической перспективе сделал своей целью равенство в самом обладании собственностью, право каждого быть собственником всего общественного богатства.

Но что это за богатство, которое принадлежит каждому без ущерба для других, не убывает от того, что им распоряжается каждый и, следовательно, не требует никакого дележа? Здесь мы подходим к главному. Таким богатством, видимо, могут быть условия и средства труда, которые по своей природе являются «всеобщими». Объектом подобного обобществления не могут быть средства разделенного труда, используемые в различных отраслях производства, хотя, повторяем, юридически-формально их можно и нужно обобществить. «Всеобщим условием труда» в современном производстве является наука, научное знание. Ее, действительно, нельзя «приватизировать», поделить на части, принадлежащие разным лицам. Как можно, например, «приватизировать» теорию относительности или квантовую механику? Наука по самой своей природе есть всеобщее достояние, не ущемляющее при этом права на нее каждого в отдельности.

Наука становится реальностью тогда, когда обретает значение основной производительной силы, а соединение человека с знанием — главного фактора процесса производства. Производство, в котором наука играет решающую роль, К. Маркс называл «научным производством» (отличая его от фабрично-заводского), а мы сегодня именуем постиндустриальным, информационным и пр. Согласно К. Марксу, там, где наука или, как он говорил, «всеобщий труд» становится определяющим моментом материального производства, сво-

для непосредственный труд рабочих «к минимуму», превращая его во «второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду», открываются коммунистические горизонты подлинной истории. Тенденция капитала к превращению производства в научное производство, проанализированная К.Марксом в подготовительных рукописях к «Капиталу», по существу, содержит в себе иную версию утверждения общественной собственности, чем та, которая обычно излагается в качестве марксистской. В отличие от научной версии «фабрично-заводская» имеет свои исторические границы, хотя сам К.Маркс и пытался определенным образом сочетать их.

В широком смысле общественную собственность следует понимать как собственность на культуру в целом. Она включает в себя все, что служит условием производства не материального богатства в его чисто вещной или денежной форме, а самого человека как «основного капитала». Наряду с наукой, объектом общественной собственности оказываются искусство, образование, различные виды интеллектуальной и творческой деятельности, информационные системы, формы общения. Собственность на них делает человека не имущественно, а духовно богатым существом, чье богатство заключается в его индивидуальном развитии. С этой точки зрения общественная собственность — не экономическая, а культурная категория, выражающая отношение человека к условиям его собственного производства и развития (производство самого человека и есть культура), означающая прежде всего обобществление духа, всего того, в чем этот дух представлен. В ней находит свое отражение историческая тенденция перехода не к свободной экономике, а к свободе от экономики, позволяющей индивиду быть самим собой и, значит, независимым от тех функций и ролей, которые он выполняет в экономической системе.

Для коммунистической общественной формации свобода и равенство достижимы не в сфере экономики, а за ее пределами — «по ту сторону» экономической необходимости. Это обстоятельство вызвало в адрес социалистической теории немало злобных шуток и нареканий. Причем мало кто захотел разобраться, как она мыслила такой переход. Речь идет не об отрицании экономического развития, что действительно является утопией и весьма вредной, а о наличии иного источника этого развития, чем только непосредственный и разделенный труд рабочих. Капитализм хорошо знает этот источник и широко пользуется им. «Поэтому тенденция капитала, — писал Маркс, — заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства»⁶. Внедряясь в производственный процесс,

наука постепенно меняет характер собственности. Соединение человека с знанием в процессе труда не может осуществляться по принципу частной собственности, ибо знание неделимо, в равной мере принадлежит каждому.

Отношение общественной собственности к частной нельзя мыслить по принципу абстрактного отрицания одного другим. Если капиталистическая частная собственность, использующая труд наемных рабочих, есть отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде, то общественная собственность, отрицая капиталистическую, восстанавливает индивидуальную собственность «на основе достижений капиталистической эры — на основе <...> общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства»⁷, то есть является не просто отрицанием частной собственности, а «отрицанием отрицания». Можно сказать, что она отрицает частную собственность по объекту (объектом общественной собственности является не часть, а все общественное богатство) и восстанавливает по субъекту (каждый становится собственником). Будучи всеобщей по объекту и индивидуальной по субъекту, общественная собственность сохраняет и воспроизводит то позитивное качество частной собственности (при отрицании ее негативной, то есть неравноправной стороны), которое составляет «необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника»⁸.

Отметим еще одно обстоятельство, важное для понимания общественной собственности. Наука как «всеобщий труд», постепенно заменяя непосредственный труд рабочих, приводит к резкому сокращению «рабочего времени» и увеличению «свободного времени», то есть «времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда»⁹. Это время, которое человек тратит на образование и самообразование, на получение новой информации, на развитие своих способностей, то есть на все то, что и конституирует собой производство человека не как физического, а как общественного существа. В условиях научного производства оно становится главным временем роста общественного богатства (понимаемого как развитие самого человека), определяющим собой всю производственную и социальную инфраструктуру. Общественная собственность есть, следовательно, условие человеческого существования не в «рабочее», а в «свободное время», которое неправильно сводить к времени только досуга и отдыха. Свободное время — это время «всеобщего труда» (поэтому его всегда и не хватает ученым и

художникам), время жизни в культуре, точнее, по законам культуры. У людей, свободных от любого труда (например, безработных), нет ни рабочего, ни свободного времени: они вообще исключены из общественного времени и живут только во времени физическом.

Сделать базисом общества свободное время — так можно определить перспективное требование социализма. Общество, базирующееся на свободном времени, требует, конечно, и совершенно иной социальной технологии, чем экономическая и политическая. Она предполагает новую культуру труда и общения, свободную от каких-то извне навязанных функций и ролей, открытую ко всем формам диалога и взаимопонимания, ко всем видам общественной инициативы и самодеятельности. Проблемы новой рациональности, коммуникативного разума, жизненного мира человека, экзистенциального общения и пр., привлекающие к себе внимание современных философов, имеют к этой технологии прямое отношение. Не все здесь ясно, но важно то, что вся современная культура работает в этом направлении. Теория социализма не может остаться в стороне от ведущегося ныне поиска нового типа общественности и межличностной коммуникации в обществе.

Социализм в современном мире

Социализм, как известно, победил в странах, не прошедших полного цикла модернизации, не имевших развитого гражданского общества, сильного среднего класса с городской культурой, традицией правового сознания и демократической власти. Могли ли такие страны без силового давления извне (как это было в случае ФРГ, Японии, Турции, попавших под контроль США) модернизироваться по чисто либеральному образцу? Социализм, точнее, ранний социализм предстал здесь не в собственном своем качестве, а как одна из разновидностей модернизационной стратегии, осуществляемой внерыночными и недемократическими средствами, что называется, «минуя капитализм». Субъектом этой модернизации выступило само государство, предельно централизованное и опирающееся на традиционную для данных обществ силу государственной власти.

В СССР такой силой стали большевики, продолжавшие начатое царями дело модернизации (индустриализации) России. Нетрудно увидеть, что социализм стал просто синонимом мощного государства, обладающего промышленным и прежде всего военным паритетом с развитыми странами Запада. Идея социализма позволяла решать как бы двойную задачу: с одной стороны, мобилизовать все человеческие

ресурсы для сокращения технологического отрыва от Запада, с другой — сохранять при этом территориальную целостность и независимость государства. Сочетание ускоренной индустриализации с национальной безопасностью и великодержавием стало на практике призыванием социализма в нашей стране. Социалистическая ориентация давала возможность в ходе модернизации избежать участи периферии или полупериферии капиталистической мировой системы, целиком зависимой от ее ядра. И до определенного момента такая модель модернизационного развития была вполне эффективной, хотя сегодня можно констатировать ее исчерпанность и неспособность конкурировать с западными оппонентами.

Кризис социализма советского образца — это прежде всего кризис данной модели. Отсюда, однако, не следует, что идея социализма утратила в современном мире научную значимость и актуальность. Необходимо лишь восстановить этот смысл применительно к новым условиям и обстоятельствам.

Следует честно признать: Западу многое удалось, и его критика со стороны социалистов и коммунистов часто была излишне тенденциозной. Будучи оправданной в прошлом веке, когда капитализм только становился на ноги, а люди на Западе переживали не лучшие времена, сейчас эта критика не всегда достигает своей цели. Но в одном она сохраняет свою правоту: человек в западном обществе и сегодня не стал тем, кем хотела его видеть западная культура с ее гуманистическими установками и ценностями. В чем-то он даже утратил те позиции индивидуальной свободы и личной независимости, которые занимал ранее. Данный факт зафиксирован не только социалистическими критиками, но и всей общественно-философской мыслью XX века. При всех очевидных достижениях и успехах западной цивилизации она оказалась в сложном и противоречивом отношении с природой и культурой, что позволяет говорить о поразившем ее экологическом и духовном кризисе. Причины этого кризиса, а также способы выхода из него стали в наше время предметом серьезной полемики между разными направлениями общественной мысли. Социализму, как я думаю, здесь принадлежит решающее слово.

Первые симптомы поразившего Запад духовного кризиса были зафиксированы еще в прошлом веке. Уже тогда заговорили о «смерти Бога», наступлении «эпохи нигилизма», «трагедии культуры» и пр. Суть обозначившегося конфликта между «жизнью» и «культурой» одни решали в пользу «жизни», другие — в пользу «культуры». Но в любом случае сам конфликт был осознан как имманентная характеристика западной цивилизации. Последняя все более трактовалась

как синоним полного обездуховления жизни, ее предельной рационализации, победы утилитарного и прагматического начала над идеальными побуждениями и целями, переноса центра тяжести из сферы духовной в материальную. Даже идея «гражданского общества», выдвинутая Просвещением, обернулась в результате капиталистической индустриализации так называемым «массовым обществом», в котором на смену автономному «Я» пришло обезличенное «Мы». Отсюда кризис просветительского сознания с его установкой на разум и свободную волю индивида. Разум, поставленный на службу исключительно экономическим целям (а не моральным, как полагали просветители), оказался синонимом не индивидуальной свободы человека, а его новой зависимости от безличных сил и отношений. В массовом обществе возрастает роль организационных, управленческих, планирующих структур (если не на уровне государства, то на уровне частных фирм и корпораций, борющихся за монополию на рынке). Последние берут под свой тотальный контроль все виды и формы индивидуального принятия решений. Реальная власть в обществе при его внешнем демократизме переходит к финансовым и обслуживающим их политическим элитам, манипулирующим сознанием людей посредством электронных средств массовой информации. Отсюда, кстати, и определение СМИ как «четвертой власти», что вовсе не является демократической формулой.

Главная ценность массового общества — не индивидуальная свобода и личная автономия, а власть. Именно она оказалась в центре внимания философов, ученых, журналистов, публицистов. Люди власти стали подлинными героями дня, отодвинув на задний план героев прошлого — инакомыслящих, борцов за свободу и личную независимость. Хотя власть в массовом обществе отличается от традиционной — монархической или аристократической — в своей способности подчинить себе людей она намного превосходит последнюю. Своеобразной компенсацией за сужение поля личной свободы стало расширение рамок потребления, во многом навязываемого рекламой и модой, в силу чего массовое общество называют также «обществом потребления», где «иметь» равносильно тому, чтобы «быть». Известный лозунг Просвещения, данный И. Кантом, — «Рассуждайте, но повинуйтесь!» — можно теперь переформулировать следующим образом: «Потребляйте, но повинуйтесь!».

По-журналистски ярко картину массового общества нарисовал Д. Къеза в своей нашумевшей книге «Прощай, Россия!»: «В массовом обществе коммуникаций и глобализации экономики ряд демократических правил закачались под напором новых потребностей. Прежде

всего стало трудно управляемым типичное для правового государства разделение властей, которое нынче многим представляется серьезным препятствием скорости принятия решений и эффективности системы в целом. Отсюда поиск более простых оперативных решений, усиление исполнительных структур, освобождение руководящих центров от перекрестного контроля, кажущегося бесполезным и вредным для правильного функционирования государства.

Сами избирательные процедуры все более превращаются в спектакль, в котором реальные проблемы, требующие решения, исчезают за дымовой завесой. Голосуют все чаще не за программу, а за личность и лицо политика, и так называемая харизма (ставшая уже искусственным продуктом, доступным самым богатым кандидатам) заслоняет реальные шаги, которые им предстоит предпринять. Сравнение предлагаемых вариантов по существу невозможно <...>.

Но гражданин современности не имеет ничего общего с «политическим волком» времен городов-государств. Та культура окончательно умерла и больше никогда не возродится <...>. Гражданин стал цифрой, винтиком, статистической единицей. Он пользуется бюрократическими правилами, но он уже не «субъект», а «объект» политики. У него нет «агоры», на которой он может обсуждать касающуюся его политику <...>.

Место «агоры» заняли представители народа, отправляющие политические функции от имени остальных. В массовом обществе это неизбежно. Но они также не могут действовать как свободные и равные, принимая коллективные решения с чувством ответственности и во имя служения общим интересам. На них все больше давят гораздо более могущественные силы, СМИ навязывают им свой язык, а технология власти — посредничество бюрократии. Дело в том, что львиная доля принимаемых решений непереводимы на нормальный язык и непонятны подавляющему большинству.

Афинская демократия умерла именно в нашем веке, не раньше. Ее прикончил век масс. А в конце века начала умирать и либеральная демократия»¹⁰.

Общество, сделавшее материальное благополучие смыслом существования большинства людей, не обязательно имеет своим следствием всеобщее изобилие. Не все смогут жить так, как живут на Западе, да и Запад, заботясь о себе, не позволит всем жить так, как живет он сам. Ведь народы, которым будет предписано жить по западным образцам, захотят иметь и западные стандарты потребления. Это и есть путь в экологическую бездну. По словам немецкого философа В.Хесле, «универсализация принятых на Западе жизненных стандар-

тов <...> приведет Землю к экологической катастрофе <...>. Катастрофа, к которой мы медленно приближаемся, давно бы уже наступила, если бы все жители планеты потребляли бы столько же энергии, сколько жители развитых стран Запада, если бы повсюду накапливалось такое же количество мусора, а в атмосферу выбрасывалось столько же вредных веществ. Вряд ли кто ныне решится спорить о том, что западные индустриальные общества таким образом далее развиваться не могут — иначе «мы провалимся в бездну»¹¹.

Здесь нет возможности рассмотреть все метаморфозы западного общества на пути к массовому: на этот счет существует огромная литература. Отметим одно — смену интеллектуального дискурса в области социальной мысли. Современная социология — наука не о гражданском, а о массовом обществе. Ее предмет — не свобода индивида, а формы его институционального поведения и действия в рамках социальной системы. Проблема обретения человеком свободы целиком уходит в философию, занимающую по отношению к массовому обществу резко критическую позицию. Массы — самое ненавистное слово для Ницше, Ортеги-и-Гассета, Ясперса, Хайдеггера и многих других философов Запада постклассического направления. Экзистенциализм, например, — философия человека, живущего в массовом обществе и усматривающего в нем главную угрозу своему существованию. Социализм сегодня также не может оставить без внимания кризисную ситуацию острого конфликта между цивилизацией, с одной стороны, природой и культурой — с другой, создаваемой индустриальным массовым обществом. Выделим, однако, то главное, с чем он сталкивается в этой ситуации, что во многом определяет его собственную логику развития в современном мире.

В массовом обществе проблематизируется сама культура, которая ранее — в XIX веке — трактовалась как синоним человеческой автономии и свободы. Она оказалась столь же коммерциализированной и отчужденной, пронизанной отношениями власти и господства, как сфера экономической и политической жизни.

Индивид и в культуре, получающей массовый характер, не чувствует себя свободным и ответственным существом. Отсюда тема критики культуры в философии культуры XX в., того представления о ней, которое отождествляло ее с подлинно человеческим бытием. Начатая еще Ф. Ницше, эта критика затем переросла в тотальное отрицание самой возможности человека посредством культуры достигнуть полного освобождения от власти внеличных сил и отношений. Но если и культура не оставляет человеку надежду на такое освобождение, то к чему еще апеллировать?

Впрочем, как считают многие современные мыслители на Западе, такова судьба и других проектов Нового времени (эпохи модерна) — либерального, национального, социал-демократического и пр. В мире постмодерна нет места будущему; любой проект будущего — оптимистический или пессимистический — утопия. Сам постмодерн — сознание не начала чего-то нового, а конца того, что было. По словам американского постмодерниста левого толка Фридерика Джеймисона, «последние несколько лет были отмечены некоторой обратной апокалиптичностью, в которой предчувствия будущего, катастрофического или спасительного, заместились ощущениями конца того или этого (конец идеологии, искусства или социального класса; «кризис» ленинизма, социальной демократии или общества социального благоденствия и т.д. и т.п.); взятые вместе, они, возможно, составляют то, что все чаще обозначается постмодернизмом»¹². В постмодернизме речь идет о конце всякой субъективности, о «смерти человека» в качестве особой проблемы, стоящей перед наукой, об исчерпани любой его претензии на самостоятельную роль в мире. В целом эта философия как бы свидетельствует о конце всей эпохи модерна с ее традициями гуманизма, научного рационализма и историзма, а следовательно, и о конце тех общественных теорий, которые базировались на этих традициях. Марксизм и социализм, естественно, в том же ряду теорий, которые вместе с модерном навсегда уходят в прошлое.

Правда, иногда предпринимаются попытки дать более или менее позитивную картину общества эпохи постмодерна. Примером может служить переведенная у нас книга христиански мыслящего немецкого философа Петера Козловски «Культура постмодерна». В ряде существенных моментов его прогноз поразительно совпадает с тем, что отстаивает теория социализма. «Общество постмодерна, — пишет Козловски, — это творческое общество, общество формирующей культуры»¹³. Один из параграфов книги называется «Конец общества труда — начало общества культуры?». Совершенно безосновательно относя К.Маркса к числу тех мыслителей, которые любой труд отождествляли с отчуждением человека, проповедуя тем самым внутрудовой образ жизни, П.Козловски вполне в духе марксовых пожеланий пишет: «Освобождение человека от принуждения к физическому труду, достигаемое благодаря рационализации производства и организации труда, является новым шансом для самоосуществления человека. Разумеется, этот шанс менее всего связан с избавлением от труда, он состоит в избавлении от принудительного физического труда ради обретения свободы творческого труда»¹⁴. И еще: «С увеличением доли свободного

времени и пауз на получение образования искусство, игра, наука и духовность, все богатства культуры займут значительное место в нашей жизни. Это дает особый шанс для философии и религии. Такое развитие могло бы означать конец модерна как общества, которое первоначально определено экономикой, и возврат к обществу, определяемому развитием религиозных, духовных и художественных его параметров. Без труда и экономики такое общество не могло бы жить, но труд в нем обретает духовную игровую форму. Культура, философия и религия выполняют функции смысловой ориентации человека, насколько он не теряется в мире чистого потребления. Когда ослабевает давление проблем производства, тогда свободное время направлено на становление культуры и духовности. Таким образом, еще предстоит наступление часа культуры, философии и религии»¹⁵. За исключением акцентирования роли религии в обществе постмодерна все остальное здесь вполне вписывается в марксистский прогноз будущего. Книга любопытна тем, что весьма подробно анализирует последствия культурной переориентации общества в сфере хозяйства, науки, искусства и политики.

Если человек, как считают некоторые постмодернисты, не является больше проблемой, а будущее — всего лишь предмет утопических мечтаний, то социализму действительно нечего делать в этом мире. Однако подобное умонастроение само подлежит критике. Социалистическая критика современной цивилизации тем и отличается от постмодернистской, что пытается сохранить преемственность с культурным прошлым, защитить то, что было создано человечеством в плане культуры. С этой точки зрения социализм более классичен, традиционен и даже консервативен, чем принято думать. Его экономический и политический радикализм вполне уравновешивается культурным, если можно так выразиться, консерватизмом. Социализм не приемлет ни массовой, ни элитарной культуры, но противопоставляет им в отличие от постмодернизма не новую ментальность и «чувствительность», свободную от всякой субъективности и разума, а совершенно иной способ соединения культуры с массами, открывающий им свободный доступ к ней в ее полном объеме. В противоположность постмодернизму он не рвет с предшествующей культурой, с ее гуманистическими и рационалистическими традициями, а рассматривает себя как прямое продолжение всего дела культуры в направлении ее большей демократизации и сближения с жизнью большинства людей. Именно задача культурного возрождения человека отличает социализм от всех других партий и движений в современном мире.

Принято считать, что главной заботой партии социализма (как бы ее ни называть) является социальная защита людей труда, тех, кто живет на заработную плату и образует в рыночной экономике армию наемных работников. Это безусловно так на этапе промышленного (индустриального) развития с его массовой пролетаризацией общества.

Но кого и как должен защищать социализм в постиндустриальную эпоху? Если под социальной защитой трудящихся понимается облегчение условий их труда, более выгодная продажа ими своей рабочей силы, повышение уровня их благосостояния, развитие социального страхования по безработице, болезням и инвалидности, облегчение женского и детского труда, сокращение рабочей недели и пр., то в развитых странах капитализма это давно делается профсоюзными, государственными и общественными структурами и организациями, а главное — теми же капиталистическими фирмами, заинтересованными в квалифицированной, хорошо оплачиваемой и здоровой рабочей силе. Если капитализм эксплуатирует рабочих, то расплачивается с ними ценой более высокой, чем могут предложить им сегодня все социалистические программы. В теоретическом арсенале социализма нет никаких особых средств улучшения жизни трудящихся в экономическом плане, неизвестных и недоступных другим партиям. Скорее уж либеральные партии с их опытом и знаниями по части рыночной экономики и государственно-правового регулирования (наши либералы-реформаторы, разумеется, не могут служить примером современного либерализма) способны предоставить такие средства. Социалисты должны содействовать им в этой работе, постоянно понуждать к ней, но этим еще не исчерпывается их собственная программа.

Социализм никогда и не ставил перед собой задачу защитить рабочий класс в качестве особого и единственного класса в системе рыночных отношений, продлевая до бесконечности его существование. Его цель прямо противоположная — покончить с самими классами, с классовым делением общества. Если он кого и защищает, то не только рабочих, а каждого человека от навязанной ему необходимости принадлежать к какому-то классу. Для этого существует только один путь — свести труд рабочих (физический труд) в промышленном производстве к минимуму, заменив его научным трудом и его технологическим применением, предоставив тем самым каждому через образование и культуру войти в производство в качестве совершенно нового субъекта. По этому пути, видимо, и идет цивилизация, содействовать чему и призван социализм в его нынешнем виде.

Рождаемый современным производством новый тип производительного работника, владеющего всеми достижениями науки, техники и культуры, находящегося, так сказать, на переднем крае научно-технического и культурного развития — вот человек, чьи интересы в первую очередь и должен защищать социализм. Не интересы одного класса и не интересы всего народа как абстрактной и социально-аморфной единицы, а интересы каждого в плане свободной и творческой самореализации его индивидуальности лежат в основе социалистически ориентированной политики. В свете этой политики программа социальной защиты трудящихся должна быть дополнена и расширена до программы культурной защиты каждого человека. Это означает предоставление каждому (независимо от его имущественного положения, национальной принадлежности и профессии) права на свободный и творческий труд, соответствующий его потребностям и способностям.

Партию социализма часто называют партией социальной справедливости. Очевидно, ключевым здесь является слово «социальная», ибо справедливость сама по себе является требованием либерализма. По замечанию американского философа-неолиберала Майкла Сэндела, либерализм — это прежде всего теория приоритета справедливости над другими моральными и политическими идеалами. Известный теоретик в этой области Джон Роулз, автор знаменитой «Теории справедливости», переведенной на русский язык в 1995 году, также рассуждает о справедливости с либеральных позиций. К сожалению, у социалистов отсутствует столь же фундаментальное исследование того, что они понимают под социальной справедливостью. Справедливость, видимо, не то, что отличает социалиста от либерала, а то, что их, наоборот, сближает и объединяет. И еще надо подумать, что в идее справедливости специфически социалистического.

Во всяком случае, социализм не отвергает защищаемое либерализмом право человека на жизнь, свободу и счастье. Он лишь дополняет его правом на культуру, на свободное развитие и самовыражение каждого, без чего все остальные права повисают в воздухе, обрачиваются фактическим неравенством. В достижении этого права социализм более уповает не на экономические и политические институты и даже не на государство, т.е. не на профессиональных политиков, финансистов и менеджеров, а на инициативу и самостоятельность всех слоев населения, на их способность самостоятельно создавать необходимые им формы общения, объединяться по интересам, вступать в различные ассоциации и движения. Иными словами, главную ставку он делает на неформальные связи и отно-

шения, на общественные объединения и организации, которые сегодня в таком изобилии возникают во всем мире. Подобные объединения могут касаться разных сторон жизни — производственной, образовательной, просветительской, культурной, экологической и пр., служить разным интересам и целям, но именно они призваны выявить и реализовать, аккумулировать в себе многообразную энергию людей, дать выход их свободной общественной инициативе, их наклонностям и способностям. Здесь человек становится не носителем предписанной ему извне функции или роли, а творцом своих собственных отношений с другими людьми, полноправным участником важнейших общественных процессов. Возможно, это и есть то, что называется социальной справедливостью, наделяющей всех равными правами в организации и управлении общественной жизнью.

Социализм в конечном счете не означает ничего другого, как максимальное на данный момент расширение «пространства свободы», позволяющего индивиду жить так, как диктует ему его собственная «природа» — его индивидуальные способности, склонности, интересы и устремления. Этим вовсе не устраняется «сфера необходимости», повелевающая человеку действовать и поступать (трудиться прежде всего) в соответствии со своими материальными нуждами и потребностями.

Человек в любом обществе вынужден зарабатывать на жизнь, и, думаю, никакой социализм не освободит его от этого. Однако зарабатывать можно по-разному — посредством принудительного, бездумного и малопривлекательного труда, не требующего ничего, кроме физических усилий, и труда интеллектуально насыщенного, творчески одухотворенного, доставляющего моральное и эстетическое удовлетворение. Последний в современном производстве и больше ценится, и лучше оплачивается. Такой труд и есть по существу эквивалент человеческой свободы. Многим ли он доступен сегодня? Каждый знает, что нет и часто по причинам, от человека не зависящим. Сделать труд «по способностям» достоянием как можно большего числа людей, дать им возможность не только хорошо зарабатывать (что тоже немало), но и получать от работы творческое удовлетворение, помочь им найти в труде личное призвание, короче, снести в человеческой жизни границу между «иметь» и «быть» — такова та программа, которая и предлагается социализмом. И никакая это не утопия, а констатация того, что уже давно поставлено на повестку дня развитием цивилизации.

Скажут, движение к такой свободе — процесс бесконечный. Но социализм не предлагает законченной модели будущего общества, где все устроено ко всеобщему благополучию. Он лишь предлагает по мере

возможности переориентировать общество с чисто экономических целей развития на культурные, придать последним приоритетный характер, то есть подняться на качественно новую ступень общественной эволюции — более гуманную и свободную, чем все предыдущие. Подобная переориентация, естественно, означает и существенные изменения во всех сферах жизни, но важно то, что речь идет здесь о направлении, перспективе дальнейшего движения, а не о каком-то его окончательном результате. В идущем сегодня споре об этой перспективе у социализма есть все шансы выдержать конкуренцию с другими направлениями и течениями общественной мысли, представить наиболее убедительную картину того будущего, которое позволит человечеству выжить и двигаться дальше.

Примечания

- ¹ *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 94–95.
- ² *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1933. С. 184.
- ³ Там же. С. 183.
- ⁴ *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. II. М., 1992. С. 99.
- ⁵ *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1986. С. 85.
- ⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. II. С. 206.
- ⁷ Там же. Т. 27. С. 773.
- ⁸ Там же. С. 771.
- ⁹ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 221.
- ¹⁰ *Кьеца Дж.* Прошай, Россия. М., 1997. С. 174–177.
- ¹¹ *Хесле В.* Философия и экология. М., 1993. С. 17.
- ¹² *Джеймисон Ф.* Постмодернизм или логика культуры позднего капитализма // Философия эпохи постмодернизма. Минск, 1996. С. 118.
- ¹³ *Козловски П.* Культура постмодерна. М., 1997. С. 183.
- ¹⁴ Там же. С. 150.
- ¹⁵ Там же. С. 153.

Гуманистические идеалы социализма

Гуманизм можно определить как «человечность чувств»¹, то есть такое специфическое собирательное качество восприятия человеком окружающего мира и его рефлексию на внешние обстоятельства, в которых находит выражение своеобразие человеческой жизнедеятельности, ее качественное отличие от природного мира. Аккумулируя в себе основополагающие духовно-нравственные ценности и поведенческие нормы, гуманизм относится к социально-философским категориям, которые, по определению К.Маркса, «имеют силу для всех эпох»². В этом отношении близкой к истине будет характеристика истории как процесса цивилизации человека и общества, выработки гуманистических форм общежития. В трансформации общественного бытия и сознания согласно требованиям гуманизма видели многие мыслители основной признак исторической эволюции человечества и ее главный смысл, определяющую предпосылку движения общества по пути социального прогресса. Его критерием выступает уровень развития человеческой свободы, степень реального утверждения принципов равенства и справедливости. Прогрессивным считается все то, что гуманистично, что способствует возвышению человечности «людских отношений», что делает обстоятельства человеческого бытия «человечными».

Марксизм — философия практического гуманизма

Гуманистическое воззрение с момента своего зарождения всегда являлось выражением свободолобивых чаяний и оптимистических надежд народных масс, их устремлений к разумно и справедливо

организованной жизни. Неслучайно оно неразрывно связано с народно-освободительными движениями и классовой борьбой трудящихся, преобразовательной деятельностью прогрессивных общественных сил, руководствующихся передовыми для своего времени идеями. Гуманистические идеалы служили лозунгом и были начертаны на знаменах всех великих революций, их по праву считают «путеводными звездами истории».

Наибольший по своей теоретической и практической значимости вклад в исследование проблемы гуманистических идеалов был сделан марксизмом, раскрывшим их объективное содержание, детерминированность общественными отношениями и роль в истории. Диалектико-материалистический подход позволил выявить классовый и общечеловеческий характер гуманистических идеалов, совпадение в них объективного и субъективного, возможность их осуществления через деятельность людей, преследующих свои интересы и цели в соответствии с исторической действительностью. Получило научное обоснование положение, что только те социальные идеалы, которые формируются на основе назревших общественных потребностей и научного знания, обладают жизнеспособностью и являются исторически перспективными. Марксизм, пишет английский философ Ю.Стоун, «показал себя как динамический вызов всем предшествующим индивидуалистическим теориям равенства и справедливости. Вызов, брошенный марксизмом, является отрицанием независимой реальности гуманистических идеалов»³.

В марксистской концепции практически-духовного освоения мира был дан ответ на коренной философский вопрос: как подняться от абстрактного человека к конкретному, сделать каждого индивида свободной личностью. Преодоление самоотчуждения человека означает по К.Марксу подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека, возвращением человека к самому себе как человеку общественному, полную эмансипацию всех человеческих чувств и свойств. Чтобы «устроить мир истинно по-человечески, согласно требованиям человеческой природы»⁴, человек должен, считал Ф.Энгельс, сделать себя мерилom всех жизненных отношений и дать им оценку сообразно своей сущности.

Гуманизм К.Маркса был не морализующим, а революционно-практическим. Конкретные пути осуществления гуманистических идеалов рассматривались им исходя из научного понимания соотношения теории и практики. Для того, чтобы не только объяснять, но и изменять мир, необходимо соединение познания и практики, ибо разрешение жизненных противоречий не является задачей только познания, но требует активных человеческих действий.

Гуманистическим идеалам, как показал К.Маркс, противостоит практика отчуждения человека, являющаяся следствием отрыва труженика от средств производства и продажи в условиях капитализма его рабочей силы как товара. Это обуславливается и «рабским подчинением» индивидов существующим формам разделения труда. Характеризуя капиталистические отношения собственности как источник отчуждения, К.Маркс пишет: «Эта материальная, непосредственно чувственная частная собственность является материальным, чувственным выражением отчужденной человеческой жизни»⁵. Она является основой, причиной и средством отчуждения человека.

Сущность марксистского определения отчуждения остается неизменной и в современной действительности. Меняются лишь некоторые формы проявления отчуждения. Эрих Фромм, например, признает, что «большая часть населения на Западе трудится в качестве работающих по найму, от которых требуется небольшое мастерство и которое не имеет почти никаких перспектив развития собственных талантов. Громадное большинство работающих по найму продает свои физические и духовные силы для получения прибыли, в которой они не участвуют, во имя вещей, в которых они не заинтересованы и лишь с единой целью заработать на жизнь»⁶.

Так называемый «гуманный капитализм» — это новый по форме, но старый по содержанию режим, в котором неизменным остается его эксплуататорская сущность, продолжается отчуждение человека. Все меры, предпринимаемые по оптимизации функционирования капиталистической системы, не способны разрешить ее коренных противоречий, избавиться от разрушительного воздействия социальной стихии. Об этом, в частности, свидетельствуют периодически возникающие финансово-экономические кризисы, охватывающие не только отдельные страны, но и целые регионы мира. Целью капиталистического производства остается и в наши дни получение прибыли любой ценой и за счет любых средств. Как и во времени К.Маркса, нет таких преступлений, на которые не пошел бы капитал ради прибыли и тем более сверхприбыли. Все новейшие организационно-управленческие усовершенствования и технологические модернизации подчинены расширению возможностей наращивания прибылей монополистических олигархов. Поэтому, как никогда в прошлом, теперь наблюдается рост противоречия не только между трудом и капиталом, но и углубление антагонизмов между подавляющим большинством современного общества и стремящихся к всемирному господству собственников и управляющих гигантских транснациональных корпораций.

Сейчас с наглядной очевидностью подтверждается высказанное почти сто лет назад марксистское предупреждение о том, что стремление монополистического капитала к господству будет сопровождаться эксплуатацией все большего числа менее развитых стран, может привести к подчинению его диктату всего человечества. Действительно, вместе с ростом экономической мощи и глобальными масштабами деятельности современных монополистических корпораций неизмеримо возрастает их влияние на мировую политику и экономику, вмешательство во внутреннюю жизнь суверенных государств, которым они бесцеремонно навязывают свою волю. В лице крупнейших транснациональных корпораций, присваивающих себе самовольно функции всемирного управления, фактически образовалась новая наднациональная структура власти, попирающая национальный суверенитет и ущемляющая интересы государств. Создаваемый под лозунгом глобализации новый мировой порядок, по определению журнала «Монд», «означает новую «капиталистическую революцию». Глобализация захватывает самые отдаленные уголки нашей планеты, не обращая внимания ни на государственную независимость, ни на различие политических режимов. Мир переживает новую эпоху завоеваний, которая пришла на смену колониальной. Но если прежде в качестве главных завоевателей выступали государства, то теперь ими стали предприятия-конгломераты, частные промышленные и финансовые группы, которые претендуют на роль вершителей судеб мира»⁷.

Признавая наличие феномена отчуждения, некоторые идеологи утверждают, что это явление представляет не общественную, а исключительно субъективную черту самой человеческой природы. На негативные свойства человеческой природы, имеющие якобы врожденный и извечный характер, возлагается вина и за все проявления антигуманизма. К природному фактору апеллируют и критики научного социализма, утверждающие, что идея о бесклассовом и бесконфликтном обществе носит утопический характер, ибо не принимает во внимание внутреннюю противоречивость заложенных в человеке природных качеств. «Коммунизм, такой, каким представляли его себе К.Маркс и Ф.Энгельс, — невозможен, — пишет американский политолог У.Фулбрайт, — так как он противоречит исторической действительности и мог бы быть осуществлен лишь благодаря такой революции, какую он не способен осуществить, — революции в природе человека»⁸.

Несомненно, что процесс «переделки» человека, изменение его сознания и поведенческих реакций является самым сложным и во многом непредсказуемым по срокам и результатам делом. Не все здесь

просто и объяснимо, слишком много остается нерешенных проблем и загадок, наука задает больше вопросов, чем находит ответов по этому поводу. На долговременность и сложность трансформации человеческого мышления и поведения, качественных изменений в «мыслях и чувствах» людей обращали внимание и марксисты. Но они не разделяли пессимистических взглядов в этом вопросе, обосновывали безграничную способность человека к социальной эволюции. Не идеализируя человека, объективно оценивая исторические возможности и физические способности людей к совершенствованию своих качеств, марксисты воспринимают человеческую личность во всей ее многообразности и противоречивости, обусловленной существующей действительностью. Материалистическое понимание исторического процесса позволило научно подтвердить, что формирование определенного типа личности, образа мышления и поведения происходит под воздействием той общественной среды, которая служит материалом и объектом человеческой жизнедеятельности. Для изменения человека следует изменить обстоятельства его бытия, «сделать их человеческими»⁹.

Данными современной науки установлено, что человеческий интеллект имеет практически неограниченные возможности для своего развития. Видоизменения сознания, происходящие в процессе познания и практического освоения человеком окружающего мира, ведут к созданию новых форм социальных программ и образов мышления. Этим путем происходит воспитание новых поколений людей, развитие их духовных качеств. В самой жизненной действительности находит подтверждение положение о том, что «вся история есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы»¹⁰.

Некоторые ученые приписывают научному социализму сходство с религиозными утопиями на том основании, что им обеим присуще неприятие царящего в мире зла и несправедливости, призыв к нравственному совершенствованию. Но такой аргумент не дает основания для подобного сравнения, ставить знак равенства между религиозными догмами и научными положениями марксистского учения. В основе религии лежит вера в мудрость и всемогущество Божьего промысла, она не связана с реалиями предметного мира, основополагающими парадигмами человеческого поведения выступает смирение и рабская покорность судьбе. Что же касается социализма, то он в своем отрицании «мира зла и неправды» основывается на научном видении окружающей человека действительности и объективном анализе ее закономерностей. Он оперирует не абстрактными понятиями Добра и Зла, противостоит не некой мифической злой воле, а

реально существующим негодным общественным отношениям и их конкретным носителям. Социальные идеалы социализма наполняются конкретно-историческим содержанием, становятся действующим фактором человеческой жизнедеятельности. Социализм и гуманизм неразделимы.

Диалектика классового и общечеловеческого

Каждый мыслитель выступает выразителем мировоззрения определенных социальных групп, является носителем их идейных позиций и социальных ориентаций. В конечном счете за любыми теоретическими конструкциями стоят интересы конкретных классов и слоев общества. Но это не исключает наличия общечеловеческих духовных и нравственных ценностей, совпадающих общественно-политических целей. Классовые интересы могут иметь и общечеловеческое содержание. Если классовые или национальные ценности выражают интересы лишь определенной части общества, а следовательно, имеют так или иначе ограниченный характер, то общечеловеческие отражают интересы всех без исключения людей независимо от их социальной, расовой или какой-либо другой принадлежности. Общечеловеческие ценности обладают всеобщей значимостью именно благодаря тому, что включают в себя неотъемлемые права и свободы каждого индивида.

Роль и влияние научного учения тем значительнее, чем шире его социальная база, чем в большей степени оно служит выражению массового сознания. Признаками общечеловеческого обладали в разные периоды истории идеологии передовых классов, выступавших революционным авангардом человечества. Они играли роль движущей духовной силы, подготавливающей и способствующей прорыву цивилизации на новый более высокий уровень развития. Эпохи «революционных бурь» требуют своих революционных идей и это требование неизменно удовлетворяется. Революции, отмечал Ф.Энгельс, рождаются первоначально в умах идеологов. «Подобно тому как во Франции в XVIII веке, в Германии в XIX веке, философская революция предшествовала политической»¹¹.

Каждый революционный класс, борющийся за трансформацию существующих социальных порядков, противостоит старому господствующему классу как представитель всех угнетенных и недовольных. Для достижения своих целей он на этом основании представляет свой классовый интерес как интерес большинства, провозглашает его в качестве общечеловеческого интереса. Так происходило в свое время

с молодым классом буржуазии, выступавшим от имени всего «страждущего человечества». На определенном историческом этапе интересы буржуазии объективно совпадали в целом с интересами народных масс. Ликвидация феодализма отвечала потребностям общественного прогресса, освобождала общество от политических оков и духовного застоя средневековья, способствовала гуманистической направленности истории. Однако когда буржуазия стала властвующим классом и со всей очевидностью проявилась ее подлинная эксплуататорская сущность, все гуманистические порывы быстро снились, сменились эгоистическими проявлениями ее классовых интересов. Ф.Ницше, констатируя разрыв между гуманистическими идеалами эпохи буржуазных революций и общественной практикой нового времени зрелого капитализма, писал, что все провозглашаемые некогда постулаты гуманизма, «все эти великие слова имели цену лишь в борьбе как знамена, не как реальности, а как пышные наименования для чего-то совсем иного»¹².

Марксистский научный социализм формировался как мировоззрение пролетариата, выражение его идейных принципов и политических целей. Являясь классовой идеологией, он представляет теоретическую базу стратегии и тактики борьбы за осуществление коммунистических идеалов. Но с момента своего зарождения научный социализм обладает всеми признаками общечеловеческого мировоззрения, поскольку в нем нашли органическое воплощение идеалы гуманизма. В качестве теории и метода исследования общественной жизни, ее преобразования марксистский социализм стал интернациональным достоянием всего трудящегося человечества. Общечеловеческие идеалы и ценности универсальны, так как они формируются из конкретно-исторических классовых идеалов и ценностей, национальных традиций. Вобрав духовные и нравственные нормы и представления, являвшиеся продуктом гуманистического социального и интеллектуального развития человечества, научный социализм обрел общечеловеческий статус.

Раскрывая объективную основу совпадения классовых интересов пролетариата с общечеловеческими, К.Маркс указывал на то, что он не может освободить себя без уничтожения собственных негодных жизненных условий, а уничтожить их невозможно без уничтожения всех существующих бесчеловечных условий бытия. Поэтому эмансипация рабочего класса есть основа эмансипации общечеловеческой. Коммунистическое движение строится не на конъюнктурных и узкоклассовых интересах, а исходит из коренных целей общественного прогресса, борьбы за свободу и равноправие всех людей. «Ком-

мунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, — говорится в «Манифесте коммунистических партий», — но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения»¹³. Ф.Энгельс, характеризуя общечеловеческую миссию пролетариата, писал: «Речь идет о создании для всех людей таких условий, при которых каждый получит возможность развивать свою человеческую природу, жить со всеми ближними в человеческих отношениях, а не бояться насильственного разрушения своего благосостояния»¹⁴.

В ленинском теоретическом наследии также содержится ряд ценных мыслей, позволяющих через призму интересов пролетариата выявить интересы общечеловеческого содержания. Отмечая, что классовые интересы рабочих носят исторически преходящий характер и не могут быть абсолютизированы, В.И.Ленин выступал против узкого понимания классовых интересов, связывал перспективы общественного развития с интересами всего человечества, «возвышения удовлетворения потребностей» каждой личности. Определяя соотношение классового и общечеловеческого в пролетарском гуманизме, В.И.Ленин отмечал, что, преследуя цель создания бесклассового общества, пролетариат тем самым ставит свои интересы на службу всех трудящихся и они начинают выступать в форме народных интересов. Ссылаясь на опыт революционного движения в России, В.И.Ленин считал важным именно в теоретическом отношении раскрыть внутреннюю связь, существующую между борьбой рабочего класса за свои интересы и прогрессом цивилизации в целом. В частности, он подчеркивал необходимость «охарактеризовать классовый характер современного русского абсолютизма и необходимость низвержения его не только в интересах рабочего класса, но и в интересах всего общественного развития<...>, ибо с точки зрения основных идей марксизма интересы общественного развития выше интересов пролетариата, — интересы всего рабочего движения в целом выше интересов отдельного слоя рабочих или отдельных моментов движения»¹⁵.

В настоящее время проблема соотношения классовых, национальных и государственных интересов, их взаимосвязи с общечеловеческими приобретает еще большую значимость. Здесь, как никогда в прошлом, теперь требуется политика разумного балансирования и исторического компромисса, учет взаимных интересов. Все социальные группы и национальные общности, составляющие человечество, находясь в «одной лодке» и в современную эпоху у всех общая судьба и единая главная цель — выживание человеческого рода, недопущение его самоистребления.

Позиция марксистов в этом вопросе исходит из двух основных принципов. Во-первых, констатируется неразрывная связь общечеловеческих интересов со всеми другими видами общественных интересов. Во-вторых, признается приоритетность общечеловеческих интересов, имеющих абсолютную значимость для всех, когда речь идет фактически о выживании человечества и предотвращении глобальной катастрофы.

Современный мир разделен на различные по своей общественно-политической и этнической природе социумы, раздирается разного рода противоречиями. Но эти различия и противоречия не отменяют диалектического характера исторического процесса, наличия и взаимообусловленности в нем противоположных явлений и тенденций. По законам диалектики противоположности существуют не только в своем противостоянии, но и в своем единстве, взаимодействии. Эта общеисторическая закономерность находит свое подтверждение и в современном мире, который, несмотря на все различия составляющих его социумов, представляет тем не менее определенную целостность, находится во взаимообусловленном единстве.

Интересы различных классов и слоев общества воплощают в себе диалектику общего и особенного. Общее — это то, что их в той или иной степени объединяет, особенное — то, что их различает, разъединяет и противопоставляет. В этой диалектике общего и особенного применительно к современному человечеству на первый план со всей очевидностью выходит один общий и объединяющий фактор — необходимость мирного сосуществования и равноправного сотрудничества, ибо военное решение противоречий с применением новейших средств массового уничтожения равносильно самоубийству. Всеобщий мир и безопасность являются ныне не только необходимой предпосылкой прогресса цивилизации, но и условием ее существования. Осознание высшей ценности человеческой жизни, безусловного обеспечения в современных экстремальных условиях мирного бытия и устойчивого развития всех субъектов мирового содружества наций выступает тем фактором, который определяет наличие объективно совпадающих интересов народов.

Общечеловеческое содержит определенные закономерные взаимосвязи, которые вытекают из самого существования человеческого сообщества, из раскрытия его сущностных сил и способностей. Это определяет воздействие общечеловеческого на классовое, взаимодействие первого и второго. Но на общечеловеческие идеалы и ценности оказывает свое обратное влияние и классовый фактор. Несомненно, что социалистические идеи, практика революционных преобра-

зований, осуществленных социализмом, оказали огромное позитивное воздействие на весь ход истории XX века, способствовали реализации многих происходивших в этот период демократических перемен и гуманистических акций.

Под влиянием социалистической революции 1917 года в России, провозгласившей принципы нового общественного устройства и межчеловеческих отношений, трудящиеся многих стран добились успехов в деле своего национального и социального освобождения, в обеспечении своих гражданских и демократических свобод. В процессе социалистического строительства в СССР был выработан и получил мировое признание ряд важнейших социально-политических и экономических новаций, используемых впоследствии в общественной практике других государств и оказавших воздействие на демократизацию всей системы международных отношений. В мировом общественном сознании с социалистическими идеями стало ассоциироваться социальное равенство и защищенность, свобода людей от эксплуатации и безработицы, мирное сотрудничество и дружба народов.

Приоритет общечеловеческих интересов не означает «растворения» классовых интересов в общечеловеческих, не ликвидирует классовых противоречий в обществе. Классовое противоборство остается, но формы его во многом видоизменяются, происходит перемещение некоторых его аспектов, расширяется и диапазон классовых интересов. В этой связи полезно вспомнить высказанную Г.В.Плехановым мысль о том, что если пролетариат хочет поставить защиту своих классовых интересов на широкую основу политической борьбы, он должен бороться «за общие интересы истины, культуры, справедливости и человечности»¹⁶.

Не потеряло значение марксистское положение о необходимости классового подхода к анализу общественных явлений, их дифференцированной оценки. Любой подход к вопросам свободы, равенства, справедливости и других гуманистических ценностей неизбежно обнаруживает свой иллюзорно-утопический характер, если он не исходит из интересов борьбы за освобождение человека от социального и национального угнетения, мирится с неравенством распределения общественных богатств, с чьей-либо гегемонией в мировой политике.

Классовый подход был и остается действенным методом научного анализа, но его нельзя абсолютизировать, поскольку он есть лишь средство, а цель коммунистического движения — построение бесклассового общества. Если проблемы мировой политики рассматривать с позиций непримиримой классовой борьбы, а противоречия

между социализмом и капитализмом в контексте неизбежности военной конфронтации, то априори исключается возможность каких-либо мирных альтернатив. Такие идеологические установки, которые кроме всего прочего находятся в противоречии с положениями марксизма, не соответствуют объективным требованиям общественного прогресса.

Классовый критерий в любых случаях должен соотноситься с интересами общества и отдельных индивидов. Никакие классовые или общечеловеческие интересы не могут существовать помимо и вне интересов конкретных людей, без учета и защиты прав и свобод личности.

Ненасильственный мир — категорический императив современности

Прогресс гуманизма несомненен, его проявления можно наблюдать во всех сферах общественной жизни. Он происходит и в международной политике, в области политической культуры и морали. Политическое мышление, руководствующееся принципами мирного и равноправного сотрудничества наций, приверженное к поиску компромисса при разрешении международных конфликтов, приобретает все больше сторонников, становится общепризнанным цивилизованным человечеством. Современные политики должны учитывать реакцию общественного мнения на свои дела и поступки, сверять, насколько они отвечают общепризнанным нормам нравственности и принципам гуманизма. «Чтобы не выглядеть «голыми королями», политики должны рядиться в моральные одежды даже в тех случаях, когда они им явно не по росту и сковывают им движения, — пишут авторы коллективного труда по вопросам политической этики. — Им совершенно необходимо выглядеть респектабельными в нравственном отношении, если они хотят обеспечить поддержку общественностью проводимого ими политического курса»¹⁷.

Но история, как известно, не «Невский проспект». Она совмещает позитивное с негативным, включает проявления как созидательных, так и разрушительных сил. Люди, творящие историю, творят не только добро, но и зло. Процесс гуманизации и мирного созидания еще не обрел устойчивого и необратимого характера, не обладает твердыми гарантиями. На политической карте мира непрерывно вспыхивают сигналы тревоги, означающие возникновение войн, этнических распрей, террористических актов и других насильственных действий. Опасность, исходящая из локальных конфликтов в нашем взаимосвязанном мире, выходит за пределы отдельных регионов.

представляет угрозу для всего человечества, способна обернуться мировым пожаром. Реальную опасность представляет и рост количества государств, владеющих ядерным оружием и находящихся в зоне повышенного риска, откуда сейчас исходят главные угрозы миру.

Развитие науки и техники достигло за прошедшее столетие впечатляющих высот. Но вместе с тем они служат фактором, в определенных случаях негативно влияющим на общество и человека, способным положить конец самой человеческой истории. Двух мировых войн в XX столетии, по мнению писателя Эриха Ремарка, возможно окажется недостаточным в качестве урока для человечества. «Еще не забыты ужасы последней мировой войны, — писал он, — а «индустрия смерти» набирает обороты, дабы сохранить мир с помощью оружия, которым можно взорвать весь земной шар»¹⁸. В этой, как выразился один западный политик, «драматически улучшающейся» обстановке человечество оказывается перед альтернативой: либо вырабатывать и практически внедрять новую модель ненасильственной цивилизации, либо постоянно испытывать риск всеобщего уничтожения.

Антиподом гуманизму в первую очередь является милитаризм, разрушительные войны, истребляющие людей, наносящие материальный и духовный урон обществу. Войны по праву называют «вечными спутниками» человечества. Исследованиями ученых установлено, что за 3400 лет записанной истории человечества насчитывается всего 230 лет, когда государства и народы не вели войн. Из этого Ф.Энгельс делает вывод: «История, пожалуй, самая жестокая из всех богинь, влекущая свою колесницу через горы трупов<...>»¹⁹.

Плата за развязываемые войны возрастает прямо пропорционально уровню развития научно-технического прогресса, внедрению его открытий в военную область. Первая мировая война 1914–1918 гг. повлекла гибель 10 миллионов человек, 20 млн. было ранено, стоимость материальных потерь составила 338 млрд. долларов. Во второй мировой войне 1939–1945 гг. погибло свыше 54 млн. человек, покалечено 28 млн., стоимость материальных потерь достигла 4 триллионов долларов²⁰. Только за последнее десятилетие XX века было зафиксировано свыше 100 локальных войн в различных частях мира, в которых были вовлечены 57 государств. Эти войны унесли жизни почти 7 миллионов человек.

Чтобы создавать материальные и духовные ценности, заниматься политикой и наукой, продолжать человеческий род, люди должны жить, в мирных условиях осуществлять разнообразные формы жизнедеятельности. Главное и естественное право каждого человека — это право на жизнь. «Люди должны иметь возможность жить, чтобы

быть в состоянии «делать историю»²¹, — эта мысль, высказанная в свое время основоположниками марксизма, приобретает еще более категорическую значимость в современную эпоху. Поддержание всеобщего мира, предотвращение ядерной катастрофы становится абсолютной исторической необходимостью, поскольку новая мировая война с применением ядерного оружия поставит под вопрос само существование человечества. Категорический императив — быть или не быть, но уже не в философской теории, а в реальной жизненной действительности, стоит перед живущими поколениями людей.

Вопрос о том, как покончить с войнами, построить ненасильственный миропорядок, занимал умы мыслителей всех эпох и народов. Идеи мира и гуманизма находились в органической взаимосвязи в социально-философских учениях, рассматривались в качестве двух конструктивных начал, без которых невозможна никакая созидательная деятельность и прогрессивное движение истории. Свой вклад в исследование проблемы мирных отношений между государствами и сотрудничества народов, интернациональной солидарности и взаимопомощи внес и научный социализм. Его основатели и их последователи разрабатывали вопросы миротворчества в русле гуманистического мировоззрения, исходя из общечеловеческого содержания и исторической потребности мирного и равноправного взаимодействия всех стран и народов. Они последовательно выступали против политики милитаризма и агрессивной экспансии империалистических держав, развязывания войн в целях чьего-либо мирового господства. Развивая гуманистические традиции, марксисты обосновывали важное значение моральных принципов в международной политике, подчинения ее нравственным приоритетам, недопустимость проявлений «морального релятивизма».

Выступая против нигилистических взглядов на политическую этику и ратуя за придание международной политике нравственного содержания, К.Маркс специально обращал внимание на необходимость соблюдения в политике норм нравственности, регулирующих межчеловеческие отношения. В качестве одной из обязанностей рабочего класса он видел историческую задачу: «<...> добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами в отношениях между народами»²². Эти требования «стыковки» политики и морали, использования нравственно обоснованных методов международного общения, о чем писал К.Маркс, зафиксированы теперь в Уставе ООН.

К основополагающим принципам, на которых должна основываться международная политика, В.И. Ленин относил прежде всего право каждого народа на собственный выбор общественного устройства и государственный суверенитет, признание равенства прав и интересов всех наций, недопущение развязывания войн и исключения их из жизни международного сообщества. Подчеркивая, что главное свое воздействие на мировое революционное движение и общественный прогресс социализм должен оказывать своими социально-экономическими достижениями и примером мирного сотрудничества, В.И. Ленин писал: «Вся наша политика направлена отнюдь не к тому, чтобы втравливать народы в войну, а чтобы положить конец войне»²³.

Главная особенность современной концепции социализма по вопросам международной политики состоит в акцентировании внимания на проблемах ее гуманизации, более полной и действенной реализации демократических принципов и нравственных норм международной жизни, безусловного обеспечения всеобщего мира и безопасности, свободы передвижения людей, товаров, культурных ценностей, сохранения природной среды обитания человечества. Особое внимание обращается на необходимость сочленять человека и систему создаваемых им общественных отношений, выявлять и обосновывать потребность превращения гуманизма в доминанту человеческой жизнедеятельности и межчеловеческих отношений.

Выйдет ли человечество на путь перманентного мирного состояния или будет обречено на бесконечную взаимоистребительную борьбу во многом зависит от позитивной эффективности социокультурных факторов. Степень современной цивилизованности определяет, в какую сторону могут быть повернуты потенциальные задатки человеческой природы, каким целям они будут служить. Силовой образ мышления имеет безусловно глубокие корни в историческом и психологическом опыте человечества, в самой онтологии человека. Тем более необходим здесь качественный прорыв, коренная смена в мировоззренческих ориентациях человека, перестройка его этических парадигм. Нужно избавиться от образа врага в лице любого «чужого», рассеять предубеждение, будто бы люди других рас и наций являются потенциальными противниками.

История есть «человеческая конструкция». Взаимодействие объективных и субъективных факторов определяет открытый и многовариантный характер истории. Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства. Следовательно, не только бытие определяет сознание, но и сознание формирует бытие, определяет, какими средствами достигается та или иная цель. Челов-

век «изобрел» не только войну, говорится в одном из документов ООН, мир тоже его «изобретение». От человеческого разума и воли зависит, как могут разрешаться возникающие противоречия и конфликты. Чтобы человечество выжило и процветало, необходимо создание мирового порядка, основанного не на политике взаимного «гарантированного уничтожения», а на политике «гарантированной всеобщей безопасности».

Образ мышления и поведения современного человека во многом зависит от оказываемого на него влияния средств массовой информации. Поэтому одно из важнейших условий гуманизации общества и человека — создание соответствующей информационной основы. Без объективной, нравственно выдержанной информации невозможно обеспечить гуманистическую ориентацию людей, воспитать их в духе дружелюбного сотрудничества и интернациональной дружбы. Вместе с тем недопустимо использование средств массовой информации для морального насилия над людьми, манипуляции общественным сознанием в целях дезинформации и духовного разложения личности, насаждения культа силы, аморальности и вседозволенности.

Углубление процесса гуманизации и достижения ненасильственного мира определяется развитием научного знания, требует мировоззренческого и этического обеспечения. В этой связи возрастает роль мирового академического сообщества, его усилий в разработке программ нового цивилизационного порядка. Профессиональный и гражданский долг ученых — просвещать и воспитывать массы в духе гуманистических ценностей, формирующих свободомыслящих и ответственных личностей. Социалист-утопист Анри Сен-Симон, сражавшийся за свободу американского народа от английского колониального гнета, заявлял, что народу мало любить свободу, чтобы быть свободным, ему необходимо познание свободы. И это миссия людей науки.

Чтобы каменный век не вернулся «на сияющих крыльях науки», следует повернуть в мирное русло научно-технический прогресс, поправить с фатальной верой в неизбежность войн. Создание научно обоснованной системы международной безопасности есть необходимое условие устойчивого развития цивилизации. «XXI век будет либо веком гуманитарного знания и гуманистических приоритетов, либо его вообще не будет»²⁴.

В свете сегодняшней действительности бескомпромиссная, морально последовательно выдержанная политика представляется, конечно, лишь в качестве концептуальной модели, как желаемый идеал, который еще очень далек от своей материализации. Однако че-

ловечество не может с фаталистической покорностью плыть по течению истории, безропотно подчиняться всем ее зигзагам. То, что сегодня представляется несбыточной утопией, в будущем может превратиться в реальность. История в конечном счете есть процесс достижения одних целей и постановки новых по мере созревания возможностей для их осуществления. Это относится и к проблеме установления ненасильственного мира, которую следует рассматривать, как любое социальное явление, в конкретно-историческом контексте. Как подметил еще О. Шпенглер, у каждой эпохи существует «свой собственный этический масштаб, значение которого ограничено ее пределами и только в пределах своей исторической сферы данные моральные принципы истинны, а вне ее — они ложны»²⁵.

Будущая цивилизация, став универсально и подлинно всечеловеческой, будет иметь наверняка совершенно иной, по сравнению с нынешней, «этический масштаб», выработает свою политическую этику и культуру, адекватные новым социальным парадигмам и другому мировому порядку. И тогда сбудется предвидение К. Маркса: «<...> человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному идолу, который не желает пить нектар иначе, как из черепов убитых»²⁶.

Терроризм — вызов гуманизму

Одним из наиболее распространенных и опасных проявлений антигуманизма стал в настоящее время политический терроризм, возродившийся в новом обличье и видоизмененных формах. Отличие современного терроризма от практиковавшегося в прошлом заключается прежде всего в его международном характере и небывалых масштабах распространения, в глобальном охвате всех без исключения регионов планеты. Объектом террористических актов становятся теперь уже не только и не столько отдельные индивиды, как это было раньше, но большие группы людей, мирные граждане. Взрывы общественных и жилых зданий, захват авиалайнеров и морских судов, наземных транспортных средств с пассажирами, взятие заложников с политическими целями и ради выкупа — эти и многие другие насильственные средства используются современными террористами.

Счет жертв террористической деятельности исчисляется тысячами людей ежегодно. На вооружении террористов новейшие средства уничтожения людей и разрушения материальных объектов. Особую тревогу вызывает использование террористами отравляющих веществ.

Существует реальная угроза биологического и ядерного терроризма, взрыва атомных электростанций, что может стать равносильным по разрушительным последствиям мировой ядерной войне.

Одним из рассадников международного терроризма являются образовавшиеся в ряде стран территориальные анклавов, неподвластные национальным правительствам этих государств. Здесь вербуются и проходят подготовку кадры террористов, поставляемые в другие страны. Здесь же производятся в больших объемах наркотические вещества, от продажи которых получают огромные денежные средства, идущие на финансирование террористов. Террор превратился в доходный бизнес, на котором наживаются не только боевики, включая наемников, но также наркодельцы, работорговцы, нелегальные продавцы оружия и другие криминальные элементы.

Терроризм является преступным способом управления обществом, манипулирования сознанием и поведением людей посредством устрашения, угрозы физической расправы и морального унижения. Именно с этими античеловеческими целями на службу терроризму поставлены некоторые средства массовой информации, которые используются террористами для запугивания людей, разжигания массовой истерии, страха и неуверенности, предъявления ультимативных требований. Современный терроризм — это удар по жизненно важным и традиционным ценностям цивилизации, он несовместим с идеалами гуманизма и требованиями человечности.

Историческая практика убедительно выявила неэффективность и пагубность террористических действий как средства революционной и национально-освободительной борьбы. К. Маркс, относя терроризм к проявлениям политического волюнтаризма и авантюризма, характеризовал его как «всемирно-историческое заблуждение», которому подвержены некоторые борцы за «благо человечества». Он выражал убеждение, что «делать историю» посредством заговоров и террора невозможно. Революции не делаются по чьему-либо произволу, а идеи, даже самые передовые, невозможно навязать народам насильственным путем. Никакие ссылки на некие благие цели, ради которых якобы совершаются террористические акты, не могут служить их оправданию. Они неизбежно связаны с нарушением общечеловеческих норм, создают угрозу свободе и безопасности людей, их основному праву — праву на жизнь. «Цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель<...>»²⁷.

В. И. Ленин, подвергая критике террористические методы борьбы народовольцев с царским самодержавием и исходя при выработке революционной стратегии и тактики большевиков из установок мар-

ксизма, заявлял: «Мы пойдем другим путем». Усилиями «героических личностей», вставших на путь индивидуального террора, нельзя решить проблемы социального неравенства и отсталости. «<...> Прошли те времена, — писал В.И. Ленин, — когда за неимением революционного народа революцию «делали» одиночки-террористы»²⁸.

Следует критически относиться к встречающейся упрощенной трактовке международного терроризма, который нередко рассматривается лишь как результат преступных действий отдельных индивидов, экстремистских организаций или фанатиков. Это специфическое социальное явление, имеющее свои корни и мотивы, он детерминруется широким набором подчас сочетающихся факторов: политических, экономических, этнических, идеологических, религиозных. Терроризм представляет искаженную по своей сущности и направленности рефлексию на состояние бедности, угнетенности, униженности, в котором находится сейчас население некоторых регионов планеты, определенные слои общества. Это их мстительный ответ на допущение неравенства и несправедливости в распределении материальных благ между классами и нациями, на нежелание богатых делиться с бедными. Именно наблюдающаяся неравномерность экономического развития и глобальная эксплуатация «золотым миллиардом» всей остальной части мира, образовавшийся огромный разрыв между, с одной стороны, динамично развивающимися и богатеющими государствами, а с другой — все более отстающими и нищающими, является первопричиной «скачка» терроризма.

Таким образом, можно с полным основанием рассматривать терроризм как «негодный продукт негодного общественного бытия», т.е. для изменения «негодного бытия» в данном случае избираются явно «негодные» средства, извращенные по сути формы протеста, происходит фактически смена самих целей борьбы.

В результате развала СССР и ликвидации Варшавского договора социалистических государств, непомерно возросшего в образовавшемся «однополярном мире» политического и экономического гегемонизма США человечество вступает в XXI век в обстановке военно-стратегического и геополитического противостояния между государствами-членами блока НАТО и остальным миром. Весь мир объявляется сейчас «территорией ответственности» НАТО и одновременно «зоной национальных интересов» США, присваивающих себе право осуществлять функции мирового жандарма и судьи. Под лозунгом глобализации и защиты прав личности они стремятся диктовать свою волю и навязывать свой новый мировой порядок всем народам. Очевидно, что стремление к гегемонии какой-либо державы

или группы государств, установление кем-либо силового владычества и привилегированного положения несовместимо со справедливым мировым порядком и всеобщей безопасностью. Идеологи новой американской доктрины мирового господства, видимо, забыли печальную судьбу своих предшественников на этом поприще, жестоко поплатившихся за притязания быть вершителями судьбы всего человечества.

Трагедию террористических актов 11 сентября 2001 года в США определенные круги стремятся сейчас использовать в антигуманных целях, для разжигания милитаристских и расистских настроений в обществе, пропаганды идей панамериканизма. Под предлогом борьбы с международным терроризмом и уничтожения его очевидных носителей вашингтонские «ястребы» пытаются придать «акции возмездия» всеобщий характер, распространить ее на народы, не желающие быть объектом эксплуатации транснациональных компаний.

Нельзя забывать и той истины, что насилие порождает насилие, оно вызывает цепную реакцию, его применение с одной стороны оборачивается насилием с другой стороны, сеет ненависть и вражду, которой нет конца. В этой связи не лишне задуматься о том, почему во многих странах наблюдается рост антиамериканских настроений, усиливается массовое антиглобалистское движение, протест которого направлен против засилия мировой олигархии. Объективно существующие социальные антагонизмы и угнетенное положение трудящихся масс, целых народов является сейчас, как и в прошлом, действительной основой и исходным пунктом всех протестных движений в мире.

Пожар международного терроризма невозможно потушить одними военными средствами. Здесь требуется широкий комплекс мер политического, экономического, технического характера. Единственная реальная возможность предотвращения и полного устранения массовых террористических действий заключается в существенном подъеме жизненного уровня народов беднейших стран, загнанных в «подполье истории», выравнивания экономических условий всех государств путем справедливого перераспределения общечеловеческого богатства и равноправного пользования им всеми нациями, отмены всех форм транснациональной эксплуатации и неокOLONIALИСТСКОЙ практики, при которой один народ мог бы претендовать на руководство всеми остальными.

Мировому сообществу, наверное, может пригодиться горький опыт России, ставшей одной из первых объектом международного терроризма. На стороне чеченских сепаратистов, как известно, воюют наемники из разных стран, они финансируются из источников всемирной террористической сети. Чечня превратилась в полигон

разнообразных форм терроризма, территорию мировой торговли наркотиками, черный рынок оружия и работорговли. Волна террористических актов, совершаемых «борцами за чистоту ислама», прокатилась по многим городам России, унесла тысячи жизней мирных граждан. Особенно трагичными стали московские события в октябре 2002 года, когда террористами были захвачены в театральном центре свыше 700 заложников, среди которых было много детей. Эта беспрецедентная по жестокости и цинизму насильственная акция, совершенная не без участия внешних сил, вызвала возмущение и осуждение во всем мире. Она еще раз продемонстрировала преступную сущность терроризма, неотложность общей борьбы с этим величайшим злом.

XXI век — век надежды

Можно по-разному оценивать успехи гуманизма, возможности и перспективы воплощения его идеалов в жизненную действительность. Но, несмотря на всю противоречивость и непоследовательность процесса гуманизации общественного бытия и человеческих отношений, несомненно, многое здесь уже достигнуто. Каждый этап истории знаменовался совершенствованием гуманистического образа жизни, создавая новые возможности и раздвигая границы человеческой свободы. Выдающимися для судеб гуманизма событиями ознаменовалось XX столетие. Свершилась социалистическая революция в России, доказавшая, что безраздельной власти капитала может быть положен конец, что возможно создание общества без эксплуатации и угнетения, в котором подлинным властелином становится труд, а хозяевами — труженики. Советский Союз, внесший решающий вклад в победу над нацистской Германией во 2-ой мировой войне, спас человечество от фашистского рабства. В результате национально-освободительной борьбы была ликвидирована колониальная система. Угнетенные веками народы обрели государственную независимость. Благодаря влиянию и примеру социалистического строя трудящиеся многих стран смогли достигнуть значительных успехов в своей борьбе за гражданские права и свободы, за обеспечение социальных гарантий. Расширилось и обрело новое качество демократическое движение народных масс за предотвращение войны и сохранение мира, за всеобщую безопасность и социальный прогресс.

В результате растущей мощи и авторитета социализма было значительно подрвано влияние империалистической реакции, ограничены возможности беспрепятственно навязывать свою волю народам.

Убедительным подтверждением этому может служить героическая борьба вьетнамского народа против американских агрессоров и их пособников. Одержанная при поддержке СССР и всего прогрессивного человечества победа Вьетнама показала, что невозможно теперь одолеть народ, борющийся за свободу и независимость. Ни у кого нет таких средств, с помощью которых можно было бы повернуть историю вспять. Вьетнам, а впоследствии Куба развеяли миф о всеилии американского империализма.

Проводимая Советским Союзом политика мирного сосуществования дала возможность достигнуть преобладания позитивных тенденций в международной политике. Созданный им «ядерный щит» позволил в условиях острой конфронтации избежать военного конфликта между мировыми державами. Холодная война не превратилась в «горячую» в силу достижения ядерного паритета между СССР и США, установления равновесия сил на международной арене. Свыше полувека человечеству удастся не допустить новой всемирной бойни.

Сразу после окончания 2-ой мировой войны была создана Организация Объединенных Наций, членами которой в настоящее время являются уже свыше 200 государств. Ее стратегической целью провозглашено «избавление грядущих поколений от бедствий войны», «оздоровление мирового политического климата», «способствование утверждению принципов международного права». Хотя деятельность ООН в области миротворчества не всегда успешна в силу противодействия, оказываемого милитаристскими кругами, ее авторитет способствует разрешению и сглаживанию наиболее острых международных конфликтов.

Укрепляет позиции и все шире распространяет свое влияние новое политическое сознание, исходящее из необходимости безусловного обеспечения всеобщей и национальной безопасности не через наращивание военных потенциалов государств, а через их сокращение, нераспространения оружия массового уничтожения, расширения сферы действия международной правовой базы разоруженческого процесса. Все это можно занести в актив поступательного движения человечества к все более полнокровному осуществлению гуманизации общества и самого человека. Но не менее очевидно и то, что путь, который прошло человечество в своем гуманистическом развитии, не сравним с тем, что еще предстоит пройти в будущем. Процесс гуманизации не может иметь окончательных границ, завершиться на какой-то раз и навсегда заданной точке идеального состояния.

Не только ученые, но и широкая общественность озабочена тем, что продвижение к более высокому уровню благосостояния западного общества имеет однобокий характер, направлено преимущественно на массовое производство и потребление материальных благ в ущерб моральному совершенствованию личности, негативно влияет на духовную жизнь. Гедонистская мораль задает модели поведения, ставящие под угрозу такие важнейшие социокультурные институты, как семья, школа, религия, община. В этих условиях важное значение приобретает фактор уже не просто экономического роста, а нормативно-ценностное содержание процесса материального развития, его гуманистический вектор. Общественный прогресс не может быть полноценным и всесторонним без человеческого измерения, оценки не только его производственных, но и духовных достижений, определения, насколько он служит расширению объема свободы человека, включает аксиологическую компоненту²⁹.

По мнению популярного сейчас на Западе экономиста Линдона Ларуша, деляческий подход вульгарного прагматизма, оперирующий управленческо-технологическими критериями и ставящий во главу угла исключительно экономическую выгоду, выявил ущербность односторонне трактуемого принципа рациональности, поставил под вопрос его нравственную легитимность. Поэтому узконаправленной рациональности теперь все чаще противопоставляются разного рода нормативные соображения, альтернативные социальные ценности. Отмечая в своем труде «Физическая экономика», что развернувшееся движение легализации духовно-моральных начал отражает объективные требования нового времени, он высказывает убеждение, что современная экономическая модель должна основываться на стремлении граждан служить интересам общества и желании приносить пользу всеобщему благу³⁰.

Аналогичное высказывание делает американский социолог Дж. Янкелевич, считающий, что в настоящее время на смену «морали успеха» приходит мораль духовной гармонии и внутреннего совершенствования личности. Ссылаясь на данные опросов общественного мнения в США за последние несколько лет, он констатирует наблюдающуюся переориентацию большей части общества на «смысложизненные ценности», утверждающие превосходство духовных начал над внешним устройством жизни и приобретением материальных благ. «Все большее количество людей, — отмечает он, — считает теперь уже более важным жить согласно «сушностным ценностям», нежели лоби-

ваться любыми средствами более высокого уровня благосостояния и роскоши, склоняются к тому, чтобы повернуться к гуманизированному образу жизни вместо дальнейшего развития производства вещей»³¹.

Повышенная привлекательность гуманистических идей как контрволны потребительству и обществу потребления вообще неотделима сейчас от «антиглобализма» как нового социального движения. Она направлена против антигуманных тенденций современной техногенной цивилизации, отрыва человека от природной среды, актуализирует задачу помощи слаборазвитым странам в искоренении бедности. Идет поиск путей формирования гуманистически ориентированной личности, озабоченной уже не только вопросами уровня, но и качества жизни в ее духовном и нравственном содержании.

Функционирование и реализация гуманистических ценностей связывается в современную эпоху с формированием гражданского общества как основного типа культурно-исторической социальной организации. Именно в системе общественных институтов гражданского общества создаются условия, обеспечивающие максимальную свободу самореализации личности, ее активное творческое участие в делах общества. Происходит развитие таких аксиологических категорий, как демократизм, толерантность, открытость, солидарность. Получает распространение понятие неогуманизма, используемое для обозначения и характеристики некоторых инновационных явлений в области идеологии и практики гуманизма, особенностей процесса выработки и становления ценностей и норм гражданского общества. Концепция неогуманизма, не отрицая традиционных гуманистических понятий, нацелена на расширение рамок антропоцентристского гуманизма, ставит в центр мироздания не просто человека, а его биосоциальную природу как условие выживания человеческого рода.

Чем большее количество столетий накручивает счетчик истории и чем больше наполняется всемирный опыт человеческого бытия, тем становится явственнее, что только базовые гуманистические ценности способны уберечь живущие и будущие поколения от духовной деградации и нравственного разложения. Гуманизм доказал свое право быть выражением и критерием человечности, универсальным компонентом культуры, играть роль спасителя цивилизации. «Гуманизм — тот фокус, <...> где взаимно предполагают и взаимно обуславливают друг друга природное естество, социальная сущность, психическая энергия, сверхприродные фантазии, точный расчет и возвышенные мечты <...> дорога гуманизма пролегает среди болот и дебрей незнания, ее часто пересекают звериные тропы властолюбия, корыстолюбия, расизма, национализма и т.п., но от того гуманизм становится еще более настоящим»³².

Теории научного социализма присущ исторический оптимизм, вера в неизбежность победы гуманистических идеалов и демократической культуры. Поступательное развитие истории, по убеждению К.Маркса, «вопреки временным отливам, в конечном счете прокладывает себе путь<...>»³³. Осуществление социальных идеалов посредством превращения идеального в материальное происходит по мере того, как их содержание становится адекватным фундаментальным тенденциям и потребностям исторического развития. Сегодняшние идеалы становятся действительностью завтрашнего дня не в последнюю очередь и под воздействием передовых идей, овладевших умами людей. Как образно выразился французский философ Анри Стиль: «Если мы не можем еще сегодня подарить людям светлое утро, то мы можем разбудить их пораньше. Задача прогрессивных идей пробуждать народы»³⁴.

Идеи марксизма вот уже второе столетие освещают человечеству путь к обществу, которое явится подлинным разрешением противоречий «между человеком и природой, человеком и человеком<...>»³⁵. История, которую К.Маркс сравнивал с «кропотливым кротом», упорно и целеустремленно роющим свою дорогу, неизбежно найдет путь к обществу, которое даст всем людям Свободу, Равенство и Братство. И отнюдь не утопическим представляется сегодня высказанное французским публицистом Жаном Хронье предположение о том, что «очень скоро мир узнает, что призрак коммунизма встает из могилы. Начало нового столетия ознаменуется осознанием того, что гуманистическим идеалам, рожденным в прошлые века и начертанным на знаменах Великих революций, суждено пережить свой Ренессанс. Они окажутся востребованными и вновь завоюют умы и сердца людей<...>»³⁶.

Классики научного социализма никогда не претендовали на роль пророков, предсказывающих точную и детальную конструкцию грядущего мира. Их учение содержит лишь основные контуры будущего социалистического и коммунистического общества, научные принципы их организации. Не берясь выписывать конкретные «рецепты» для будущего общественного устройства, они правомерно полагали, что сами объективные жизненные реалии дадут ответ на этот вопрос. Ф.Энгельс, предостерегая от того, чтобы предписывать будущим поколениям, как им следует устраивать свою жизнь, считал это праздным занятием. Люди будущего сами найдут разумное решение своих проблем, каким должно быть их общественное бытие. Поэтому можно рассматривать марксистское видение будущих моделей общества как своего рода социальный идеал. Но идеал, основанный на научных данных и создаваемых материальных предпосылках построения именно такого общества, где свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех.

Примечания

- 1 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 122.
- 2 Там же. Т. 46. Ч. I. С. 42.
- 3 *Stone J.* Human Law and Human Justice. 1975. P. 162.
- 4 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. I. С. 593.
- 5 *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956. С. 588–589.
- 6 *Frott E.* Der Moderne Mensch und Seine Zunkunft. Frankfurt a/M., 1960. S. 262.
- 7 Цит. по: Молодая гвардия. 2001. № 10. С. 74.
- 8 *The Sociology of Personality.* N. Y., 1960. P. 80.
- 9 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 146.
- 10 Там же. Т. 4. С. 162.
- 11 Там же. Т. 21. С. 273.
- 12 *Ницше Ф.* Собр. соч. Т. IX. М., 1910. С. 53.
- 13 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 458.
- 14 Там же. Т. 2. С. 554.
- 15 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 220.
- 16 См.: *Плеханов Г.В.* Социализм и политическая борьба // *Плеханов Г.В.* Соч. Т. II. М.—Пг., 1923.
- 17 Цит. по: Nuclear Deterance and Moral Restraint. N. Y., 1990. P. 86.
- 18 Цит. по: Иностр. лит. 2000. № 10. С. 249.
- 19 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 35.
- 20 См.: История второй мировой войны. Т. 12. М., 1982. С. 146.
- 21 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 26.
- 22 Там же. Т. 16. С. 11.
- 23 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 11.
- 23 Там же. Т. 42. С. 99.
- 24 *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983. С. 170.
- 25 *Шпенглер О.* Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 447–448.
- 26 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. С. 230.
- 27 Там же. Т. 1. С. 65.
- 28 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 269.
- 29 См.: *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность XXI века // Москва. 2002. апр. С. 154.
- 30 См.: *Ларуш Д.* Физическая экономика. М., 1997.
- 31 *Jankelovich D.* New rules: Searching for self-fulfilment in a world turned upside dawn. N. Y., 1991. P. 120.
- 32 Академик Иван Тимофеевич Фролов. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 2001. С. 288.
- 33 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 302.
- 34 Цит. по: La Nouvelle Critique. 2000. P. 97.
- 35 *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956. С. 588.
- 36 Цит. по: Figaro. 2001. 5 Javier. P. 7.

Вектор социальных и мировоззренческих трансформаций современного общества

К. Маркс не предполагал характерного нашему времени невиданно быстрого развития науки, техники и технологии, ознаменовавших научно-техническую революцию (НТР). Процесс эволюции общества он связывал с совершенствованием и накоплением индустриальных средств производства и обусловленного этим увеличения численности и силы пролетариата, что с неизбежностью должно было привести к нарастанию противоречий капиталистического способа производства, социальной революции пролетариата, под руководством которого должно было осуществиться постепенное и планомерное создание качественно новых производительных сил, на базе которых изменится технологический способ производства и возникнут соответствующие им производственные отношения, система ценностей и мировоззрения.

При таком развертывании исторического процесса революция могла осуществиться на этапе завершения капиталистической индустриализации и обострения всех присущих ему противоречий и зрелости материально-технических, экономических, культурных и демократических предпосылок социализма. Здесь теоретически наиболее вероятным мог быть сценарий социалистической революции с установлением диктатуры пролетариата, равноценной завоеванию демократии, и общим благоприятным историческим итогом.

В меняющихся исторических условиях возможен был иной путь социального прогресса. В силу недостатка объективных данных он не получил столь тщательной проработки как первый, однако этот альтернативный сценарий исторического развития достаточно определенно просматривается в теоретическом наследии К. Маркса.

В недрах капитализма К.Маркс заметил некоторые вновь возникшие особенности его эволюции, обусловленные объективным развитием производительных сил, которые значительно интенсифицировались их качественным изменением на основе использования достижений тогдашней науки, выявил и обозначил новые тенденции социально-экономического и социокультурного развития общества. Он полагал, что при дальнейшем развитии капиталистического способа производства в силу присущего ему постоянного революционирования капитализм создает производительные силы, несовместимые с индивидуальной частной собственностью, что в конечном счете приведет к изменению общественного способа производства, системы ценностей, мировоззренческих представлений и всего образа жизни. Первым шагом в этом направлении К.Маркс считал зарождение акционерных обществ и кооперативных фабрик рабочих. Более того, в то время, принимая во внимание учреждения, права и традиции различных стран, он допускал в таких продвинутых буржуазно-демократических странах как США и Англия возможность того, что рабочие могут добиться там «своей цели мирными средствами<...>»¹.

Во второй половине XX века капитализм перерос в ведущих странах фазу своего индустриального развития. Без социальных потрясений, коренной ломки частнособственнических производственных отношений, используя сверхприбыли корпораций, получаемые в том числе за счет неэквивалентного обмена с развивающимися странами, были созданы условия для устойчивого научно-технического прогресса — разработки и внедрения новейших высоких технологий. В технико-технологическом плане капитализм вступил в постиндустриальную фазу развития. Главной причиной трансформации капитализма стало овладение им достижениями научно-технической революции и адаптация к ее требованиям.

Для ослабления социального напряжения и предотвращения социального взрыва в развитых капиталистических странах был осуществлен ряд социальных программ, близких идеалам социализма: достижение относительно высокого жизненного уровня трудящихся слоев населения, демократические свободы и права человека, социальная защита граждан и т.п. Среди причин, обуславливавших такое развитие капитализма, не последнюю роль сыграло противоборство социализма и капитализма на международной арене, о чем уже шла речь в третьей главе книги, заставлявшее правящие круги ведущих капиталистических стран делать уступки и искать компромиссы с профсоюзами и политическими организациями рабочего класса и других слоев трудящихся.

Взаимобусловленность научно-технического и социального прогресса

Замена техники и технологии, основанных на использовании орудий механического изменения вещества природы природными процессами, используемыми в качестве технологических, означала революцию в производительных силах (НТР). Она позволила значительно снизить энерго- и ресурсопотребление, сократив тем самым антропогенное давление на природную среду, зависимость экономики развитых стран от стран-экспортеров сырья, повысить эффективность производства. Широкое применение науки, природных сил и процессов в производстве, функционирование которых в процессе труда ничего не стоит капиталисту*, позволило значительно сократить издержки производства, увеличить капиталовложения в развитие науки и ее внедрение в практику.

Экономика Советского Союза в стремлении осуществить лозунг первых пятилеток «Догнать и перегнать!» развитые страны в производстве традиционных продуктов (сталь, уголь, нефть, зерно) на душу населения по-прежнему делала ставку на ужесточение старых, апробированных методов. Но эти методы оказались совершенно не пригодны при переходе к качественно новым технологическим способам производства, а были в состоянии лишь до известного предела интенсифицировать тиражирование и дублирование уже известного, консервируя тем самым прежнюю (свойственную индустриальному обществу) структуру народно-хозяйственного комплекса. Тем самым мы обрекли себя на повторение прошлого, все глубже загоняли в тупик экономического и социального развития. Государство в лице командно-административной системы, образно говоря, перемалывало богатства, ресурсы, природу, народ своей страны, создавая избыточные мощности тяжелой и добывающей индустрии, оборонной промышленности и т.п., превращая подлинную цель производства — человека — в средство своего расширенного воспроизводства, извращая главную коммунистическую идею о человеке как цели исторического развития.

* Поскольку силы природы, используемые в производстве, не являются продуктами человеческого труда и, следовательно, не имеют стоимости, то, будучи агентами производства, «они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. С. 553). Так же само включаются в процесс производства научные достижения, поскольку всякое научное открытие, став достоянием людей, теряет меновую стоимость и входит в процесс общественного производства, подобно силам природы, не включаясь в процесс образования стоимости (См.: Там же. Т. 23. С. 397).

В связи с этим возникает вопрос: не марксизм ли привел нас к такому результату? Обратимся к К.Марксу. Как известно, К.Маркс считал формальное обобществление производства ограниченной мерой для коренных революционных преобразований общественного способа производства, связывал с ним ограниченные возможности «грубого коммунизма», не имеющего ничего общего с подлинным социальным прогрессом.

Благополучно преодолев апогей обострения всей совокупности противоречий, присущих индустриальной форме капитализма (включая государственно-монополистическую фазу его развития): исчерпание потенций роста производительности труда на основе экстенсивного развития производительных сил, угрозу сырьевого, энергетического и экологического кризиса, пик революционно-демократической и национально-освободительной борьбы, конфронтации и т.п., капитализм тем не менее продолжает развиваться согласно закономерностям, которые открыл К.Маркс.

Среди объективных факторов ускорения развития производства в капиталистическом обществе и обуславливающих его закономерный переход на следующую ступень социального развития назовем те идеи К.Маркса, которые в условиях НТР нашли дальнейшее развитие и подтверждение.

Полагая, что с широким применением природных процессов в качестве непосредственных средств труда, идущих на смену механически модифицированным предметам природы, значительно возрастает роль и доля всеобщего труда и наукоемкого производства, К.Маркс связал постепенное вытеснение простого живого труда, как источника прибавочной стоимости, из процесса производства и в силу этого отрицание самой цели и основы частного капиталистического производства. Широкое применение кооперации творческих усилий и материализация их труда в сложных производственных технологических системах представляет собой по существу «накопление всеобщих производительных сил общественного мозга»². На этой основе действительностью становится «превращение процесса производства из простого процесса труда в научный процесс, ставящий себе на службу человеческие потребности»³, а вместе с этим и возможность подчинить жизненный процесс контролю всеобщего интеллекта⁴, т.е. сделать действительно планомерным, управляемым не только производство, но и развитие общества в целом.

С использованием естественных процессов в качестве агентов труда и превращением различных форм и свойств материи в объект, орудие и средство производства неизбежно возникает вопрос об об-

шественной форме их бытия. Предметами труда и орудиями индивидуального пользования были и могут быть лишь отдельные, ограниченные в своем объеме конкретные объекты природы (леса, пашни, воды, рудники и карьеры и т.п.), но не природа в ее глобальной характеристике. Предметы всеобщего пользования и вообще биогенные природные условия существования людей, подобно воздуху, солнечному излучению или биосфере, не могут быть ни частной, ни групповой, ни государственной, ни общественной собственностью⁵. Они могут существовать и существуют только как неотчуждаемые условия бытия человека, производства и воспроизводства его физического существования и дальнейшего бытия общества.

На примере экологического кризиса, экологизации производства, глобализации деятельности отдельного человека в условиях НТР мы видим, что, действительно, как и предвидел К.Маркс, деятельность каждого отдельного человека приобретает все более непосредственно общественный характер, неопоставимый с производством вешного богатства и прибавочной стоимости за счет человека и деградации природы. Обеспечение индивидуального бытия в ущерб другим людям и живой природе, бесконтрольное применение науки и техники становятся все более недопустимыми. Дальнейший прогресс науки и техники и связанная с ними глобализация деятельности людей требуют коренных социальных преобразований общественной жизни, углубления социального прогресса. Поэтому в перспективе «масса орудий производства должна быть подчинена каждому индивиду никаким иным путем, как только тем, что оно будет подчинено всем им вместе»⁶, но только не формально, а реально.

Поэтому уже в настоящее время даже при той высокой концентрации и централизации капитала, которую обеспечивает государственно-монополистический капитализм, созданные им производительные силы заставляют применять коллективные формы владения, пользования и распоряжения собственностью, которые в силу логики дальнейшего развития постепенно перерастают свою капиталистическую форму. Действительно, сейчас мы наглядно убедились, что «рука об руку с <...> централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах<...>, которые допускают лишь коллективное управление<...>. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой»⁷.

Говоря о развитии кооперативных фабрик рабочих и акционерных форм собственности при капитализме, К.Маркс подчеркивал двойственность общественной формы функционирующего в этих условиях капитала, который, являясь «последним полаганием капитала в адекватной ему форме»⁸, в то же время представляет собой «упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства»⁹. Капитал «получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям»¹⁰. Другими словами, К.Маркс рассматривал становление акционерной формы собственности и организации труда и производства самих трудящихся в ее двойственной ипостаси: с одной стороны, как результат высшего развития капиталистического производства, а с другой — как превращение частной собственности «в собственность акционерных производителей, в непосредственную общественную собственность»¹¹. «Это — упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства<...> представляется простым переходным пунктом к новой форме производства»¹².

Короче, внутренняя логика развития производительных сил капитализма, стимулируя процессы обобществления труда и производства, достигает своей вершины в обобществлении капитала, что равнозначно положительному упразднению частной собственности и требует изменения экономического базиса общества — производственных отношений, а затем и всех остальных соответствующих им общественных отношений, системы ценностей и мировоззренческих представлений.

Именно благодаря росту реального обобществления производительных сил, труда и производства капитализм вступил в качественно новую фазу своего социально-экономического и политического развития. С осуществлением взаимосвязанных процессов расширения коллективных форм деятельности (а не приватизации) и внедрением в производство новых производительных сил были созданы условия для трансформации многих традиционных для индустриального капитализма проблем, возникновение не свойственных прежде буржуазному обществу характеристик, которые люди прежде связывали с идеалами социализма*. В этом смысле правы те авто-

* Весь опыт постиндустриального развития капитализма свидетельствует: основа социализации — становление коллективных форм собственности, хозяйствования и жизнедеятельности общества покоится на процессах, обратных приватизации. В СССР процесс социализации мог быть связан с разгосударствлением, но не тотальной приватизацией, отражающей не просто юридические принципы владения, пользования и распоряжения вещами, а соответствующие отношения людей по поводу вещей — капиталистические отношения.

ры, которые, имея в виду стимулируемые НТР реальные процессы социализации, говорили об общей конечной направленности развития человеческой цивилизации, о социальном векторе цивилизационных и социокультурных трансформаций бытия социума.

Отсюда логично заключить: с расширением коллективных форм владения, пользования и распоряжения объектом собственности, организации и управления трудом и производством, с распространением их на все новые отрасли и сферы производства становление новой коллективной общественной организации возможно мирным путем, без насилия и подавления, без диктатуры пролетариата, которая, кстати, исчезает уже в самом процессе широкого участия рабочих и служащих в кооперативных и акционерных товариществах. Словом, сама эволюция кооперативной и акционерной форм собственности и организации труда и производства показывает, что «на известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих им общественных форм производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ производства»¹³.

Марксизм четко показал, что капитализм в силу имманентно присущих ему закономерностей эволюционирует к своей неминуемой гибели: «<...> отрицание капиталистического производства производится им самим с необходимостью естественного процесса»¹⁴, «с фатальностью метаморфозов природы»¹⁵, благодаря объективному, порождаемому развитием производительных сил, нарастающему реальному обобществлению труда и производства, цивилизационной и социокультурной эволюции социоприродного Универсума.

Эти выкладки из К.Маркса говорят о том, что он не исключал возможность социальной революции как результат мирной эволюции капиталистического способа производства. В силу этого идея захвата власти пролетариатом и его диктатуры в период перехода от капитализма к социализму имела для К.Маркса не самостоятельное, а подчиненное значение. К.Маркс называл революционное насилие «повивальной бабкой» всякого старого общества, когда оно беременно новым»¹⁶. Диктатуре пролетариата, пришедшего к власти в результате классовой борьбы и политического переворота, отводилась функция, опираясь на научную теорию социализма, направить стихийный процесс «вырождения» капитализма и становления нового общества в упорядоченное русло. Она призвана была лишь смягчить муки родов и способствовать становлению нового общества. Решающим же фактором общественного развития остаются внутренние объективные закономерности исторического процесса. Попытка поставить все

с ног на голову и творить историю согласно своим представлениям и желаниям принадлежит не К.Марксу, а его интерпретаторам, движимым авантюризмом или заблуждениями революционного романтизма.

Трансформации системы ценностей и мировоззренческих универсалий в постиндустриальном обществе

Для подтверждения прозорливости К.Маркса обратимся к анализу развития постиндустриального социума. Существует довольно много определений цивилизации, наполненных различным содержанием. В свое время К.Маркс включал в содержание понятия «цивилизация» «всякое увеличение *общественных производительных сил*, если угодно, *производительных сил самого труда* — в том виде, в каком они являются плодом науки, изобретений, разделения и комбинирования труда, улучшения средств сообщения, создания мирового рынка, машин и т.д.»¹⁷. Постиндустриальное общество, как продукт разворачивания НТР, представляет собой качественно отличный от индустриального общества этап развития цивилизации — созданного человеком предметного мира.

Поскольку цивилизация индустриального общества, согласно закону соответствия производственных отношений производительным силам, в своем классическом виде отвечает капиталистической стадии эволюции социума, постольку ей соответствуют и определенные характеристики общественного сознания, отражающиеся в системе ценностей и мировоззрении людей. Эти особенности бытия социума фиксируются на уровне эмпирических обобщений и довольно хорошо изучены.

Так как в конечном счете общественное бытие определяет общественное сознание и последнее, трансформируясь вслед за изменением цивилизации, еще не обрело адекватной ей формы, то интересно проследить социальный вектор наметившихся в наше время тенденций изменения общественного сознания, связанных с переходом общества в стадию постиндустриального развития.

Для капиталистического индустриального общества целью производства является прибавочная стоимость, все остальное (природа, наука, техника, культура, человек и др.) — средства получения прибыли. Норма прибыли определяется наряду с размерами заработной платы затратами на средства производства. Чем они ниже, тем выше прибыль. Отсюда вытекает варварское отношение к природе и ее деградация, культурный нигилизм, инвестиции в человека — только как фактор производственной деятельности, т.е. обеспечение лишь вос-

производства рабочей силы. Все это порождает социальную напряженность, конфликтность общественного бытия, нестабильность социоприродного Универсума.

Ситуация начинает меняться в период социальной бифуркации — перехода от индустриальной к постиндустриальной цивилизации. С заменой механической техники и технологии средствами производства, где в качестве орудий труда используются природные процессы микроуровня, контролирование которых возможно только благодаря достижениям науки и сложным электронным системам управления¹⁸, меняется отношение к человеку как главной производительной силе. Его физическое и психическое здоровье, образование, общее культурное развитие становятся определяющим фактором создания и функционирования не только современных производственных процессов, но и обеспечения всей жизнедеятельности социума: экономики, транспорта, коммунального хозяйства, медицинского обслуживания, обороноспособности и т.п. Обеспечение функционирования современной цивилизации объективно требует все большего внимания к человеку, все больших инвестиций в него. Изменение отношения к экологическим условиям бытия в постиндустриальном обществе также продиктовано заботой о сохранении благоприятных природных условий существования человека как естественной и главной предпосылки современной цивилизации. По сути дела инвестиции в охрану природы, экологические программы — в конечном счете инвестиции в человека. Таким образом, в постиндустриальной цивилизации наметилась явная тенденция изменения мировоззренческих представлений о месте и роли человека в системе производственных отношений и бытия социума в целом, ценностные приоритеты социума в отношении человека, он все больше из средства производства трансформируется в цель бытия социума.

Сейчас трудно утверждать об осознанности этих трансформаций всем обществом, о их всеобщем характере, поскольку такое отношение к человеку проявляется главным образом в самых продвинутых сферах человеческой деятельности. Наряду с этой тенденцией имеет место и обратный процесс — низведение человеческой деятельности и в целом бытия человека к частичной социальной функции, выполнение которой требует минимального уровня социализации человека, фактического отрицания его культурного статуса¹⁹, исключения целых народов и государств из цивилизационного прогресса²⁰, обращения их в новое экономическое, социальное, культурное и духовное рабство.

Однако на сегодняшний день все же преобладающей является гуманистическая тенденция. Это фиксируется в странах, вступивших на путь постиндустриального развития, в таких эмпирически констатируемых количественных показателях, как стремительный рост учащихся в высших учебных заведениях, повышение индекса развития человека, увеличение продолжительности и качества жизни²¹. Эта гуманистическая ориентация бытия социума свидетельствует об изменении социального вектора эволюции общества, о его большей ориентации на развитие всего социума, а не каких-то отдельных слоев, классов, групп. В конечном счете речь идет о превращении человека из средства в цель бытия общества, идеал которого сформулировали К.Маркс и Ф.Энгельс в коммунистической максиме: «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». Конечно, пока мы видим стихийную тенденцию осуществления этого процесса. Он сможет реализоваться в полной мере только тогда, когда необходимость его воплощения будет диктоваться не погоней за прибылью, а будет осознаться как императив бытия общества и станет в свою очередь реальной целью и главной ценностью для людей.

Объективно процесс современной глобализации мирохозяйственных отношений и социокультурных трансформаций продиктован спецификой постиндустриального развития общества, в ходе становления которого все яснее обнаруживается понимание того, что с углублением разделения труда в обществе труд и экономическая деятельность в целом становятся все более эффективными с их ориентацией на производство для других, а не для удовлетворения собственных потребностей, как это было в условиях натурального хозяйства и капиталистического производства прибавочной стоимости для собственника материальных средств производства и заработной платы работника. В обществе, где человеку обеспечены высокие стандарты качества его жизни, ценностные ориентации в труде и производстве смещаются из области обеспечения материальными средствами к существованию (пища, одежда, жилище) в область социокультурных ценностей и приоритетов.

В постиндустриальном обществе работник все больше заинтересован не столько в материальных благах, размер которых определяется теперь чаще всего не стоимостью рабочей силы и вложенным капиталом, а общественной потребностью, сколько в более широком признании социальной полезности его деятельности. К примеру, стоимость земли и производственных фондов таких гигантских корпораций, как «Форд» или «Дженерал Моторс», представляющих высшую стадию развития производства, присущего индустриальному

обществу, оценивается гораздо ниже стоимости символа современного этапа постиндустриальной цивилизации — фирмы «Майкрософт», имеющей гораздо меньшие материальные активы, но богатой своими интеллектуальными кадрами. Последние в принципе в состоянии получать за свой труд вознаграждение чрезвычайно высокое и в любой другой аналогичной компании. Поскольку эти кадры практически уникальны, единичны, незаменимы и именно они определяют лицо и стоимость всей фирмы, постольку утрата фирмой нескольких таких специалистов ставит под вопрос успех всего предприятия²². Теперь поистине «кадры решают все». Сознание современных интеллектуальных работников — субъектов постиндустриального общества, качественно иное, нежели рабочих индустриального общества, вынужденных для защиты своих интересов объединяться в профессиональные союзы, партии и т.п. Сейчас интеллектуалы в определенных условиях способны диктовать своим работодателям и обществу в целом свои персональные требования. По сути дела происходит коренное изменение представлений человека о своем месте не только в производстве, социальной жизнедеятельности, но и в планетарном аспекте. Человек все больше осознает себя силой, способной менять глобальное бытие социума и всего социоприродного Универсума²³.

Сейчас эта тенденция в известной мере завуалирована сохраняющимися прежними, свойственными индустриальному обществу, структурами государства, социально-политической организацией общества, подчинением государства экономике и их господствующим положением над культурой. Тенденции дальнейшего развития постиндустриального общества все более настойчиво требуют смены приоритетов и ценностей развития экономики и функционирования социальных систем — подчинения их потребностям удовлетворения растущих социокультурных запросов, удовлетворению потребностей развития самого человека как субъекта культуры — собственно человеческих качеств людей.

Такое положение связано не с какими-то альтруистическими гуманистическими идеалами и моральными нормами, а есть результат объективного опережения развития экономики. «Обгоняющее другие сферы общественной жизни развитие экономики требует соответствующего ей развития правовой и культурной сферы»²⁴, — считает Г.Ю.Любарский. Хозяйственная жизнь, развившись до современного уровня, требует нового осознания людьми их усилий в этой сфере. «Следует признать, — считает он, — что только ассоциированное участие в хозяйственной жизни является современным<...>. Хозяйственная жизнь должна стать общественным делом, решаемым

группами людей, исходя из их представлений о благе общественного целого»²⁵. Сейчас в обществе все еще господствуют принципы буржуазной демократии, построенной на основе представлений о примате равных прав людей и потому в нем господствует политическая составляющая организации жизнедеятельности социума. Развивающееся постиндустриальное общество, чтобы преодолеть недостатки индустриального общества, должно стать обществом хозяйственных ассоциаций, в котором основные импульсы его бытия поступают не из сферы экономики и определяемой ею же политики, а из сферы культуры. «Только сфера культуры может поддерживать такое общество, в котором люди сознательно участвуют в общественной жизни и договариваются друг с другом относительно ее устройства»²⁶. Словом, «после долгих веков материального развития человечество поворачивается к себе, к своему внутреннему, и в последующие века прогрессивным состоянием будет достигнутая человеком стадия духовного развития, а не степень материального благополучия»²⁷.

Изложенная точка зрения вполне созвучна коммунистическим марксистским идеям. Интересно, что принадлежит она искреннему критику К.Маркса. Этот пассаж прекрасно иллюстрирует современное состояние сознания многих исследователей, на словах не принимающих идейное наследие марксизма, но в силу обстоятельств реальной жизни вынужденных фактически фиксировать верное предвидение им тенденций развития социума.

Для иллюстрации верности марковского предвидения обратимся к некоторым современным исследованиям постиндустриального общества западными критиками коммунизма.

Р.Инглегарт утверждает: «С 1970 по 1995 год США и ряд стран Западной Европы претерпели постепенный межгенерационный сдвиг от доминирования материалистических критериев в направлении ценностей все более постмодернистского характера»²⁸, т.е. господствовавшие ранее «ценностные ориентации — преобладающее внимание к материальному благосостоянию и физической безопасности уступило место заботе о качестве жизни»²⁹, а это значит, что ставится под вопрос вся система ценностей и мировоззренческих представлений, определявших бытие классического индустриального — буржуазного — общества.

По мнению ряда исследователей (Вайцеккер Э., Ловинс Э.Б., Ловинс Л.Х.) для индустриального общества определяющими были либеральные представления о свободе предпринимательской деятельности, механизмом осуществления которой был свободный мировой рынок, функционирование которого должно было обеспечивать

максимальную экономическую эффективность, при том, что непрерывным атрибутом рынка является алчность его агентов. С рынком никогда не связывались такие ценности, как справедливость, целостность и устойчивость социума, красота и святость. Сейчас приходит осознание того, что институт рынка и его задачи «весьма и весьма далеки от общей цели человеческого существования»³⁰, что в условиях обострения современных глобальных проблем фундаментальные потребности существования каждого человека и социума в целом можно обеспечить, только отказавшись от ценностей и приоритетов индустриального общества.

Характерной иллюстрацией подобных мировоззренческих трансформаций является и эволюция представлений небезызвестного адепта «конца истории» — Ф.Фукуямы. Если фундаментальной ценностью для классического либерального — индустриального — общества, согласно Ф.А.Хайеку, является индивидуальная, ничем не стесненная свобода личности, успех которой достигается любой ценой, то для постиндустриального общества, по мнению Ф.Фукуямы, фундаментальной ценностью становится «доверие», т.е. «готовность к взаимопомощи в соответствии с общепризнанными нормами»³¹. Доверие вырастает из «естественной склонности к объединению» людей. На основании доверия возникает возможность становления и функционирования такого социального феномена, который автор называет «общественным капиталом». Суть общественного капитала усматривается в более высокой форме ассоциации граждан, обеспечивающей наибольшую эффективность в удовлетворении потребностей всестороннего развития общества, поскольку общественный капитал «предполагает приоритет общественных добродетелей, а не индивидуальных»³². Носителями общественного капитала являются такие ассоциации, коллективы, которые складываются на основе общих культурных, прежде всего этических, ценностей. Общественный капитал подобных ассоциаций проявляется высокой эффективностью их функционирования за счет осознания общих интересов всех добровольных членов ассоциации, отсутствия специальных механизмов контроля за деятельностью составляющих ее индивидуумов, их участия в коллективном определении перспектив и методов деятельности ассоциаций, изменении представлений о человеке как винтике производственного и исторического процесса на осознание ценности и неповторимости его личности и т.п., т.е. становлении подлинной демократии и высшей формы социализации³³ личности — подлинного коллективизма.

Общественный капитал, по мнению Ф.Фукуямы, «не может стать результатом индивидуальных действий», он не может сформироваться на основе договоров и контрактов людей, преследующих временные эгоистические интересы. Общественный капитал отвечает долговременным интересам людей, его становление определяет вектор трансформации социальных ценностей и мировоззренческих ориентаций. Свои теоретические выводы автор иллюстрирует примером эффективной работы компании Тойота, где принципы подобной производственной ассоциации реализованы достаточно полно (к этому можно добавить и пример деятельности ассоциации типа «Мондрагон» в Испании³⁴) и делает вывод: «<...> социализированное поведение не обязательно наносит ущерб эффективности; <...> кто уделяет внимание общественным интересам, возможно, достигнут ее наивысших показателей»³⁵.

Как видим, эта аргументация в пользу коллективных форм организации производства и жизнедеятельности социума, складывающихся в процессе перерастания индустриального общества в постиндустриальное, в своих основных положениях фактически повторяет марксовы идеи о перспективах коммунистической организации бытия общества, неизбежно связанной с развитием цивилизации и обусловленным этим изменением мировоззрения людей, их ценностей и приоритетов. Подобные выводы западных ученых особенно ценны, поскольку для наших сторонников либерализма нет пророка в своем отечестве, а марксизм остается некой страшилкой, оправдывающей их собственные эгоистические интересы.

Другим ярким свидетельством изменения мировоззренческих представлений и ценностных приоритетов в настоящее время является осознание широкими массами недопустимости для постиндустриальной цивилизации ядерной войны как средства решения спорных политических и экономических проблем. В 60–70-е годы осознание катастрофичности для человечества ядерной войны вылилось в массовое антивоенное движение, а в 80–90-е годы, после формирования на основе выполненных в СССР и США компьютерных моделей концепции «Ядерной зимы», подтвердившей прогноз В.И.Вернадского о ядерном омнициде и экологической катастрофе, как следствии применения атомного оружия, были осуществлены конкретные шаги к сокращению ядерных арсеналов супердержав. Правда, некоторые политики и военные в ряде стран продолжают отстаивать идею допустимости ядерного превентивного удара или использования атомного оружия в качестве средства сдерживания противника. Другие страны работают над созданием собственного

ядерного оружия и количество стран, обладающих атомным оружием или готовых его производить, становится все больше. Однако в мировом общественном мнении сложилось четкое представление о несовместимости дальнейшего развития цивилизации с гонкой ядерных вооружений и применением атома в военных целях. По всей видимости, с ростом культурного уровня населения и цивилизационного развития это убеждение будет находить все больше сторонников и в конце концов идея полного уничтожения ядерного оружия победит, а это откроет путь для дальнейших шагов к уничтожению других опасных для цивилизации и человечества средств и способов решения спорных проблем.

С овладением энергией атома и другими абиогенными процессами, суммарная мощность которых значительно превосходит энергетический потенциал биосферы Земли, и их использованием в человеческой деятельности существенно меняется влияние человека на протекание не только сугубо производственных, но и в целом планетарных процессов, влечет за собой коренное изменение традиционных мировоззренческих представлений. Сейчас практически отдельный человек, контролирующий протекание сложных абиогенных технологических процессов, становится субъектом, способным оказать существенное влияние на судьбу человечества и ход социоприродной истории в целом. Так от деятельности оператора атомного реактора или пускового ракетного комплекса (залп одной подводной лодки способен поразить 200 целей и вызвать глобальную катастрофу, моделируемую в концепции «Ядерной зимы»), лаборанта, занимающегося боевыми отравляющими веществами или смертоносными организмами, компьютерного хакера и т.п. зависит жизнь многих и многих людей, а часто и всего социоприродного Универсума. Осознание глобализации деятельности отдельного человека предъявляет к каждому индивиду совершенно новые требования: повышение не только профессиональной квалификации, наличие высоких моральных качеств, но и ответственность за судьбы человечества, всего природного мира планеты. Человек начинает видеть себя не просто песчинкой мироздания, винтиком технологического комплекса, а субъектом исторического процесса, уникальной, незаменимой личностью, которой нельзя манипулировать, которая не имеет стоимости, а обладает ничем не измеримой ценностью, поскольку представляет собой неповторимый микрокосмос, которому нет аналогов. Раскрытие всех потенциалов такого человека и их использование во благо целого есть неоспоримая ценность человечества, реализовать ее в полном объеме можно в социуме, развитие которого ориентировано на благо всех людей.

Этот же социальный вектор трансформации системы ценностей и мировоззренческих представлений особенно зримо выявляется в связи с качественными изменениями взаимодействия общества и природы — превращением человека в мощную планетарную силу, способную изменить направление эволюции биосферы и человечества. Проблемы экологической детерминации мировоззренческих трансформаций постиндустриальной цивилизации во всем их разнообразии, конкретности и аргументированности специально рассмотрены в статье автора, публикуемой в сборнике «Философия экологического образования». Здесь же остановимся на мировоззренческой сущности этого феномена.

Специфика и сущность современной экологической ситуации видится в появившихся в последние десятилетия изменениях фундаментальных характеристик состояния биосферы — так называемых биосферных констант или, по терминологии В.И.Вернадского, «планетарных постоянных». Биосферные константы — это количественно измеряемые параметры фундаментальных основ жизнедеятельности современного состава живого вещества биосферы (совокупности всех живых организмов планеты), которые необходимы для их нормального существования. Незначительные изменения биосферных констант ставят под вопрос существование современной биосферы и человека как ее элемента. Среди биосферных констант можно назвать: среднегодовую температуру воздуха на планете (ее изменения в пределах ± 2 градуса — климатическая норма, но если эта норма будет превышена, возможны два сценария: новый ледниковый период или «всемирный потоп» из-за парникового эффекта); химический состав атмосферного воздуха (за последние 100 лет содержание углекислого газа в атмосфере возросло на 15–18%); мощность озонового экрана планеты, препятствующего ионизирующему излучению из космоса; кислотность природных вод; естественный радиационный фон на планете и некоторые другие³⁶.

Поскольку планетарные изменения биосферных констант обусловлены человеческой деятельностью, главным образом производственной, которая уже теперь для обеспечения жизнедеятельности более шести миллиардов жителей планеты изымает из биосферы более двух процентов биоты (тоже биосферной константы — величины постоянной с момента возникновения биосферы и необходимой для ее воспроизводства) — органического вещества, воспроизводимого биосферой ежегодно, и при нынешних темпах роста народонаселения и индустриальном технологическом способе материального производства будет только нарастать, так как последнее способно в гото-

вом продукте аккумулировать не более двух процентов поступившего в производство сырья, то угроза глобального экологического кризиса, связанная с изменением биосферных констант, будет неуклонно нарастать. Преодолеть экологическую катастрофу можно только налаживанием специфического экологического производства — целесообразной человеческой деятельности по производству и воспроизведению фундаментальных основ жизнедеятельности современного живого вещества биосферы — производству и воспроизведению биосферных констант. Словом, общество должно взять на себя функцию, которую прежде выполняла сама природа³⁷.

Реализация воспроизводства в планетарных масштабах биосферных констант — экологического производства — несовместима с такой социальной организацией общества, в котором целью производственной деятельности является производство прибавочной стоимости. Никакой частный собственник, по определению, не будет производить всеобщие условия существования биосферы, поскольку они в принципе не имеют стоимости и их производство не может быть рентабельным и связано только с колоссальными затратами. Экологическое производство возможно только в обществе, в котором человек является целью производства и бытия общества в целом, в обществе, в котором непременным условием реализации этой цели — всестороннего развития человека — является создание благоприятных экологических условий бытия человека, а вместе с этим и всех других живых организмов нынешнего состава живого вещества биосферы. Следовательно, только ориентация общества на всестороннее развитие человека — залог создания экологического производства и преодоления угрозы глобальной экологической катастрофы.

Эта теоретическая концепция часто на уровне коллективного бессознательного находит своих сторонников в массовом экологическом движении, которое все больше ориентируется на борьбу за защиту и охрану окружающей природной среды как фактора нормальной жизнедеятельности человека и общества, которое в конечном счете приходит к осознанию несовместимости постиндустриального бытия общества с капиталистическим способом производства и воспроизводства жизнедеятельности социума, с капиталистической формой развития цивилизации и культуры. Мировоззренческие прозрения мы видим и в широком «антиглобалистском» движении, выступающим против тотального подчинения мировой цивилизации и культуры частным интересам транснациональных корпораций (ТНК) — представителям «золотого миллиарда», связывающим свое процветание с капиталистической эксплуатацией природных ресурсов и человеческого потенциала планеты.

В заключение можно констатировать: в современных условиях дальнейшая эволюция социоприродного Универсума при сохранении мировоззренческих представлений и системы ценностей, соответствующих эпохе индустриального общества, неминуемо ведет к системному социоприродному кризису.

Выход из создавшегося положения видится в трансформации мировоззренческих универсалий и системы ценностей, их ориентации на гуманистические цели бытия социума — всестороннее развитие человека, превращение его из средства в цель человеческой деятельности и становления на этой основе нового этапа социоприродной эволюции Универсума — ноосферы³⁸. Понятно, что на основе только технико-технологических трансформаций цивилизации подобные гуманистические цели не могут быть достигнуты. Для их полной реализации необходимы коренные социальные и политические изменения бытия социума — становление адекватной общественной формации.

Реальные предпосылки становления этого процесса просматриваются в тенденциях развития постиндустриального общества, которые в известной мере были предсказаны К.Марксом, а некоторые социокультурные предпосылки реализовались в бытии российского социума, который в течение последних пятисот лет выработал коллективные формы выживания в экстремальных природных условиях существования и дефицита совокупного общественного продукта³⁹ — ситуации, аналогичной сегодняшним глобальным проблемам выживания человечества.

На исторический вызов рожденных в период становления постиндустриального общества глобальных проблем общество должно ответить мировоззрением и практикой «общего дела» — всемирной общечеловеческой солидарностью, соборным бытием человечества в соответствии с нравственным императивом коллективного выживания и развития как альтернативной культуре и цивилизации, ориентированных на материальные ценности и ведущих в конце концов к планетарной экологической катастрофе и деградации социума — социоприродному кризису планетарного Универсума.

Существенной предпосылкой изменения глобальной ситуации должно стать понимание массами и их политическим руководством реальных проявлений и тенденций изменений социоприродного универсума, их отражение в мировоззренческих представлениях и трансформации системы ценностей постиндустриального социума. В известной мере поражение социализма было обусловлено тем, что партии, представлявшие коммунистическое движение, ориентировались по

большей мере на мировоззренческие представления индустриальной эпохи и соответственно являлись партиями индустриального общества⁴⁰, а потому и обреченными в постиндустриальном развитии.

Примечания

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 154.
- ² Там же. Т. 46. Ч. II. С. 205.
- ³ Там же. С. 208.
- ⁴ См.: Там же. С. 215.
- ⁵ См.: Там же. Т. 26. Ч. II. С. 337.
- ⁶ Там же. Т. 3. С. 68.
- ⁷ Там же. Т. 23. С. 772–773.
- ⁸ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 162.
- ⁹ Там же. Т. 25. Ч. I. С. 479.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 481.
- ¹³ Там же. Т. 25. Ч. I. С. 483–484.
- ¹⁴ Там же. Т. 20. С. 137–138.
- ¹⁵ Там же. Т. 49. С. 228; Т. 23. С. 772.
- ¹⁶ Там же. Т. 23. С. 761.
- ¹⁷ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 261.
- ¹⁸ См.: Олейников Ю. В. Экологические альтернативы НТР. М., 1987.
- ¹⁹ См.: Кутырев В. А. Культура и технология: борьба миров. М., 2001.
- ²⁰ См.: Кастальс М. Информационная эпоха: общество и культура. М., 2000; Иноземцев В. Л. Пределы «догоняющего» развития. М., 2000.
- ²¹ Жуков В. И. Российские преобразования: социология, экономика, политика. 1985–2001. М., 2002.
- ²² См.: Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2001.
- ²³ См.: Олейников Ю. В. Глобальные проблемы и обострение основного противоречия современной эпохи // Научный коммунизм. 1985. № 5.
- ²⁴ Любарский Г. Ю. Морфология истории: сравнительный метод и историческое развитие. М., 2000. С. 420.
- ²⁵ Там же. С. 421.
- ²⁶ Там же. С. 428.
- ²⁷ Там же. С. 446.
- ²⁸ Ингегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 289.
- ²⁹ Там же. С. 250.
- ³⁰ Вайцеккер Э., Ловинс Л. Х. Фактор «четыре». В два раза больше богатства из половины ресурсов // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 629.
- ³¹ Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и создание благосостояния // Там же. С. 134.
- ³² Там же. С. 135.

- ³³ См.: *Олейников Ю.В.* Обобществление производства: как его понимал К.Маркс // Диалог. 1998. № 2. С. 65–73.
- ³⁴ См.: *Плетников Ю.К.* Будущее — социализм. Новые черты современной эпохи. М., 2000.
- ³⁵ *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния. С. 142.
- ³⁶ См.: *Олейников Ю.В.* В.И.Вернадский и глобальные проблемы современности // Филос. науки. 1988. № 3. С. 68–76.
- ³⁷ См.: Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: диалектика современной эпохи. М., 1987.
- ³⁸ См.: *Олейников Ю.В., Оносов А.А.* Ноосферный проект социоприродной эволюции. М., 1999.
- ³⁹ См.: *Олейников Ю.В.* Природный фактор бытия российского социума. М., 2003.
- ⁴⁰ См.: *Toffler А.* Die Zukunftschance: Von der Industriegesellschaft zu einer humaneren Zivilisation. München. 1980. S. 35.

ЧАСТЬ II

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗМА

Нгуен Чонг Тьуан

Пути строительства социализма во Вьетнаме

Достижения социализма в Советском Союзе и в странах Восточной Европы были не только предметом восхищения для всего человечества, но и неиссякаемым источником воодушевления для Вьетнама, когда наш народ на протяжении десятков лет вел освободительную борьбу против колониализма, а также после завоевания Вьетнамом независимости. Успехи, достигнутые Советским Союзом и странами бывшего социалистического содружества в их «звездные часы», стали ярким примером для всех стран социалистической ориентации, в том числе Вьетнама. Однако наряду с успехами в практике социалистического строительства в СССР и других странах социалистического содружества были допущены и серьезные просчеты и ошибки, которые наложили свой отпечаток на развитие нашей страны.

Для того, чтобы по праву демонстрировать и оценивать достижения, полученные в построении социализма во Вьетнаме — особенно в период всестороннего обновления, начиная с 1986 года до настоящего времени, — и на этом основании говорить о перспективах развития социализма в XXI веке, на наш взгляд, необходимо и целесообразно проанализировать эволюцию в осознании Коммунистической партии Вьетнама идей социализма, реальные достижения в результате этого осознания, конкретное понимание путей движения к социализму с учетом исторических и национальных особенностей страны.

Известно, что выбор Коммунистической партией Вьетнама социализма как цели отнюдь не является случайным или навязанным извне, о чем часто объявляют наши противники. Социалистический выбор и определение пути восхождения к социализму во Вьетнаме прошли сложный процесс становления, корректировки и обновле-

ния. Истоком этого движения является произведение Нгуен Ай Куока (Хо Ши Мина) «Путь революции», опубликованного за рубежом в 1927 г. В нем он утверждал, что самым истинным путем, приводящим вьетнамский народ к победе, является революционный социалистический путь, который прошла и в итоге победила Октябрьская социалистическая революция в России. Именно здесь Нгуен Ай Куок четко формулирует важнейшее положение: революционная борьба должна быть основана на союзе рабочих и крестьян. Но этого недостаточно. К такому союзу необходимо присоединить и другие силы — учащихся, мелких городских предпринимателей, мелких фермеров, т.е. необходимо собрать и сплотить всех вьетнамцев-патриотов, руководствуясь идеей интернациональной солидарности. В этом же произведении Нгуен Ай Куок подчеркивал, что первоначальным и самым важным требованием является создание революционной марксистской партии — Коммунистической партии Вьетнама. Такая постановка вопроса на деле представляла исходную теоретическую базу для формирования политического курса Коммунистической партии и последующего пути развития Вьетнама. Национальная независимость, нерасторжимо связанная с социализмом, — вот краеугольное положение политического курса Коммунистической партии Вьетнама (КПВ).

После победы Августовской революции 1945 г. и решительной борьбы против французских колонизаторов на своем II-ом съезде (1951 г.) партия подчеркивала, что вьетнамская революция еще не вышла за рамки буржуазной революции, но когда появятся соответствующие предпосылки и условия, она сможет превратиться в революцию социалистическую. Для того, чтобы к ее борьбе присоединились могущественные силы, и тем самым революция смогла перейти к новому этапу, необходимо было решить главную и основную задачу, поставленную на предыдущем этапе, — передачу земли крестьянам. Земельная программа Коммунистической партии Вьетнама вышла в свет в ноябре 1953 г. Это было важной вехой и поворотом в укреплении союза рабочих и крестьян — одной из необходимых предпосылок, которые обеспечивали победу в борьбе за национальную независимость и дальнейшее революционное преобразование.

После победы над французскими колонизаторами Вьетнам временно разделился на две части. Северная часть страны начала восстанавливать и развивать экономику. С 1955-го до 1957 г. *поступательные и неукоснительные шаги по пути к социализму* являются смыслом концепции Постановления 8-го Пленума Центрального комитета КПВ (август 1955 г.). Эта концепция неоднократно подтверждалась

Хо Ши Мином до того момента, когда она стала официальной концепцией Центрального комитета; впоследствии Хо Ши Мин много раз повторял ее в своих работах. Он настаивал на том, что «нельзя сгорать от нетерпения и увеличивать скорость»¹; «нельзя продвигаться вперед к победе социализма за короткое время», «невозможно быстро построить социализм, а необходимо строить его постепенно», тем не менее «мы пока находимся в переходном периоде к социализму», поэтому важнее для нас — постепенное движение во всем² и т.д. Эти положения были конкретизированы в политике, направленной на использование всех возможностей для постепенного преобразования экономики, не вызывающих беспорядка в общественной жизни, благодаря чему Вьетнам добился значительных успехов.

Продолжая политику, выработанную на основе данной концепции, 12-ый Пленум Центрального комитета второго созыва (1957 г.) вновь подтвердил, что движение вперед к победе социализма во Вьетнаме должно проходить многоэтапный период. Особенно в сфере признания многоукладного хозяйства, права крестьян на обрабатываемые земли, обоснованного, более медленного темпа продвижения к социализму по сравнению с другими странами. Таковы *своеобразные черты* нашей страны на данном этапе.

Благодаря практическому использованию политики развития многоукладного хозяйства Северная часть страны быстро залечила раны войны, производила достаточно продовольствия и товаров первой необходимости, отвечающих жизненной потребности народа. Прошло уже 40 лет, а положительный урок эффективности многоукладного хозяйства, от которого мы отказались слишком рано, все еще имеет значение. Теперь он практически стал ценным опытом, применяемым во всей стране. Однако в свое время была допущена серьезная ошибка. К сожалению, после 13-го Пленума (второго созыва), который состоялся в декабре 1959 г., идея *постепенного перехода* заменилась идеей *непосредственного перехода*, направленного на то, чтобы добиться решительной и окончательной победы социализма.

Партийные документы того периода настойчиво убеждали массы в идее непосредственного перехода, и возобладала установка быстрого социалистического преобразования во всех областях общественной жизни с целью превращения многоукладного хозяйства в чистую социалистическую экономику, основанную на двух формах собственности — государственной и коллективной. Исходили из того, что Северная часть страны должна быстро, мощно и надежно продвигаться вперед к социализму. Особенно преобладала мысль о том, что, переходя к социализму, можно миновать стадию развития

капитализма. Необходимо объективно признать следующее: в первые годы реализации такого подхода получаемые результаты были положительными. Они способствовали потенциальной подготовке исторического отпора империалистической войне, развязанной правящими кругами США и распространенной к этому времени на всю территорию страны. Но субъективная поспешность, возникающая и быстро распространявшаяся тогда, стала вскоре обнаруживать свою несостоятельность.

Догматически копировалась концепция, согласно которой можно использовать передовую политику для совершенствования общественных производственных отношений, не обращая внимания на недостаточный уровень состояния производительных сил. Поэтому волюнтаристски, принудительно устранялись экономические уклады, рассматриваемые в качестве несоциалистических, хотя именно они играли немаловажную роль в развитии производительных сил. В то время первостепенное значение придавалось развитию промышленности, не уделяя должного внимания сельскому хозяйству и легкой промышленности. Игнорировался и тезис, выдвинутый Хо Ши Мином на Пленуме политбюро 10 февраля 1954 г.: «Любое желание осуществить безотлагательную индустриализацию является субъективным. Поэтому в плане надо уделить большее внимание успехам сельского хозяйства. Поступать не по примеру Советского Союза — это тоже по-марксистски<...>. Мы считаем сельское хозяйство важнее и в первую очередь развиваем его, потом, во вторую очередь, будем развивать легкую промышленность, а тяжелую промышленность — в последнюю очередь»³. К великому сожалению, такое направление развития страны в то время и впоследствии было упущено!

После завершения задачи освобождения Юга (1975 г.), а вслед за этим воссоединения страны сразу же был принят курс построения социализма на всей территории страны с сильным, казалось бы, непреодолимым пафосом. Именно великая и окончательная победа над американским империализмом усилила волюнтаристский курс. Все, что было неэффективно сделано раньше на Севере — преобразование производственных отношений, реорганизация производства до централизованного управленческого масштаба, — теперь вновь использовалось в южной части страны, где природные и социальные условия во многом отличались от Севера. Поэтому трудностям не было конца и края. Такое положение заставило КПВ еще в 1981 г. пересмотреть и изменить некоторые политические установки, прежде всего в области сельского хозяйства и производства товаров первой необходимости.

С этого момента в стране начался процесс обновления, хотя в порядке эксперимента он возник намного раньше, когда в сельском хозяйстве родилась идея семейного подряда. Порожденные практикой проблемы: производственные отношения, формы собственности, взаимовыгодные отношения, закон стоимости и товарно-денежные отношения, механизм управления экономикой, отношения между планом и рынком и т.п., — были всесторонне обсуждены и проанализированы теоретиками. Это стало важной базой для подготовки курса всестороннего обновления, выдвинутого на VI-ом Съезде партии (1986 г.).

Для того чтобы обновить экономическую политику, необходимо было точно указать на допущенные ошибки. На VI Съезде КПВ были перечислены «серьезные и долговременные ошибки, связанные с политическими установками, в стратегическом руководстве и его организационном осуществлении». Ошибки порождались «субъективной, волюнтаристской болезнью». VI-ой Съезд партии вошел в историю Вьетнама как съезд, открывший новую эру для страны. Он подтвердил, что переходный период к социализму представляет собой долгий и многоэтапный период. Он также сделал важный вывод, отличный от распространенного мнения того времени во всех социалистических странах: *«Производительные силы сдерживаются не только в том случае, когда производственные отношения устарели, но и в том случае, когда последние развиваются несогласованно с первыми и обладают признаками, которые превзошли развитие первых»*⁴ (курсив мой — Н. Ч. Т.).

Съезд выдвинул новые установки: концепцию структуры и механизма экономики; развитие идеи многоукладного хозяйства; преобразования централизованной бюрократической экономики в хозяйственную, включая международные экономические отношения; соединения экономической политики с социальной, считая служение человеку высшей целью; углубления демократизации и признание права хозяина за трудящимися, в соответствии с принципом: «Народ знает, обсуждает, делает и проверяет». Это было обдуманное решение, которое стало первоначальным наброском плана, конкретизированного в дальнейшем процессе.

Успехи, достигнутые после VI Съезда КПВ, помогли стране крепко стоять на ногах и на первых порах преодолеть самый трудный период, когда социалистические страны Восточной Европы поразили серьезный кризис и когда развалился Советский Союз. Новое осознание путей перехода к социализму такой слаборазвитой страны, как Вьетнам, явилось важной основой в подготовке VII Съезда КПВ, на

котором были приняты Программа построения страны в переходном периоде к социализму и Стратегия стабилизации и социально-экономического развития до 2000 г. VII-ой Съезд КПВ (1991 г.) вновь признал, что «партия совершала ошибки в результате субъективизма, волюнтаризма, нарушения объективных законов осуществления социалистических преобразований; поспешного устранения многоукладного хозяйства; чрезмерного усиления в создании тяжелой промышленности; длительного использования механизма управления экономикой, основанного на централизме и бюрократизме; неправильного проведения ценовой и денежной реформ и реформы заработной платы. Идеологические и кадровые решения также содержали серьезные ошибки»⁵.

После VII-го Съезда партии эти ошибки были преодолены собственными силами страны. Оценивая результаты, достигнутые за 10 лет обновления, VIII-ой Съезд КПВ (1996 г.) подытожил: «Теперь, видимо, наши позиции и силы качественно улучшились. Страна вышла из серьезного социально-экономического кризиса, который длился более 15 лет; в данное время существуют некоторые негативные моменты, но в целом созданы необходимые предпосылки для перехода на новый рубеж развития: набрали мощь индустриализация, модернизация страны»⁶, «основным содержанием индустриализации и модернизации в последние 90-е годы становится обращение особого внимания на индустриализацию и модернизацию сельского хозяйства и деревни»⁷. VIII-ой Съезд КПВ рассмотрел и конкретизировал перспективы развития индустриализации в тесной связи с модернизацией, выдвигая науку и технологию в качестве основы этого процесса; подчеркнул связь трудовых ресурсов с высокоразвитым интеллектом как детерминирующим фактором; уделил особое внимание индустриализации и модернизации сельского хозяйства и деревни; вновь обратил внимание на долговременность многоукладного народного хозяйства, в котором госсектор играет ведущую роль во всех его ключевых звеньях.

Оценивая 15 лет обновления, начавшегося с VI-го Съезда КПВ, IX-ый Съезд (2001 г.) вновь отметил, что в процессе обновления нужно «придерживаться целей национальной независимости и социализма на основе марксизма-ленинизма и идей Хо Ши Мина»; «нужно проводить политику усилиями народа, в его интересах, в соответствии с реальностью и всегда творчески»; «нужно сочетать национальную силу с силой эпохи»; «необходимо иметь правильный курс Партии»⁸.

Особенностями процесса обновления, о которых постоянно говорилось на последних съездах, является соединение экономического роста с социальной справедливостью, признание наличия рассло-

ения на богатых и бедных, но в сочетании с недопущением крайней поляризации; создание всенародной сплоченности, развитие права народа-хозяина, утверждение идеи «народ есть основа всех действий», строительство Партии, соответствующей эпохе. Затрагивая важный теоретический вопрос об исчерпании возможностей капиталистического строя (а не о стадии развития капитализма, как раньше часто упоминали), IX-ый Съезд подчеркнул: «В своем развитии наша страна переходит к социализму, минуя капиталистический строй, т.е. минуя установление господства капиталистических производственных отношений и надстройки, но воспринимая и следуя достижениям человечества при капитализме, в особенности науке и технологии, для быстрого развития производительных сил и создания современной экономики»⁹.

На основе накопленного опыта, практики развития страны после 15-летия обновления и обобщения результатов теоретических исследований минувших 20 лет IX-ый Съезд обратил внимание на то, что нам нужно отказаться от непосредственного перехода к социализму ради осуществления опосредствованного перехода, так как это соответствует условиям Вьетнама. Поэтому социалистически ориентированная рыночная экономика является обобщенной экономической моделью Вьетнама на весь переходный период к социализму. В этой модели все формы собственности, уклады хозяйства имеют равные права на свободное предпринимательство во всех не запрещенных законами областях жизни, посредством чего можно мобилизовать все возможности общества. Благодаря этому все люди могут обогащать самих себя и страну, вносить свой вклад в достижение цели благосостояния народа, могущества страны, построение цивилизованного, демократического, справедливого общества.

В процессе переосмысления идей социализма мы считаем, что социализм должен иметь две главные особенности — более высоко-развитое и лучшее общество, чем капитализм, т.е. такое общество, где имеются и более высокоразвитая экономика, справедливые и более благоприятные отношения между людьми, чем при капитализме. На долгом пути к этому обществу, а это значит на пути к полному устранению эксплуатации, мы должны в определенной мере соглашаться с эксплуатацией и социальным неравенством, пока они играют позитивную роль в стимулировании производства и развитии общественных производительных сил.

Практика обновления во Вьетнаме показывает, что в переходном периоде бедность, нехватка или полное отсутствие рабочих мест для трудящихся являются бременем для общества, и государство не в си-

лах решить эти проблемы, поэтому те, кто может предоставить занятость безработным, получают от государства поощрительную поддержку. И конечно, прибыль, получаемая от инвестиционного фонда, предоставляющего работу населению, считается справедливой, естественной. Это и была движущая сила развития производительных сил, экономического роста общества в минувшие годы.

Можно сказать, что, исходя из такого осознания процесса обновления и его реализации на практике, Вьетнам в основном решил продовольственную задачу, которая постоянно являлась болезненной до обновления. Теперь страна занимает одно из ведущих мест в мире по экспорту риса; ликвидирован голод малых народов; снижен процент бедных по международным критериям до 33%, а по нашим — до 16%; обеспечено население всеми высококачественными товарами первой необходимости. Очевидно улучшается жизнь большинства населения.

Благодаря собственным силам и политике привлечения иностранных инвестиций промышленность развивается быстрыми темпами, примерно на 10–15% в год; формируются промышленные центры, в том числе с использованием высоких технологий, изменился в последние годы экономический облик страны. Экономический рост, сохраняющий ритмичность даже в сложной обстановке, когда другие страны Юго-Восточной Азии подверглись финансовому кризису, обуславливает все большую заботу о людях, особенно о тех, кто имеет заслуги в двух войнах. Решаются задачи образования, здравоохранения, культуры, искусства и т.д.

Наряду с этим обновление в политике и прежде всего процесс демократизации общества не только вносит свой вклад в стабилизацию общества и в развитие экономики, но и порождает активность всех членов общества, предоставляя многим людям широкие возможности для достижения успеха. Благодаря этому, значительно повышается творческий потенциал масс. Начинаясь со всестороннего обновления, демократизация партии и общества действительно играет движущую роль в социальном развитии.

Сделаны только первые шаги в деле строительства социализма во Вьетнаме, в духе обновления. Существует еще много проблем, проходящих экспериментальную разработку и требующих тонкой корректировки, совершенствования, добавлений. Предстоят еще многие трудности и испытания. Однако достигнутые успехи вызывают воодушевление и имеют необыкновенную притягательную силу: они вернули народу веру в будущее страны, в социализм. В исторически важный момент вхождения в новое тысячелетие и столетие наш на-

род полон решимости «бороться за победоносное завершение дела индустриализации и модернизации страны, за богатство народа, могущество страны, цивилизованное, демократическое, справедливое общество и уверенно продвигаться в будущее»¹⁰.

Примечания

- ¹ *Хо Ши Мин*. Полн. собр. соч. Ханой: Политиздат, 1996. Т. 17. С. 539 (на вьет. яз.).
- ² См.: Там же. Т. 8. С. 228, 493–494.
- ³ *Хо Ши Мин*. Хроника биографии. Ханой: Политиздат, 1955. Т. 5. С. 572–573 (на вьет. яз.).
- ⁴ Коммунистическая партия Вьетнама. Документы VI Съезда Компартии Вьетнама. Ханой: Политиздат, 1987. С. 57 (на вьет. яз.).
- ⁵ КПВ. Программа построения страны в переходном периоде к социализму. Ханой: Политиздат. 1991. С. 4 (на вьет. яз.).
- ⁶ КПВ. Документы VIII Съезда. Ханой: Политиздат, 1996. С. 12 (на вьет. яз.).
- ⁷ Там же. С. 86.
- ⁸ КПВ. Документы IX Съезда. Ханой, Политиздат, 2001. С. 19 (на вьет. яз.).
- ⁹ Там же. С. 84.
- ¹⁰ Там же. С. 147.

Обновление — верный выбор для современного развития Вьетнама

Обновление как революционный выбор ведет свое начало с 1986 г. и составляет важный поворотный момент в процессе развития Вьетнама. Через 15 лет (IX съезд КПВ, 2001 г.), в течение которых преодолены огромные испытания и трудности, сопровождавшие обновление во всех сферах — политической, экономической, социальной, духовной — Вьетнам имеет достаточно оснований для утверждения, что обновление является правильным выбором, направившим страну по качественно новой траектории развития, соответствующей современным тенденциям и народной воле. Все более широкий и сознательный отклик среди народа в отношении курса на обновление, возможности для эффективного сближения и интеграции страны с жизнью международного сообщества, а также достижение в процессе обновления больших положительных результатов выступают очевидными и убедительными доказательствами исторической обоснованности процесса обновления во Вьетнаме.

Обновление — закономерная логика жизни

Подобно другим социалистическим странам, в предшествующие обновлению десятилетия Вьетнам развивался в соответствии с существовавшей в то время моделью социализма. Поэтому всенародная и коллективная собственность на средства производства и механизм централизованного планирования выполняли роль главных факторов в модели его развития.

В годы ожесточенной войны вьетнамский народ должен был мобилизовать все свои силы и сосредоточить всю свою мощь для строительства и объединения своей Родины. Осуществление этой модели

развития, бесспорно, принесло большие результаты. Они стали решающей гарантией победы в борьбе за освобождение и защиту Вьетнама, создав исключительно важную исходную материально-техническую базу социализма, обеспечив народ свободную жизнь, работу, право быть хозяином в своей стране, а также значительные улучшения в материальной и духовной жизни.

Но действительность, предшествовавшая обновлению и особенно — в десятилетний период строительства социализма в стране (1975—1986), показали, что в экономике с выраженной аграрной спецификой, понесшей тяжелые разрушения в период войны, в экономике, где модель развития связана с механизмом централизованного планирования, возникают при решении задач развития серьезные трудности. В результате многолетнего функционирования механизма централизованного планирования, независимо от достигнутых больших успехов, многие ключевые и насущные вопросы, связанные с бытом народа (питанием, одеждой, жильем), все еще не были полностью решены; в стране не произошли глубокие и последовательные перемены в способах развития; существовал дисбаланс в экономике и управлении; трудовой энтузиазм и творческие способности народа, природные ресурсы и источники не были полностью включены и развиты, а, напротив — подверглись разрушению.

В целом посредством механизма централизованного планирования вьетнамская экономика развивалась недостаточно динамично и эффективно. Дисбалансы и опасности дестабилизации в социально-экономической сфере росли. Состояние постоянного дефицита вело к нарастанию напряжения в социальной жизни. Доверие народных масс к руководству партии и к государственному управлению уменьшалось. В результате в конце 70-х гг. страна оказалась в ситуации социально-экономического кризиса. Актуальным вопросом, вставшим тогда перед КПВ и вьетнамским государством, явился вопрос о новом способе развития, готовом ответить на все проблемы строительства социализма, наиболее важной из которых стала проблема освобождения от оков централизованного планирования и институционализма, высвобождения источников развития страны.

В момент вступления страны в период кризиса (под натиском реалей) во вьетнамской экономике начались два важных эксперимента: 1) введение семейного подряда в производстве продукции сельскохозяйственных кооперативов и 2) введение «плана на 3 части» в государственных промышленных предприятиях. Оба эксперимента были принципиально соотнесены с общей тенденцией ослабления пут механизма централизованного планирования, расширения дей-

ствующей сферы рыночных отношений, передачи больших прав по инициированию предпринимательской деятельности самыми групповыми и индивидуальными экономическими субъектами. Это движение распространилось на все хозяйственные сферы и быстро привело к большим успехам, прежде всего на сельскохозяйственном фронте.

Но результаты этой реформистской тенденции оказались ограниченными вследствие локального характера реформ и их торможения на микроуровне из-за стремления сохранить механизм централизованного планирования на макроуровне. Вот почему, несмотря на хорошие результаты в сельском хозяйстве, они не предотвратили углубления кризиса. Эта ситуация способствовала превращению задачи обновления в совершенно неотложную потребность, в насущное требование жизни. Осознав эту потребность, VI съезд КПВ в декабре 1986 г. официально провозгласил начало обновления.

В тот момент, когда Вьетнам официально взял курс на обновление, в мире также произошли важные изменения. Они оказали влияние на развитие страны и привели к практическим выводам, которые можно было бы обобщить следующим образом.

1. Экономическая реформа в Китае в направлении развития рынка представляет собой открытие движения навстречу остальному миру, начавшееся в 1978 г. Исключительные успехи Китая в этой реформе вызвали интерес Вьетнамской коммунистической партии и правительства в силу многостороннего сходства социально-экономических условий двух стран, несмотря на то, что в этот период вьетнамско-китайские отношения продолжали быть натянутыми и все еще не были нормализованы.

2. Неудачная перестройка в СССР привела к разрушению социализма в Советском Союзе и других восточноевропейских странах. Это послужило отрицательным уроком, доказательством того, что перестройка не может иметь успеха по модели «полного отрицания», «шоковой терапии», неправильного развития политических и экономических отношений. Ее цена оказывается очень высокой.

3. Успехи «новых индустриальных стран» в восточной Азии породили размышления о способах и перспективах развития стран аграрного происхождения и социальных отношений в них по модели восточных культурных ценностей. Они были вызваны успехами стратегий развития: мощным развертыванием внутренних сил, открытием рынков, ориентацией на экспорт и привлечение внешних инвестиций.

4. Тенденция к сотрудничеству и конкуренция в мире постепенно заменяет тенденцию конфронтации и конфликтов. Эта ситуация вынуждает государства переориентировать свое внимание на проблемы развития. В новой обстановке «открытие дверей» и международная экономическая интеграция превращаются во внутреннюю потребность развития Вьетнама, которое носило подчеркнуто закрытый и натуральный характер.

Указанные перемены, как внутри страны, так и за рубежом, оказали влияние на Вьетнам в двух аспектах. С одной стороны, они потребовали обновления *понимания развития*, поставив акцент на новом способе экономического развития. С другой стороны, они создали *возможность и условия* для благоприятного осуществления реформ. Это стало исходным пунктом в историческом и теоретическом аспектах процесса обновления.

Обновление концепции развития

Осознавая изменения в обстановке и острую потребность перелома в процессе развития страны, VI съезд КПВ (1986 г.) взял курс на проведение всестороннего и последовательного обновления. Программа развития страны, принятая на съезде, несла особенно важное содержание, включая *переход экономики к рыночному механизму с социалистической ориентацией*. Для осуществления этого перехода первым и решающим моментом стало обновление понимания развития. Именно это определило историческое значение VI съезда как *съезда «обновления мышления»*.

В действительности такое обновление представляет собой процесс теоретической и идеологической борьбы за достижения нового знания о социализме и о вьетнамском пути к социализму.

Во-первых, в духе требования «смотреть правде в глаза, правильно ее оценивать, ясно высказывать истину» VI съезд *определил критический взгляд и оценку в отношении волюнтаристских ошибок субъективного мышления, неуважения к объективным закономерностям и действий, не соответствующих им*. Отсюда следует вывод: «Во всех своих действиях партия должна быть последовательной в той идее, что «народ есть корень», должна создавать и развивать право трудового народа быть хозяином» и «партия всегда должна основываться на действительности, уважать ее и действовать соответственно объективным закономерностям». Этот вывод составляет решающую основу для отказа от шаблонного и абстрактно-теоретического мышления, для сосредоточения мышления в партии на поиске и выборе новых подходов,

новой стратегии развития, которые будут в состоянии ответить наилучшим образом на народные чаяния. VI партийный съезд превратился в событие, совершившее поворот в развитии, благодаря глубоко осмысленному принципу: без серьезной критики и самокритики не может произойти какого бы то ни было обновления, включая и «обновление мышления».

Во-вторых, сутью «обновленного мышления» являлся переход от утверждения, что социалистическая экономика является централизованной, плановой, субсидируемой экономикой, которая должна быть создана уже в переходный период, к утверждению, что в переходный период *необходимо развивать многоукладную товарную экономику, функционирующую на основе рыночных механизмов при регулирующей роли государства социалистической ориентации, т.е. социалистически ориентированную рыночную экономику*. Не изменяя направление развития, его целью остается социализм, обновление направлено на последовательное и всестороннее преобразование *способа* развития. Способ развития претерпевает важные изменения.

— Переход от старой концепции экономики, согласно которой социалистический сектор в экономике (включающий государственное и коллективное хозяйство) и общественная собственность (включающая всенародную и коллективную собственность) сохраняют свою господствующую роль, к концепции *развития многоукладную товарной экономики* (включающей государственную, коллективную, личную, частнокапиталистическую, государственно-капиталистическую и экономику внешних инвестиций), предполагающей *многообразные формы собственности*, совмещенные и переплетенные между собой.

— Переход от механизма централизованной плановой субсидируемой экономики к механизму социалистически ориентированной рыночной экономики, при которой происходит переход от абсолютизации роли планирования и отрицания рынка к признанию рынка и к убеждению, что необходимо планы связывать с состоянием рынка. При этом план направляет рынок, а рынок составляет одновременно и основу, и объект плана, играет роль регулятора при доставке, оценке и производстве хозяйственных единиц.

— Обновление в понимании развития проявляется и в направлении, осмысленном на VI съезде: *«Необходимо сочетать силу народа с силой эпохи в новых условиях»*. Сущность обновления состоит в замене представления о «закрытом» развитии в условиях конфронтации концепцией, основанной на «открытых дверях», на расширении международного сотрудничества в соответствии с курсом на сочетание силы нации с силой эпохи, на интенсификацию международного сотруд-

ничества и на конкуренции в развитии как основы развертывания внутренних сил. Этот новый подход к развитию вытекает из насущной потребности в освобождении от эмбарго, в обстановке больших перемен, наступивших в мире, в регионе и в сообществе социалистических стран. КПВ считает это наилучшей альтернативой для Вьетнама в интересах его активной интеграции в процесс мирового экономического сотрудничества, полного использования благоприятных условий для развития, которые эпоха предоставляет отстающим странам. Своевременная переориентация и внешнеполитического курса стала ярким выражением новой концепции национальной независимости в соответствии с глубоко изменившимися условиями в мире.

— Наряду с обновлением механизма хозяйственного управления КПВ решила его усовершенствовать и превратить в общий механизм управления всем обществом. Если механизм хозяйственного управления гарантирует функционирование и развитие экономических отраслей, общий механизм управления всем обществом выступает гарантом развертывания роли политической системы и превращается в универсальную силу всей системы управления обществом.

Механизм партийного руководства, государственного управления и народа-хозяина был принят еще в 70-е годы, но сегодня необходимо продолжить его совершенствование в ответ на требование обновления, согласно которому *«партия должна выйти на уровень политических задач управляющей партии — руководителя народа в осуществлении социалистической революции»*. Это — направление, осмысленное VI съездом в особенности в интересах усиления преобразовательного потенциала, повышения руководящих и организационно-практических возможностей партии. А государство должно выступить в качестве *правового государства* для народа, от народа и во имя народа, в качестве силы управления на основе законов общества, в которых народ действительно выступает хозяином, и любая деятельность осуществляется сообразно принципу *«народ знает, народ обсуждает, народ осуществляет, народ контролирует»*.

— Обновление в понимании развития проявляется и в утверждении о том, что мобилизация человеческого фактора и служение на пользу человеку стали высшей целью всякой деятельности, чтобы человеческие ресурсы рассматривались как высшая ценность и решающая сила в развитии страны и основной фактор быстрого и стабильного развития. Отсюда проистекает требование *«преодолеть недооценку социальной политики, т.е. недооценку человеческого фактора в строительстве социализма»*, имевшую место в период до обновления.

На основе такого представления об обновлении VI съезд поставил целью *необходимость кардинальной и долгосрочной социальной политики* и определил ее задачи в соответствии с потребностями и возможностями начальной фазы переходного периода к социализму.

Изложенное выше обновление теоретического мышления во Вьетнаме, с одной стороны, составило необходимый теоретический фундамент процесса практического обновления, а с другой — явилось продуктом самого процесса. То, что необходимо сделать для формирования нового мышления — это диалектическое сочетание фундаментальных принципов марксизма-ленинизма, идей Хо Ши Мина, национальных традиций и достижений национальной культуры, с новыми представлениями о современном мире, о путях развития, соответствующих специфическим особенностям времени и нации. Очень важным представляется тот факт, что новое мышление формируется именно творческой практикой вьетнамского народа. Благодаря этому оно стало одной из важнейших причин больших успехов в развитии, которых вьетнамский народ достиг в последовавшие за этим 15 лет обновления.

Результаты обновления: успех нового курса развития

Только за 10 лет осуществления курса на обновление Вьетнам в экономическом отношении вышел из состояния тяжелого кризиса. Галопирующая инфляция, которая с 700% в 1986 г. упала до 12% в 1995 г., сегодня находится под строгим контролем, который вносит значительный вклад в восстановление, укрепление, стабилизацию и развитие предприятий. Валовой продукт за период 1991–2000 гг. удвоился благодаря росту среднегодовых темпов развития на 7,5%, тогда как рост экспорта-импорта составил более 20% в год. Это стало прямым результатом обновления *экономического механизма и применения новой модели развития*. Концентрация усилий на экономическом механизме обновления и его поэтапное сочетание с политическим, культурным и социальным обновлением стимулирует развитие всех экономических секторов и сил, дает толчки их невиданно мощному развитию и одновременно с этим сохраняет макростабильность в экономическом, политическом и социальном отношении — крайне необходимую предпосылку для успеха обновления. Государственный бюджет, торговый баланс и государственный резерв непрерывно улучшаются, что создает надежную основу для процесса высокого и стабильного роста. Экономическая структура интенсивно изменяется в направлении индустриализации и модернизации: относительная

доля сельского хозяйства в валовом продукте уменьшается в соответствии с очевидным увеличением доли промышленности и услуг. Рыночный механизм при целенаправленном вмешательстве со стороны государства коренным образом изменил принцип распределения источников ресурсов. Для такой бедной страны, как Вьетнам, это изменение имеет особенно большое значение в долгосрочном плане.

Курс на развитие с сохранением социалистической ориентации отчетливо определяет, что рост не является самоцелью. Наряду с концентрацией сил для достижения высоких и стабильных темпов роста государство стремится к повсеместному и справедливому распределению среди трудового народа полученных в результате обновления благ. Благодаря этому жизнь народа быстро улучшается. Только за 5 лет (1993—1998) средний доход населения в стране вырос в 2,45 раза, процент бедных семей упал с 50% в 1992—1993 гг. до 30% в 1997—1998 гг. Духовная жизнь в обществе явно улучшилась. В результате решительной ориентации развития во имя человека индекс человеческого развития во Вьетнаме вырос очень быстро и со 121-го места в 1990 г. страна перешла на 101 место в 2000 г. (среди 174 стран). Необходимо также добавить, что для Вьетнама индекс развития человека всегда превышал индекс валового продукта на человека. В 1992 г. различие между этими индексами составляло 34 пункта, а в 2000 г. — 19 пунктов. Эта динамика красноречиво выражает приоритетную ориентацию на человека, на развитие во имя человека в политической стратегии Вьетнама. Это — один из наиболее значительных успехов в обновлении Вьетнама.

Другим важным результатом обновления Вьетнама является внешнеполитическая сфера. Следуя своему желанию быть в дружеских отношениях со всеми странами мирового сообщества, борющихся за мир, независимость и прогресс, Вьетнам нормализует свои отношения с США и странами, с которыми прежде состоял во враждебных отношениях, активно расширяет свои международные связи сотрудничества и проявляет инициативу в присоединении к траектории развития в регионе и в мире. К сегодняшнему дню Вьетнам установил полноценные отношения почти со всеми странами мира и стал членом международных и региональных организаций. Тысячи зарубежных фирм представлены во Вьетнаме капитальными вложениями около 40 млрд. долл., не считая десятки миллиардов долларов, привлеченных официальными органами в качестве финансовой поддержки развития.

В целом результаты обновления обеспечили Вьетнаму *новую позицию и силу* для развития. Это обусловлено комплексным характером обновления, который имеет значение для определения перс-

пективы будущего. С этой точки зрения можно было бы сказать, что самый важный успех обновления состоит в том, что Вьетнам нашел и утвердил реально обоснованный путь для разрешения проблем своего развития в новых условиях.

Некоторые уроки из опыта обновления Вьетнама

Пятнадцать лет обновления Вьетнама — полный испытаний и трудностей период поиска модели развития, которая была бы более эффективной и гарантировала бы успех в деле построения социализма. Практика этих 15 лет обновления позволяет извлечь много полезных уроков по его осуществлению, основные из которых изложены ниже.

Урок первый. Решительное отстаивание целей национальной независимости и социализма на основе марксизма-ленинизма и идей Хо Ши Мина.

В условиях спада мирового социализма КПВ своевременно приняла анализ обстановки в мире и в стране, выбрала путь решительного отстаивания целей национальной независимости и социализма на основе марксизма-ленинизма и идей Хо Ши Мина в качестве политического решения задач первостепенной важности. С этих позиций в переосмыслении социализма марксистско-ленинское учение не является синонимом полного отрицания. Проблема состоит в разграничении революционных и научных принципов марксизма-ленинизма, с одной стороны, и абстрактных суждений, вытекающих из представлений, оторванных от практики, с другой.

В течение более 70 минувших лет КПВ, направляемая президентом Хо Ши Мином, руководила вьетнамским народом в интересах осуществления грандиозной революции во имя независимости и свободы каждого человека и всего народа. Идеи Хо Ши Мина проходят красной линией на всем протяжении вьетнамской революции, через все испытания прошедших десятилетий, обеспечивают органическое сочетание цели национальной независимости с задачей создания нового социалистического общества, научно-революционной концепции марксизма-ленинизма с бесценными культурно-историческими традициями вьетнамского народа. Эту истину нетрудно понять каждому, кто имеет возможность познакомиться с произведениями и делом Нгуен Ай Куока — Хо Ши Мина за время с 1920 г. до конца его жизни.

Второй урок. Полное, синхронное и последовательное обновление посредством взвешенных шагов, форм и методов.

Этот урок связан с искусством осуществления обновления. Его сущность состоит в координации политики и в оптимальном сочетании краткосрочных локальных и долгосрочных общих интересов, в поиске подходящих шагов, форм и способов, соответствующих конкретной обстановке во Вьетнаме.

Практика показала, что обновление представляет собой глубокую революцию во всех сферах общественной жизни. Следовательно, его необходимо осуществлять синхронно во всех сферах. Объективная логика требует синхронной координации политических директив и решений по обновлению на основе последовательности курса на обновление и решимости к развитию. Это требование особенно важно для процесса перехода к рыночным экономическим механизмам «открытых дверей».

В то время, как требования комплексности выступают в качестве популярного принципа, определяющего долгосрочную перспективу обновления, конкретные реальные условия в стране требуют гибкости и оперативности в выборе и координации политических решений. Вьетнам является бедной, отсталой страной со слабо развитым потенциалом, которая долгое время находилась в ситуации блокады и эмбарго. Обновление могло быть успешным только при умении делать оптимально правильный выбор подходящих форм и шагов, сосредоточивать усилия и ограниченный потенциал для решительного прорыва с целью перелома ситуации. Не случайно процесс обновления во Вьетнаме начался с сельского хозяйства и деревни. Результатом этого явилось то, что из страны с хроническим недостатком продовольственных продуктов за короткий период Вьетнам превратился в одного из первых экспортеров риса в мире.

В процессе практического обновления Вьетнам направил свою политику на то, чтобы сосредоточить свои силы и мощь на осуществлении прорыва в развитии в рамках общей ориентации. Именно этим объясняется, почему он столь быстро достиг успехов в борьбе с инфляцией, в ликвидации эмбарго, в разрешении проблем голода, бедности и роста, в создании нового экономического механизма, в постепенном повышении своей конкурентоспособности в мире и т.п.

Третий урок. Разумное сочетание экономического и политического обновления при решающей роли экономических преобразований.

Это — урок для налаживания взаимоотношений между экономикой и политикой в процессе изменений, происходящих в быстро меняющейся международной обстановке и при неблагоприятном воздействии мировых факторов. Этот вывод вытекает из опыта обновления Вьетнама.

Вопрос об отношениях между экономическим и политическим обновлением был поставлен еще на VI съезде. Но практика обновления Вьетнама, как и практика реформ и преобразований в социалистических странах позволили на VII съезде КПВ (июль 1991) сделать вывод о том, что *необходимо сосредоточить силы на экономическом обновлении* как важном условии успешного обновления и в политической сфере. Одновременно с экономическим обновлением необходимо постепенное обновление организации и способа деятельности политической системы. Обновление в деятельности политической системы важно осуществлять внимательно, на основе очень серьезного анализа и подготовки, при условии высокого уровня единодушия в обществе и непрерывного, поэтапного, стабильного развития. Абсолютно недопустимо во имя преобразования и реформы вызывать политическую нестабильность, ведущую к хаосу. Но несмотря на это, обновление политической системы нельзя и замедлять (особенно — совершенствование законодательства, административной реформы, организации аппарата и кадров, отношений между партией, государством и массовыми организациями), поскольку это замедление будет препятствовать обновлению не только в экономике, но и в других сферах.

Четвертый урок. Развитие рыночной экономики социалистической ориентации.

Пятнадцатилетняя практика обновления Вьетнама показала, что переход от централизованной плановой экономики с ее отчетливо бюрократическим и дотационным характером к рыночной экономике — совершенно необходим. Именно рыночный механизм составляет значительный вклад в использование и развертывание производственного потенциала общества, пробуждает огромные творческие силы десятков миллионов людей труда становится гарантией реализации их права быть хозяевами экономики и на этой основе — расширять и развертывать демократизацию всех остальных сфер жизни.

Практика, однако, показала также, что наряду со стимулированием развития производства рыночная экономика ведет к чрезмерному расслоению на богатых и бедных, к коммерциализации общественных отношений, к появлению социальных пороков, к обесцениванию традиционных национальных культурных ценностей. Именно поэтому, чтобы ограничить и преодолеть негативные последствия, чтобы сохранить правильную социалистическую ориентацию в обновлении, применение рыночного механизма должно идти одновременно с повышением качества социально-экономического управления государством. С помощью законов, планов, политики и

других инструментов государство должно направлять свои усилия на развитие и оздоровление общества, осуществлять справедливое распределение и равноправие в общественных отношениях, стимулировать законное обогащение наряду с ликвидацией голода и сокращением бедности, не допускать чрезмерного расхождения в жизненном уровне и в уровне развития различных регионов и социальных слоев, использовать издавна существующие формы найма рабочих рук, чтобы они не превратились в господствующие отношения, ведущие к расколу общества и созданию двух противоположных полюсов, и т.п. Короче говоря, наряду с использованием рыночного механизма для стимулирования развития производства необходимо усилить роль и повысить качество социально-экономического управления государства для сохранения социалистической ориентации.

Пятый урок. Расширить и укрепить блок всенародной солидарности, развернуть мощь всей нации.

Это — традиционный урок Вьетнама, особенно ясно выразившийся через мобилизацию всенародных сил в борьбе за освобождение и защиту Родины.

Наследуя и развертывая эту традицию, сообразуясь со специфической обстановкой во Вьетнаме после 30 лет войны, КПВ в период обновления повела линию на осуществление широкого сплочения всех вьетнамцев, которые поддерживают обновление во имя национальной независимости, развернула борьбу за единый Вьетнам с богатым народом, за сильное государство в справедливом, демократическом и цивилизованном обществе; за всех, кто обеспечивает национальную справедливость, занимая различные позиции, но без того, чтобы они шли вразрез с общими интересами, кто вместе с тем отвергает предубеждения, дискриминацию в отношении к минувшему, к классовым и другим социальным различиям, создают взаимоотношения открытости и взаимного доверия, направленные в будущее.

Именно расширение и усиление блока всенародной солидарности в духе идей обновления мобилизуют силу всей нации и превращается в главную движущую силу развития Вьетнама в период обновления.

Шестой урок. Расширение международного сотрудничества, привлечение симпатий, поддержки и помощи международного сообщества, сочетание национальной силы с силами эпохи.

Обновление Вьетнама происходит в момент, когда в международной обстановке наступили большие перемены, в особенности — усиленная глобализация экономики и быстрый переход к интеллектуальной экономике. Вооруженная обновленным мышлением КПВ придерживается линии на оптимальное укрепление воли к опоре на

собственные силы, на мобилизацию всего внутреннего потенциала, на необходимость целесообразного использования новых благоприятных внешних условий, на осуществление многосторонних и многообразных внешнеполитических отношений, на усиление «открытых дверей» и проявление инициативы по международной интеграции. Рассматривая все это в качестве рационального способа быстрого и эффективного сближения с наблюдаемыми в мире тенденциями развития, определяющими будущее своих усилий подобрать подходящую модель для разрешения возникающих острых проблем в одной из оставших в своем развитии страны.

Еще на начальном этапе своего обновления Вьетнам избрал рассмотренную выше политику развития. Благодаря ей Вьетнам поэтапно преодолел блокаду, эмбарго, создал и укрепил доверие к себе у международного сообщества, быстро расширил свои экономические, политические и дипломатические отношения с государствами и регионами во всем мире, а также с международными и региональными организациями. Тем самым авторитет и международные позиции Вьетнама непрерывно растут. Наиболее красноречивым результатом этого процесса является создание мирной и стабильной среды для строительства и развития страны, для быстрого расширения внешнеторговой деятельности, потока внешних инвестиций и финансовой поддержки развития Вьетнама за последние годы.

Но практика обновления показала также, что при усилении процессов «открытия дверей» и инициатив по международной интеграции необходимо сохранять независимость и суверенитет, расширять связи с другими государствами на основе равноправия и взаимной выгоды, сохранять и развивать национальную идентичность и лучшие национальные традиции.

Объединение национальной силы с силами эпохи, «приобщение», но не «уступки» — составляют одну из причин успехов в обновлении Вьетнама.

Седьмой урок. Правильная линия партии составляет решающий фактор в успехе обновления.

Коммунистическая партия Вьетнама является правящей партией. Победы и достижения, поражения и потери революции связаны с ответственностью и руководящей ролью партии. Без руководства Коммунистической партии — политической силы, которая приняла ответственность за историческую миссию и в состоянии собрать и организовать народные массы во всей стране для успешного осуществления цели национального освобождения и восстановления страны, как и для начала обновления — без сомнения, развитие не могло

бы осуществиться в духе непрерывной преемственности, могло бы даже отклониться от курса. Поэтому партия и правильная линия составляют решающий фактор для успеха обновления.

Продолжение и усиление обновления: путь к будущему Вьетнама

После 15 лет обновления во вьетнамском обществе наступили глубокие перемены. Они дали Вьетнаму *новую позицию и силу* для развития в начале нового века.

Сегодня потенциал развития Вьетнама во всех отношениях многократно преумножен в сравнении с периодом до обновления. Экономика вышла из кризисного состояния, которое возникло в 80-е годы, и выдержала огромное негативное воздействие регионального кризиса во второй половине 90-х гг. Основы для быстрого и стабильного роста созданы и укреплены. Институт рынка окончательно утвердился благодаря огромной эффективности развития, достигнутой за истекший период. Изменяющаяся в направлении индустриализации и модернизации экономическая структура создала добротную исходную основу для последующего периода. Жизнь народа явно улучшилась, что создало новые возможности для еще больших инвестиций в экономику, укрепило веру в социалистическую перспективу, стало мощной движущей силой дальнейшего развития.

В международном отношении Вьетнам, несомненно, повысил свои позиции. Это стало основным благоприятным условием, которое позволило ему расширить возможности для развития, более эффективно использовать преимущества развивающейся страны.

После 15 лет обновления Вьетнам вступил в новый век в новом облике, полном перспектив.

Но это только одна сторона вопроса. Вьетнамская партия и государство ясно сознают, что обновление представляет собой эксперимент по осуществлению нового пути развития. На основе серьезного обобщения практики партийные съезды, последним из которых был IX съезд КПВ, предприняли глубокий анализ недостатков развития экономики, возникшие в процессе обновления социально-политических проблем, раскрыли причины и особенно субъективные их проявления.

Партия и государство во Вьетнаме предприняли целостный анализ и объективную оценку возникших в мире тенденций, ясно определили факторы, которые оказывают огромное влияние на глобальные и региональные перспективы развития и возможности их воздействия на Вьетнам. Эти знания составляют основу для оценки

опасностей и перспектив развития, с которыми Вьетнам сталкивался и еще столкнется в будущем. Шансы для развития очень велики, но и опасности — тоже.

Наиболее важный вывод из этих оценок следующий: усиление обновления, инициативности и активности в процессе интеграции в мировую экономику — стратегический курс, который необходимо решительно продолжать, поскольку он составляет единственный путь, гарантирующий Вьетнаму светлое будущее.

Со стратегической точки зрения, основными целями, которые Вьетнам стремится достичь в первые годы XXI столетия, состоят в том, чтобы выйти из состояния отсталости в развитии и в общих чертах превратиться в индустриальную страну. Это составляет материальную базу для достижения общей цели развития — строительства Вьетнама и его превращение в страну с «богатым народом, сильным государством, справедливым, демократическим и цивилизованным обществом». В условиях больших и быстрых перемен, которые происходят в мире, достижение этой цели требует еще больших усилий, которые предполагают более высокое качество и более высокий интеллектуальный заряд.

Эти усилия направлены на решение следующих задач.

Первая: сохранение быстрых и стабильных темпов роста и развития социалистической ориентации.

Вторая: синхронное усовершенствование институтов рыночной экономики.

Третья: инициатива и активность в приобщении к мировой экономике.

Эти задачи содержатся в стратегии индустриализации и модернизации на новом этапе. По своей сути эта стратегия является синонимом развертывания модели развития, которая позволяет Вьетнаму сократить путь к современности, быстро уменьшить различие между собой и другими странами мира. Но для достижения этих долгосрочных целей Вьетнам в первую очередь должен сосредоточить свои усилия на решении нескольких актуальных задач, таких как: усиление реформ экономической системы, особенно в секторе государственного бизнеса; резкое изменение экономической структуры на селе и в сельском хозяйстве в направлении индустриализации и модернизации; повышение конкурентоспособности вьетнамских товаров на мировом рынке; ликвидация голода и уменьшение бедности; развитие источников для использования рабочих рук, административной реформы и создания среды, благоприятствующей процессу приобщения к миру.

После известного периода замедления реформы и роста в результате воздействия регионального экономического кризиса и неблагоприятных условий на международном рынке, а также все еще не преодоленных слабостей, на пороге нового века вьетнамская экономика смогла восстановить темпы своего развития. Это стало результатом применения стратегии продолжения обновления с еще большей решимостью и более высоким качеством. После 15 лет обновления Вьетнам получил дополнительный опыт и подтвердил, что его дальнейшее осуществление есть единственно правильный выбор для будущего страны.

Обновление теоретического мышления во Вьетнаме

Всестороннее обновление страны — от экономических реформ как центральной задачи до обновления политической системы, культуры и т.д. — невозможно без обновления мышления, познания, идеологии. Проблема, имеющая решающее значение для этого процесса, состоит в необходимости обновления в трех направлениях: мышления, организации и кадров — стиля работы. Первостепенное значение имеет необходимость осуществить обновление теоретического мышления. Без этого невозможно широкое обновление в других областях. Это означает преодоление эмпирического, догматического, субъективного и метафизического способа мышления, а также — борьбу за преодоление устаревших представлений о социуме, о механизмах экономического развития и управления. Обновление мышления направлено к формированию новых концепций социализма и пути к социализму на основе марксизма-ленинизма и идей Хо Ши Мина, к обеспечению и развитию достижений в области теории, которые партия стремится получить.

Прошло 15 лет со времени VI съезда партии. В этот период в работе VII, VIII и IX съездов конкретизирован и доработан курс на обновление, который ведет к большим и важным завоеваниям в деле строительства социализма во Вьетнаме. Среди этих завоеваний имеются и достижения в области нового мышления.

Строительство социализма в стране, двинувшейся по этому пути от колониального полуфеодалного общества, хозяйство которого основывалось главным образом на мелком производстве, стране, миновавшей капитализм, требует непрерывного утверждения духа независимости, самостоятельности и творчества. Социализм, как под-

черкивали классики марксизма-ленинизма, не является идеалом, по которому необходимо моделировать действительность, он представляет собой реальное движение; социализм не является результатом указа свыше, он представляет собой творчество самих народных масс. Чем больше расширяется практика строительства социализма, тем больше обогащается теория социализма.

Формирование и развитие социалистического общества составляет естественный исторический процесс, идущий в соответствии с объективными закономерностями. Не случайно различные компартии после определенного периода социалистического строительства извлекли сходные уроки: нельзя перескочить в этом процессе какой бы то ни было этап развития по субъективному желанию, нельзя решать задачи волюнтаристскими методами. Необходимо соотноситься с закономерностями и действовать, отправляясь от объективной реальности.

Один из великих уроков, выраженных шестым съездом, состоит в том, что партия всегда должна отправляться от действительности, соотноситься с объективными закономерностями и действовать в соответствии с ними. Это составляет важное условие, гарантирующее правильное руководство со стороны партии.

Новое мышление коренится в практике. Именно практика, сопровождаемая большими трудностями в развитии страны, принуждает партию анализировать и искать способы их преодоления. Так частичное обновление в отдельных местах и регионах страны дало материал для мыслительной деятельности партии при разработке тех или иных конкретных направлений политики. Например, еще в конце 80-х гг. форма семейного подряда в деревне, первоначально используемая в селах До Шон (провинция Хайдонг) и Вин Лак (провинция Вин Фу), начала затем распространяться и в других провинциях. Эта форма стимулировала крестьян в их производственной деятельности. Первоначально «скрытый» аккорд (прежде незнакомый центральному руководству) был позже проанализирован партией и в результате этого был издан Указ (1981 г.), согласно которому семейный подряд был утвержден в качестве новой движущей силы в сельскохозяйственном производстве. Подобные примеры преодоления локальных трудностей на предприятиях, в свою очередь, привели к соответствующему решению правительства. Таким образом, именно насущные потребности жизни стимулировали процессы обновления мышления в партии, поворот к которому был намечен шестым съездом партии. Действительность народных масс и способность руководства улавливать тенденции составляют важную предпосылку, ведущую к процессу обновления.

По сравнению с реформами и переходом от централизованной к рыночной экономике в других странах обновление во Вьетнаме имеет свою специфику. Во Вьетнаме обновление проводится в двух направлениях: «снизу вверх», т.е. от хозяйственных предприятий, от самого населения, и «сверху вниз», т.е. решениями системы партийного и государственного руководства. Эти сравнительно динамические двусторонние связи между партией и народом при возникновении, осмыслении и соотнесении с требованиями регулирования экономической и социальной политики помогают развивать обновление во Вьетнаме без конфликтов между «верхами» и «низами» и без чрезмерно сильных шоков, порождаемых жесткими и волюнтаристскими директивами и мероприятиями руководства «сверху». Отличительная особенность вьетнамского обновления вкратце состоит в том, что оно объединяет творчество народных масс снизу и руководство сверху. Вот почему оно достигло успехов.

В отличие от восточноевропейских стран и бывшего Советского Союза во Вьетнаме потребности обновления экономического курса проистекают из самой экономической сферы, а не выступают результатом политических перемен. Переход от военного к мирному периоду привел к «буму» потребностей жизни и от него — к требованиям разорвать оковы устаревшего экономического управления. Впоследствии это привело к изменениям в понимании функционирования экономики. Другими словами, практика «растопила лед» жестких требований и привела к формированию системы новых, теоретических выводов.

Обновление во Вьетнаме не является заменой старой модели готовой новой моделью, взятой из какой-то другой страны, а представляет собой процесс одновременной ликвидации элементов старой модели и их замены новыми, подходящими для вьетнамских условий элементами.

Продолжительное время Вьетнам проводил обновление в обстановке относительной экономической изоляции. Экономическая и финансовая помощь извне для периода обновления и преодоления трудностей, вытекающих из мировых политических и экономических изменений, были незначительными. Помощь и кредиты со стороны бывшего Советского Союза и восточноевропейских стран были прекращены еще в конце 80-х гг., а к концу 1993 г. помощь международных финансовых организаций, таких, как Всемирный Банк, Международный валютный фонд, Азиатский банк развития, была ограничена областью консультаций. Правительственная помощь от небольшого числа государств была направлена главным образом в

социальную сферу. С другой стороны, экономическая блокада, вовлечение Вьетнама под натиском внешних факторов в военные и политические конфликты принудили страну израсходовать свои ресурсы, которые могли бы быть использованы для экономического роста и социального развития. Само отсутствие необходимой среды международной безопасности представляло препятствие для проведения обновления в стране. При такой обстановке, параллельно с процессом реформ сохранялась национальная независимость и традиционная сплоченность, составляющая еще одну оригинальную особенность Вьетнама.

Обновительный процесс во Вьетнаме не делится на период подготовки теории обновления и период его применения на практике, а представляет собой единый процесс анализа и теоретического обобщения практики и реализации новых теоретических идей в жизни. Обновление во Вьетнаме проводится в условиях, когда произошли существенные изменения в мире, в соответствии с которыми почти все страны начали переосмысливать свою политику. Опыт реформ в других странах также давал Вьетнаму идеи в поиске собственного пути обновления. Вот почему концепция обновления Вьетнама формируется не только на основе обобщения опыта внутри страны, но и успехов или неудач в других странах.

Обновление во Вьетнаме представляет собой процесс экспериментирования, в котором новое и старое переплетается между собой, Старое не исчезает сразу, а отступает постепенно, иногда и кое-где оно даже все еще берет верх. Но общая тенденция состоит в том, что принятие нового курса и выработка новой политики в экономической сфере утверждаются постепенно, принося успех.

Коммунистическая партия Вьетнама рассматривает «обновления мышления» в качестве актуальной и постоянной, продолжительной работы. Для его обновления партия уже создала демократическую атмосферу в обществе, и в частности — в партийной жизни, в теоретической деятельности в ответ на необходимость точной и полной информации, а так же постоянной критики и самокритики. Эта атмосфера связана и с требованием для партии учесть научные аргументы в отношении «обновления мышления». Без этих условий оно не могло бы быть осуществлено.

Данная задача обновления мышления чрезвычайно важна и имеет очень важное значение для дальнейшего развертывания процесса. Всякое промедление при формировании нового мышления ведет к приостановке обновления во всех областях общественной жизни. Практика экономического и социального обновления

выступает результатом обновления мышления, но, в свою очередь, предъявляет новые требования к продолжению самого обновления мышления в партии.

Обновление не есть отказа от социалистических идей. Оно принимается во имя победы социализма. Обновление не означает отхода от марксизма-ленинизма и идей Хо Ши Мина. Оно — правильное осмысление этих взглядов в качестве основы и ориентира для деятельности партии и народа. Обновление не означает тотального отрицания прошлого, а составляет подтверждение всего ценного, и одновременно преодоление всех ошибок в мышлении и действиях сообразно требованиям новой обстановки. Это вовсе не так легко и просто. Обновление действительно представляет собой сложную борьбу между правильным и неправильным, между прогрессивным и консервативным, между новым, стимулирующим развитие, и старым, которое препятствует этому развитию. Критерием для разграничения противоположных сторон выступает сама практика и социально-экономические результаты, достигнутые в процессе обновления.

Курс на обновление КПВ формируется посредством ряда изменений в мышлении.

Первое изменение включает переход от мышления, опирающегося на модель государственной экономики, абсолютизирующей общественную и коллективную собственность (при опережающем развитии производственных отношений по отношению к производительным силам), к новому мышлению, основанному на смешанной рыночной экономике, в которой государственный сектор играет ведущую роль в диалектическом единстве многообразных форм собственности. При этом распределение по труду нацелено на развитие производства. Оно представляет собой основное звено, сообразованное с объективной закономерностью соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил. Другими словами, в зависимости от степени развития производительных сил необходимо поэтапно устанавливать соответствующие производственные отношения и благодаря этому освобождать ресурсы общества, освобождать производительные силы, в которых первостепенным фактором выступает человек со всем его творчеством и динамичностью. Этот переход имеет революционное значение. Он правильно определяет место и значение экономической потребности строительства социализма в странах, которым приходится избирать «сращенный вариант» перехода, определяемый историей.

Второе изменение включает переход от мышления, базирующегося на модели командно-административной, планово-централизованной экономики (с ее механизмами субсидирования и уравнилов-

ки), к новому мышлению относительно управления с соответствующей ему многоукладной товарной экономикой, функционирующей по законам рынка, при государственном регулировании и социалистической ориентации, которая координируется планом на макроуровне и управляется и контролируется посредством государственных законов. Эта смешанная рыночная экономика, функционирующая с помощью рыночных механизмов, ведет к взаимодействию и взаимному проникновению различных секторов экономики, к переплетению различных форм собственности и способов организации управления и распределения в соответствии с новыми производственными отношениями. Она представляет собой толчок к развитию производительных сил в переходный период к социализму.

Люди в качестве субъектов производственно-предпринимательской деятельности и субъектов потребления товаров получают одинаковые шансы для развития. Так они могут развернуть свой талант, способности, инициативность и творчество в хозяйственной деятельности. Рыночный механизм требует введения конкуренции, которая, в свою очередь, ведет к различию в доходах, к расслоению на богатых и бедных. Это — обратная сторона рыночного механизма. Поэтому необходима такая политика, которая могла бы воспрепятствовать тому, чтобы рыночный механизм приводил к недопустимо большому социальному расслоению, не позволяющему ориентироваться на перспективу социального равенства как цели социализма. Это — новая характерная черта экономического мышления в процессе обновления.

Третье изменение связано с обновлением политической системы в направлении ликвидации командно-административного способа управления, развертывания демократизации различных областей общественной жизни, сочетания демократизации с соблюдением законов и социального порядка, укреплением права народа быть подлинным хозяином. Это изменение составляет существенный вклад в постепенное преодоление препятствий экономическому росту и социально-культурному развитию, создавая новые факторы и движущие силы в деле обновления, преобразования и защиты Родины.

Основное содержание обновления политической системы состоит в полном осуществлении права народа быть хозяином, в создании социалистической демократии. Политика представляет собой очень деликатную область. С самого начала всестороннего обновления Вьетнама КПВ стремилась к сохранению политической стабильности, рассматривая ее как основную предпосылку и условие успешного осуществления обновления. СР Вьетнам уже предприняла ряд мер по построению и совершенствованию государства народом и во имя народа.

КПВ неуклонно проводит линию на строительство и оздоровление партии, на создание политической системы, на усиление связей между партией и народом, на развитие своего влияния и авторитета в обществе. Партия осуществляет сплочение всего населения, усиливает эффективность управления всеми областями общественной жизни.

Наша практика уже подтверждает важность принципов, мер и ступеней, планируемых партией для осуществления курса на общее обновление, и в частности — обновление политической системы.

Четвертое изменение заключается в новом понимании формирования и развития социализма в одной, отдельно взятой стране, которое должно базироваться одновременно на теоретических основах марксизма-ленинизма и на конкретно-исторических условиях и особенностях обстановки в данной стране. Это составляет объективную основу, определяющую познание и творческие поиски субъекта руководства социалистическим строительством, практическую позицию в планировании и направленности действий. Необходимо развивать атмосферу независимости, самостоятельности и творчества при поиске наиболее подходящего и наиболее эффективного способа решения проблем, поставленных практикой в ходе строительства социализма. Нет и не может быть одной-единственной модели для разрешения проблем социалистического строительства; не может быть и одной-единственной модели социализма, которая была бы применима во всех государствах, несмотря на то, что принципы марксизма-ленинизма в отношении социализма являются общими. Это, однако, не является предпосылкой для принятия теории «национального социализма», замкнутой в национально-государственном масштабе, подобно оазису, изолированному от международных связей и сотрудничества с социалистическими странами и с мировым сообществом.

Вопрос заключается в том, чтобы сочетать национальное и наднациональное, традиционное и современное, патриотизм и интернационализм рабочего класса. Это составляет основу внешнеполитического курса как единства сотрудничества и борьбы. Этим создается возможность для Вьетнама участвовать во всемирном экономическом рынке, в культурных связях и сотрудничестве. Чтобы сохранить свою социалистическую ориентацию, Вьетнам не только должен преодолеть влияние догматизма, механическое принятие и копирование внешней модели, но и бороться против намерений и действий враждебных ему сил, последовательно сохранять принципы и позиции марксизма-ленинизма, идей Хо Ши Мина, действуя динамично и гибко в соответствии с современной обстановкой. Практика 15-ти лет обновления показала, что последовательное строитель-

ство социализма, развитие экономики, культуры и организации управления обществом посредством творческих практических мер, соответствующих особенностям страны и тенденциям времени, является гарантией успешного развития обновления.

Пятое изменение в формировании новой концепции социализма состоит в новом понимании человеческого фактора, который является решающим в победе социализма. Преодолевая ограничения и трудности в трактовке вопросов о человеке, Вьетнам смог лучше осмыслить гуманистические идеи Маркса, Энгельса, Ленина и Хо Ши Мина. Критикуя индивидуализм, необходимо принимать и защищать законные интересы индивидов, учитывать личные интересы трудящегося человека — одну из непосредственных движущих сил общественного развития и основу осуществления общих интересов коллектива и всего общества. Тем более, что общественные и коллективные интересы являются не абстрактными, а конкретными, тесно связанными с законными интересами каждого в коллективе и в социальной общности.

В ходе практики обновления, и прежде всего обновления мышления и познания социализма, пути строительства социализма во Вьетнаме становятся все более ясными и все более полными. Это на практике составляет особый источник силы, гарантирующий успех всякой конкретной экономической, культурной и социальной деятельности в строительстве и развитии страны.

Познание есть процесс, который идет от простого к сложному, от несовершенного к совершенному. А социализм — это явление, которое представляет собой новый процесс движения в истории человечества. Вот почему мы с полным основанием опираемся на действительность, чтобы развивать теорию. И это — большой урок 15-ти прошедших лет обновления у нас в стране.

Обновление социализма во Вьетнаме: теоретические проблемы

Обновление Вьетнама началось в середине 80-х гг. XX в. и интенсивно разворачивается во всех сферах до сего дня. Процесс обновления достиг разнообразных и больших успехов, но одновременно поставил и множество важных теоретических проблем, правильное решение которых составит совершенно необходимую теоретическую базу для продолжения планирования и ускорения обновления.

Первый вопрос, который возникает, следующий: для чего происходит обновление? Ответ на этот вопрос относительно прост, и нет ничего, о чем можно было бы спорить: мы обновляемся не для того, чтобы отказаться от социализма, а для того, чтобы иметь подлинный социализм.

Но что собой представляет аутентичный социализм? Здесь ответ не столь прост. Советский Союз начал строительство социализма за 70 с лишним лет до нашего обновления и многократно заявлял, что построил социализм еще в 1936 г. Вьетнам начал строительство социализма в Северном Вьетнаме более чем за 30 лет и более чем за 10 лет до обновления. Но этот «реальный социализм» с его слабостями и застоем заставляет нас вновь поставить вопрос: что собой в действительности представляет социализм — общество, которое мы намерены создать? Не ответив на этот вопрос, мы не могли бы определить путь, по которому необходимо идти, а также конкретное содержание тех видов деятельности, которые следует совершить, чтобы построить желаемое нами общество. Вот почему вопрос «что такое социализм?» вызывал интерес всех ученых-обществоведов и практиков у нас в течение истекших 15 лет.

И до сего дня в представлениях марксистов-ленинистов существуют различия мнений о социализме и его особенностях. Сами К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин в своих произведениях, когда вставал вопрос о содержании и числе этих особенностей, не высказывали одно и то же мнение, а придерживались то одного, то другого из них. В марте 1918 г. В.И.Ленин даже заявил, что пока нельзя указать специфических черт социализма и что неправильно ставить подобную задачу. Несмотря на это в течение более 80 лет последователи В.И.Ленина продолжали вносить дополнения в представления Маркса, Энгельса, Ленина о тех или иных особенностях социализма и определять пути достижения тех его специфических черт, которые, по их *предположению*, аутентичны для социализма, тогда как в действительности эти специфические черты представлены у классиков марксизма-ленинизма в качестве *предвидения*, в качестве того, что, вероятно, *будет иметь место*, а не как то, что получится *непременно*.

Если проанализировать концепции Маркса, Энгельса и Ленина и их последователей о будущем обществе с прогнозированием конкретных особенностей социализма, мы увидим, что один из них уделяет больше внимания *структурной специфике* будущего общества, а другие — его *качественной специфике*, несмотря на то, что в том или другом отношении эти специфические характеристики взаимно переплетаются.

Но если начать с той позиции, что *будущее коммунистическое общество*, низшей фазой которого выступает *социализм*, является *более высокой* ступенью развития по сравнению с капитализмом, логично представить, что при всех обстоятельствах оно должно быть и *более совершенным*, и *более красивым* по сравнению с капиталистическим обществом, обществом с *высокоразвитой экономикой без эксплуатации человека человеком*. Другими словами, оно не могло бы быть обществом с более высококоразвитой экономикой, но с большим социальным неравенством, и наоборот — с более равноправными человеческими отношениями, но с более бедным жизнеобеспечением людей, чем при капитализме. Это означает, что будущее коммунистическое общество должно обладать одновременно обеими особенностями: и более развитой экономикой, и более справедливыми и равноправными человеческими отношениями по сравнению с капитализмом. Такова перспектива и цель развития социализма как низшей фазы коммунистического общества, основой которого является равенство в отношении труда и вознаграждения за него по принципу: при равном по количеству и качеству труда — равное вознаграждение. При социализме этот принцип безусловно *справедлив*.

Таким образом, желаемый нами социалистический строй мог бы иметь *многие специфические черты*, но *две качественно наиболее важные из них*, которых категорически необходимо достичь, состоят в том, чтобы быть более богатыми и более равноправными по сравнению с капитализмом. Так, согласно Хо Ши Мину: *социализм есть то, что делает народ богатым, государство — сильным, общество — равноправным, демократическим и цивилизованным*. Без этих особенностей не может быть социализма. Этот общественный строй, который все подлинные коммунисты в мире, и, в частности, во Вьетнаме, должны стремиться достичь всеми силами.

Практика обновления в нашей стране в прошедшие годы показала, что для того, чтобы были достигнуты *одновременно* названные специфические черты, требуется самостоятельность в теоретическом мышлении и большие творческие усилия. Если это отсутствует, успех в осуществлении одной из целей может обесмыслить успех в осуществлении другой. Например, развитие в соответствии с рыночными механизмами в предшествующие годы привел у нас к высокому и сравнительно стабильному росту экономики, но вместе с тем породил расслоение на богатых и бедных. Допущение частнокапиталистических элементов в экономике, представление им возможности расширять свое производство содействовало развитию экономики, созданию большего количества благ и товаров для общества, но одновременно привело и к эксплуатации. Ликвидация субсидий сделала деятельность многих предприятий динамичной, но для многих государственных предприятий создало трудности, привело их даже к банкротству и стало причиной того, что многие работники потеряли свою работу, а это, в свою очередь, вызвало еще большее обострение и так уже достаточно острого вопроса о рабочих местах. Акцентирование внимания на хозяйственном расчете привело к большей эффективности в производственной деятельности, но одновременно с этим обернулось и коммерциализацией деятельности в сфере образования, медицины и особенно культуры, что вызвало тревожный спад в этих областях общественной жизни. Акцент на распределении по труду, ликвидация субсидий, в том числе для городов и сел, стимулировал активность трудящихся, заставил их усиленно работать, но в то же время уменьшил доходы и тем самым создал большие трудности для семей погибших, инвалидов войны и т.п., ибо в этих семьях оказалось недостаточно рабочих рук. Расширение внешнеэкономических отношений сообразно концепции «открытых дверей» вынудил Вьетнам привлечь еще больше иностранных инвестиций и современной тех-

ники, но, со своей стороны, повлек за собой и заимствование стиля жизни, который не соответствует красивым древним национальным обычаям и традициям.

Эта ситуация заставляет наряду с ясным определением, что такое социализм, искать ответ на вопрос: «*Как нужно строить это общество?*», особенно учитывая то обстоятельство, что исходным пунктом является не капитализм, а докапиталистические социально-экономические отношения. Они стали центральной темой в научно-исследовательской деятельности и оценке опыта обновления в нашей стране.

В ходе поиска научно обоснованного ответа на этот узловый вопрос и выяснение желательных и нежелательных изменений в практике обновления в прошедшие годы мы столкнулись с серией важных теоретических вопросов социализма и путей к социализму.

Прежде всего стоит вопрос о том, принять или нет определенную степень эксплуатации в процессе строительства социализма. Это — достаточно болезненный вопрос, который вызывает много споров, так как нашей целью является создание общества без эксплуатации человека человеком. Почему тогда необходимо принять эксплуатацию, когда мы создаем это общество?

В период перед обновлением именно из-за ошибочных представлений о переходном периоде, который рассматривался как короткий этап, который может быть осуществлен за одно-два десятилетия, мы разными способами ликвидировали все формы эксплуатации. Этот подход ясно показал: неэффективность следует из непонимания того, что переходный период не является кратковременным. Наоборот, действительность показала, что это — очень долгий процесс, в течение которого должны быть предприняты многие промежуточные шаги, и он не может быть преодолен только посредством одного разового скачка. Объективная обстановка принуждает нас не ликвидировать сразу всякую эксплуатацию, а ликвидировать ее постепенно. *На пути к полной ликвидации эксплуатации мы вынуждены признать* соответственно конкретному этапу переходного периода к социализму ту истину, что производственные отношения при наличии эксплуатации продолжают оказывать более активное воздействие на производительные силы, чем если бы она была ликвидирована.

Это утверждение вовсе не означает, что мы отказываемся от своей цели построения социализма и от борьбы за освобождение человека от всякой эксплуатации. Оно указывает другой способ действий для достижения цели, более реальный и более соответствующий объективным закономерностям развития, чем прежний субъектив-

ный, волюнтаристский и отсюда — утопический способ. Это — *во-первых*. *Во-вторых*, нашей целью является именно создание общества без эксплуатации человека человеком, в котором каждый человек полноправен. Но возможно ли в процессе создания такого общества в определенной мере принять неравноправие между людьми или нет? Это еще один вопрос, создающий головную боль, на который практика строительства социализма заставляет нас искать ответ.

Прежде из-за ошибочного представления о *переходном периоде к социализму и его отождествлении с самим социализмом*, больше того — *из-за ошибочного понимания самого социализма*, согласно которому при социализме налицо полное равенство между людьми во всех отношениях, мы искали всякие возможности для осуществления этого равенства всюду, и прежде всего — в сфере распределения, способом, который по своей сути был уравниловкой. Мы считали, что таким образом поставим людей в равное положение в обществе. Но ошибались, поскольку, как Маркс совершенно отчетливо показал в «Критике Готской программы», при социализме не может быть полного равенства уже в силу физического и умственного неравенства людей, различия их семейного положения и т.д. Поэтому речь должна идти не просто о равенстве людей, а об их социальном равенстве. Такое равенство понимается марксизмом как ликвидация классов и всех классовых различий вообще. Преодоление социального неравенства осуществляется в ходе социалистического строительства постепенно в течение относительно длительного исторического периода. Диалектика явлений такова, и мы вынуждены ей следовать, другого способа нет.

Нельзя отождествлять понятия «социальное равенство» и «социальная справедливость». Эти понятия хотя и близки, но имеют как сходные, так и отличительные признаки. Они заключаются в том, что, когда говорят о *социальном равенстве*, речь идет о равенстве между людьми в одном или нескольких социальных направлениях, например — экономическом, политическом, культурном и пр.; а когда говорят о *социальной справедливости*, речь идет о равенстве между людьми не во всех отношениях, а только о вполне определенном отношении — между обязанностями и правами, вкладом и вознаграждением на основе принципа «равный вклад — равное вознаграждение».

При социализме социальная справедливость выражается в принципе распределения по труду. Это справедливый принцип распределения. *В переходный же период к социализму*, когда существуют различные формы собственности, *социальная справедливость выражается в принципе распределения соответственно вкладу: за равный вклад (как посредством труда, так и вложенного капитала и других вложений в производство и*

бизнес) — равное вознаграждение. Как показывает практика обновления во Вьетнаме на протяжении более 15 минувших лет, именно применение принципа справедливого распределения побуждает людей активно вкладывать свои усилия в производство и в бизнес, и это ведет к экономическому росту, хотя осуществление этого принципа не приводит к социальному равенству. И тем не менее можно рассматривать применение принципа *распределения в соответствии с вкладом* в качестве шага на пути к применению принципа распределения по труду, а применение принципа *распределения по труду* — как шаг на пути к достижению полного социального равенства. В процессе построения социализма с конкретной линией и политикой мы не только *можем*, но и *должны* достичь социальной справедливости согласно вышеуказанным принципам, не считая, что таким образом осуществляем социальное равенство. Это вовсе не означает, что мы отказываемся от борьбы за полное социальное равенство между людьми; напротив, мы стремимся к достижению этой цели более реальным путем.

В-третьих, оба приведенных выше утверждения приводят к еще одному, согласно которому нашей целью является создание общества, стоящего на более высокой ступени развития и более красивого по сравнению с капиталистическим, но это не может быть осуществлено посредством разового скачка от докапиталистического общества прямо к социализму, а только — постепенно. Следовательно, на пути к построению социализма мы вынуждены в определенной степени принять и развитие капиталистических производственных отношений ради создания крайне необходимых в данный момент условий для развития производственных отношений, или, как подчеркивал В.И. Ленин, мы должны использовать капитализм (особенно посредством его направления на путь государственного капитализма) в качестве промежуточного звена между мелким производством и социализмом, в качестве средства, пути, метода, способа увеличения производительных сил.

Именно в этом духе, на основе накопленного за 15 с лишним лет опыта обновления IX съезд КПВ (апрель 2001 г.) обобщил установку: путь Вьетнама есть путь переходного развития к социализму минуя капитализм, «т.е. минуя установление *господства* капиталистических производственных отношений и надстройки, но воспринимая и наследуя достижения человечества при капитализме, особенно в области науки и технологий, для быстрого развития производительных сил и создания современной экономики»*.

* Документы IX съезда Коммунистической партии Вьетнама. Ханой: Тхезьбой, 2001. С. 38 (на рус. яз.).

Используя капитализм в качестве средства, метода и способа роста производительных сил, мы должны искать все возможности для одновременного осуществления второй качественной специфической особенности будущего общества: осуществления социальной справедливости и социального равенства.

Государство играет особенно важную роль в борьбе за осуществление этой цели. При переходе экономики на рыночные механизмы мы ускорили экономический рост. Несмотря на это, рыночная экономика, при ее стихийном развитии, влечет за собой появление многих других негативных явлений. Нельзя ожидать, что сам рыночный механизм способен преодолеть эти негативные последствия, это должно быть осуществлено посредством *регулирования извне*, прежде всего со стороны государства. Никто не может заменить социалистическое государство в его роли *регулятора* движения экономики в соответствии с социалистической ориентацией, включая и регулирование доходов с целью уменьшения дистанции между справедливостью и несправедливостью, между равенством и неравенством. Мы имеем то преимущество, что с самого момента своего зарождения наше государство поставило своей целью установление социального равенства и справедливости для каждого члена общества.

Сегодня наряду с политикой использования положительных сторон рыночной экономики для ускорения роста мы ищем и подходящие способы для *ликвидации незаконных доходов* и одновременно — для *регулирования законных доходов* между различными группами населения с целью уменьшения различий между богатыми и бедными, существующими в данный момент и постепенно нарастающими в обществе. Наиболее важными инструментами государства для осуществления этого является *налоговая политика и регулирование бюджета*. Налоговая политика при этом может использоваться для регулирования высоких доходов богатых, тогда как государственный бюджет в виде различных форм расходов мог бы финансово помогать бедным, что не означает оказания безвозмездной помощи, а только помощи в частичном уменьшении их трудностей и в создании дополнительных условий для того, чтобы они сами улучшали свою жизнь. Здесь важно, что мы стараемся предложить и осуществить такую политику регулирования, которая не превращается в средство *уравнивания*, не становится опорой для ленивых, для паразитов общества, а, напротив — выполняет функцию помощи бедным, ликвидации дистанции между ними и богатыми. Эта политика не должна ослаблять силы для привлечения людей к производству и отсюда — к экономическому росту.

И, наконец, одной из не менее важных целей, которую наша партия и государство поставили перед собой для построения социализма, является: «Все во имя счастья человека» и «Служение человеку — наивысшая цель всякой деятельности». Но о каком человеке стоит тут вопрос: о человеке в будущем или о человеке в настоящем?

Еще в предшествующий обновлению период мы стремились создать социалистическое общество. Но ошибались, что это — близкое будущее и потому апеллировали и двигались к осуществлению лозунга: «Подтянем ремни, чтобы построить социализм!». Наши действия в этом духе были направлены на пользу далекому будущему и мы забывали о настоящих близких интересах человека и ради перспектив завтрашней счастливой жизни не обращали соответствующего внимания на то, чтобы отвечать насущным неотложным нуждам широких народных масс. Именно в этом духе в годы, предшествующие обновлению, мы обращали исключительное внимание на создание значительной материально-технической базы будущего социализма, но в то же время не обращали соответствующего внимания на заботу о трудовом человеке, который в тот момент строил будущий социализм. Мы рассматривали зарплату в качестве элемента потребления и при лозунге «Подтянем ремни!» подступали к лозунгу «Используем все, что осталось!». В то же время, как мы знаем, зарплата является составной частью производственного капитала. Это означает, что она выступает элементом производственного процесса и, следовательно, должна защищать трудящихся так, чтобы они могли воспроизводить свою рабочую силу. Констатируя это, мы сегодня подчеркиваем, что забота о человеке и о его законных интересах является одновременно и заботой о производстве. Развитие производства создает условия для лучшего удовлетворения потребностей человека. Поэтому не следует упрощенно думать, что только после того, как будут созданы излишки материальных благ, появятся условия для гарантирования счастья человека; и наоборот — следует представлять, что для создания излишков материальных благ прежде всего необходима забота об удовлетворении сегодняшних нужд человека. Во имя будущего необходимо заботиться о настоящем, а не жертвовать настоящими интересами человека. Пусть человек труда будет вознагражден в настоящем за свои трудовые успехи на пути создания будущего. Это — единственно правильный путь, который ведет к успешному созданию прекрасного будущего. Не случайно с середины 60-х годов и до сего дня партия и государство во Вьетнаме уделяют особое внимание заботе о человеке и всегда считают *служение человеку* наивысшей целью всей своей деятельности. Индекс развития человека

(НДІ) во Вьетнаме в последние годы быстро растет (с 121 места в 1990 г. — к 101 месту в 2000 г. среди 174 стран), что является доказательством эффективности этой заботы и внимания.

Обновление Вьетнама продолжается 15 лет и достигло больших успехов. Они являются результатом обновительной линии КПВ — инициатора и руководителя, линии на гармоничное сочетание объективной динамики с диалектикой объективного развития в построении социализма. Мы уверены, что, следуя обновительной линии, новой ступенью в развитии которой выступают анализ и установки IX съезда КПВ, вьетнамский народ продолжит достижения все больших успехов в создании единого Вьетнама *с богатым народом, сильным государством, справедливым, демократическим и цивилизованным обществом.*

Социализм с китайской спецификой

Состоявшийся 8–14 декабря 2002 г. XVI съезд Коммунистической партии Китая подвел итоги политики реформ и открытости, начатой почти двадцать пять лет назад, и наметил задачи экономического и политического развития китайского общества на ближайшие двадцать лет. Съезд подтвердил курс КПК на творческий подход к марксистской теории, утвердил в качестве теоретической основы ее деятельности «теорию Дэн Сяопина» и идею «трех представительств».

Творческий подход к теории

В современную эпоху только две страны в мире, называющие себя социалистическими — Китай и Вьетнам, где у власти находятся коммунистические партии, особенно первая, добились значительных достижений в социально-экономической области. Отсюда не может не возникать вопрос, почему советский опыт и опыт восточноевропейских стран привел к трагическому финалу, а опыт Китая и Вьетнама дает положительные результаты?

Если проанализировать исторический опыт Коммунистической партии Китая (далее — КПК), то окажется, что залог ее успехов заключается в том, что она действует, особенно в последнее время, нетрадиционно, как правило, не в соответствии с общепринятыми в советское время положениями. Как известно, классикой марксизма считалась опора на рабочий класс, в том числе создание для завоевания власти отрядов вооруженных рабочих. Попытки использовать подобный метод в Китае изначально были обречены на неудачу, поскольку рабочий класс в этой стране был крайне малочисленным, а крестьян-

ство составляло подавляющее большинство населения. На основе анализа реальной ситуации в стране, классовой структуры общества руководство КПК во главе с Мао Цзэдуном в середине 30-х гг. выдвинуло курс на создание сельских опорных баз, окружения города деревней. Решающей социальной силой революции было крестьянство, оно составляло костяк народно-освободительной армии. Именно опора на крестьянство позволила КПК завоевать власть в стране. Позднее, в 50–60-е гг., в годы взаимной идеологической полемики, теории КПК на этом основании обвиняли руководство КПК в мелкобуржуазном уклоне. В Китае принято говорить, что заслуга Мао Цзэдуна заключается в том, что он соединил основные положения марксизма с конкретной действительностью Китая, тем самым произошла «китаизация марксизма». Кстати, сам термин «китаизация марксизма» в советской официальной литературе подвергался критике как ненаучный, противоречащий марксизму, поскольку якобы не может быть никакого китаизированного марксизма, ибо такого рода учение на самом деле не марксизм, а его ревизия.

Горький печальный опыт «большого скачка» и «культурной революции» заставил руководство КПК заново проанализировать теоретические и практические вопросы строительства социализма и сформулировать свою собственную оригинальную концепцию, получившую название «социализма с китайской спецификой» или «теория Дэн Сяопина», поскольку, как пишут в Китае, именно ему принадлежит заслуга создания этой концепции. За теоретическими установками Мао Цзэдуна укрепилось название «идеи Мао Цзэдуна», и они относятся в основном к обоснованию периода революционного завоевания компартией власти.

Концепция «социализма с китайской спецификой» существенным, принципиальным образом отличается от положений, заложенных в трудах классиков марксизма и зафиксированных в советских трудах по социализму. Прежде всего это касается временных рамок социалистического строительства, какие-либо конкретные сроки вообще не указываются, теперь оно становится делом многих поколений, можно предположить, что оно займет несколько столетий, во всяком случае в Китае предпочитают не теоретизировать по этому вопросу. «Мы строим социализм всего лишь несколько десятилетий и все еще находимся в его начальной стадии. Для укрепления и развития социалистического строя все еще нужен длительный исторический период, неустанные усилия нескольких поколений, нет, больше десяти поколений или даже нескольких десятков поколений наших лю-

дей. Относиться к этому с легким сердцем никак нельзя»¹. Это считается прожектерством: «У нас нет возможности да и необходимости строить конкретные догадки насчет далекого будущего, рисовать его панораму. Опыт и уроки прошлого яснее ясного говорят о том, что в таком случае легко впасть в оторванную от жизни утопию»².

Согласно концепции «социализма с китайской спецификой» Китай в течение *очень длительного периода времени будет находиться на начальной стадии социализма*. Этим, по-видимому, и можно объяснить нетрадиционный подход китайских марксистов к социалистическому общественно-экономическому строю. В их трудах меняются представления относительно характера собственности, инструментов и методов хозяйственного механизма, экономического регулирования, социальной структуры, экономических отношений в городе и деревне, использования капиталистических методов в макро- и микроэкономике. По мнению руководства КПК, китайских партийных теоретиков, начальный этап строительства социализма, а именно ему на данный момент соответствует концепция «социализма с китайской спецификой», требует совершенно новых подходов, которых *не было и не могло быть* в трудах классиков марксизма-ленинизма.

Еще в 1978 г. в масштабе всей страны по инициативе Дэн Сяопина была проведена кампания «практика — единственный критерий истины». В нее были вовлечены десятки миллионов людей — от партийных функционеров до рядовых граждан, от профессоров вузов и сотрудников научно-исследовательских учреждений до студентов. Цель этой кампании состояла в том, чтобы освободиться от догматических, вульгарных представлений об общественно-экономических процессах, в том числе и о социализме, которые шли преимущественно от Мао Цзэдуна. Одновременно подчеркивался преходящий, конкретно-исторический характер ряда теоретических положений классиков марксизма. Лейтмотив кампании — любое теоретическое положение должно получить подтверждение в практике, нельзя насиловать практику ложными теоретическими постулатами, необходимо *от практики идти к теории, а не наоборот*.

Руководство КПК, начиная с 1978 г., неоднократно подчеркивало, что в целях успешного осуществления политики реформ и открытости следует «освободить», «раскрепостить сознание», т.е. освободиться от устаревших, не соответствующих требованиям реальной ситуации представлений. После распада Советского Союза Дэн Сяопин совершил свою знаменитую поездку по наиболее продвинутым в

смысле реформ южным районам Китая (18 января — 21 февраля 1992 г.). Во время этой поездки он говорил не только о конкретной политике реформ, но и о методологических вопросах соотношения практики и теории в процессе социалистического строительства, существенных и второстепенных характеристиках социализма, его отличии от капитализма, связи марксизма с жизнью, реальностью, исторических судьбах социализма и марксизма, роли науки и техники в развитии общества, месте интеллигенции. Приведем некоторые, наиболее характерные его высказывания: «В процессе реформы и открытости надо действовать смелее и не бояться экспериментировать. Нельзя уподобляться женщине с забинтованными ножками»³; «что ни говори, а топтание на месте и боязнь совершить бросок в области реформы и открытости объясняются страхом перед тем, что капитализма станет больше и что начнется движение по капиталистическому пути. Суть вопроса в том, какую, так сказать, фамилию все это носит — «Капитализм» или «Социализм». Критерием при определении должно служить, главным образом, то, благоприятствует ли это развитию производительных сил социалистического общества, росту совокупной мощи социалистического государства, повышению жизненного уровня народа»⁴.

Дэн Сяопин подробно говорил об опасности упрощенного понимания различий между капиталистическим и социалистическим обществами. Он счел необходимым подчеркнуть, что методы ведения хозяйственной деятельности являются чисто техническими средствами и что поэтому абсолютно неверно наличие рыночных отношений считать коренным признаком общественно-экономического строя; «Кое-кто считает больше на одну долю зарубежных инвестиций — больше на одну долю капитализма. Иными словами увеличение числа совместных предприятий означает рост капитализма, его развитие. У этих людей нет даже самых элементарных знаний<...>. Совместные предприятия сдерживаются политическими и экономическими условиями нашей страны в целом. Они — полезное дополнение к социалистической экономике и в конечном счете выгодны социализму. Коренное различие между социализмом и капитализмом не в том, чего больше — планирования или рынка. *Плановая экономика не равнозначна социализму, при капитализме тоже есть планирование. А рыночная экономика не равнозначна капитализму, при социализме, например, тоже есть рынок.* Как план, так и рынок — экономический расчет. Суть социализма в освобождении и развитии производительных сил, ликвидации эксплуатации, устранении поля-

ризации и достижения в конечном счете всеобщей зажиточности»⁵ (подч. нами — *В.Б.*); Дэн Сяопин неоднократно подчеркивал необходимость заимствования лучших достижений зарубежной науки и техники, современных методов управления и организации труда, используемых в зарубежных странах. В этой связи главную опасность для социалистического строительства он усматривал в «левом» уклоне, представители которого любое нововведение в экономической области объявляли отступлением от марксизма, ревизионизмом; «В настоящий момент на нас влияют и правые, и «левые» взгляды, но глубже всего укоренились «левые». Кое-кто из теоретиков и политиков запугивает людей большими ярлыками. Это поворот не вправо, а «влево». Левизна имеет революционную окраску. Как будто чем ты «левее», тем революционнее. Левизна в нашей партии — страшная вещь! Она моментально губила хорошее. Как правый, так и «левый» уклон в состоянии угрожать социализму. Китаю нужно остерегаться правого уклона, но важнее всего давать отпор «левому»<...>. Выдавать реформы и открытость за заимствование и развитие капитализма, усматривать главную опасность мирной эволюции в экономической сфере — значит грешить левизной»⁶. Дэн Сяопин понимал, что простому человеку нужны не высокопарные фразы и пустые обещания лучшей жизни в отдаленном будущем, а реальные позитивные изменения в ближайшее время: «В настоящий момент в некоторых соседних странах и регионах экономика развивается быстрее, чем у нас. Если развитие у нас прекратится или пойдет слишком медленно, народ станет сопоставлять не в нашу пользу. Поэтому не ставьте рогатки, когда есть возможность для развития»⁷; «Народ практичен. Как только он увидит, что социализм, что реформы и открытость все же неплохи, наше дело будет жить в веках»⁸. Дэн Сяопин был решительным противником начетнического подхода к теории, буквального следования положениям классиков марксизма, их жизненность должна постоянно проверяться практикой: «Изучать в марксизме-ленинизме надо самое главное, то, что нужно. Солидные труды пусть штудирует небольшое число специалистов, простому люду их не осилить. Заставлять всех садиться за объемистые произведения — значит впадать в формализм, требовать нереального. Первыми моими учителями были «Манифест Коммунистической партии» и «Азбука коммунизма»⁹. Недавно кое-кто из иностранцев заговорил о несокрушимости марксизма. Марксизм несокрушим не потому, что излагается в большом количестве объемистых трудов, а потому, что марксистская истина неопровержима. Суть марксизма в реалистическом подходе к

действительности. Надо выступать за реализм, а не за книгопоклонство. Успех нам в реформе и открытости принесли не книжки, а практика, реалистический подход к действительности. Право на изобретение семейного подряда в деревне принадлежит крестьянам. Много что в процессе реформы на селе создано низами, а мы подвергли его обработке и подняли на уровень руководства к действию в масштабе всей страны. *Практика — единственный критерий для проверки истины*; я мало что читал, но верю в одно — в реалистический подход к делу, за который стоял Мао Цзэдун. Раньше мы воевали, полагаясь на это. Полагаться на это нам надо и теперь, когда мы занимаемся строительством и реформой. Мы всю жизнь проводили марксизм, а он, между прочим, совсем не таинственен, марксизм — прост, он содержит простую истину»¹⁰ (подч. нами — В. Б.).

Мы намеренно привели эти высказывания Дэн Сяопина без подробных комментариев, чтобы дать ясное представление о его взглядах, они как нельзя лучше говорят о том, как руководство КПК решало принципиальный вопрос о соединении общих положений марксизма с практикой китайского социализма. Подход Дэн Сяопина к проблемам теории стал определяющим в деятельности нынешнего руководства КПК. По словам Цзян Цзэминя, «Марксизм как теория наделен качеством развиваться вместе с развитием эпохи. И если мы, игнорируя изменения, произошедшие в исторических условиях и реальной обстановке, станем ограничиваться отдельными выводами и конкретной программой действий, которые выдвигались классиками марксизма в определенных исторических условиях и по случаю конкретных событий, то не сможем успешно продвигаться вперед и даже допустим ошибки из-за отрыва нашего сознания от реальности, неизменно выступать против догматического подхода к теории марксизма нам нужно именно поэтому»¹¹.

Для Дэн Сяопина и его преемников главный критерий эффективности социализма заключается в *неуклонном развитии экономики, повышении жизненного уровня населения*. Именно под таким углом зрения они рассматривают конкретные вопросы развития китайского общества. Фраза Дэн Сяопина «развитие — непреложная истина» стала крылатой. В докладе на XVI съезде КПК слово «развитие» — одно из ключевых понятий, оно характеризует достижения в области экономического строительства и как следствие этого повышение материального и культурного уровня населения страны. По мнению китайского руководства, невнимание правящих коммунистических партий социалистических стран к жизненным интересам народных масс явилось одной из причин их поражения.

Состоявшийся в декабре 1978 г. III Пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва открыл путь к широкомасштабным реформам экономических отношений, именно на нем было принято решение о ликвидации народных коммун и введении семейного подряда. Кооперирование сельского хозяйства не привело к позитивным результатам, именно поэтому от него отказались, возвращение к единоличному ведению хозяйства, как принято говорить в Китае, «развязало жизненные силы крестьянства» и в конечном счете привело к резкому увеличению производства сельскохозяйственных культур. Именно на селе первоначально рождаются рыночные отношения, которые затем постепенно охватывают город. Появление рынка и связанных с ним экономических инструментов коренным образом меняют положение в китайской экономике, она приобретает значительную эффективность. Постепенно идет реабилитация частной собственности, она утверждается вначале в торговле и сфере обслуживания, а затем и в сфере производства, в стране возникает массовое движение «сяхай» — заниматься бизнесом (дословно — «окупиться в море»), когда сотни тысяч, миллионы людей преимущественно молодого и среднего возраста оставляют свои прежние места работы и начинают вести предпринимательскую деятельность, в результате формируется новый, довольно многочисленный класс частных собственников; как и в России представителей этого класса называют «новыми китайцами», «новыми богачами» — «синфу», «сингуй». Этот новый класс или «новый социальный слой или слои», как их характеризуют в Китае, становится полноправным участником социалистической модернизации, естественно поэтому, что термин «классовая борьба» практически исчезает со страниц китайской печати, если о ней и упоминается, то вскользь, глухо. Теперь главный приоритет отдается «развитию» или, как говорят в Китае, «освобождению производительных сил».

Изменяется и представление о руководящей социальной силе социально-экономических преобразований — теперь это уже не старый фабрично-заводской пролетариат, а рабочий класс, включающий в себя интеллигенцию, вспомним сакраментальную фразу Дэн Сяопина: «Я включил интеллигенцию в состав рабочего класса». «Я здесь человек несведущий, но хотел бы поблагодарить научно-технических работников за вклад в дело государства, за то, что они принесли славу стране<...>. Я включил интеллигенцию в состав рабочего класса. Ученые как старого и среднего поколения, так и младшего поколения

представляют большую ценность»¹² (подч. нами — В.Б.). Для него не имел принципиального значения тот факт, насколько его высказывание соответствовало классическим марксистским положениям. Будучи трезвомыслящим политиком, он не мог не сознавать громадной роли интеллигенции, прежде всего инженерно-технической, в современном обществе. И чтобы утвердить эту ее роль с точки зрения марксизма, Дэн Сяопин решает включить интеллигенцию в состав рабочего класса. Данный его тезис вступал в противоречие с догмой о том, что интеллигенция является всего лишь прослойкой, призванной обслуживать либо рабочий класс, либо буржуазию, но это обстоятельство его нисколько не беспокоило.

Концепция и практика «социализма с китайской спецификой» порывает, во-первых, с руководящей ролью рабочего класса в его классическом понимании при сохранении властных полномочий КПК; во-вторых, с централизованным планированием экономики как ее определяющей черты. Экономика по-прежнему регулируется государством, но через рыночные отношения, неудивительно, что теперь официально принят термин «социалистическая рыночная экономика», который пришел на смену термину «социалистическая плановая экономика». «Развитие рыночной экономики в условиях социализма — великий почин, неведомый людям прошлого. Как исторический вклад китайских коммунистов в развитие марксизма это воплощает в себе колоссальное мужество нашей партии, стойко продолжающей теоретическое новаторство и идущей в ногу с эпохой. Переход от плановой экономики к социалистической рыночной экономике явил собой новый исторический прорыв в области реформ и открытости»¹³ (подч. нами — В.Б.). Рынок теперь является базисным элементом в развитии экономических отношений.

После смерти Дэн Сяопина в Китае стали говорить о том, что к руководству КПК пришло третье поколение руководителей во главе с Цзян Цзэмином (первое поколение возглавлял Мао Цзэдун, второе — Дэн Сяопин). Первоначально официальной руководящей идеологией компартии по-прежнему оставались наряду с марксизмом-ленинизмом «идеи Мао Цзэдуна» и «теория Дэн Сяопина». 15 февраля 2000 г. Цзян Цзэминь выдвинул идею «трех представительств» (или «тройного представительства»), которая теперь стала составной частью официальной партийной идеологии и получила название «важной идеи» — важной потому, что она касается всей деятельности партии, затрагивает интересы всего китайского народа, всего Китая¹⁴. В наиболее систематизированной и теоретически обобщенной форме идея «трех представительств» была впервые изложена в речи Цзян

Цзэминя на торжественном собрании по случаю 80-й годовщины со дня создания КПК 1 июля 2001 г. В ней было провозглашено, что Компартия Китая должна постоянно представлять, во-первых, требования развития передовых производительных сил страны, во-вторых, прогрессивное направление передовой китайской культуры, в-третьих, коренные интересы самых широких слоев китайского народа. Конкретизация каждого из трех представительств в той или иной степени призвана подчеркнуть их связь с требованиями эпохи и одновременно интересами китайского народа.

В исправленном уставе КПК, принятом на XVI съезде партии, следующим образом охарактеризованы ее нынешние теоретические основы: «Идеи Мао Цзэдуна — это применение и развитие в Китае марксизма-ленинизма, подтвержденные практикой правильные теоретические принципы и обобщение опыта китайской революции, квинтэссенция коллективной мудрости китайской компартии<...>. Теория Дэн Сяопина — это продукт соединения основных принципов марксизма-ленинизма с практикой современного Китая и особенностями эпохи, наследование и развитие идей Мао Цзэдуна в новых исторических условиях, новый этап развития в Китае марксизма, современный китайский марксизм, квинтэссенция коллективной мудрости китайской компартии<...>. Важная идея «трех представительств» — это наследование и развитие марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина, отражение новых требований современного мира и развития и изменений в Китае к работе партии и государства, мощное теоретическое оружие укрепления и совершенствования работы партии, продвижения вперед, самосовершенствования и развития в нашей стране социализма, квинтэссенция коллективной мудрости китайской компартии, руководящая идея, которой партия должна придерживаться в течение длительного периода времени»¹⁵.

В последние годы идея «трех представительств» становится фактически центральной в китайской пропаганде, ей посвящаются статьи; книги, передачи по радио и телевидению. Если суммировать все связанное и написанное относительно этой идеи, то можно сделать вывод, что она представляет собой продолжение мыслей, высказанных Дэн Сяопином во время его поездки по южным провинциям Китая, но выраженных более систематизированным и упорядоченным образом. Подчеркивается необходимость творческого подхода к теории; идти в ногу со временем, выдвигать новаторские подходы, выступать с инновациями — таков лейтмотив высказываний китайских руководителей, официальных партийных документов, интерпретиру-

ющих идею «трех представительств». В докладе XVI съезду КПК говорилось следующее: <...> *Нужно, чтобы партия всегда находилась в духовном состоянии синхронного движения со временем и непрерывно открывала новые горизонты в развитии марксистской теории* (подч. в докладе). *Твердое сохранение идейной линии партии, раскрепощение сознания, реалистический подход к делу и движение в ногу со временем* — те решающие факторы, которые позволяют нашей партии сохранять свой передовой характер и умножать свои творческие возможности. *Движение в ногу со временем означает, что вся партийная теория и вся партийная работа должна нести на себе черты эпохи, схватывать ее закономерности и отличаться большим творческим характером. От того, удастся ли все время делать так, зависит будущее и судьба нашей партии и страны»*¹⁶ (подч. нами — В.Б.).

Слова Цзян Цзэминя об инновации звучат буквально гимном творчеству в области теории: «Инновация — душа прогресса нации, неиссякаемая движущая сила подъема и развития страны, источник вечной жизнеспособности политической партии<...>. Теоретическая инновация на базе практики — пролог социального развития и преобразования<...>. *Заниматься инновацией — значит непрерывно раскрепощать сознание, реалистически подходить к делу, шагать в ногу с эпохой. Практика не знает предела, инновация тоже. Мы должны превосходить своих предшественников, наши потомки с неизбежностью превзойдут нас. Таков непреложный закон развития общества. Нам нужно адаптироваться к развитию, практике, все на ней опробовать, сознательно освободиться от пут представлений, методов и структур, не отвечающих духу времени, от ошибочного и догматического понимания марксизма, от оков субъективизма и метафизики. Держаться основных положений марксизма и в то же время создавать новые теоретические труды, развивать революционные традиции и одновременно накапливать свежий опыт. Уметь в процессе раскрепощения сознания приходить к единству взглядов и направлять новую практику посредством развивающегося марксизма»*¹⁷ (подч. нами — В.Б.). Постоянные поиски новых подходов и решений обуславливают сохранение компартией ее прогрессивного передового характера. По мнению китайской партийной печати, одной из главных причин поражения правящих коммунистических партий в социалистических странах, включая Советский Союз, являются серьезные ошибки в идейно-теоретической области, это проявилось, с одной стороны, в господстве догматизма, омертвляющего марксизм, отсутствии творческого духа и адекватных ответов на изменения во внутренней и международной обстановке, а с другой стороны, во времена

М.С.Горбачева, в проповеди идеологического плюрализма, отказе от руководящей роли марксистской идеологии, полном копировании западного политического и экономического строя.

«Идти в ногу со временем» означает в Китае изучать тенденции современного мирового развития, перенимать передовую зарубежную опыт в области науки и техники. В китайской печати в этой связи упоминается пример из недавней истории Китая. Последняя Цинская династия правила с 1644 по 1911 год. С 1661 по 1796 г. это был период ее расцвета: китайская экономика занимала лидирующие позиции в мировом сообществе, к концу XVIII в. Китай по своей экономической мощи занимал первое место в мире, его население составляло одну треть от всего населения земного шара, во внешней торговле преобладал экспорт. В это время в западных странах произошла промышленная революция, что привело к быстрому развитию там науки и техники и производства. Однако тогдашние правители Цинской династии не желали замечать эти крупные изменения, проявляли самодовольство, зазнайство, отгородились от внешнего мира, не желали воспринимать передовую западную науку и технику, и в результате в течение ста лет Китай намного отстал от Запада и не смог противостоять его вторжению¹⁸.

Китайские партийные теоретики и пропагандисты указывают на то, что К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин были великими людьми, но они жили в совершенно других исторических условиях, чем те, которые существуют в настоящее время, что в их трудах нет ответов на вызовы современности и что поэтому необходима самостоятельная работа мышления, собственные теоретические поиски¹⁹. Неизменно проводится мысль о необходимости при формулировании какого-либо положения в любой области общественной жизни и его проведении *обязательно учитывать конкретно-исторические условия Китая*. Отсюда требование конкретного, а не абстрактного марксизма, т.е. китаизированного марксизма: «Марксизм — не догма. Он обретает могучую жизненную силу лишь тогда, когда правильно применяется на практике и в ходе ее непрерывно развивается. Руководящий коллектив ЦК первого поколения, ядро которого составлял товарищ Мао Цзэдун, и руководящий коллектив ЦК второго поколения, ядро которого составлял товарищ Дэн Сяопин, вели нашу партию на постоянную тесную увязку основных положений марксизма-ленинизма с конкретной китайской реальностью. В результате этого сформировались идеи Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина. *Оба эти теоретические достижения представляют китаизированный марксизм*. Воплощая в себе основные положения марксизма-ленинизма, они в то же

время вобрали в себя выдающиеся воззрения китайской нации и практический опыт китайских коммунистов»²⁰ (подч. нами — *В.Б.*). Неоднократно подчеркивается, что копирование чужих образцов неизбежно ведет к неудачам, серьезные неудачи в прошлой деятельности КПК объясняются именно тем, что тогда ее программные установки были оторваны от китайской реальности; напротив, достижения Китая в различных областях общественной жизни связываются с политикой реформ и открытости, которая как раз и является воплощением на практике концепции «социализма с китайской спецификой». Это стало возможным благодаря «раскрепощению сознания и реалистическому подходу к делу». Благодаря такому подходу и была сформулирована концепция «социализма с китайской спецификой», новая модель социализма. Как писал видный китайский ученый Ху Шэн, «исторический опыт двадцатого века отнюдь не свидетельствует о том, что социалистический строй уже погиб, однако на деле подтверждает тот факт, что социалистический строй должен быть реформирован. Существовавшая в течение большей части двадцатого столетия модель социализма отнюдь не является его единственной моделью, вслед за изменением эпохи новая модель как раз в настоящее время способствует обновлению социализма»²¹.

Речь в данном случае идет о национальной китайской версии социализма. В китайских партийных документах в заслугу Дэн Сяопину ставится определение сущности социалистического общества, его основных характеристик. В действительности он не выдвинул какой-либо законченной концепции, поэтому «теорию Дэн Сяопина» приходится реконструировать из его различных высказываний во время выступлений. Если суммировать представления Дэн Сяопина и его преемников о социализме, то их можно свести к следующим основным положениям:

- социалистический общественно-экономический строй охватывает длительный исторический период;

- социализм не имеет общей универсальной модели; существуют ее национальные разновидности; при его строительстве следует непременно учитывать конкретные социально-экономические особенности страны;

- главное противоречие при социализме — противоречие между производительными силами и материально-культурными потребностями народа;

- центральный вопрос реформы всех общественных отношений — это развитие экономики, производительных сил;

- классовая борьба уже не играет сколь-нибудь заметной роли;

- коммунистическая партия представляет интересы не только рабочего класса, но всего народа;
- частная собственность — неотъемлемый элемент строительства социалистического общества;
- существование при социализме рыночных отношений — нормальное, закономерное явление;
- использование форм и методов управления экономикой, характерных для капиталистического общества (например, акций, биржи и т.п.), не есть следование по капиталистическому пути, это чисто технические средства;
- строительство социализма невозможно без осуществления политики открытости для внешнего мира, необходимо извлекать пользу из глобализации;
- социализм невозможен без приоритетного развития науки и техники;
- повышение материально-культурного уровня народа возможно лишь постепенно, через зажиточность части населения и районов необходимо идти к зажиточности всех;
- при создании политической системы нельзя копировать политические модели Запада.

Изменение социального состава компартии

Именно в русле новаторского подхода и китаизированного марксизма находится выдвинутое еще Дэн Сяопином новое определение классовой принадлежности интеллигенции, а также расширение рамок социального состава участников социалистической модернизации и самой Коммунистической партии Китая, одобренное на ее XVI съезде. Тезис Дэн Сяопина в настоящее время присутствует во всех китайских партийных документах, в научной литературе. Этот тезис был вновь повторен и в докладе на XVI съезде КПК: «Рабочий класс, включающий в себя интеллигенцию <...>». В то же время во многих случаях интеллигенция упоминается наряду с рабочим классом.

Что касается социальной базы существующего в КНР режима, в докладе XVI съезду КПК было сказано буквально следующее: «Появившиеся в процессе социальных перемен предприниматели и персонал негосударственных научно-технических предприятий, управленческий и технический персонал, работающий по контракту на предприятиях иностранного капитала, индивидуальные хозяева, частные предприниматели, лица, занятые в посреднических организациях, лица свободных профессий и другие слои общества, *словом* —

все они строители социализма с китайской спецификой<...>. Следует уважать труд, уважать знания, уважать талант и творчество<...>. Следует уважать и охранять все виды труда, полезного народу и обществу. Как физический, так и умственный, как простой, так и сложный труд, словом — все виды труда, идущие на пользу нашей социалистической модернизации — дело чести и заслуживают признания и уважения. Вся предпринимательская деятельность китайских и зарубежных инвесторов в процессе нашего строительства должна поощряться. Следует охранять все законные трудовые и нетрудовые доходы. *Нельзя упрощенчески брать за критерий для определения политической прогрессивности или отсталости людей то, есть ли у них имущество, а если да, то сколько. Здесь главным образом надо смотреть, каковы они по своему идейно-политическому состоянию и реальным поступкам, как появилось у них имущество, как они им распоряжаются и как его используют, какой вклад они вносят своим собственным трудом в дело социализма с китайской спецификой*²² (подч. нами — В. Б.). Еще ранее Цзян Цзэминь говорил, что «теория классиков марксизма о труде и его стоимости при капитализме вскрывает особенности функционирования капиталистического способа производства и его основные противоречия. Но сейчас обстановка, в силу которой мы развиваем социалистическую рыночную экономику, во многом отлична от той, с которой имели дело и которую изучали основоположники марксизма»²³. Изменение исторической обстановки требует новых теоретических и политических подходов.

Классовая борьба в какой-то степени еще существует и даже в некоторые моменты может обостряться, но на передний план современного китайского общества, заявляют китайские теоретики, выдвигается сейчас противоречие между производительными силами и производственными отношениями, от разрешения которого зависит развитие китайской экономики, т.е. продвижение вперед строительства социализма с китайской спецификой. В свою очередь, это строительство неразрывно связано с рыночными отношениями, в развитии и совершенствовании которых принимают активное участие самые широкие слои общества, в том числе частные предприниматели, коммерсанты, мелкие торговцы, биржевые маклеры, торговые посредники, брокеры и т.п., вот почему все они являются строителями нового Китая.

Китайские теоретики не отрицают классового характера партии, тот факт, что она представляет рабочий класс, его авангард. В то же время они указывают, что само понятие «рабочий класс» претерпело существенные изменения, его рамки значительно расширились, со-

временный промышленный рабочий класс отличается от традиционного, появились рабочие, работающие в новых отраслях производства, рабочие, «занимающиеся умственным трудом», включая интеллектуальных рабочих и управленцев, работающих в научно-техническом производстве.

В то же время в статьях, обосновывающих новый подход к теоретическим проблемам социализма, подчеркивается, что коммунистическая партия не может существовать без опоры в массах, что классовая и массовая основы партии взаимосвязаны, ибо она борется не только за интересы рабочего класса, но и за интересы всего народа. Укрепление классовой основы компартии определяется расширением ее опоры в массах. В этой связи ссылаются на «Манифест Коммунистической партии», где говорится, что в отличие от всех движений прошлого, представлявших небольшое количество людей, движение пролетариата — это движение подавляющего большинства людей, ибо у пролетариата нет отличных от них интересов. Поэтому нельзя противопоставлять так называемую классовую позицию «коренным интересам» широких народных масс. По словам Цзян Цзэминя, «важно спланировать людей всех слоев общества, которые вносят свою лепту на благо процветания и могущества»²⁴. В докладе XVI съезду КПК он говорил, что «в ходе построения социализма с китайской спецификой *коренные интересы всего китайского народа едины, и отношение различных конкретных интересов, а также внутренние противоречия можно регулировать на этой именно базе*»²⁵ (подч. нами — В.Б.). «Чтобы определить, — подчеркивал Цзян Цзэминь, — прогрессивна ли данная политическая партия и является ли она авангардом рабочего класса, надо прежде всего смотреть, марксистская ли у нее теория и программа и представляет ли она правильное направление общественного развития, *коренные интересы самых широких слоев народа*»²⁶ (подч. нами — В.Б.). Другими словами, строительство социализма дело не одного рабочего класса (с включением в него интеллигенции), но, что очень важно, и крестьянства — а также, что неоднократно подчеркивается в официальных документах, всех остальных слоев китайского общества²⁷.

Поэтому и коммунистическая партия должна быть *партией всего народа*. «Марксистская политическая партия не является классовой партией в чистом смысле этого слова, другими словами, авангард рабочего класса не может быть составлен из одних рабочих»²⁸. Социальное положение не является главным критерием: «Строить партию, исходя из идеологии, а не из состава — таков успешный, необычайно драгоценный опыт, найденный нашей партией в ходе революции и

строительства и которого она всегда придерживалась»²⁹. Китайская партийная печать пишет о том, что КПК на протяжении всей ее истории никогда не была по своему составу чисто пролетарской партией, что кроме рабочих в ней всегда были представители других социальных слоев и классов. Поэтому главным критерием при приеме в партию становится не социальное или имущественное положение, а отношение к ее идеалам, ее программе, ее политике. По словам Цзян Цзэминя, «великое и грандиозное дело строительства социализма с китайской спецификой нуждается в преданных Родине и социализму лучших представителей всех слоев общества, которые бы своим практическим делом побуждали массы сообща идти вперед. Способен ли человек сознательно бороться за осуществление линии и программы партии, отвечает ли он условиям, предъявляемым к ее членам — главный критерий для приема в партию новых членов. Самую основную часть и костяк партийных рядов составляют члены партии из среды рабочих, крестьян, интеллигенции, военнослужащих и кадровых работников. В то же время нужно вовлекать в партию и лучших представителей из других слоев общества, тех, кто признает ее программу и устав, сознательно борется за ее линию и программу, проходит длительную проверку и показывает, что отвечает требованиям, предъявляемым к членам партии»³⁰ (подч. нами — В.Б.).

В первой статье первого раздела частично исправленного Устава партии, одобренного XVI съездом КПК, написано следующее: «Достижшие восемнадцатилетнего возраста передовые элементы из китайских рабочих, крестьян, военнослужащих, интеллигентов и других социальных слоев, признающие Программу и Устав партии, желающие участвовать в одной из партийных организаций и при этом активно участвовать в ее работе и выполнять партийные решения и выплачивать в срок партийные взносы, могут подавать заявление о вступлении в Коммунистическую партию Китая»³¹.

Нельзя сказать, что новые подходы руководства КПК к изменившимся реалиям страны в результате осуществления политики реформ и открытости особенно по отношению к социальному составу партии, вызвали всеобщее одобрение в обществе. Многие члены партии на местах, часть ветеранов стали даже говорить о письме-протесте старых членов партии, в том числе некоторых бывших членов ее руководства. Аргументы противников новых подходов сводятся, в основном, к следующему — подобные нововведения являются изменой марксизму, предательством дела социализма, цель коммунистической партии — ликвидация эксплуатации и эксплуататорских элементов, однако в соответствии с новыми теоретическими и политичес-

кими установками этим элементам не только предоставляются широкие возможности для своей деятельности, но им разрешают также вступать в партию.

Китайские теоретики, разделяющие точку зрения руководства КПК, обычно ссылаются на то обстоятельство, что новые предприниматели и другие подобные слои, как правило, выходцы из рабочих, крестьян, интеллигенции, что они заработали свое состояние честным трудом. Кроме того, многие из них пришли в бизнес, уже будучи членами КПК³². В сущности говоря, в стране происходит смена курса строительства социализма и соответственно социально-экономического развития.

Программные установки XVI съезда КПК

В результате осуществления политики реформ и открытости Китай добился значительных достижений в развитии народного хозяйства. В соответствии со стратегическим замыслом Дэн Сяопина программа социалистической модернизации была разделена на три этапа или «три шага». Задача первого этапа состояла в том, чтобы увеличить валовой национальный продукт в два раза по сравнению с 1980 г., «накормить население». Эта задача была решена к 1987 году. Задача второго этапа состояла в том, чтобы к концу столетия еще в два раза увеличить валовой национальный продукт и чтобы уровень жизни населения достиг среднезажиточного уровня. Эта задача была в основном выполнена к концу 1997 года. К 2000 году было также выполнено указание Дэн Сяопина относительно достижения среднедушевого уровня в размере 800 долларов, в 2000 г. весь валовой национальный продукт был равен 1 трлн. 48,3 млрд. долларов, в расчете на душу населения — 825 долларов. В 2000 году из-за притока иностранных инвестиций валовой внутренний продукт превысил валовой национальный продукт, составив 1 трлн. 65,5 млрд. долларов, в расчете на душу населения 854 доллара³³. Он почти в три раза превзошел уровень 1989 г., увеличиваясь ежегодно в среднем на 9,3%. В итоге Китай по количественным показателям занял шестое место в мире после США, Японии, Германии, Франции и Англии³⁴. Если же учитывать все годы реформ, то он рос в среднем на 10%, что на 6,5% превышает среднегодовой мировой уровень³⁵. Валовой внутренний продукт превысил 1 трлн. долларов³⁶. По свидетельству Всемирного банка, «Китай за период жизни одного поколения добился таких успехов, которые другие государства добиваются в течение нескольких столетий»³⁷.

Согласно третьему этапу модернизации предполагается к середине XXI столетия в основном завершить модернизацию, достигнуть уровня среднеразвитых стран.

Вместе с тем в докладе на XVI съезде КПК говорилось, что средняя зажиточность, которую достигла страна, все еще находится на низком уровне, она не охватывает все население. «Противоречие между постоянно растущими материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством по-прежнему остается главным противоречием нашего общества. Производительные силы, наука, техника и образование у нас все еще сравнительно отсталые, путь индустриализации и модернизации все еще долгот<...>, бедного населения все еще немало. Общая численность населения продолжает расти, повышается удельный вес населения преклонного возраста, усиливается прессинг трудоустройства и соцобеспечения. С каждым днем становится все более ощутимым торможение социально-экономического развития со стороны экологической сферы и природных ресурсов. Мы по-прежнему перед лицом прессинга экономического, научно-технического и другого превосходства развитых стран. Все еще несовершенны экономическая и другие системы управления. В области формирования демократии и правопорядка, идейно-нравственного и другого строительства все еще есть проблемы, которые нельзя игнорировать. Для закрепления и повышения достигнутого теперь уровня средней зажиточности все еще требуются нелегкие длительные усилия»³⁸.

XVI съезд КПК определил, что первые двадцать лет XXI века — это очень важный в стратегическом отношении период, предполагается вчетверо увеличить валовой внутренний продукт по сравнению с 2000 годом, осуществить «всестороннее строительство среднезажиточного общества». Речь идет о том, что в настоящее время налицо существенный разрыв в уровне развития различных регионов Китая. Например, в Шанхае, Пекине, Шэньчжэне валовой внутренний продукт в расчете на душу населения уже достиг 3–4 тысяч долларов. В то же время в некоторых центральных и западных районах население все еще страдает от бедности, особенно это касается сельской местности. Одновременно существуют и другие проблемы: во-первых, удовлетворение культурных потребностей населения значительно отстает от удовлетворения материальных, например, недостаточен охват молодежи средним и высшим образованием; во-вторых, недостаточно развита система социального обеспечения во многих местах, прежде всего в деревне, где она попросту отсутствует; в-третьих, серьезный ущерб наносится окружающей среде, что создает угрозу здоровью людей.

Для учетверения валового внутреннего продукта ежегодный рост национальной экономики должен составлять не менее 7%, что по прогнозам китайских аналитиков вполне возможно. К 2020 году валовой внутренний продукт в стоимостном исчислении составит 4,3 трлн. американских долларов, население примерно 1 млрд. 400 млн. человек, доход в расчете на душу населения — 3000 амер. долларов³⁹.

«Всестороннее строительство среднезажиточного общества» предполагает также выполнение следующих десяти нормативов:

первый и главный — достижение в среднем на человека валового внутреннего продукта (ВВП) в 3000 амер. долларов;

второй — намеченный доход жителей городов и поселков в размере 18840 юаней (в ценах 2000 г.). В 2000 году он составлял 6280 юаней, т.е. за двадцать лет он должен вырасти в три раза;

третий — чистый доход крестьянских семей в размере 8000 юаней, в 2000 году он составлял 2253 юаня, увеличившись в 3,5 раза за последние двадцать лет, причем в последние десять лет в 1,6 раза. В течение последующих двадцати лет он должен возрасти в 3,2 раза;

четвертый — индекс Энгеля⁴⁰ должен составить меньше 40%. В 2000 г. этот индекс составлял 46%, за последние десять лет он упал на 15 пунктов. К 2010 году он должен снизиться до 40%, а к 2020 году до 35%;

пятый — жилая площадь на одного жителя городов и поселков должна составить 30 м²; в 2000 г. она составляла 19 м², в последние десять лет она увеличивалась ежегодно в среднем на 0,5 м²;

шестой — уровень урбанизации должен превысить 50%; в 2000 году он составлял 36,2%, в последние десять лет ежегодное увеличение равнялось 1%, в последующие двадцать лет он будет таким же, поэтому в 2020 году уровень урбанизации предположительно составит 56%;

седьмой — коэффициент охвата жителей компьютерами должен составить 20%. В 2000 году этот коэффициент для жителей городов и поселков составлял 9,7%, а если брать в расчет также сельскую местность, то 4,2%. В 1997–2000 гг. этот коэффициент поднялся более чем на 7%;

восьмой — увеличить прием в высшие учебные заведения более чем на 20%, при этом к 2005 г. — на 15%, а к 2020 году — на 25%;

девятый — обеспечить количество врачей в расчете 2,8 на 1000 человек. В 2000 году на каждую тысячу человек их было уже 2, что превысило мировой уровень, а в 2020 году их количество должно превысить цифру 3 человека;

десятый — добиться уровня социального обеспечения в городах и поселках на уровне 95%; в 2001 г. он достиг в среднем 71,6%, уровень 95% должен быть превышен уже в 2010 году⁴¹.

В ходе третьего этапа модернизации предполагается расширение сферы действия рыночных механизмов, дальнейшее реформирование государственных предприятий, декларируется продолжение процесса превращения их в акционерные компании, развитие смешанного сектора экономики, активное внедрение механизма конкуренции. Подчеркивая необходимость сохранения контрольных пакетов акций наиболее крупных предприятий в руках государства, китайское руководство одновременно намерено всячески, «без всяких колебаний поощрять, поддерживать и ориентировать развитие необщественного сектора экономики. Этот сектор с его индивидуальной, частной и прочими формами экономической рыночной деятельности играет существенную роль в полной мобилизации активности всех кругов общества и ускорении развития производительных сил»⁴². Общественный и необщественный сектора экономики не следует противопоставлять, они «вполне могут в процессе рыночной конкуренции развертывать свои преимущества, друг друга стимулировать и совместно развиваться»⁴³.

В области политического строительства XVI съезд КПК поставил задачу «к 2010 году создать социалистическую правовую систему с китайской спецификой». Подчеркивается необходимость учитывать достижения политической культуры в других странах мира, «но при этом ни в коем случае не копировать модели политической системы Запада»⁴⁴. Естественно, что грандиозные задачи в области экономики и политики могут быть выполнены только при условии сохранения «гармоничной и стабильной социальной среды».

Большое внимание в документах XVI съезда КПК уделено культурному строительству. Говорится о необходимости развивать передовую культуру, заимствуя лучшие мировые культурные достижения, всемерно поощрять дух творчества, последовательно осуществлять курс «расцвета ста цветов и соперничества ста школ». Главное внимание уделяется «развитию и культивированию национального духа». «Национальный дух — та духовная опора, от которой зависит существование и развитие нации. *Нация, не наделенная возвышенностью духа и благородством качеств, не может стоять среди равных наций мира*». За пять с лишним тысяч лет своего развития китайская нация выработала у себя *великий национальный дух, ядро которого составляет патриотизм и который выражается в сплоченности и единении, миролюбии, трудолюбии, мужестве и неустанном стремлении вперед*⁴⁵ (подч. нами — В. Б.).

Как пишет китайская пресса, политика реформ и открытости не только познакомила Китай с лучшими достижениями зарубежной науки и культуры, во время ее осуществления в Китай проникли

элементы прогнившей, декадентской культуры. В свою очередь, рынок наряду с большими положительными результатами принес с собой и нездоровые явления, что привело к упадку морали.

За последние двадцать с лишним лет в китайском обществе появилось многообразие экономических форм и интересов, многообразие форм общественной жизни, многообразие форм общественных организаций, многообразие форм предприятий и занятости — «четыре многообразия», как их называют в китайской печати. Все это вызвало усложнение общественных связей и умонастроений. В свою очередь, на идейно-политическую ситуацию в китайском обществе оказывают влияние и международные события: во-первых, развал социализма в Советском Союзе и странах Восточной Европы; во-вторых, экономическая глобализация и связанные с ней попытки правящих кругов капиталистических стран привнести в Китай свои политические взгляды, ценностные ориентации и культурные стандарты⁴⁶; в-третьих, использование новейших достижений в области информационной технологии, в частности интернета, для привнесения в китайское общество западных ценностей.

Вот почему «развитие и культивирование национального духа» объявлено первостепенной задачей, что означает воспитание «правильного мировоззрения», «правильных воззрений на жизнь», «правильного понимания ценностей», а это значит «возводить на пьедестал патриотизм»⁴⁷. Патриотическое воспитание становится едва ли не главным элементом идейно-политической работы компартии.

В небольшом по объему международном разделе доклада повторены известные позиции Китая по различным мировым событиям, начиная от глобализации и кончая отношениями с другими странами.

В последнем разделе доклада, посвященном партийному строительству, к членам партии и особенно руководителям предъявляется требование уметь мыслить, «показывать пример раскрепощения сознания и продвижения в ногу с эпохой, пример смелости в практических действиях и новаторской отваги»⁴⁸; подчеркивается необходимость продолжения курса на «революционирование, омоложение, интеллектуализацию и специализацию руководящих кадров партии». Развитие «социалистической рыночной экономики» выдвигает в качестве одной из важнейших задач партийное руководство предприятиями общественной формы собственности, создание на них партийных организаций.

В современном Китае существует много серьезных проблем, назовем хотя бы следующие: большое количество безработных и полубезработных, неэффективная, убыточная работа многих государственных предприятий, широкий размах коррупции, большой разрыв в уровне доходов городского и сельского населения жителей восточных, южных и западных регионов страны, определенное нарастание нравственной эрозии и социального недовольства и т.д. (о последнем свидетельствует участие миллионов китайцев в религиозном движении «Фалуньгун»).

В последние несколько лет определенная часть западных и российских исследователей, журналистов, политиков, спекулирующих на этих проблемах, делает пессимистический прогноз относительно его будущего⁴⁹. Многие суждения, содержащиеся в публикуемых ими статьях и книгах, заслуживают внимания, тем не менее развитие социально-экономической ситуации в Китае за последние двадцать пять лет дают основания для оптимизма относительно его будущего. На наш взгляд, Коммунистическая партия Китая обладает достаточным запасом прочности для решения все более сложных задач модернизации китайского общества. Это продемонстрировал и ее последний, XVI съезд. На нем произошло почти полное обновление руководящих органов ЦК, Политбюро, Постоянного Комитета Политбюро, Центральной Комиссии по проверке дисциплины. Из прежнего состава Постоянного комитета Политбюро в нем остался только один Ху Цзинтао, нынешний генеральный секретарь партии, ушла в отставку большая часть Политбюро и самого ЦК, в составе ЦК значительно увеличилось количество женщин и представителей национальных меньшинств (в обоих случаях свыше 10%). Из прежнего руководства остался один Цзян Цзэминь, он сохранил за собой главный пост в партии — председателя Центральной военной комиссии КПК, учитывая, что он одновременно — Председатель Центрального Военного Совета КНР, это означает, что он по-прежнему является главным лицом в партии и государстве. Средний возраст членов ЦК составляет теперь 55 лет. Такого массового обновления и омоложения руководящих органов не знает история мирового коммунистического движения. Это означает уверенность в незыблемости политики реформ и открытости. Фактически власть в высшем эшелоне компартии перешла к четвертому поколению китайских руководителей.

В провинциях, городах, уездах, волостях к руководству пришли люди в возрасте 40–50-ти лет. Теперь партийными и хозяйственными органами на местах и в центре руководят люди, сформировавшиеся в годы реформ, обладающие новым политическим и экономическим мышлением, хорошо разбирающиеся в реалиях рыночной экономики. Подобное обстоятельство является залогом успешного разрешения существующих в Китае трудностей и проблем.

Примечания

- 1 См.: Творцы истории. Минск, 2001. С. 229.
- 2 Цзян Цзэминь. Речь на торжественном собрании по случаю 80-й годовщины со дня создания КПК (1 июля 2001 г.). Пекин, 2001. С. 52 (на рус. яз.).
- 3 См.: Творцы истории. С. 222.
- 4 Там же.
- 5 Там же. С. 223.
- 6 Там же. С. 224–225.
- 7 Там же. С. 225.
- 8 Там же. С. 230.
- 9 Данная работа Бухарина и Преображенского представляет собой популярное изложение основ марксизма.
- 10 Творцы истории. С. 231–232.
- 11 Цзян Цзэминь. Речь на торжественном собрании по случаю 80-й годовщины со дня создания КПК (1 июля 2001 г.). С. 33 (на рус. яз.).
- 12 См.: Творцы истории. С. 227–228.
- 13 Цзян Цзэминь. Всесторонне вести строительство среднезажиточного общества и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой. Доклад на XVI Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 8 ноября 2–2 г. Пекин, 2002. С. 7 (на рус. яз.).
- 14 До выдвижения идеи «трех представительств» в идейно-политической работе партии использовался лозунг «трех акцентов»: изучение (марксизма), политике (политическом воспитании), правильном стиле (нравственном стиле поведения).
- 15 Сборник документов XVI съезда Коммунистической партии Китая. Пекин, 2002. С. 58–59 (на кит. яз.).
- 16 Цзян Цзэминь. Всесторонне вести строительство среднезажиточного общества и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой. С. 15.
- 17 Там же. С. 16–17.
- 18 См.: Руководство к изучению «трех представительств» Цзян Цзэминя. Пекин, 2001. С. 14.
- 19 Один китайский бизнесмен в беседе с автором данной статьи сказал, что Марк жил в XIX в., что с тех пор прошло много времени, изменились исторические условия и поэтому он одобряет нынешнюю теоретическую и политическую платформу КПК.
- 20 Цзян Цзэминь. Речь на торжественном собрании по случаю 80-й годовщины со дня создания КПК (1 июля 2001 г.). С. 11.
- 21 Цит. по: Руководство к изучению «трех представительств» Цзян Цзэминя. С. 164.

- 22 *Цзян Цзэминь*. Всесторонне вести строительство среднезажиточного общества и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой. С. 19–20.
- 23 *Цзян Цзэминь*. Речь на торжественном собрании по случаю 80-й годовщины со дня создания КПК (1 июля 2001 г.). С. 39.
- 24 *Цзян Цзэминь*. Всесторонне вести строительство среднезажиточного общества и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой. С. 19.
- 25 Там же. С. 20.
- 26 *Цзян Цзэминь*. Речь на торжественном собрании по случаю 80-й годовщины со дня создания КПК (1 июля 2001 г.). С. 37.
- 27 Один известный китайский экономист в беседе с российской делегацией заметил: «Недавно я перечитал 36-й том сочинений Маркса и Энгельса, в нем в основном помещены письма Маркса к Энгельсу, читаю одно письмо — в нем Маркс пишет о болезни сына и просит денег на его лечение, в другом — сообщает о своих материальных трудностях и снова просит денег и т.д. Поэтому, если бы не было капиталиста Энгельса, не было бы и революционера Маркса», — заключил китайский экономист. В этой связи отметим, что в советской и вообще марксистской литературе вопрос о социальном статусе Энгельса, источниках его дохода детально не рассматривался, его затрагивали лишь вскользь, из биографии Энгельса оставалось неясным, был ли он классическим капиталистом или человеком, жившим на проценты от отцовского наследства.
- 28 *Чжу Цзяньцин*. О классовой и массовой основе марксистской правящей партии // Данцзян. 2002. № 6. С. 10 (на кит. яз.).
- 29 Там же.
- 30 *Цзян Цзэминь*. Речь на торжественном собрании по случаю 80-й годовщины со дня создания КПК (1 июля 2001 г.). С. 39.
- 31 Сборник документов XVI съезда Коммунистической партии Китая. Пекин, 2002. С. 66 (на кит. яз.).
- 32 Автор данной статьи знаком с одним сравнительно молодым китайским бизнесменом — членом КПК (ему сейчас 43 года), который разбогател на занятиях недвижимостью. Еще десять лет тому назад он был сотрудником Института философии АОН Китая, его кандидатская диссертация была посвящена работе В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».
- 33 См.: Лекции для изучения партийными кадрами доклада на XVI съезде КПК. Пекин, 2002. С. 103–104 (на кит. яз.).
- 34 *Цзян Цзэминь*. Всесторонне вести строительство среднезажиточного общества и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой. С. 7.
- 35 См.: Руководство к изучению «трех представительств» Цзян Цзэминя. С. 42.
- 36 См.: Лекции для изучения партийными кадрами доклада на XVI съезде КПК. С. 104.
- 37 См.: Руководство к изучению «трех представительств» Цзян Цзэминя. С. 43.
- 38 *Цзян Цзэминь*. Всесторонне вести строительство среднезажиточного общества и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой. С. 23.
- 39 См.: Лекции для изучения партийными кадрами доклада на XVI съезде КПК. С. 109.
- 40 Показатель Энгеля — доля питания в потребительских расходах.
- 41 См.: Лекции для изучения партийными кадрами доклада на XVI съезде КПК. С. 109–111.

- ⁴² *Цзян Цзэминь*. Всесторонне вести строительство среднезажиточного общества и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой. С. 33.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. С. 45.
- ⁴⁵ Там же. С. 54.
- ⁴⁶ Как заметил китайский печатный орган, «экономическая глобализация — это не бесплатный обед».
- ⁴⁷ *Цзян Цзэминь*. Всесторонне вести строительство среднезажиточного общества и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой. С. 54–55.
- ⁴⁸ Там же. С. 62.
- ⁴⁹ Наиболее яркое тому подтверждение — книга Гордона Чана «Грядущий коллапс Китая», опубликованная в США в 2000 г. (См. рецензию на нее автора данной статьи в журнале: Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 1).

ЧАСТЬ III

ЗАПАДНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

В. Г. Федотова

Вызовы левым взглядам и их трансформация

Поражение социализма в СССР и восточноевропейских странах не является поражением социалистической идеи. Выход из возникшей ситуации представляется рядом ученых следующим образом: одни считают, что отвергнут лишь «реальный социализм», но социализм, освобожденный от командно-административной системы, приближаясь к культуре, гуманизму, остается актуальным учением, необходимым для критики цивилизации капитализма (В.М.Межуев); другие полагают, что «реальный социализм» достиг немалых успехов и что сегодня в России необходимо крепить классовую солидарность трудящихся против капитала, воровским образом отнявшего у трудящихся России все принадлежавшие им богатства (Б.Славин)¹. При всей яркости постановки и обсуждения авторами своих позиций вряд ли можно с ними соглашаться. Вопрос о судьбе левых взглядов нельзя решать без учета того, что западный капитализм трансформируется и переходит в новую фазу, которую разные исследователи называют по-разному — постиндустриальной, посткапиталистической, постэкономической, постсовременной (Д.Белл, А.Тоффлер, Дж.Несбит, В.Л.Иноземцев и др.).

На этом этапе перед человечеством встают серьезные проблемы. Среди них основополагающее значение имеет переход производительного труда к высокообразованным интеллектуалам, появление проблемы «неработающих рабочих» (так называемая проблема 20/80—20% населения, нужного производству, 80% ненужного, о чем писали американские ученые Дж.Рифкин, М.Кастельс, российский ученый академик Д.С.Львов). Получая свободное время, большинство не смо-

жет превратить его во время свободного развития, т.к. при новом технологическом уровне оно не вписывается в производство и в общество. Следовательно, и вторая точка зрения, считающая незыблемой структуру общества и наличие классов вряд ли может быть принята, хотя адекватное отношение Б.Славина к реальному социализму кажется мне более перспективным и с исторической точки зрения, и с точки зрения будущего.

Мир радикально меняется, как говорит английский социолог Э.Гидденс, «он убегает от нас»², меняются стили жизни, обычаи и привычки, нормы и ценности, социальные структуры, институты и профессии. Но левая идея выживает, т.к. люди хотят справедливости и равенства, и только поэтому, а не в связи со множеством надуманных предлогов. Чтобы выжить, она меняется.

В данном тексте мы хотим обсудить проблему социализма в контексте отношений свободы и равенства, рассмотреть такие вызовы левой идее как глобализация, деполитизация, размывание традиционных субъектов политики и появление новых, изменение социальной структуры.

Свобода, общественное благо и равенство

Свобода и равенство являются универсальными ценностями европейской культуры в течение более, чем двух столетий. Они принесены в нее в ходе буржуазных преобразований, буржуазных революций, несущих на своих знаменах лозунги свободы, равенства и братства. Теоретически эти изменения были представлены Гоббсом, Локком, Руссо и другими классиками новой эпохи.

За апелляцией к свободе и равенству стоят различные, часто противоположные социально-политические и философские концепции, разные представления о настоящем, разные модели будущего. Рассмотрим наиболее характерные и конкурирующие между собой концепции: неolibеральную, марксистскую и социал-демократическую.

Свобода выше равенства. Неolibеральная концепция. Группа экономистов и политических теоретиков, таких, как Ф.Хайек, Дж.Бьюкенен, М.Фридман, Т.Стинглер и др., называющие себя неolibералами, порвали с классическим либерализмом, утверждающим необходимость экономической свободы и общественного блага («богатства народов», как определял А.Смит), а также признающими значение государства в преодолении естественного состояния или войны всех против всех при ограничении деятельности государства гражданским обществом. Неolibералы исходят из представлений о

неизменности человеческой природы, которая, по их мнению, состоит в преследовании человеком собственных интересов. Такими интересами считаются экономические. Чтобы человек смог реализовать свою природу, необходимо снять все ограничения, добиться свободы.

Отличительной чертой неолиберального понимания свободы является то, что субъектом свободы может быть только индивид. Интерес же группы, общества объявляется либо манифестацией, либо суммой частных интересов. Свободе ничто не должно мешать — ни государство, ни идеи и ценности, ни религия и мораль, ни стремление к равенству, ни даже голод. Критик этой позиции К. Вадигорский цитирует одного из либералов: «Даже голод не является ни принуждением, ни насилием свободы, если это — результат нормального рынка, так как он действует на мою свободу как естественное бедствие»³. Неолибералы не признают необходимости равенства возможностей, т.к. для его обеспечения потребовалось бы вмешательство государства. Неравенство же социальных и экономических условий дает, по их мнению, не больше преимуществ, чем талант, способности, ибо рынок дает адекватную усилиям награду.

Равенство выше свободы. Марксистская концепция. Свобода трактуется как следование необходимости. Собственный интерес, собственное благо представляется частью общественного блага. Кроме того, понятие блага не самоочевидно. Объективные интересы должны быть обнаружены, разъяснены массам. Человеческая сущность представляется социальной. Источником и оправданием свободы является общее благо. Свобода принадлежит историческому процессу в целом и менее всего рассматривается как экономическая и политическая. Понятие свободы имеет метафизически-философский смысл, который политически воплощается в пролетарской революции. Диктатура пролетариата мыслилась и как его собственная свобода, и как освобождение общества от эгоистических корыстных интересов, которые насаждает капитализм. Человек представляется как существо потенциально более высокого порядка, способное следовать высоким идеальным побуждениям, и мы полагаем, что, когда общественные условия соответствуют этим стремлениям, они, действительно, одерживают верх. Марксизм считает юридическое равенство фиктивным и утверждает фактическое равенство, предполагающее уравнивание начального старта, имуществ и справедливого распределения благ в обмен на труд и иногда на минимизацию экономических притязаний. Общественная собственность на орудия и средства производства не позволяет допустить неравенства, которое основано на чем-нибудь, кроме трудового вклада.

Свобода и равенство совместимы. Социал-демократическая позиция. Свобода и равенство находятся в отношениях противоречия и даже конфликта: равенство предполагает определенные границы для свободы, свобода же, в свою очередь, разрушает равенство. Однако нет такого общества, где была бы реализована только идея свободы или только идея равенства.

Можно видеть две границы свободы: анархия и ограничение свободы в интересах уравнительности. Имеются также две границы равенства: неравенство естественного состояния и уравнительность. Анархия губительна для свободы. Поскольку одни люди начинают подчиняться другим в целях выживания, и, таким образом, у свободы быстро появляется антитеза в виде принуждения и насилия. Аналогично обстоит дело с уравнительностью. Последняя как раз не представляет равных шансов для каждого члена общества. Одаренные, талантливые вынуждены находиться в условиях неравной свободы и подчиняться средней мере.

Социал-демократия не отказывалась от социалистической идеи, но осуществляла свои программы исходя из конкретных условий рыночного хозяйства, политической демократии и социальных интересов. Выдвигаемые социал-демократией концепции включали в себя такие общечеловеческие ценности, как свобода, справедливость и солидарность⁴. Социал-демократия реализовывала задачи социального государства, солидарного общества, личной свободы, пыталась найти равновесие между свободой и равенством. Реформистская практика социалистов удовлетворяла социальным требованиям слоев, заинтересованным в высокоэффективном труде и высоком уровне жизни, а также тех слоев, которые были неспособны в силу разных причин включиться в сферу экономики. Социал-демократия совершенствовала свои программы действия в соответствии с основными постулатами социалистического идеала свободы и равенства, признавая при этом его практическую недостижимость в качестве состояния общества, но всегдашнюю регулятивную цель.

Было ли советское государство социальным и что с ним случилось?

За последние пятнадцать лет Россия претерпела столь радикальные изменения, что ее коммунистическое прошлое кажется едва ли не доисторическим даже тем, кто прожил в нем большую часть своей сознательной жизни. Однако *проблема социального государства начала свой старт именно в советском социалистическом обществе. Социальное государство коммунистических стран не было демократическим.*

Оно принимало тоталитарные, авторитарные или патерналистские формы в зависимости от остроты внутренней и внешней ситуации. Поскольку в России шла модернизация «сверху», государство выступало как главный фактор мобилизации масс для осуществления целей развития, и его жесткость была пропорциональна степени ускорения развития и сопротивления осуществлению из-за жертв и страданий, которые при этом приходилось переносить.

Несмотря на это *в социальном государстве этого типа был заложен тот принцип солидарности, который сегодня всецело приписывается демократическому социальному государству, возникшему на Западе в период позднего индустриализма.* Солидарность предполагала справедливое распределение, сходные для всех условия жизни, стремление к их улучшению, социальные услуги государства и его значимость в поддержании таких общественных секторов, как образование, здравоохранение, жилищное строительство, развитие средств коммуникации и связи. Государство включало в свою политику заботу о нравственном и культурном развитии граждан, полагая справедливой унифицированную систему среднего школьного образования, единые стандарты квалификации, равное представительство различных социальных групп и слоев населения в общественных и властных органах. В стране непройденного Просвещения государство было патерналистским не только в политическом смысле (не доверявшим политической воле граждан), но и в культурном, обеспечивая представления о цивилизационном стандарте как для общества в целом, так и для каждого из его граждан. Наряду с принципом солидарности здесь применялся и принцип субсидиарности — защиты наиболее уязвимых слоев населения. Субсидиарность проявлялась в защите населения от непосильного бремени оплаты большинства предлагаемых услуг. Образование, здравоохранение были бесплатными потому, что государство брало на себя основную часть расходов в этих сферах. Жилье было дешевым потому, что государство доплачивало за него из бюджетных средств.

Такая форма государства стала возможной на почве культуры, в которой идея справедливости и равенства имела первостепенное значение, настолько определяющее, что русский мыслитель XIX в. Н.А.Данилевский говорил, что в случае формирования славянского культурно-исторического типа его вкладом в человеческое сообщество может стать развитие и воплощение идеи справедливости. Советское социалистическое государство изобрело систему справедливости, которая не во всем отвечала своей сущности, но была одним из способов решения этого вопроса. Сегодня нельзя забывать, что

западные социальные программы возникали в условиях противостояния двух систем и представляли собой в существенной мере выученные в условиях политической свободы уроки социализма.

В период перестройки была предпринята попытка демократизации советского социального государства, не завершившаяся по причине все большей радикализации масс и использования этого настроения радикальными либералами, за десять лет уничтожившими социальное государство в России.

Что предложили радикальные либералы вместо социального государства?

В ходе навязывания обществу либерального фундаментализма принцип солидарности был не только разрушен, но и осмеян. Осмеян также и принцип российского коллективизма, который, по определению английского историка А. Тойнби, явился ответом на вызов суровой природы: вегетационный период настолько мал (80–90 дней), что люди могли обрабатывать землю только путем совместных усилий. Были отброшены достижения индустриализации (без перехода к постиндустриальному обществу) путем натурализации хозяйства и демодернизации. Это — очень существенный пункт, объясняющий, почему либералами отрицалось социальное государство: эпоха индустриализма закончилась и исчезло присущее ей государство. Либералы отрицали ту общую природу капитализма и социализма, которую философ русского послеоктябрьского зарубежья Б. П. Вышеславцев определил как уже отмеченную выше «мобилизацию масс для индустриализации». Непонимание исторической связи капитализма и коммунизма превратилось в идеологический инструмент демонизации коммунизма и направления как идеологических, так и практически-политических усилий исключительно на его уничтожение.

Если прежде социализм строился как антикапитализм, то в 90-ые российский капитализм строился как антисоциализм. Свобода была истолкована как анархический порядок, расщепивший коллективизм до уровня негативных индивидов, не являющихся автономными и противостоящими государству. Эти люди (порядка 50 млн. чел.) поддерживали Б. Ельцина только за то, что могли не иметь дело с государством, отрицали самую возможность солидарности с ним и перешли в своем выживании к самопомощи и кооперации, с одной стороны, к эгоистическому сговору, коррупции и криминалу — с другой.

Если бы разрыв с социализмом не был столь радикальным, а апелляция к западным ценностям не была бы столь мнимой (отрицающей социальное государство западных социал-демократий и прин-

цип справедливости западного либерализма), может быть, люди были бы более цивилизованными в своем обогащении и в своем выживании, чем это случилось.

Сегодня Запад потерял интерес к России, поскольку процессы в России удовлетворили его, как и часть российской «демократической» общественности распадом коммунизма, хотя и не получили ожидаемого продолжения в направлении адекватного формирования развитой рыночной экономики и институционализированной демократии. В этой обстановке научное объяснение легко вытесняется предвзятым мнением, идеологическими и обыденными стереотипами, которые и предъявили те, кто был удовлетворен ситуацией. Фиктивная самоочевидность, ведущая к бесконечной уверенности, может помешать пониманию реальных перспектив и опасностей. Можно сказать, что российские и западные ученые и политики ошиблись в своей восторженной оценке российских перспектив применения радикального неолиберализма при формировании программ социального развития.

Наш капитализм оказался автохтонным, местным, «диким», вернувшим архаичные формы обогащения. Можно ли было у нас стать богатым, получая зарплату за честный и профессиональный труд? Нет, только все виды нетрудовой, по существу антикапиталистической (по отношению к цивилизованному капитализму) деятельности получили воплощение. Либеральная опора на автономного и ответственного индивида была подменена опорой на отщепившегося от коллектива негативного индивида, к тому же обладающего безмерной жадностью и отсутствием экономической рациональности.

Сегодня способ перехода Восточной Европы в целом от коммунизма к капитализму оценивается большинством западных и российских независимых экспертов, независимых хотя бы в том смысле, что они не участвовали в дележе собственности, как наихудший из возможных.

Как уже было показано выше, апелляция к самоочевидностям, способствующим закреплению радикально либерального понимания государства как выгодного правящему классу и самоочевидного лишь для него, требует от ученых «разоблачения» этих самоочевидностей и обращения к опыту реального Запада, а не его идеализированному и трансформированному образу, который был использован.

Социальное государство и гражданское общество на Западе

Не будем останавливаться на концепции справедливости в неолиберализме, теоретически представленной именами Дж.Ролза, Р.Дворкина, У.Кимлики, Ч.Тейлора и др. и практически воплощен-

ной в систему социальной помощи, страхования, аффирмативных (поддерживающих) акций в отношении меньшинств, бедных, больных и других уязвимых социальных групп, поскольку темой является не социальная поддержка или политика социальной поддержки населения, а проблема демократического социального государства, задачи которого существенно шире. Однако известно мнение о том, что последовательное применение теории справедливости Ролза стирает грань между социальным государством на Западе и социалистическим государством, что подтверждает жизненность социалистической идеи и ее влияние на социальные проекты западных государств.

Демократическое социальное государство представляет собой исторически определенный тип государства, реализованный западными социал-демократиями в индустриальную эпоху для поддержания классового мира, социальной солидарности и взаимной ответственности государства, бизнеса, профсоюзов и гражданского общества за благополучие, достоинство, процветание граждан и развитие социальных сфер.

Общий концепт западной демократии предполагает наличие ограничений в деятельности государства, идущих от общества. Общество, способное быть самостоятельным субъектом деятельности и благодаря этому осуществлять контроль над государством, называется гражданским. Оно является самоорганизованным, структурированным, имеющим механизмы представительства и контроля над государством со стороны негосударственной сферы, политических партий, предпринимательских групп, профсоюзов и других неправительственных организаций, общественных движений, правозащитных групп и т.д.

Сегодня функции гражданского общества и даже самое понимание его сути шире, чем представление об обществе, способном поставить под контроль государство. По мере отхода социал-демократий Запада от кейнсианских трактовок роли государства в экономике, гражданское общество одновременно стало рассматриваться как общество, саморганизованное и институционализированное таким образом, чтобы сдерживать не только государство, но и рынок, не давать всему обществу быть подверженным логике рыночной прибыли. Рыночная экономика и демократическое государство функционируют при цивилизующем влиянии гражданских ассоциаций и неправительственных организаций. В США эта позиция начала устанавливаться в 80-ые годы. Под гражданским обществом понималось общество, способное поставить под контроль государство. В отношении бизнеса признанной считалась формула: «Что хорошо для

«Дженерал Моторз», хорошо для Америки». Р.Найдер, баллотировавшийся в президенты США на последних выборах, существенно повлиял на изменение ситуации и концепции гражданского общества. Он потребовал общественного контроля над бизнесом, организовал юридическую службу, разбирающую иски граждан против бизнеса, которая успешно работает. Теперь в США люди уверены в том, что «не все, что хорошо для «Дженерал Моторз», хорошо для Америки». Гражданское общество стало трактоваться как общество, способное поставить под контроль государство и бизнес. Сегодня это — ключевая формула реформируемого в условиях глобализации демократического социального государства, снимающая традиционное левое и традиционно правое представление о роли государства в экономике, возлагающая на государство арбитражные и цивилизующие функции, а на гражданское общество — контроль за бизнесом и государством. Разумеется, *для таких провозглашений надо быть уверенным в зрелости гражданского общества*, его ценностей и институтов, что для России было бы преждевременным. Общая формула взаимоотношений общества и государства, представленная в концепции гражданского общества, в демократическом социальном государстве Запада принимает специфический вид.

Все задачи демократического социального государства на Западе решались посредством институционализации социального контракта между государством и гражданским обществом, а конкретно — между государством, работодателями, профсоюзами и общественными ассоциациями и неправительственными организациями. Эти отношения построены на принципе солидарности, дополняемом, в случае необходимости, субсидиарным подходом. Основой достижения солидарности государства и других социальных сфер является компромисс, т.е. способность всех участников социального контракта жертвовать частью своих интересов для рационального достижения их базовой части, а также для достижения общественного блага, понимаемого как экономический рост, улучшение благосостояния всех граждан, социальная справедливость, социальное участие, благоприятная моральная атмосфера, культурное и духовное развитие, поддержание демократических и гуманистических ценностей, развитие прав и свобод.

Государство жертвует своим всевластием, поскольку сознательно берет на себя ответственность за состояние общества и желает разделить бремя этой ответственности с работодателями, профсоюзами и общественными организациями. Работодатели соглашаются поддерживать принцип обеспечения полной или приближающейся к этому занятости в обмен на уменьшения требований профсоюзов непрерывно

повышать заработную плату. Профсоюзы смягчают это требование ради обеспечения полной занятости. Общественные организации смягчают критику правительства и высказывают солидарность с его политикой ради достижения общего блага. Государство сотрудничает с ними ради уменьшения бремени собственной ответственности⁵.

Благодаря этой политике демократические социальные государства индустриального Запада превратили рыночную экономику в *социальную рыночную экономику*. Кроме того, эти государства сыграли огромную роль в консолидации демократии и сплочении общества. Эти государства обеспечили проведение эффективного курса на социальную справедливость посредством прогрессивного налога и его перераспределения. Особенно эффективной эта политика была в Скандинавских странах, достигших высочайшего жизненного уровня. Высокие налоги, взимаемые с большого бизнеса, стали основой социальной помощи и социальных услуг, обеспечили систему социального страхования и развития общественных секторов. Бизнес шел на эти условия, имея солидарность с обществом и следуя как патриотической настроенности, так и экономической рациональности. Солидарность определялась социальным государством так же, как борьба за права человека, за равенство полов. Социальное государство брало на себя ответственность за рынок как институт инноваций, существующий наряду с другими подобными институтами — наукой, образованием, как, собственно, и понимался рынок классиками либерализма, такими, как Ф.Хайек. Для этого государство брало на себя функцию обеспечения свободы предпринимательства не только от государства, но и от монополий, теневых и криминальных структур, подавляющих эту свободу.

Вызовы левой идее в сегодняшнем мире

Одним из таких вызовов является *глобализация*. Хотя она осуществляется на западных началах, и такой ее ход нужно и можно критиковать, уклониться от прорыва в глобальную экономику для России сегодня означало бы отстать навсегда.

Как отмечалось в Парижской Декларации XXI Конгресса Социалистического интернационала (Париж, 1999), социальные проблемы должны решаться политическим путем, путем политики ответственного отношения государства к развитию таких социальных секторов, как образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение, охрана детства и юности. К сфере политической ответственности государства Декларация относит также обеспечение государством фун-

кционирования таких общественных секторов, как энергетика, коммуникации, телевидение, сохранение окружающей среды, стремление обеспечить новый и справедливый мировой порядок, заботу о духовном и социальном здоровье общества.

Основной вопрос для западной социал-демократии, которой принадлежит идея и практика социального государства, состоит в том, возможно ли удержать социальное государство в связи с переходом общества из индустриальной фазы развития в информационную, постиндустриальную, а также в связи с процессом глобализации. Сегодня демократическое социальное государство Запада оказалось перед этими вызовами, а также перед вызовом европейской интеграции. Суть проблемы состоит, во-первых, в том, что технологические инновации, переход к «новой» (основанной на знании и «информации») экономике не позволяют государству достигнуть консенсуса с профсоюзами и работодателями относительно полной занятости тех людей, чья квалификация не соответствует новым требованиям (и таких людей будет становиться все больше и больше). Прежде демократическое социальное государство Запада справлялось с этой задачей. Во-вторых, государство не может теперь удержать капитал в национальных границах, а также не в состоянии протектировать собственной экономике в должной мере. В этом — суть глобальной экономики. Еще недавно (в Ганноверской декларации немецких социал-демократов) такие усилия утверждались как обязательные, но сегодня бизнес уходит туда, где выгодно, где меньше налоги. Уже сейчас зарегистрированные на рынке Финляндии компании на 50% принадлежат иностранцам, в том числе и в тех отраслях, которые раньше являлись принадлежащими государственному сектору. Товары пересекают границу с низким налогом, а капиталы практически не облагаются им. Исчезла налоговая база социальной политики, позволявшая осуществить справедливое перераспределение доходов в социальную сферу.

Таким образом, невозможность обеспечить полную занятость и исчезновение налоговой базы делает проблему социального государства на Западе очень острой. Существуют попытки усилить его функции и сохранить старые принципы. Но победила линия модернизации социального демократического государства, представленная в концепции и политике Блэра, Шредера, Жоспена⁶. Запад не собирается отказываться от идеи социального государства, но сутью его модернизации является признание рынка и защита нерыночных социальных сфер, для чего государство усиливается, равно как усиливается гражданское общество. Государство усиливается не в сфере рынка,

а, как говорит Э.Гидденс, выше и ниже рынка⁷. Ниже рынка — это в сфере охраны природы, экологии. Выше рынка — это в области культуры, образования, духовной жизни.

Принцип солидарности в условиях глобализации в чистом виде провести невозможно. Его заменяет на Западе принцип взаимной ответственности государства и общества. Это означает, что люди будут нести большее финансовое бремя, *но государство гарантирует защиту ряда социальных сфер от произвола рынка*. Такова модель модернизированного демократического социального государства в постиндустриальном обществе, модель, построенная социологом Э.Гидденсом, который и полагает, что технологическим инновациям должен предшествовать и соответствовать свой уровень социальных инноваций.

*Стратегическая цель новой социальной политики в России сегодня определяется как переход к устойчивому социальному развитию через взаимную ответственность государства и человека*⁸. Ясно, что эта формулировка отличается даже от самой радикальной трактовки модернизированного социального государства Запада — английского премьер-министра Т.Блэра, в которой утверждается взаимная ответственность государства, общества и индивида, дополняемое отсутствующими у нас требованиями ответственного капитализма, достижения общественного блага, новых форм социального контроля, восстановления в правах понятия социального равенства, обеспечения не только устойчивого, но и прогрессивного развития. Российский (грефовский) «вариант», смягчающий позиции лишь самых бедных, в отношении которых государство намерено быть в какой-то мере субсидиарным, в отношении остальных предполагает лишь превентивные меры, которые бы предупреждали безработицу и смягчали последствия массовых увольнений.

Откуда в России взялась проблема неполной занятости, взаимной ответственности? Как уже было показано, они возникли на Западе в связи с переходом в постиндустриальное общество и глобализацией. Россия не вступила в эту фазу развития, сектор новой экономики здесь не является преобладающим. Она не реагирует и на глобализацию как новый тип социальной трансформации. Находясь в фазе индустриального развития, она вместе с тем, не может сегодня ставить вопрос о том, чтобы догнать постиндустриальный Запад, а тем более о догоняющих моделях модернизации в политике.

Более адекватной формой российского государства может быть не модернизированное социальное государство постиндустриального периода, а социальное демократическое государство эпохи индустриализма, описанное в предыдущем параграфе, государство, на формирование

которого оказал влияние российский социалистический опыт. Нам необходим социальный консенсус, ограничивающий бегство капитала, поскольку страна не вступила и в фазу активного участия в глобальной экономике. Россия не может перейти к модернизированной схеме социального государства английского типа, поскольку в ней не построено гражданское общество, нет ответственного и готового заместить государство в социальных проектах бизнеса, нет условий для самоответственности граждан и даже для нормальной оплаты профессионального труда, позволившей бы провести намеченные реформы жилищно-коммунальной сферы, образования и здравоохранения.

Страна нуждается в разработке функций социального государства и создании блока социальных программ, которые бы удовлетворяли потребность населения в справедливости и возможности зарабатывать по труду. Существующие политические разногласия, неконсолидированность демократии подчеркивают необходимость солидарности, а не взаимной ответственности человека, которому негде заработать на профессиональной основе, и государства, которое ни за что не хочет отвечать.

Судя по всему, на сегодняшней фазе развития идеи социального демократического государства в России, его модель списывается с модернизированного социального государства Блэра, хотя для этого в России нет ни малейших оснований. Английский вариант трансформации социального государства с трудом проходит в Германии (министр финансов Лафонтен подал в отставку, считая ее неприемлемой, Шредер победил на выборах с немалыми трудностями), не воспринимается как приемлемая в других странах. В России, в которой недофинансированный научный сектор не может перевести страну на постиндустриальные рельсы, где нет дорог, где покупка квартир недоступна среднему классу, не говоря уже о бедных слоях населения, откуда эта идея о самоответственности граждан за свою судьбу, а не о соответствующей нынешней фазе развития страны необходимости социального государства? Говоря словами одного из специалистов по проблеме социального государства, в России осуществляются «льготы вверх ногами», т.е. поддержка богатых (например, 13% налог, а также гарантированное закрепление ранее приобретенных социальных и материальных преимуществ). Классовая сущность такого государства бросается в глаза. Игнорируется проблема социальной ответственности верхнего слоя. Вот в чем вся драма переживаемого момента.

Классовая борьба завершается борьбой политической. Определение сущности политического дал К.Шмитт — известный немецкий политолог. Он полагал, что специфика этого рода деятельности мо-

жет быть определена путем обозначения той главной проблемы, которую решает политика. Эта проблема характеризуется Шмиттом по аналогии с тем, что представляет собой эстетическое, этическое, экономическое. Эстетическое решает вопрос о соотношении прекрасного и безобразного, этическое — добра и зла, экономическое — пригодного и непригодного, рентабельного и нерентабельного. «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы — это различие *друга и врага*»⁹. Несмотря на то, что работа Шмитта написана в 1927 г., он, как никто другой, сумел не только сформулировать сущность политического столь необычным образом, но и высказаться о событиях, которые происходят сегодня. Так, он писал, как бы подтверждая из прошлого, политический характер террористической атаки на Всемирный торговый центр: «Реальное разделение на группы друзей и врагов бытийственно столь сильно и имеет столь определяющее значение, что неполитическая противоположность в тот самый момент, когда она вызывает такое группирование, отставляет на задний план свои предшествующие критерии и мотивы: «чисто» религиозные, «чисто» хозяйственные, «чисто» культурные и оказывается в подчинении у совершенно новых<...> условий и выводов отныне уже политической ситуации»¹⁰.

Дав указанное определение политического, Шмитт не отбросил значение государства как основного агента политики и не отверг связь политического с деятельностью государства. Он просто объяснил причины такого положения дел: политическое автоматически не вытекает из отношения к власти, к государству, а напротив, государство обретает вес и главенство из-за своей политической природы — способности поддержать единство среди друзей, в том числе и прежде всего внутреннее единство и противостояние врагам. Государство — главный политический актор, но приведенное определение политического предполагает возможность и других. Вестфальская система национальных государств, просуществовавшая триста лет, сегодня в условиях глобализации ослабевает. Сегодня встречаются всплески массовых движений, бунты, терроризм, превращающиеся в войну нелегитимных политических игроков, но классовые движения ослабли.

Западные ученые находят много причин трансформации классов, сформировавшихся в индустриальном обществе, в современную эпоху. Это и постсовременные тенденции, окончание эпохи индустриализма¹¹, и исчезновение условий для существования классов в связи с исторически конкретным периодом их жизни и борьбы, с заменой концепции класса на индустриальном Западе понятием «гражданин», а в глобализирующемся мире понятием «человек»¹², измене-

нием социальных структур¹³, изменением идентичности¹⁴. Известный немецкий социолог У.Бек связывает падение значимости понятия класс с тем, что глобализация, экология превратили общества в общества риска: «Человек рождался уже принадлежащим к определенному классу. Это определяло его судьбу<...>. Ситуации риска, напротив, несут в себе другую опасность. В них нет ничего само собой разумеющегося<...>. Такого рода подверженность опасности не вызывает социальной сплоченности, которая ощущалась бы как пострадавшими, так и другими людьми. Не появляется ничего, что могло бы сплотить их в социальный слой, группу или класс<...>. В классовом обществе бытие определяет сознание, а в обществе риска сознание<...> определяет бытие¹⁵. Именно так и ведут себя люди в России. Манипуляция сознанием как составная часть глобализации или победы либерализма в глобальном масштабе сначала на этапе слома социализма политизировала их, а затем деполитизировала, представив социальные процессы как квазиприродные, точно так, как в вышеприведенной цитате неолиберал попытался представить голод. Попытка перенять социальные идеи Запада в России происходит без понимания глубоких различий в уровне развития, которые требуют здесь соблюдения ст. 7 Конституции РФ, утверждающей социальное государство, о чем я писала ранее¹⁶.

Глобализация, деполитизация и уменьшение значимости классов нанесли серьезный удар по социалистической идее, поставив социал-демократии перед серьезными трудностями¹⁷. Поэтому принципиально важен сегодня тезис о единстве общедемократических и социалистических задач¹⁸. Однако, вопреки мнению о кризисе левой идеи, можно видеть приход левых к власти в Западной Европе, но левых новых, отреагировавших на новые вызовы.

Сегодня многие западные страны выбирают «третий путь» развития. Канцлер ФРГ К.Шредер называет его серединным. В этом выборе предлагается новая трактовка модернизации и попытка преодолеть противостояние левых и правых сил.

На какие вызовы Западу отвечает концепция и политика третьего пути?

Третий путь реализуется в ряде случаев на основе теоретического проекта. Примером этого может служить теоретическая деятельность Э.Гиденса, известного британского социолога, директора Лондонской школы экономики и политики. Он подготовил своими исследованиями переход Т.Блера к новому лейборизму и третьему пути.

Концепция третьего пути явилась ответом Запада на глобализацию, формирование мирового рынка, информационной открытости и функционированием этого рынка в электронной форме.

Дискуссии по проблемам глобализации оказались определяющими для формирования концепции третьего пути. Оценивая их, Э.Гидденс выделяет среди их участников *скептиков* и *радикалов*¹⁹. Первые не согласны с тем, что глобализация представляет собой нечто принципиально новое, считают, что термин «глобализация» мистифицирует имевшиеся и прежде тенденции роста мировой экономики. Радикалы констатируют наличие совершенно нового процесса, глобализацию свободного рынка, несводимость глобализации к экономике и превращение ее в новый мегатренд — главенствующую тенденцию развития всего мира, воздействующую на общество, государство, жизнь людей. Важно то, что скептики и радикалы представляют взгляды, выражающие позиции левых и правых. Скептики всегда слева. Радикалы являются правыми. Э.Гидденс называет себя радикалом, отмечая тем самым точку в правой части политического спектра, которую он занимает благодаря своему выбору. Одновременно он обозначает и свои позиции слева. Однако решительное заявление относительно радикализма делает концепцию третьего пути уязвимым для критики, и такая критика, действительно, существует. Это — критика, обвиняющая сторонников третьего пути в предательстве левой идеи и в переходе на правые позиции²⁰.

Место Гидденса на правом фланге определяется тем, что он считает невозможным игнорировать свершившийся факт глобализации и вызовов, которые она бросает самому Западу. Именно о полезности третьего пути *для Запада, а особенно для англосаксонского мира*, идет речь. Перспективность этой модели для континентальной Европы, для других стран мира также впоследствии стала предметом дискуссии. Реакция на вызовы глобализации Западу и привела к появлению новых лейбористов и других сторонников третьего пути. Новое в их левой позиции состоит в том, что они считают невозможным отказаться от новой модернизации — перехода к обществу с всемирным открытым и электронным рынком, но предлагают совокупность принципов и политических мер, которые могут скорректировать и гуманизировать этот процесс как в его воздействии на отдельные западные общества, Запад в целом, так и, в конечном итоге, на мир в целом.

При оценке отношения Гидденса к глобализации представляется полезным выделить еще одну линию реакции на глобализацию. В литературе она называется трансформационалистской²¹. Лично я отнесла бы себя к этой линии. Трансформационалисты — это те, кто

считает глобализацию новым типом социальной трансформации, но воспринимают ее как незавершенную и способную изменить свой характер как под влиянием объективных обстоятельств, нелинейности современных социальных процессов, так и вследствие политики, направленной на преодоление ее недостатков. Трансформационалист не может сказать, что глобализации нет, что она насаждается или является чистым инструментом западной гегемонии. Для него она есть, причем как объективное явление, итог пятисотлетнего возвышения Запада и модернизации как ответа остального мира на этот процесс. Но он не может сказать и того, что глобализация навсегда будет такой, какой является сейчас. В итоге мы видим, что на деле Гидденс — *трансформационалист*, а не радикал. Он объявляет себя радикалом только для того, чтобы отойти от старых левых, заняв позицию на правом фланге, которая определяет и его место на левом — центристскую позицию. Центризм не кажется Гидденсу ни пораженчеством, ни оборончеством. Он соответствует, по его мнению, объективной логике сегодняшних социальных процессов, о чем будет идти речь ниже.

С какими же вызовами глобализации столкнулся Запад, положение которого в глобальном свободном рынке является безусловно лидирующим (по данным академика Д.С.Львова 15% населения — «золотой миллиард» производит 85% мирового продукта). По многим другим показателям глобализация лишь улучшила положение Запада, сделала его регионом, выигравшим от глобализации, в особенности успешным в сравнении с теми, кто проиграл.

До 11 сентября Запад не представлял в должной мере, с какими внешними вызовами он столкнется. Вот как писал в 2001 году, но до 11 сентября, один из сторонников третьего пути: «Отсутствие альтернативы западной политической модели устраняет внешние угрозы (для Запада. — В.Ф.), но увеличивает внутренние»²². Аргументы, на основании которых отрицались внешние угрозы, были весьма убедительны: в 1790 году было две-три демократических системы; в 1920 — десяток несовершенных демократий; в 1950 — двадцать стран стремились стать демократиями, не особенно задумываясь о ее качестве; в 1999 — «этикетка» демократии потребовалась большинству человечества, за исключением некоторых стран. К этому тогда (до террористических актов в Нью-Йорке) можно было бы добавить, что антиглобалистские движения являются разрозненными и слабыми, не имеющими единой цели. Их протест носит скорее этический характер и не дает альтернативу глобальной экономике и глобальному миропорядку. Альтернатива, предлагаемая единственной системной оп-

позицией — исламскими радикалами — не является перспективной ни для человечества, ни для самого исламского мира, хотя, как стало ясно впоследствии, именно она сделала внешние угрозы соизмеримыми с внутренними. Но сторонники третьего пути не задумывались о них и рассуждали только о внутренних угрозах Западу, к которым были отнесены коренные изменения в мире²³.

Для сторонников третьего пути переход в новое состояние, в целом охватываемый термином «глобализация», предстает как переход *в новую современность*. Классическая модернизация представляла собой переход от традиционного общества (с присущим ему господством традиции над инновацией, религиозностью, коллективизмом, доиндустриальным развитием, ценностной рациональностью и т.д.) к современному (где инновация преобладает над традицией, имеется светское объяснение и оправдание жизни, появляется автономный индивид, затем индустриальное производство, целерациональность и т.д.). Э.Гидденс и другие сторонники третьего пути считают, что современное общество, ядром которого стала индустриализация, распространившаяся во многие незападные страны, *может быть названо сегодня традиционным в сравнении с тем обществом, которое создается глобализацией и которое уже сегодня характеризуется глобальным рынком и описанными выше чертами*. Концепция третьего пути является новым *прогрессизмом*. Так она была названа в основных документах сторонников третьего пути²⁴. В этих документах лидеры США, Англии и Германии ставят перед своими странами цель продолжения прогрессивного развития, которое в условиях глобализации принимает новый вид — освоение глобальной экономики и решение тех внутренних задач, которые вытекают из новой ситуации неподчинения глобального рынка ни государствам, ни системе государств, ни наднациональным органам. Подобно тому, как либеральные реформы в отдельных странах были частью их модернизации, *глобальная либерализация рынка считается необходимой составной частью новой модернизации*. Концепция третьего пути предполагает возможным соединить социальную солидарности с глобальной динамичной экономикой. Отчасти страны, вставшие на этот путь, намерены исправить эксцессы мирового рынка политикой, проводимой в своих странах. Но главная цель последней — обеспечить прогресс своих стран.

Новые прогрессисты провозгласили начало новой фазы модернизации Запада как перехода к глобальному свободному рынку и строящемуся на этой основе новому обществу. *Таким образом сторонниками третьего пути явились те левые силы на Западе, которые не стали отрицать реальность глобализации как нового вызова, приняли*

требование участия в глобальном свободном рынке как следствии их собственного развития, но попытались совместить это с социальной политикой, адекватной новым условиям.

В чем состоит концепция и политика третьего пути?

Б.Клинтон в конце 90-х характеризовал свой курс как «третий путь». Т.Блэр пришел к власти под лозунгом третьего пути. Варианты такого развития появились и в континентальной Европе.

Использование этого варианта развития западными странами можно представить как новый этап политической модернизации. Не существует общезападной модели третьего пути, и даже при согласии на подобное развитие между Т.Блэром, Л.Жоспэном и К.Шредером существуют разногласия и даже противоречия. Легче всего эксплицируется англо-американская модель «третьего пути». Попытки ее применения в других странах требуют учета исторических и культурных особенностей, специфики момента и учета задач той или иной страны. Сегодня можно найти множество «третьих путей», вытекающих из базовой модели или эмпирически найденных различными странами. *Базовая модель «третьего пути» включает реформу государства, превращение его в социальное государство в особом, новом смысле, рост влияния гражданского общества, новые формы социального контроля, связывающие права с ответственностью, переход к ответственному капитализму, «восстановление в правах» понятий общественного блага и социального равенства, сочетание индивидуализма и коммунизма, пересмотр концепции социальной помощи, новое отношение к проблеме занятости, учет нестабильности экосистемы, обеспечение устойчивого экологически безопасного развития, создание условий для раскрытия человеческого потенциала, признание важности социального и человеческого капитала, формирование способности жить в глобальном мире, т.е. ощущать ответственность за мир в целом.*

Учет социальных сдвигов последнего времени, новых социальных процессов, таких, как распад коммунизма, глобализация, технологическая революция, увеличение рисков лишает концепцию третьего пути той абстрактности, которая присуща политическим программам различных партий, декларирующих намерения. Модель третьего пути становится более специфической, конкретно реагирующей на те проблемы, способы решения которых левыми социал-демократиями и правыми либералами не признаются адекватными.

Обратимся к базовой разработке третьего пути в трудах Гидденса.

Итак, мы уже видели, что отрицание глобального рынка левыми и его воспевание правыми, по мнению сторонников третьего пути, не соответствует задачам момента: национальные государства не могут регулировать глобальный рынок, а его полная дерегуляция увеличивает риски, непредсказуемые катастрофы. Переходя в духе времени к логике и/и вместо или/или, Гидденс предлагает структурный плюрализм, включающий взаимодействие этих и других социальных институтов — гражданского общества, демократии, которые не дают государству обюрократиться, как это произошло при крайне левой коммунистической позиции, и не дают ему стать статичным, зависимым и неактивным, что часто сопутствует либеральным режимам. Тут нельзя удержаться от замечания, что наши неолибералы, они же — бывшие коммунисты, в нынешней России совместили и первый, и второй недостаток. На государство в концепции третьего пути возлагается серьезная ответственность. Государство имеет огромные задачи по цивилизации общества, по становлению публичной сферы. Государству следует приспособиться к уменьшению своей роли в мировой экономике. Государство, с другой стороны, имеет возрастающую роль в установлении социальных и цивилизационных рамок, зависящих сегодня преимущественно от рынка. Оно должно заботиться об уменьшении налогов, экономическом процветании и социальном порядке. Государство должно опираться на публичные институты, которые могут получить приоритеты в решении многих задач. К числу таких институтов, которые приводятся в качестве образца, принадлежит почтовая служба Англии. Государство должно самореформироваться для достижения общественного блага, преодолеть апатию избирателей и завоевать их доверие. Государство должно взять на себя функции повышения стандарта образования. Оно должно исходить из того, что существующей демократии недостаточно и поощрять общественное самоуправление, формировать образы приемлемого политического правления, выступая против коррупции, nepотизма.

Государство должно быть инициатором демократизации второй волны, необходимость которой вызвана глобализацией. Помимо роста непосредственной демократии в обществе, оно должно быть инициатором демократизации надгосударственных объединений, таких, например, как ЕС.

Поощрение институтов гражданского общества государством должно осуществляться путем рассмотрения коммунитаризма как одного из источников поддержания этических ценностей. Здесь Гидденс ссылается на работы Э.Этциони, в последних работах которого гражданская инициатива и самоуправление тесно связываются с де-

тельностью сообществ как структурных единиц гражданского общества. «Гражданское общество, — пишет Гидденс, — является сдерживающим фактором для одновременного сдерживания рынка и государства. Ни рыночная экономика, ни демократическое государство не могут эффективно функционировать без цивилизующего влияния гражданских ассоциаций»²⁵. Как уже отмечалось, гражданское общество стало трактоваться как общество, способное поставить под контроль государство и бизнес. Это — ключевая формула третьего пути, снимающая традиционно левое и традиционно правое представление о роли государства в экономике, возлагающая на государство арбитражные и цивилизующие функции, а на гражданское общество — контроль за бизнесом и государством. Разумеется, для таких провозглашений надо быть уверенным в зрелости гражданского общества, его ценностей и институтов. Степенью этой зрелости определяются различия в выборе конкретных парадигм третьего пути даже в Европе, что легко можно будет обнаружить в приведенных в следующем разделе принципах третьего пути, избираемых четырьмя различными следующими ему странами Европы.

Размышления о соотношении рынка, государства и гражданского общества в странах третьего пути не могут не привести к обсуждению отношений государства и глобальной экономики, государства и новых технологий, полных перемен и инициировавших поиск третьего пути. Глобальная экономика имеет ряд принципиально новых черт. Среди них Гидденс выделяет огромную роль в производстве науки и информационных технологий, а также символического содержания человеческой деятельности, рекламы, умения «продвинуть» произведенный продукт. Действительно, такие символы, как «французский хлеб», «испанское вино», «итальянская мода», «русская водка» работают в глобальном рынке как значимые факторы бизнеса.

Глобализация третьего пути

Одним из главных направлений критики третьего пути было то, что это — англосаксонская модель, неприемлемая даже для континентальной Европы. Северные, скандинавские страны гордились своей системой обеспечения благосостояния за счет высоких налогов и их справедливого перераспределения, создающее процветание граждан. Действительно, Норвегия и Финляндия — страны очень высокого жизненного уровня. Но и они, как Швеция уже теперь, не могут не столкнуться с бегством капитала туда, где выгодно, за пределы национально государственных границ, ибо при глобализации эти гра-

ницы уже не являются границами для капитала. Как отмечает шведский исследователь и политик О.Петерссон, «способность современных государств находить подходящие решения сегодня резко сократилась: во-первых, потому, что большая их часть выходит за рамки национальных границ, во-вторых, наиболее серьезные вопросы требуют значительной координации усилий в международном масштабе и, в-третьих, нынешняя публика не склонна смиренно соглашаться с установками, принимаемыми наверху и «спускаемых» вниз для исполнения»²⁶.

Новая ситуация в мире привела к распространению модели третьего пути. Сегодня в Европе насчитывают четыре страны, использующие ее:

- рыночно ориентированный подход новых либералов (Англия);
- рыночно и консенсусно ориентированный подход (Дания);
- шведская модель реформирования социального государства;
- французский, руководимый государством путь²⁷.

Эти характеристики даны исследовательской службой социал-демократической партии Германии. Что же представляет собой германский третий путь и как его можно обозначить? Новые социал-демократы более прагматичны и стоят по ту сторону социализма или либерализма. Шредер модернизировал отношение к бизнес-сообществу, ввел формы партнерства политики и бизнеса, создающие рабочие места. После победы на общенациональных выборах Шредер стал следовать английскому варианту третьего пути как реакции на глобализацию и новой модернизации. Но немецкие сторонники третьего пути раскололись. Если Шредер занял модернизаторские позиции, то бывший министр финансов Лафонтен — более традиционалистские. Он считает, что нужно макроэкономическое управление, введение международных форм регулирования глобального рынка, укрепление существующей системы социальной помощи и т.д. В этом споре формируется образ немецкого третьего пути как национально ориентированного, но открытого для глобальной экономики²⁸.

География третьего пути расширяется. Нидерланды, Португалия, Испания, Греция, Италия, Новая Зеландия, Латинская Америка, Тайвань и др. проявляют к нему значительный интерес²⁹.

Бразильский ученый Л.К.Брессер-Перейра³⁰ пытается показать серьезные отличия старых левых, новых левых и новых правых в развивающихся странах. Старые левые понимают партийный контроль как бюрократию, новые левые как роль нового среднего класса, новые правые как роль бизнес-элит.

Неокейнсианство сохраняется в изложении третьего пути бразильским автором, хотя новые правые в Европе от него отказываются. Это объясняется иной степенью зрелости бразильского капитализма и его меньшей вовлеченностью в глобальный рынок. И что особенно интересно, описывается отношение к глобализации у старых левых как к угрозе, у новых левых как к вызову, на который надо отвечать, у новых правых как к выгодному процессу. Гидденс солидаризируется с этой мыслью в одной из своих работ.

Принимая глобализацию совершенно серьезно и настаивая на том, что именно так ее надо принимать, Гидденс полагает, что концепция третьего пути может работать на глобальную интеграцию, на глобальный мировой порядок, в котором будет достигнут баланс между управлением, экономикой и гражданским обществом. Применение третьего пути мыслится в направлении развития глобального экономического управления для достижения большей позитивной значимости глобализации, решения экологических проблем, регулирования корпоративной власти, предотвращения войн, развития глобальной демократии. Многие сторонники третьего пути ставят вопрос о гуманизации глобализации, о формировании системы перераспределения, институционализации глобальных процессов³¹.

Не отрицая подобной возможности, отметим, однако, что она не предстает столь детально продуманной, как решение внутренних проблем западных стран.

Если победители глобализации — западные страны — посчитали для себя необходимым ускорить прогрессивное развитие и пройти новую, весьма драматичную модернизацию, что они могут предложить тем, кто не осуществил еще модернизации в классическом понимании этого процесса. Этот коренной вопрос не может быть разрешен паллиативами перераспределения, демократизации, которая часто оборачивается гуманитарной интервенцией, концепцией устойчивого развития, не обеспечивающей прогресса. Даже 11 сентября не заставило Америку задуматься о причинах, породивших волну терроризма. Все свелось к злой воле отдельных лиц, к объявлению ряда стран изгоями, и не вызвало интереса к анализу мирового неравенства, бедности целых стран и оскорбительного пренебрежения культурой целых народов и их образом жизни. Мировой банк издает серию «Голоса бедных», ООН и ЮНЕСКО заняты их проблемами, но западные страны в целом удовлетворены статус кво и только начинают думать о внешних вызовах³².

На глобальном уровне слабо проработан вопрос об изменении не только Вестфальской системы национальных государств, но и об изменениях Филадельфийской системы демократии, что отмечено за-

падными учеными³³. Но особо драматической выглядит невозможность поставить проблему развития незападных стран в старые рамки вестернизации или догоняющей модели развития. Запад не только оторвался от остальных, но и позаботился об ускорении своего дальнейшего прогрессивного развития. *В этих условиях незападные страны ставят вопрос о праве на прогресс, на улучшение своей жизни.* Интерес к проблеме прав на развитие растет, хотя развитие незападных стран в глобальном мире сильно затруднено. Принципиальную мысль по этому вопросу отстаивает известный теоретик модернизации Ш.Айзенштадт и другие исследователи. Показывая, что Запад теряет статус модели развития, он выдвигает концепцию множества модернизмов, т.е. опять же национальных моделей модернизации³⁴. Это позволяет говорить о различии внутренних задач развития и проблем выхода в глобальную экономику для незападных стран. В России же это невозможно без левой идеи: идеи социальной справедливости, социального равенства, социального государства, природной ренты, обязательств бизнеса перед обществом.

Примечания

- ¹ См.: *Межуев В., Славин Б.* Диалоги о социализме. Два подхода к одной идее. М., 2001.
- ² *Giddens A.* Runaway World. How Globalization is Reshaping our Lives. L., 2000.
- ³ *Walligorsky C.P.* The Political Theory of Conservative Economists. Kansas, 1990. P. 62.
- ⁴ См.: Социал-демократия в конце 90-х годов. М., 1990. С. 42–54.
- ⁵ См.: *Мацонашвили Т.* Проблема перестройки социального государства в Западной Европе // Pro et Contra. Лето 2001. Т. 5. № 3.
- ⁶ См.: *Федотова В.Г.* Третий путь // Свободная мысль. 2002. № 2.
- ⁷ См.: *Giddens A.* Runaway World. New Globalization is Reshaping our Lives. L., 2000. P. 20–35; *Giddens A.* The Third Way and its Critics. Cambridge, 2000. P. 9, 19, 22–26.
- ⁸ См.: *Гонтмахер К.* Социальная политика в России: эволюция 90-х годов и новый старт // Pro et Contra. Лето 2001. Т. 6. № 3. С. 11.
- ⁹ *Шмидт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. М., 1992. Т. 1. № 1. С. 35.
- ¹⁰ Там же. С. 67.
- ¹¹ См.: *Yeatman A.* Postmodern Reevisionings of the Political. N. Y., 1994.
- ¹² См.: *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. L., Thousand Oaks; New Delhi, 1996.
- ¹³ См.: *Scott J.* Stratification and Power: Structure of Class, Status and Command. Cambridge (UK.), 1996.
- ¹⁴ См.: *Danielsen D., Engle K.* After Identity. N. Y.—L., 1995.
- ¹⁵ *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 44.
- ¹⁶ См.: *Федотова В.Г.* Социальное государство и рынок. Можно ли жить в России, как в Англии // Свободная мысль. 2002. № 7. С. 78–94.
- ¹⁷ См.: *Майер Т.* Трансформация социал-демократии. Партия на пути в XXI век. М., 2000; Социал-демократия перед лицом глобальных проблем. М., 2000; Социал-демократия Запада перед вызовами современности. М., 2001 и др.

- 18 См.: Плетников Ю.К. Будущее — социализм. Новые черты современной эпохи. М., 2000. С. 57–73.
- 19 Giddens A. Runaway World. How Globalization is Reshaping our Lives. L., 2000. P. 20–35.
- 20 Giddens A. The Third Way and its Critics. Cambridge (UK): Polity Press, 2000. P. 9, 19, 22–26.
- 21 Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations. Politics, Economics and Culture. Cambridge (UK.), 2000. P. 10.
- 22 Meny Y. Five (Hipo)theses on Democracy and its Future // The Global Third Way Debate / Ed. by A. Giddens. Cambridge (UK), 2000. P. 261.
- 23 См.: Naisbit J. Megatrend. Ten New Directions Transforming Our Lives. N. Y., 1984. P. XVII.
- 24 The New Progressive Declaration. Washington: Democratic Leadership Council–Progressive Policy Institute — PPI, 1996; The Third Way: Progressive Governance for the 21st Century // The White House. 25 April 1999 (Документ о третьем пути У.Клинтона); Blair T. The Third Way. L., 1998; Blair T. and Schroder G. Europe: The Third Way — die Neue Mitte. L., 1999.
- 25 Giddens A. The Third Way and its Critics. P. 64.
- 26 Петерссон О. Шведская система правления и политика. М.: AdMarginem, 1998. С. 13.
- 27 Dritte Weg — Neue Mitte. Berlin: Grundwertekommission beim Parteivorstand der SPD. 1999. Цит. по: Giddens A. The Third Way and its Critics. P. 31.
- 28 Meyer Th. From Godesberg to the Neue Mitte: The New Social Democracy in Germany // The Global Third Way Debate. P. 74–85.
- 29 The Global Third Way Debate.
- 30 Bresser-Pereira L.C. The New Left Viewed from the South // The Global Third Way Debate. P. 368.
- 31 Edwards M. Humanizing Global Capitalism: Which Way Forward? // The Global Third Way Debate. P. 384–393.
- 32 Crying out for Change. N.Y., 2000; Can Anyone Hear Us? N. Y., 2000; Globalization with a Human Face. UNDP Report, 1999.
- 33 The Changing Nature of Democracy /Ed. By Inoguchi T., Newman E., Rtane J. Tikio. N. Y.—Paris, 1998.
- 34 Multiple Modernities. Daedalus. Journal of the American Academy of Art and Sciences. Winter 2000. Vol. 129, № 1 (Спец. вып.).

Западная социал-демократия и перспективы социального государства

Возникшие во второй половине XIX в. в европейских странах социал-демократические партии прошли долгий путь, отмеченный успехами и поражениями, приливами и отливами. После второй мировой войны до середины 70-х годов XX в. социал-демократия добилась впечатляющих результатов, возросло влияние их политических программ, направленных на построение общества людей свободных и равных, государства благосостояния и социальной справедливости. Возросла культурная притягательность ведущих идей социал-демократизма.

Однако с середины 70-х годов положение изменилось. В условиях, когда темпы экономического роста замедлились, социальное реформаторство было дискриминировано, началось длительное контрнаступление неоконсерваторов и неолибералов. Особенно обострился кризис социал-демократизма в конце 80-х — начале 90-х годов, после исторического банкротства «реального социализма» в странах Восточной Европы и СССР. Многие стали говорить не только о кризисе мировой социал-демократии, но и неизбежном закате самой социалистической идеи, крахе традиций социализма в целом. Американский политолог Ф.Фукуяма в своей нашумевшей работе «Конец истории» (1989) заявил, что крушение коммунизма означает, что мировое развитие пойдет по единственному пути либерализма и никаких альтернативных путей ожидать не следует. Видные теоретики либерализма Р.Дарендорф и консерватизма Г.Рормозер уверенно заявляли, что век социал-демократизма заканчивается. Но эти прогнозы не оправдались, о чем убедительно свидетельствуют современные политические реалии.

В настоящее время в подавляющем большинстве из 15 стран Европейского союза у власти стоят социал-демократы, социалисты, лейбористы и представители других левых партий. Правительства Германии, Великобритании, Швеции, Португалии, Греции, Бельгии, Люксембурга, Финляндии и др. состоят или целиком из социал-демократов, или из коалиций с представителями других партий — коммунистами, «зелеными» и др. О растущем авторитете социал-демократического движения свидетельствует то, что помимо национальных партий, действующих в 120 странах на всех континентах мира, активно проявляют себя организации общеевропейского масштаба — такие как партия европейских социалистов и фракция социалистов в Европейском парламенте, в котором из 626 мест 270 принадлежат левым депутатам. Продолжает расти количество членов-партий социал-демократического толка, входящих в Социалистический Интернационал. На XXI конгрессе СИ (ноябрь 1999 г.) их стало уже 143. Все это означает, что программы и реальные достижения социал-демократов более отвечают интересам человека, настроениям и ожиданиям широких масс населения, чем программные установки правых партий, которые тоже обещают улучшение жизни, но в целом представляют интересы крупного капитала.

Вместе с тем следует иметь в виду, что, несмотря на довольно высокий жизненный уровень в развитых странах, там имеются серьезные трудности и социальные противоречия. Исследования показывают, что в странах Европейского союза — около 13 миллионов безработных (данные за 1999 г.), десятки миллионов живут в условиях бедности, нужды и неуверенности в завтрашнем дне. Это означает, что на Западе формируется «общество двух третей», в котором две трети граждан находятся в привилегированном положении в том смысле, что имеют рабочие места, обеспечивающие им благополучную жизнь, а одна треть граждан находится на обочине этого общества, маргинализируется. Западные исследователи называют их «исключенными», так как они оказались исключенными из участия в общественном прогрессе, из системы социальных гарантий. Проблема массовой безработицы приобрела настолько острый характер, что состоявшийся в марте 1999 г. в Милане IV съезд партии европейских социалистов (ПЕС) вынужден был принять специальный «Европейский пакт о занятости». В нем социалистическим правительствам вновь предлагается принять меры, обеспечивающие решение задач полной занятости.

Положение усугубляется тем, что в настоящее время возможности социального государства в развитых странах решать эти вопросы прежними методами опеки и социальных выплат все более сужива-

ются. Растущие государственные расходы из бюджета на социальные нужды достигли своего предела. Традиционная социал-демократическая политика перераспределения национального дохода становится все менее эффективной. В ходе дискуссий о путях преодоления кризисных тенденций в нынешнем социальном государстве обосновывается необходимость внесения в нее существенных корректив, связанных с переходом от патерналистской роли государства к государству «социальных инвестиций» в человеческий и социальный капитал. Ниже будет рассмотрен комплекс вопросов, связанных с этой смелой парадигмы.

Поиск новых форм социализации

Уже в конце XIX в. видные теоретики социал-демократии Э.Бернштейн в Германии, Я.Брантинг в Швеции и др. пришли к выводу, что марксов анализ капитализма подтверждается не во всем. Их последователи в XX в. стали утверждать, что общей пролетаризации сферы труда и расслоения общества только на два больших класса — буржуазию и пролетариат — не происходит, мелкие предприятия не растворяются в монополиях, государство выражает интересы всех имеющих в нем классов и групп, а не только одного класса. Представители реформаторского крыла объявили основным методом преобразования общества реформы, поэтапное ограничение власти капитала в политической сфере (посредством всеобщего избирательного права и парламентской борьбы), в социальной (создание государства благосостояния) и в экономической (развитие экономической демократии и соучастия). Была разработана концепция демократического социализма.

Дискуссии о том, что такое социализм, всегда занимали важное место в истории социал-демократического движения. В работе «Социализм в наше время»¹ видный теоретик социал-демократической партии Швеции Эрнст Вигфорс писал, что социализм — это не утопия и не наука, и что нельзя заранее нарисовать, каким будет социалистическое общество. По его мнению, социализм — не определенный общественный строй, а лишь «совокупность наводящих линий» для преобразования общественной жизни. Преобладали расплывчатые формулировки. Например: «Социализм — это значит быть вместе» (У.Пальме).

В дальнейшем теоретики пришли к выводу о бесплодности попыток дать определение понятию «социализм». При этом они считали, что об этом не стоит сожалеть. Лучше посвятить себя практичес-

кой деятельности, решать конкретные социальные и экономические проблемы в практическом духе, а не теоретизировать. В результате утвердился прагматический тип обоснования социалистической идеи. Теория и практика современной социал-демократии становятся все более прагматическими, обуславливаясь задачами освоения сложившегося опыта рыночного развития в странах капитализма, необходимостью рационализации и модернизации производства и всей сферы общественной жизни. Программные установки социал-демократов теперь уже не увязываются с былыми требованиями «разрыва с капитализмом», ибо признается, что последний способен к саморазвитию и самосовершенствованию. Программы модернизации, жесткой экономики и т.д. означают переход от традиционного истолкования принципов социализма (называемого теперь «лирической иллюзией») к «социализму управления», трезвому учету социально-экономических реальностей в обществе смешанной экономики.

Экономическая система современных развитых стран имеет многоукладный характер. Она представляет собой различные формы собственности: частную, государственную, муниципальную, кооперативную, акционерную (частную и коллективно-трудовую).

В характере взаимоотношений между субъектом собственности и политической властью в развитых капиталистических странах произошли изменения. Если в XIX в. владельцы собственности одновременно выступали и как господствующая политическая сила, то в XX в. произошла существенная трансформация субъекта собственности, вызвавшая далеко идущие последствия. Акционерные общества, кооперативные предприятия и т.д. демонстрировали процесс эрозии единоличного управления частной собственностью, возможность вычленения и социализации отдельных функций права владения, которые законодательным путем закрепляются за различными государственными и общественными организациями.

Исходя из понимания института собственности как юридического пакета прав на принятие экономических решений, один из теоретиков немецкой социал-демократии Томас Майер пишет, что «если отдельные из этих прав те, кого они касаются, возьмут себе или по меньшей мере смогут участвовать в их осуществлении, то часть экономической власти уже подпадала бы под демократический контроль, даже если бы частная собственность не была ликвидирована. О чем идет речь на самом деле — это реальная демократизация полномочий на принятие решений в экономике, а не просто формальное изменение юридического названия собственности»².

Осознание этого процесса привело социал-демократов к постепенному отказу от идеи всеобщей национализации средств производства и поискам новых форм социализации посредством ограничения прав владельцев собственности в пользу общества. Наиболее полное выражение эти идеи получили в шведской модели общественного развития, получившей название «функционального социализма». Важный вклад в ее разработку внес Гуннар Адлер-Карлссон в книге «Функциональный социализм. Альтернатива коммунизму и капитализму» (1970).

Для того, чтобы объективно оценить значение этой концепции, следует сравнить ее с традиционным подходом в решении проблемы собственности, права владения. В научной литературе понятие собственности обычно анализировалось в трех основных аспектах. Во-первых, в плане выявления исторических условий ее возникновения; во-вторых, как право владения собственностью, закрепленное юридически; в-третьих, определение особенностей различных форм собственности (общественной, частной, кооперативной и т.д.) и их значения для общественного прогресса. Отсюда вытекало преимущественное внимание к выяснению процентного соотношения между государственной (национализированной) и частной собственностью в той или иной стране. И делался вывод, что чем больший процент национализированных средств производства, тем больше создается условий для осуществления социалистических принципов. И наоборот.

В отличие от этого подхода Адлер-Карлссон развивает нетрадиционный подход, имеющий эвристическое значение для дальнейшего обсуждения этой проблематики. Он считает, что до сих пор «право владения (собственности)» рассматривалось как нечто нерасчлененное, неделимое (т.е. или как целиком государственная, или как целиком частная форма владения собственностью), что вело к затемнению сути дела. Между тем, говорит Адлер-Карлссон, нужно посмотреть на вопрос в свете функциональных свойств понятия права владения. И тогда обнаружится, что право владения состоит из многих функций, которые можно распределять между различными субъектами власти, иными словами, право владения можно рассматривать как объединяющее понятие для целого ряда связанных между собой функций (как частнособственнических, так и социализированных).

В отличие от интерпретации «или-или» функциональный подход делает акцент на том, что оказывается более существенным — на структуре права владения, охватывающей целый спектр функций (правомочий), таких как владение, пользование, распоряжение, контроль, распределение доходов и продуктов производства и т.д. Одни

из этих функций (например, юридически закрепленное право владения) могут оставаться в частной собственности, другие могут быть «обобществлены», или социализированы.

Анализируя под углом зрения понятия функции основные типы экономических отношений в современном мире, Адлер-Карлссон дает следующие определения. Капиталистическая экономика — это такая экономика, где отдельный индивид может выполнять все функции права владения, а государство в законодательном порядке не закрепляет за собой эти функции, т.е. не социализирует их. Социалистическая экономика — это когда государство может осуществлять все функции права владения, которые в законодательном порядке, полностью или частично, не предоставляются частным лицам. Смешанная капиталистическая экономика — это когда некоторое число функций права владения изымается из сферы социализации.

Адлер-Карлссон делает вывод о нецелесообразности «тотальной социализации», так как это потребовало бы слишком больших общественных затрат и издержек, и целесообразности «смешанной экономики». Последняя, считает он, имеется не только в капиталистических странах, но и в социалистических. А раз так, то «две формы смешанной экономики» можно рассматривать как совпадающие и сближающиеся (теория конвергенции). Шведскую экономику, считает он, в какой-то мере можно охарактеризовать как «приемлемый тип компромисса» между капитализмом и коммунизмом. Отвечая на вопрос, что явилось движущей силой шведской модели общественного развития, Адлер-Карлссон пишет: «Мы косвенно социализировали ряд функций, которыми пользовались бы владельцы собственности, если бы не было никаких ограничений»; в результате «шведский социализм дал государству возможность взять на себя или же контролировать ряд функций, которые ранее принадлежали капиталистам»³.

В Швеции сложилась в известной мере парадоксальная ситуация, характеризующаяся сохранением основных средств производства в частном владении (85—90% производства) при одновременной социализации ряда функций права собственности. В результате такой социализации образовался мощный «общественный» сектор, охватывающий бюджетные расходы на социальное обеспечение, оборону, образование, здравоохранение, науку, культуру, управление и т.д. Обращает на себя внимание, что этот сектор возник в результате не традиционно понимаемой национализации, а функциональной социализации в выше названном смысле. Таким образом, решающее значение придается не праву собственности, а политическому

управлению отдельными ее функциями, т.е. контролю над производством и распределением его продуктов через соответствующую налоговую политику, регулирование рынка труда и т.д.

Среди многих инструментов, создаваемых для общественного контроля за экономической властью, важнейшую роль играют производственные комитеты, призванные обеспечивать соучастие наемных работников по всем основным вопросам деятельности предприятия («производственная демократия»).

«Функциональное» истолкование института частной собственности принципиально противостоит марксистской традиции, согласно которой решающая роль в развитии общества принадлежит именно форме собственности. По мнению социал-демократов, задача состоит не в том, чтобы уничтожить механизм частной собственности в обществе, а в том, чтобы заставить собственника капитала поделить эту власть, которую эта собственность порождает. А форма собственности сама по себе не так уж важна, лишь бы она давала положительные результаты. Вынуждая предпринимателя платить больше наемному работнику, больше отчислять на нужды общества, социал-демократы способствуют достижению в обществе традиционных ценностей социализма: равенства, солидарности, демократии, социальной справедливости.

Представляет интерес тот факт, что идеи, родственные «функциональному социализму», еще в 20-х годах прошлого века развивал эмигрировавший из России философ права Н.Н.Алексеев — один из идеологов евразийства. Выдвигая идею «государственно-частной системы хозяйствования», он считал, что необходимо новое «функциональное» понимание института собственности, в соответствии с которым государство налагает на собственников определенные обязанности и обеспечивает согласование деятельности экономических субъектов с интересами общества⁴.

Заслуживает внимания важное положение в ежегодном послании президента Российской Федерации В.В.Путина Федеральному собранию страны (2001 г.). Оно имеет непосредственное отношение к обсуждаемой здесь теме, но до сих пор не стало предметом оценки в нашей печати. «Я убежден, — говорится в послании, — эффективность государства определяется не столько объемом контролируемой им собственности, сколько действенностью политических, правовых и административных механизмов соблюдения общественных интересов в стране». Здесь речь идет о том, что решающее значение имеет не форма собственности сама по себе (частная, государственная и др.), не традиционное выявление процентного соотношения между ними

(«объема»), а эффективное политическое управление, контроль над производством и распределением посредством налоговой политики, регулирования рынка труда и т.д. Это по сути дела — социал-демократический подход, направленный на создание «механизмов соблюдения общественных интересов». И хотя экономические воззрения президента носят либеральный характер, в целом он стремится занимать центристские позиции, исходя из убеждения, что государство должно выполнять социальную миссию. Идея социального государства, перспективы его развития способствуют выработке в обществе консолидирующих подходов, созданию устойчивой политической системы.

Выступая против всеобщего огосударствления экономики, социал-демократы вместе с тем не исключают возможности и необходимости оказывать влияние на структуры собственности в хозяйственной жизни и изменять их. Ставится задача сломать концентрацию экономической власти, означающую, что в больших секторах экономики доминируют интересы немногих, прежде всего олигархов. Для решения этой задачи предлагается развивать «коллективное совладение через коллективное капиталонакопление». Если потребуют интересы общества, то некоторые социал-демократические партии выражают принципиальную возможность того, «чтобы в собственность или под контроль общества перешли природные ресурсы, кредитные учреждения или отдельные предприятия»⁵. Банки, кредитные учреждения и страховые общества должны находиться под общественным надзором.

Роль государства в обществе с рыночной экономикой

Социал-демократы признают, что в современных развитых капиталистических государствах, несмотря на их продвижение к обществу благосостояния, многие первоначальные черты капитализма сохраняются: концентрация экономической власти, неравное распределение доходов и богатства, классовые различия и т.д. Возникли новые виды спекулятивного капитализма, которые генерируют прибыль, не производя новой продукции. Однако борьба за построение социально-ориентированного государства привела социал-демократов к существенным изменениям в их взглядах. «Разумеется, право частной собственности осталось, но частнокапиталистические производственные отношения, где ориентированный на прибыль частный интерес рассматривался как преобладающий над всеми остальными интересами, претерпели решительные изменения»⁶. Поэтому

«чтобы защитить и расширить свои господствующие позиции, современный капитализм агрессивно пытается ограничить или захватить существенную часть общественного сектора»⁷.

Признавая, что классовые различия еще сохраняются, хотя и не в такой острой форме, как раньше, социал-демократические теоретики считают, что социальные противоречия развиваются и решаются не обязательно только в ходе борьбы, в результате которой одна из сторон данного противоречия уничтожается. Они могут быть сняты или преодолены в ходе взаимодействия двух противоборствующих сторон. Существуют противоречия, которые очень долго будут иметь место в обществе, и не обязательно следует стремиться решить их сразу, необходимо учиться находить компромиссы с данными противоречиями, учиться жить в обществе, где они будут существовать длительное время.

Примером может служить концепция социального партнерства, отвечающая интересам как сферы труда, так и сферы капитала. Политика социального партнерства используется как средство продвижения вперед, к консенсусу в обществе. Главное в партнерстве — отражение и учет одновременно интересов всех противоборствующих сторон, не дающее особого преимущества ни одной из них.

Следовательно, само развитие общества приводит к тому, что в рамках каждого из классов выделяются определенные прогрессивные и регрессивные группы и слои. Задача социал-демократии в том, чтобы постоянно ориентироваться именно на прогрессивные отряды, интересы которых наиболее адекватно отражают прогрессивные тенденции развития политической системы в целом. Рассматривая прогресс цивилизации как эволюцию политических систем, социал-демократы утверждают, что именно борьба, совокупная деятельность всех классов приводила к движению вперед, а не историческая миссия одного лишь угнетенного класса.

Отвечая на вопрос, как быть с проблемой существования эксплуатации, социал-демократы, исходя из имеющегося опыта функционирования различных политических систем, считают, что она сохраняется при любом общественном строе и не важно, кто эксплуатирует — частный собственник или государство.

Что касается роли государства, то оно, согласно социал-демократам, призвано отражать интересы всех классов и социальных групп. Используя механизм управления обществом посредством государственных институтов, возглавляемых социал-демократами, либо их партнерами по коалиции, опираясь на демократические принципы, возможно достичь соучастия работников в управлении. Важную роль

играет усиление роли местных органов власти, а также развитие деятельности свободных организаций и ассоциаций людей, огражденных с помощью законов от прямого вмешательства и регламентации их деятельности со стороны властей. Все это способствует продвижению к тому состоянию, которое К.Маркс называл растворением государства в гражданском обществе.

Недавно состоявшийся XXI конгресс Социалистического интернационала (Париж, 1999) пришел к выводу, что под воздействием технологической революции, экономической и финансовой глобализации, исчезновения противостоящих блоков происходит изменение роли национальных государств. В условиях децентрализации (как снизу вверх, так и сверху вниз) изменяется существующая структура государств. В ходе дискуссий раздаются предложения о переходе к новой государственной политике (*new public policy*). Но позиции идеологов социал-демократизма и неолиберализма по этому вопросу существенно расходятся. В неолиберальных и неоконсервативных идеологиях, ориентирующихся на глобализацию, утверждается, что сфера политики, политических методов решения проблем сужается, растет тенденция к минимизации роли государства. Поэтому национальное государство больше не может в полной мере представлять общественные интересы. Право на образование, здравоохранение и т.д. не может больше рассматриваться в качестве неких политических обязательств государства, ибо рыночная экономика автоматически вырабатывает механизмы ее саморегуляции и саморазвития. Она все расставит по своим местам.

В противоположность этой позиции «обожествления рынка» социал-демократы заявляют, что они не намерены занимать оборонительные позиции и делать уступки. Делается вывод, что перед лицом глобализации национальное государство призвано быть подлинным гарантом сплочения всех социальных групп. «Органы государственной власти должны поддерживать эффективную рыночную экономику, гарантируя в то же время равные возможности для граждан, обеспечивая их основные права, защищая потребителей от присущих рынку монополистических тенденций»⁸.

В основе неоконсервативных и неолиберальных взглядов, считают социал-демократы, лежит «высокомерное, фундаменталистски упрощенное видение мира, в котором смешивались понятия рыночной экономики и рыночного общества»⁹.

Впервые о недопустимости смешения этих понятий было сказано в выступлениях бывшего лидера французских социалистов Лионеля Жоспена. Выступая за рыночное регулирование экономики, но

против рыночного регулирования социальных отношений, он провозгласил четкую формулировку: «Да — рыночному хозяйству, нет — рыночному обществу». Этот призыв был затем воспроизведен во многих документах европейской социал-демократии.

Он означает, что хотя рынок представляет собственную реальность, к нему не сводятся все реальности жизни общества, ибо необходимо обеспечить справедливый доступ к здравоохранению, образованию, культуре, окружающей среде, т.е. ко всем тем благам, которые по существу не зависят и не должны зависеть от распределения через рынок.

Кстати сказать, в отличие от многих современных социал-демократов, считающих, что марксизм устарел и его следует отбросить, Жоспен открыто выступал с призывом «заново открыть метод марксизма в том, в чем он полезен — критический анализ социальных реальностей и, следовательно, капитализма». Следует, однако, заметить, что эти довольно смелые заявления сочетались в реальной деятельности возглавлявшегося Жоспеном левого правительства с мерами по расширению приватизации во всех отраслях экономики и другими действиями, которые по сути дела носили либеральный характер.

Длительное время (до 90-х годов XX в.) как правые, так и левые в западной Европе считали социализм экономической системой, альтернативной капиталистической рыночной экономике. Социализм рассматривался ими лишь как форма обобществления средств производства и планового хозяйства, противостоящая капиталистической экономике. Истолкование социализма и капитализма лишь как альтернатив привело к тому, что крушение «реального социализма» в странах Восточной Европы стали истолковывать как окончательную победу капитализма над социализмом и к дискредитации самой идеи социализма.

Исходя из этого, социал-демократы пришли к выводу о необходимости отказа от традиционного понимания социализма в качестве альтернативы экономической системе капитализма и необходимости реабилитации идеи социализма как реформистски социалистического проекта, осуществляемого на базе капиталистической рыночной экономики. Поэтому был сделан вывод о необходимости различать понятия «экономическая система» и «общество», «рыночная экономика» и «рыночное общество». Эта позиция нашла отражение в Парижской декларации Социнтерна: «Мы выступаем против представления о социализме как о всего лишь ограниченной альтернативе капитализму. Такое представление служило только для систематического смещения средств и целей...»¹⁰.

По сути дела здесь речь идет о сближении современной западной социал-демократии с позициями либерализма. Еще Э. Бернштейн усматривал в социализме продолжение и развитие идей либерализма. Либералистский акцент на свободе он связывал с проблемой борьбы социал-демократов за социальное равенство, с борьбой за «свободу для всех». Социализм, по Бернштейну, это распространение свободы в обществе, построенном на принципах организации. Поэтому его можно называть также как «организаторский либерализм»¹¹.

Главная особенность современной социал-демократии — ориентация на конвергентную модель общественного развития, отражающую общемировую тенденцию к взаимовлиянию и взаимопроникновению социалистических и либеральных идей. Чем же вызвано сближение с либералистской идеологией? Прежде всего, качественным сдвигом в развитии массовой базы социал-демократии, небывалым ростом новых средних слоев (служащих, техников, чиновников и т.д.) и значительным сокращением численности традиционного рабочего класса.

Это, естественно, сказывается на формировании членской массы и электората социал-демократических партий: прежняя относительная однородность массовой базы уступила место многообразию ее состава. Образ жизни и интересы новых средних слоев все более сдвигаются в середину политического спектра, в которой задачи строительства социального государства сочетаются с ориентацией на либеральные ценности. Качественный сдвиг в развитии массовой базы социал-демократии обусловил эволюцию ее идейно-теоретической позиции. Она проявляется, с одной стороны, в пересмотре ряда традиционных взглядов, отказа от устаревших подходов и, с другой стороны, в развитии тенденций сближения с социал-либералистской идеологией.

В условиях обозначившегося кризиса социал-демократической парадигмы, наступления неоконсервативной и неолиберальной идеологии в ряде партий прозвучали призывы пересмотреть прежнее жесткое противопоставление идей социализма и либерализма. И, прежде всего, гармонически соединить идеал равенства с требованиями индивидуальной свободы, принципы солидарности с новым пониманием индивидуализма. Обсуждая общие задачи социал-демократических и социалистических партий стран Западной, Центральной и Восточной Европы по выработке современного социал-демократического проекта, Х.Тиммерманн (ФРГ) считает необходимым ввести в этот проект элементы социал-либерализма. По его мнению, в будущем основной проблемой для левых партий станет задача обеспечить

равновесие между социалистическими и либеральными ценностями, т.е. «равновесие между свободным рынком и социальной защищенностью, государственным вмешательством и дерегулированием, коллективной интеграцией и индивидуализмом как образом жизни»¹². Иными словами, в социал-демократический проект нужно включить элементы «здорового либерализма» по отношению к государству, экономике и обществу.

Сторонники либерал-социализма, подобно неолибералам, предлагают ограничить функции государства в решении социальных проблем, подчеркивают важность развития рыночных отношений, конкуренции, частной инициативы, свободы индивида и т.д. Либерализация идеологии социал-демократизма находит свое выражение и в позитивной оценке тех аспектов индивидуализма, которые связаны с развитием индивидуальности человека, его свободы и инициативы. В условиях ослабления солидаристских умонастроений как образа жизни выдвигаются обновленные трактовки принципа коллективизма, получившего название «нового коллективизма». Он основывается на новом истолковании индивидуализма как способа расширения плюрализма мотиваций и свободы выбора индивидов, но не разъединенных эгоистическими интересами, а объединенных некими общими целями. В результате формируется представление о растущей роли ценностей индивидуальной свободы и индивидуальной ответственности. Классическая схема противопоставления коллективизма и индивидуализма в сегодняшнем мире представляется упрощенной.

С 80-х годов в ряде западных стран, где у власти стояли социал-демократы, проявляется неолиберальный курс в области экономики. Ослабился контроль за валютными операциями и уровнем доходов. На биржу выбрасываются акции предприятий государственного сектора в качестве первого шага к дальнейшей их приватизации.

Серьезный сдвиг в теории и практике западного социал-демократизма в 80–90-х годах закономерно привел к дальнейшему развитию модернизаторских тенденций, выразившихся в формировании в конце 90-х годов «нового лейборизма» в Англии и партии «новой середины» в Германии. Программное обновление политики британского лейборизма получило наименование «третьего пути».

В истории общественно-политической мысли понятие «третьего пути» отнюдь не новое. Его использовали уже в 20–30-х годах и позже сторонники третьего пути между капитализмом и социализмом, между социал-демократическим реформизмом и государственным социализмом советского типа.

Современные теоретики «третьего пути» осуждают неолибералов (как представителей «первого пути») за элементы рыночного фетишизма, упование на дерегулирование экономики. Сторонники «второго пути», т.е. традиционной («старой») социал-демократии, которых Тони Блэр называет «фундаменталистскими левыми», подвергаются критике за их переоценку роли государственного контроля, ориентацию на огосударствление и расширение государственного сектора, за их веру в то, что государство может заменить гражданское общество.

Идеи «третьего пути» и «новой середины» недавно нашли концептуальное развитие в программном документе, подписанном Тони Блэром и Герхардом Шрёдером в июне 1999 года. Декларация призывает всех социал-демократов Европы обсудить изложенные в ней идеи по обновлению и модернизации политики современной социал-демократии. Обсуждение проблем «третьего пути», «новой середины», дальнейших путей развития социал-демократии выявило наряду со сходством позиций по основным базовым ценностям также наличие существенных различий между отдельными социал-демократическими партиями.

Европейские социал-демократические партии, подтверждая единство и согласие в отношении основных ценностных установок, в то же время обнаруживают существенные различия в подходах и акцентах, развивая по сути дела собственные «третьи пути». Зарождается некий новый тип социал-демократизма в Западной Европе, отличающийся по ряду своих установок от взглядов «традиционалистов». Но, по свидетельству немецкого социал-демократа Т.Майера, дискуссии по поводу концепции «третьего пути» показали, что этот путь «не нашел общего признания в других партиях и в Социалистическом Интернационале»¹³.

Естественно, что принятая XXI конгрессом Социнтерна Парижская декларация делает акцент на том, что объединяет различные партии. Это прежде всего солидарность в том, чтобы «добиться большей социальной справедливости». Социал-демократы не смешивают рынок и демократию. Принцип социальной справедливости в настоящее время выступает связующим звеном между различными политическими подходами отдельных партий, является главным отличительным признаком социал-демократизма по отношению к либерализму и консерватизму. Социальная справедливость — стержневой компонент формируемой ныне новой политической философии социал-демократии.

Смена парадигмы: от «государства социальной помощи» к «государству инвестиций»

Наиболее важным достижением западной социал-демократии во второй половине XX в. явилось построение социального государства, получившего название государства благосостояния. Правда, заслуга в этом принадлежит не только социал-демократам, но в какой-то мере и либералам и другим политическим деятелям (хотя и в меньшей степени).

Поэтому, как показывает практика, несмотря на острую политическую борьбу партий различной ориентации (социал-демократической, либеральной, неоконсервативной, христианско-демократической и т.д.), победившая на выборах партия и сформированное ею правительство отнюдь не спешат демонтировать модель общественного развития, которую создавали правительства, ранее находившиеся у власти.

В последнее время видимые различия в политике либералов, консерваторов и социал-демократов, сменяющих друг друга у власти в европейских странах, становятся все менее различимыми. Общемировая тенденция к их конвергенции очевидна. Недавно (в феврале 2001 г.) корреспондент российской радиостанции «Эхо Москвы» спросила бывшего премьер-министра и бывшего лидера консервативной партии Великобритании Дж.Мейджора: велика ли разница между консерваторами и лейбористами? Тот ответил, что несмотря на все различия между консерваторами г-на Хейга и лейбористами г-на Блэра, сегодня лейбористы принимают принципы свободного рынка, принципы капитализма. Вообще различия между партиями всегда бывают преувеличены самими политиками. По многим вопросам у них одни и те же цели, а различаются только методы их достижения. Поэтому какого-то глубокого философского разделения между ними нет¹⁴.

Главным политическим инструментом западных социал-демократий является национальное социальное государство, использование демократических институтов для проведения своей политики. Основу институциональности государств благосостояния образует система централизованных социальных соглашений между главными участниками экономической жизни — профсоюзами, работодателями и государством, которое фиксирует и контролирует эти соглашения. Это создавало производственную основу для перераспределения доходов посредством проведения соответствующей налоговой политики и системы социальных выплат.

Достигнуты впечатляющие результаты в социальном обеспечении, здравоохранении, образовании, трудовой занятости, культуре и т.д. Обратимся к некоторым фактам. Конституция ФРГ определяет государственную систему страны как «социальное федеральное государство» и «социально-правовое государство». Из этого следует, что государство гарантирует социально справедливое распределение национального дохода и защиту прав его граждан. Для малоимущих и нетрудоспособных граждан выплачивается «социальный минимум» в размере 500—600 марок на человека в месяц (здесь и далее исчисления произведены до недавнего введения в странах Европейского союза единой валюты евро). Кроме того, гарантируется минимальный размер пенсии по старости около 700—750 марок, помощь безработным, дотации по больничному страхованию, доплаты на малолетних детей (по 250 марок на ребенка в месяц), на квартплату (до 300—350 марок в месяц). В итоге государственные расходы из бюджета на социальные нужды достигают 51 процента. Но и налоги велики. Так немецкий служащий, получающий 3700 марок ежемесячно, выплачивает: подоходный налог — 608 марок, взносы на больничное страхование — 259 марок, в пенсионную кассу — 363 марки, на случай безработицы — 121 марку¹⁵.

В Швеции 65% валового национального продукта (т.е. 2/3) расходуется в виде пенсий, общественных выплат, пособий и т.д., а также на финансирование систем образования, здравоохранения и предоставление бытовых услуг. Шведское общество характеризуется самой высокой среди развитых стран степенью социального равенства. Политика в области заработной платы заключается в выравнивании тарифных ставок путем уменьшения разницы в оплате труда. Самые низкооплачиваемые рабочие получают 90—95 тысяч крон в год, а самые высокооплачиваемые — до 180 тысяч крон в год. Шведский министр получает лишь в два раза больше, чем рабочий. Установлены две гарантированные пенсии: «народные пенсии» по возрасту для всех граждан (3000 крон) и пенсии за выслугу лет (до 80 процентов заработка). Имеется также возможность личных, самостоятельных отчислений в пенсионный фонд.

На первоначальных этапах нахождения социал-демократов у власти их традиционная политическая установка на достижение равенства (посредством введения прогрессивно высоких налогов на прибыль и широкой системы социальных пособий) приносила определенные социально значимые результаты. Однако в дальнейшем по мере интернационализации экономики, обострения международной конкуренции и развития европейской интеграции становится все

более затруднительным проводить социально ориентированную политику прежними методами. Постоянный рост государственных субсидий в социальную сферу, несбалансированность повышения заработной платы с уровнем производительности труда, сильно разросшийся бюрократический аппарат управления и т.д. порождают психологию социального иждивенчества, тормозят проявление личной инициативы.

Все это в конечном итоге становится тормозом развития: растет инфляция, снижается производительность труда. В результате возможности финансирования ограничиваются использованием в основном методов опеки и выплат. По признанию западных экспертов, в том числе социал-демократического толка, простое продолжение такой политики создает угрозу для самого социального государства.

В развитых странах Запада возникают наукоемкие, дигитальные и компьютеризированные отрасли экономики, которые потребовали проведения инновационной политики, организации исследований в области новейших технологий, подготовки и переподготовки специалистов для предприятий «новой экономики» с тем, чтобы они могли стать конкурентоспособными на мировом рынке. Предприятия нередко страдают от растущего разрыва между наличием вакантных рабочих мест (например, в области информационных и коммуникационных технологий) и недостаточным числом таких претендентов, которые обладали бы соответствующей квалификацией и могли бы занять эти места.

Все это приводит к необходимости реформирования существующей модели социального государства, которое оказалось под значительным финансовым давлением вследствие растущего объема различных социальных выплат. Поэтому сторонники создания усовершенствованной модели социального государства предлагают перейти от политики «социальных расходов» к политике «социальных инвестиций», т.е. гораздо большего, чем в прошлом, финансирования и поощрения людей приобретать нужные квалификации или даже пойти на переквалификацию вместо того, чтобы выплачивать компенсацию тем, кто не имеет трудовых доходов. Поскольку однажды полученное образование не гарантирует индивиду шансы на будущее, то доступ к образованию и использование возможностей обучения должны быть обеспечены в течение всей жизни.

Как уже отмечалось, в странах Европейского союза весьма высокий уровень безработицы. В Германии 4 миллиона безработных, в Англии — 900 тысяч. В благополучной Швеции был достигнут более низкий уровень безработицы. В отличие от других стран упор делал-

ся здесь не на выплату пособий по безработице, а на регулирование рынка труда посредством организации обучения и переобучения рабочей силы, финансирования перемещения предприятий, увеличения спроса с помощью промышленных заказов и т.д. Различными формами учебы и переобучения постоянно охвачены до 35% взрослого населения страны. Лишь 10% расходов, выделенных для регулирования рынка труда, идет на компенсацию в случае безработицы, тогда как 90% — на различные мероприятия по стимулированию занятости. Для проведения активной политики на рынке труда из госбюджета выделялось 7% средств — столько же, сколько шло на нужды обороны.

Не случайно, что уже на XX конгрессе Социтерна (1996) была выдвинута идея разработки новой, усовершенствованной модели социального государства, учитывающей новые реалии, связанные с растущим влиянием глобализации мировой экономики, торговли и т.д. Идея создания новой модели получила развитие в ряде последующих документов.

В политических директивах, принятых конгрессом социал-демократической партии Швеции (1996 г.), ставится двуединая задача: «Следует не только бороться за соблюдение социальных прав, но и не допускать проявления иждивенческих настроений. Граждане должны осознать личную ответственность за улучшение условий жизни»¹⁶. Создание условий, благоприятствующих повышению личной ответственности, стало лейтмотивом современных социал-демократических программ.

В упоминавшейся выше декларации Блэра-Шрёдера предлагаются новые подходы к проблемам трудовой занятости, социального обеспечения, увеличения инвестиций в науку, образование, новейшие технологии и т.д. Главной задачей модернизации социал-демократической политики провозглашается инвестирование в человеческий капитал — образование, обучение и переобучение кадров. А что касается сложившейся системы социального обеспечения, она якобы ограничивает возможности человека найти работу, и поэтому должна быть преобразована. Современная социал-демократия, — говорится в декларации, — стремится превратить социальную «сеть безопасности», базирующуюся на правомочиях государственной повинности, в систему, благоприятствующую развитию личной ответственности. Общественная справедливость требует гораздо большего, чем распределение пособий.

Показательны также выступления Тони Блэра, Герхарда Шрёдера и Массимо Д'Алема на саммите руководителей США, Великобритании, Германии, Италии, Франции и Бразилии во Флоренции по теме

«Реформизм в XXI веке» (ноябрь 1999). Они весьма одобрительно отнеслись к призыву Клинтона заимствовать американскую модель леволиберального реформизма в экономике (свобода рынка, решающая роль конкуренции, «дисциплина госбюджета» и т.д.), опыт по сокращению безработицы, обеспечению занятости и благосостояния. Используя социал-демократическую терминологию, Клинтон активно выступал в поддержку «третьего пути», призывал к более тесному сотрудничеству между новыми социал-демократами и либеральными демократами. Благоклонное отношение к этим призывам, особенно со стороны «новых лейбористов», в западной печати стали иронично называть «клинтонизацией» политики некоторых социал-демократических партий.

Но далеко не все согласны с призывами некоторых «новых социал-демократов» Европы отказаться от якобы устаревшей социальной политики, приводящей к «чрезмерным социальным расходам». В этой связи обращает на себя внимание статья министра торговли Швеции Лейфа Пагротски, который резонно задается вопросом: «Так ли уж обоснована неуверенность европейцев?» Ссылаясь на положительный опыт шведской экономики, проявляющей значительную гибкость, он утверждает: «Вопреки расхожему объяснению очевидно, что расходы на социальную сферу могут благоприятствовать гибкости экономики»¹⁷. А гибкость — это ключ к низкой инфляции и долгосрочному экономическому росту. Исходя из этого, Пагротски делает вывод: «Мы должны не развенчивать европейскую модель, а модернизировать ее»¹⁸ с тем, чтобы создать самую конкурентоспособную и динамичную экономику в мире.

В этом же духе высказываются и авторы недавно переведенной на русский язык книги «Создавая социальную демократию» (2001 г.): шведская социал-демократия «определенно отвергает идею о том, что рост общественного сектора экономики обязательно подавляет личные свободы». Наоборот, «продуманное расширение общественного сектора влечет за собой и расширение свободы выбора»¹⁹.

Многие западные политики считают, что задачи повышения конкурентоспособности отечественного производства не следует решать за счет сокращения перераспределительной системы. Иными словами, «социальные расходы» и «социальные инвестиции» нужно не противопоставлять, а сочетать. «Мысль о том, — пишет Л. Жоспен, — что социальные инвестиции могут заменить многочисленные традиционные расходы государства-попечителя, нереалистична — к примеру, из-за того, что наши общества переживают демографический про-

цесс старения населения, им придется нести последствия этого процесса. Мы не должны — впрочем, и не можем экономить на политике перераспределения»²⁰.

На Лиссабонском саммите глав государств Европейского союза (март 2000 г.) было принято важное решение, ориентирующее союз на решение стратегической задачи — строительство «Социальной Европы», т.е. европейской модели социально-экономического развития, в том числе выработку принципов единой социальной политики Евросоюза.

В развитие этой задачи в немецком еженедельнике «Die Zeit» была опубликована совместная работа премьер-министров четырех европейских государств. Ее подписали: от Великобритании — Тони Блэр, Голландии — Вим Кок, Швеции — Ёран Перссон и Германии — Герхард Шрёдер. Она посвящена проблемам реформирования и модернизации европейской модели социального государства²¹.

В этом документе формулируются основные средства развития личной инициативы и деловой активности граждан (улучшение образования и здравоохранения, перманентное повышение квалификации и т.д.), роста инвестиций, усиления роли гражданского общества, самопонимания роли граждан в государстве, их чувства ответственности как за себя, так и за дела в обществе. Подчеркивается, что в эпоху нарастающей глобализации решение задач всеобъемлющего благосостояния не под силу отдельно взятым национальным государствам. Необходимо объединение усилий, выход политики на наднациональный уровень. В этой связи социал-демократы задумываются о возможности создания некоего «международного социального пакта», т.е. социально ориентированной рыночной экономики в мировом масштабе. Руководители названных государств заявили, что уже к 2010 году социал-демократы намерены создать в Европе самую динамичную экономическую систему в мире.

Кстати сказать, это заявление в какой-то мере перекликается с мнением бывшего председателя СДПГ Оскара Лафонтена. В книге «Сердце бьется слева» он подчеркнул, что сейчас речь должна идти о том, чтобы «англосаксонскому капитализму противопоставить европейское социальное государство». Вместе с тем он выразил свое несогласие с основными идеями декларации Блэра-Шрёдера.

Идея создания европейской модели социального государства нашла благоприятную почву для своей реализации в недавно выдвинутом проекте создания «Европы регионов», как единой европейской континентальной организации, опирающейся на интегративные социально-экономические процессы в странах Европейского союза. Уже

началось формирование крупных трансграничных агломераций. Например, на стыке Германии, Бельгии, Франции и Люксембурга, где сосредоточено до 30% ВВП и 25% населения Европейского союза.

В этой связи подвергается критике сам принцип перераспределения средств Европейским фондом регионального развития, породивший иждивенческие настроения и не способствовавший активизации внутрирегиональных резервов развития. Все чаще стал применяться принцип «субсидиарности», в соответствии с которым право принятия решений передается на более низкий властный уровень, а финансы направляются в ту сферу региональной экономики, которая приведет к преуспеванию данной зоны. «В последнее время Европейский союз все больше уходит от политики перераспределения средств и переходит на «концентрационный» подход, при котором ресурсы концентрируются на точечной проблеме»²².

Указанные процессы и методологические подходы к их анализу идут в русле дискуссий в западной социал-демократии о соотношении политики перераспределения средств (социальных расходов) и политики социальных инвестиций.

В современном мире конкурируют и взаимодействуют две доктрины социально-экономического развития: либерально рыночная и социально ориентированная. Эта дихотомия ориентирует соответственно на формирование однополярного или многополярного устройства мировой экономики. Решения Лиссабонского саммита (2000 г.) свидетельствуют о том, что Европа твердо взяла курс на социально ориентированную рыночную модель. В отличие от моноцентристской глобализации в Европе постепенно развивается полицентричная модель («единство разнообразия»).

В разрез с известной концепцией С.Хантингтона (о столкновении цивилизаций, линии разлома между западными и восточными разновидностями христианства и т.д.), «стратегия Европейского союза не носит явно конфронтационного по отношению к православному миру характера». Оценивая западноевропейскую модель международных экономических отношений, Н.М.Антюшина делает вывод, что она «выгодно отличается от глобалистской стратегии, ориентирующейся на моноцентрическое построение мирового хозяйства»²³, которое зачастую сопровождается не только внешнеэкономической экспансией, но и политическим давлением.

Что касается роли государства, то сторонники его модернизации в Европе считают, что в современных условиях деятельность государства в духе иерархического централизма не эффективна, нужны новые ее формы, возникающие в результате разделения труда между го-

сударством и обществом в условиях глобализации. Основная надежда при этом возлагается на усиление роли гражданского общества, в котором начинают возникать новые политические формы саморегуляции в решении проблем, связанные с развитием собственной инициативы и под собственную ответственность. Поэтому должно действовать правило делегирования властных полномочий на как можно более низкие уровни.

Для борьбы с бюрократизмом и отчуждением населения от институтов власти практикуются различные формы участия граждан в обсуждении и решении социально-экономических и других вопросов: создание на предприятиях и в учреждениях производственных комитетов, независимых общественных комитетов и комиссий, развитие многообразных форм взаимной помощи и т.д. Взяв курс на формирование «общества соучастия», самоосознания гражданами своей роли в государстве, чувства личной ответственности как за себя, так и за дела в обществе, т.е. на усиление роли гражданского общества.

* * *

Политическая практика показывает, что социалистическая традиция жива и модернизируется, а социал-демократическое движение активно развивается во всем мире. Растет потребность в непредвзятом изучении опыта осуществления социал-демократической модели общественного развития, новейших тенденций ее трансформации. Подходит ли опыт западной социал-демократии для других стран мира? Одно время (в перестроечный период) звучали призывы некоторых политиков и литераторов перенести опыт шведской, австрийской или какой-либо другой модели на почву российской экономики. Попытки механического перенесения были бы обречены на неудачу. Здесь нет места обсуждать причины этого. Отметим лишь неразвитость рыночных отношений, незначительность среднего класса и неразвитость гражданского общества в России.

Бытует расхожее мнение, что западноевропейский тип социал-демократии представляет собой универсальное явление, пригодное для всех стран. Но это не так. В ряде стран Азии, Африки и других регионов местные политики не склонны заимствовать теорию и практику либерализации социал-демократизма, поскольку считают, что у них иная социальная база и что основной проблемой для них является нищета значительной части населения. Поэтому, считают они, принятие либералистского принципа равенства исходных возможностей для индивидов, равенства лишь перед законом, привело бы к даль-

нейшему ухудшению и без того тяжелого положения в их странах²⁴. Да и сами создатели упоминавшегося выше социал-демократического программного документа по сути дела признают его региональный характер, когда заявляют, что изложенные в нем принципы новой социал-демократической политики разработаны именно для Европы. Иными словами, эти принципы отнюдь не могут рассматриваться в качестве образца, пригодного для всех регионов мира.

Вместе с тем зарубежный опыт общественного развития, достижения в проведении реформ, особенно государственного регулирования экономики и социальной сферы, организации системы обеспечения социальными гарантиями, создания условий для развития малых и средних предприятий, парламентского контроля над исполнительной властью и т.д., безусловно, заслуживают всестороннего изучения и продуманного, взвешенного использования, учитывая при этом существенные различия в социально-экономических условиях и национальных традициях различных стран.

Примечания

- ¹ *Wigfors E. Socialism i vår tid. Stockholm, 1952.*
- ² *Maïer T. Демократический социализм — социальная демократия. М., 1993. С. 128.*
- ³ *Adler-Karlsson G. Funktionssocialism. Ett alternativ till kommunism och kapitalism. 2 uppl. Lund, 1970. S. 22.*
- ⁴ См.: *Алексеев Н.Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. Париж, 1928.*
- ⁵ Программа Социал-демократической рабочей партии Швеции. Бурос, 1992. С. 33.
- ⁶ Там же. С. 30.
- ⁷ Там же. С. 23.
- ⁸ Вызовы глобализации // Парижская декларация... // Социал-демократия перед лицом глобальных проблем. М., 2000. С. 40.
- ⁹ Там же. С. 37.
- ¹⁰ Там же. С. 43.
- ¹¹ *Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М., 1901. С. 158.*
- ¹² *Тиммерманн Х. Социалистические и социал-демократические партии в Центральной и Юго-восточной Европе // Европейская социал-демократия накануне XXI столетия. М., 1998. С. 165.*
- ¹³ *Maïer T. Трансформация социал-демократии. М., 2000. С. 277.*
- ¹⁴ См.: <http://www/echo.msk.ru/interview/3548.html>
- ¹⁵ См.: Деловые люди. М., 2000. № 116. С. 73.
- ¹⁶ Швеция на рубеже XXI в. Социал-демократическая политика для новой эпохи // Европейская социал-демократия накануне XXI столетия. М., 1998. С. 152.
- ¹⁷ *Пагретски Л. Европейскую модель необходимо модернизировать // Независимая газета. 23 ноября 2000. С. 12.*
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Создавая социальную демократию. М., 2001. С. 510.

- ²⁰ *Жоспен Л.* На пути к более справедливому миру // Социал-демократия перед лицом глобальных проблем. С. 116.
- ²¹ См.: *Blair T., Kok W., Persson G., Schröder G.* Ein neues Sozialmodell Europas Beitrag zum Fortschritt im 21 Jahrhundert // Die Zeit. Berlin, 2000. 7 Sept.
- ²² *Ландабасо А.* Между равенством и эффективностью // Независимая газета. 2002. 10 дек. С. 11.
- ²³ *Антюшина Н.М.* Северная Европа: дивергенция или конвергенция? М., 2001. С. 119.
- ²⁴ См.: *Evolution of socialist policy in India.* New Delhi, 1977.

Цивилизованный анализ динамики современной российской ментальности*

О России принято говорить как о стране с непредсказуемым прошлым. Это не совсем так. Глубокие исторические перемены, чреватые драматическими изломами человеческой повседневности, неизбежно порождают потребность в частичной переинтерпретации прошлого социального опыта с высоты вновь обретенного. Рассмотренная сквозь призму наличного опыта, личная биография столь же «не предсказуема», как и живая история народа. Это, повторим, нормальная ситуация. Беспокоит другое. Сегодня у отечественных специалистов в области социальной философии нет и тени консенсуса по поводу определения современной социокультурной ситуации в России. Великое множество ракурсов интерпретации, рожденных в недрах различных пластов наличного социального опыта, конституирует и различные, подчас несовместимые картины современной социальной реальности, отражающие отвоєванный уровень политического плюрализма, но отнюдь не глубину философского осмысления существующих социокультурных практик.

Другая объективная сложность анализа современной социокультурной ситуации в России состоит в том, что и по сей день отсутствует хотя бы временный консенсус по поводу теоретических рамок интерпретации данных полевых социологических исследований, которые «сами по себе» мало что объясняют. Это не позволяет создать относительно надежную «базу данных» для построения возможных сценариев устойчивого развития. Сложность ситуации усугубляется тем, что извечные «русские вопросы», и по сей день будоражащие рос-

* Статья выполнена по гранту РГНФ 02–03–122993а.

сийское общественное мнение («Куда идет Россия?», «Какова судьба российской демократии?», «Обратима ли криминальная приватизация?» и т.п.), рождены в рамках идеологических программ определенных политических сил, так что ответы на них — каковы бы они ни были — опираются в большей мере на информационно-пропагандистскую индоктринацию, чем на социально-философский анализ. Поэтому идеологическое противостояние полярных социальных сил (в отсутствие сильного и стабильного центра) разворачивается не только (и не столько) вокруг сценариев возможного будущего, но и вокруг определения наличной социокультурной ситуации в России.

Социокультурная интерпретация соотношения традиционализма и индустриализма в современном мире

Объективная сложность ситуации в методологии современного социального анализа усугубляется тем, что даже наиболее зарекомендовавшие себя западные методологии — веберовская теория целерационального действия и адекватная ей идеально-типизирующая методология, социально-феноменологическая концепция понимания как трансляции intersубъективных значений, не говоря уж о структурно-функциональном анализе (и его обновленной вариации — неофункционализме), не адекватны наличной ситуации в ряде регионов современного мира, в том числе и российской — как бы ее ни понимать. Ибо все эти концепции, взятые в единстве их многообразия, являются элементами того образа социального знания, который адекватен экономически и социально стабильному гражданскому обществу с развитым средним классом — менталитету Модерна¹.

Теория социального действия М. Вебера, например, основанная на когнитивной презумпции его целерациональности, исходит из прозрачности отношения цели и средств. Действие считается целерациональным, если агент социального действия, руководствуясь типичными мотивами в ситуации общественно-нормальных «фоновых» ожиданий, достигает поставленной цели минимальными подручными средствами². Это весьма сильная идеализация, ибо судить о том, какие средства окажутся минимальными для осуществления какого бы то ни было проекта, до его осуществления практически невозможно. В России же ситуация еще более осложняется тем, что целесредственные отношения «замутнены» множеством бюрократических посредников³, действующих отнюдь не рационально, а подчас и противоправно. Приведу пример. В интервью, взятом ведущим обозревателем российского телевидения А. Карауловым у одного из

отцов-основателей постсоветских реформ Г.Х.Попова, последний фактически санкционировал чиновничью коррупцию: «Вы говорили, что чиновники имеют право на взятки, что тут нет ничего дурного», — привел А.Караулов слова Г.Х.Попова из его интервью еженедельнику «Аргументы и факты». — «Это не совсем так, — последовало разъяснение, — но в принципе — да, такая мысль присутствовала»⁴.

В свою очередь, *социально-феноменологическая* концепция понимания неявно предполагает наличие устойчивых социокультурных типизаций, аккумулирующих социально одобренный человеческий опыт. Именно они выступают в качестве когнитивной схемы понимания типичного социального действия в системе типичных целей и средств. Относя изучаемое социальное явление к тому или иному типу, подверстывая его под существующий образец, мы осуществляем его прагматическое «присвоение»-понимание. Подобные образцы в условиях бесконечных изломов российской повседневности и отсутствия общественного консенсуса по насущным жизнепрактическим вопросам (частной собственности на землю, неподсудности криминальной приватизации, распределения полномочий центра и регионов и т.д.) в России не сформировались. «Кристаллизация значений» (А.Шюц) — процесс неспешный, требующий относительно устойчивого развития и стабильной повседневности, к которым апеллирует социально-феноменологическая концепция понимания. Если в обществах классической модернизации социальные инновации вызревают в лоне человеческой повседневности, то в России модернизационные импульсы, начиная от Петра I и кончая М.С.Горбачевым, исходили «сверху», а не вырастали из обыденных, повседневных взаимодействий. Но привитые «сверху» инновации, как правило, не устойчивы. И должно смениться, как минимум, поколение, чтобы последствия таких социально наследованных инноваций воспринимались бы как органичные наличному социокультурному опыту. Быть может, поэтому судьба всех крупных российских реформаторов воистину трагична.

Что же касается структурно-функционалистской модели, в современной методологии социального анализа переживающей свое возрождение в лице неофункционализма, то социально-онтологической предпосылкой ее эвристичности является наличие устойчивого и высокоструктурированного социума с четко распределенной системой *институциональных ролей*. В рамках подобной структурно-функциональной модели культура — падчерица российской демократии — выполняет важнейшую функцию сохранения и трансляции *социальных образцов* деятельности, поведения и общения. И если,

согласно структурному функционализму, общественная стабильность достигается на основе баланса структур и функций социального организма, то важнейшая функция культуры состоит в том, чтобы обеспечивать преемственность форм социальной деятельности, устойчивые образцы которой, как отмечалось выше, в России не сформировались.

В условиях высокой динамичности социальных преобразований в России — «обвальная приватизация», темп которой намного превышал скорость человеческого приспособления к ней, — а также отсутствия стабильных социокультурных образцов деятельности, поведения и общения, архетип восприятия российской социальной реальности весьма сложен и многомерен. Он представлен причудливым переплетением реликтов традиционалистского сознания, модерна и постмодерна. При этом перечисленные выше цивилизационные типы суть идеальные теоретические объекты, которые в «чистом виде» в социальной практике не встречаются. Они являются продуктами «рационально организованной фантазии»⁵ (М. Вебер) — аналитической деятельности, сводящей воедино наиболее существенные черты различных исторических типов обществ. Выводы, полученные на основе идеально-типизирующей методологии, применимы к социальной реальности лишь при особых, теоретически оговоренных условиях. Так, описанного М. Вебером носителя «духа капитализма», всегда поступающего целерационально, в жизни не существует. Это марионетка социального театра, созданная в «пробирке» теоретической техники. Непосредственное приложение теоретической схемы к социальной реальности («реификация») методологически некорректно, ибо игнорирует тот факт, что сама эта схема достоверна лишь в отношении элементов, типизированных в конструкте. Социальный объект неизмеримо сложнее любого теоретического конструкта, в данном случае — исторического типа цивилизации. Так практически во всех обществах, ставших на рельсы индустриального развития, и особенно в так называемых странах «запаздывающей», догоняющей модернизации, на фоне сравнительно развитых индустриальных структур сохраняются весьма заметные вкрапления реликтов традиционного общества, сложным образом взаимодействующие с индустриальной современностью и постиндустриальными тенденциями. Иными словами, если на уровне теоретической модели ценности и жизненные смыслы различных исторических типов цивилизации⁶ существенно различны, а подчас противостоят друг другу, то в реальной социальной практике они сложным образом переплетаются и наслаиваются друг на друга. Одни цивилизационные формы выступают в обличье других, а иногда и мимикрируют под них, подобно вождям Великой

французской революции, рядившимся в римские тоги. Практический разрыв «связи времен» деструктивен в отношении базисных структур понимания и ориентации в жизненном мире, а толерантность в отношении того, что не вписывается в проект современности, выступает неотъемлемым требованием социальной экологии.

Идеальная модель традиционного общества характеризуется типом социальных коммуникаций, основанных на личной зависимости (по вертикали — «феодалная лестница», по горизонтали — «круговая порука»). Это «короткие» социальные связи, которым не свойственна ни масштабная институционализация, ни обособление друг от друга публичной и приватной сфер, ни отчуждение человека от человека. Методологически подобному типу социальной связи отвечает понятие *социоцентризма*, артикулирующего отсутствие выделенной персональности. Традиционное общество часто именуют «дисциплинарным», т.к. ориентированные на традицию социальные образцы деятельности, поведения и общения глубоко интериоризированы и воспринимаются как «сами собой разумеющиеся». Для менталитета традиционного общества характерны: бережное отношение к природе как к объекту нравственной регуляции, нестяжательство, приоритет религиозных или мифологических представлений над инструментальным знанием, отсутствие массового образования и как следствие этого — преимущественно образное (правополушарное) мышление, наконец, особый тип личности, созидательные усилия которого обращены на душевное благоустройство, а не преобразование природы. В индустриальном обществе⁷, в сравнении с традиционным, определяющая роль в системе социальных коммуникаций принадлежит не коротким, персонифицированным социальным связям и отношениям личной зависимости, а вечно опосредованным, анонимным социальным связям лично не знакомых друг с другом *акторов*. Отчуждение — социальный продукт индустриальной современности, замены «коротких», персонифицированных форм социальной связи — «длинными», институционально опосредованными и функционально обезличенными. Так «религиозное расколдование мира» (М.Вебер) сменяется новой «заколдованностью» — вещными и символическими посредниками социальных коммуникаций. Прямым следствием подобной трансформации является мощное развитие социальных институтов, канализирующих социальную активность и закрепляющих сложившиеся образцы социально одобренных форм деятельности, поведения и общения. Поэтому в отличие от *дисциплинарного* характера традиционного общества индустриальное общество — это общество *социального контроля*.

Индустриальная современность отождествляется с разложением родовых и клановых структур и превращением человека из элементарной клеточки первичной социальной группы (общины, марки и т.д.) в «гражданина мира», способного мигрировать из одной социальной общности и культуры — в другую. Ролевую идентичность традиционного общества, заданную жестким положением в социальной иерархии, сменяет социальная мобильность, а метафора Судьбы («на роду написано») замещается осознанием ценности личной свободы. В индустриальной современности даже *время*, в традиционном обществе воспринимавшееся как «естественное» чередование биосоциальных циклов, обращается в инструмент мягкого социального принуждения («Время — деньги»). Модерн заменяет метафору времени-круга («колесо времен») образом «стрелы времени», олицетворяющей нециклический, прогрессивно-восходящий характер общественного развития.

Менталитет индустриального общества отражает глубокие изменения культурных смыслов природы, общества и человека. Ранее животворящая природа воспринимается как «неорганическое тело человека»⁸. Пафос активистски-деятельностного отношения к природе, обществу и человеку — наиболее зримое выражение идеологии индустриализма. Жесткие социальные технологии, «перековка» и «переплавка» доставшегося в наследство «человеческого материала» воплотились в социальной инженерии, а социальное конструирование реальности становится одной из ведущих тем индустриальной современности. Лозунг покорения природы, рационального переустройства общества и воспитания нового человека означал смещение вектора социальной активности с трансцендентного на земное, утверждение мощи и «посюсторонности» человеческого мышления и действия. В методологии социального знания ему соответствует *деятельностный подход* — изучение предмета с точки зрения операциональных и инструментальных характеристик человеческой деятельности.

Усталость Запада от жестких индустриальных и социокультурных технологий Модерна ныне проявляется в моде на стиль «ретро»⁹, в стремлении реставрировать утраченное социокультурное многообразие и ценности традиционного общества, обладающие общечеловеческим содержанием. Тенденция к переоценке модернистских ценностей как универсальных для всего человечества и вечных на все времена получила название постмодернизации, т.е. движения в постсовременность. На смену ураганному ритму индустриализации, вдохновляемой лозунгом «быстрее, выше, сильнее», приходит «пафос длительности», «истории медленного дыхания». В новейшей со-

циологической концепции П. Бурдьё главный капитал постиндустриального общества — не промышленный и даже не финансовый, но *символический* — сложная констелляция ресурсов образования, престижа, публичного влияния, репутации, известности, общественно-го признания и т.д. Если в условиях виртуальной экономики финансовый капитал можно сколотить и разметать в пух и прах в мгновение ока, то для обретения символического капитала нужно затратить часть человеческой жизни, отнюдь не беспредельной. Но и используют его пожизненно. *Символический капитал*, вобравший в себя все многообразие социокультурных различий, становится решающим фактором в определении позиции человека в социальном пространстве¹⁰. Рост социокультурного многообразия постиндустриального общества выражается и в размягчении жесткой социальной структуры, свойственной индустриальному обществу, и увеличении значимости временных неформальных объединений, создаваемых для решения определенных социальных задач (ведения предвыборной кампании, протестных акций, благотворительных мероприятий). Но одновременно с этим человеку постсовременности свойственно ощущение утраты твердого социального основания, даруемого приобщенностью к первичной социальной группе, будь то территориально-соседская община или социальный класс. Он утрачивает «столикое зеркало друг друга» — группу коммуникативной поддержки субъективной реальности, — впадая в немислимый для традиционного общества «кризис идентичности». Человек постсовременного общества обречен на непрерывное пребывание в «карнавальной» ситуации. Игра становится ключевой метафорой социальной деятельности, обрекая человека на постоянное пребывание в маске *homo ludens*.

Жизнь не пощадила свойственного модернистскому сознанию оптимизма в отношении безграничных возможностей науки блокировать любые негативные последствия неконтролируемой индустриальной деятельности. Сегодня на повестке дня уже не столько научное прогнозирование и социально-экологическая экспертиза масштабных технологических проектов, сколько разработка сценариев коэволюционного развития — гармоничного вписания социотехнических комплексов в биоландшафтную среду. Модернистская идеология покорения природы и рационального переустройства общества уступает место коэволюционной стратегии совместного устойчивого развития. «Ностальгия по естественному» — в оппозиции к апофеозу техники в рамках техногенной цивилизации — проявляется в реставрации ценности естественного, живого. Возрос интерес к телесным практикам в истории европейской культуры.

Наконец, постмодернистскому менталитету свойственно многовариантное, альтернативное видение истории, вопреки известному утверждению, все же имеющей сослагательное наклонение. Человеку довлеет не «осознанная необходимость», понятая в духе лапласовского детерминизма; перед ним — созвездие возможностей, в созидании и использовании которых он утверждает себя в качестве социально-исторического субъекта. Историческое время видится «разветвленным», заряженным многовариантностью исторических перспектив. В нем обнаруживаются зоны неустойчивости, бифуркации — ветвления исторических альтернатив. Сможем ли мы их использовать — проблема не только социальных реформаторов, но и нас с вами.

Российские реалии в парадигмах цивилизационного анализа

В последние годы наметилась плодотворная тенденция рассматривать семидесятилетний этап социалистического строительства в СССР не как провал, «черную дыру» отечественной истории, но в качестве особого исторического образования — цивилизационного симбиоза традиционного и индустриального общества. Заметную роль в утверждении взгляда на советское общество как на особый цивилизационный синтез сыграли работы Н.Н.Козловой, трактовавшей этот сложный и неоднозначный период отечественной истории не как результат верхушечного переворота, а как особое цивилизационное образование, детерминированное структурами советской повседневности, массового сознания и речевого поведения¹¹. С этой мыслью по существу солидаризируется и В.С.Степин, полагающий, что результаты социалистического строительства в России оказались столь впечатляющими потому, что идеология большевизма во многом опиралась на традиционалистские ценности коллективизма и социальной справедливости¹².

Сходной, хотя и несколько концептуально обособленной, позиции в этом вопросе придерживается А.А.Кара-Мурза, трактующий социализм как «способ элиминации варварства», возможность «зацепиться» на пониженном уровне цивилизационного развития во избежание провала в неоархаику. Наиболее четко эта мысль выражена А.С.Панариным, определившим социализм как наложение политических технологий западной модернизации на структуры традиционалистского менталитета¹³.

Специфическая сложность цивилизационного анализа современной российской действительности состоит в том, что, в отличие от стран классической модернизации, в которых последовательность

смены цивилизационных типов традиционного, индустриального и постиндустриального общества фиксируется если не эмпирически, то уж во всяком случае на уровне теоретической модели, современная картина социальной реальности в России, подобно голографическому изображению, разворачивается сразу *в трех цивилизационных измерениях*. В причудливом сплетении различных цивилизационных пластов в российской ментальности традиционалистскому все еще принадлежит весьма заметная — если не определяющая — роль. Вспомним, что социалистическая модернизация в России, как, впрочем, и мощнейший экономический рынок тихоокеанских «драконов», основывались отнюдь не на протестантской этике, а на канонах традиционалистского сознания: нестяжательстве, коллективизме и «отложенном спросе» — готовности к жертвам во имя будущего. Свойственные традиционному обществу нравственные императивы олицетворял и «моральный кодекс строителя коммунизма» — адаптированный к задачам социалистического строительства архетип традиционалистского сознания, в фундаментальных нравственных установках противоположный буржуазному индивидуализму. Патерналистски-бюрократическая рациональность советского общества способствовала глубокой консервации традиционалистских менталитетов.

Россиянам, живущим вдали от крупных промышленных центров, особенно близки ценности и жизненные смыслы традиционного общества. Они тяготеют к идеалам коллективизма и социальной справедливости, приоритета нравственности перед правом. И в разрешении дилеммы «правды-истины» и «правды-справедливости» («Как тебя судить: по закону или по совести?») сознание россиянина явно склоняется ко второму. Да и в электоральном поведении современный россиянин склонен доверять скорее личностям, чем социальным программам, а в поисках социальной защиты более полагаться на ближайшее окружение, чем на социальные институты. Во всем этом отчетливо просматривается приоритет персонифицированных (коротких) социальных связей, свойственных менталитету традиционного общества, перед модернистскими, институционально опосредованными. Именно устойчивость структур традиционалистского менталитета в сознании современного россиянина, на мой взгляд, и дала основание известному отечественному исследователю в области социальной философии В.А.Кутыреву полагать, что традиционное общество — не отдельный, исторически преходящий тип цивилизации, а «твердая порода» социальности как таковой, плавильный тигель общечеловеческих ценностей на все времена¹⁴.

Несомненно и то, что архетип восприятия социальной реальности в России включает в себя и элементы, свойственные менталитету Модерна. Пользуясь благами техногенной цивилизации, мы не только продлеваем, облегчаем и разнообразим жизнь, но и преобразуем наше мышление в духе индустриальной современности. «Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца — пламенный мотор», — поется в известной песне периода социалистической индустриализации. А уподобление литераторов «инженерам человеческих душ»? Инженер — массовая профессия периода социалистической индустриализации. Но «поэт в России — больше, чем поэт»! Правда, модернистский менталитет овладел массовым сознанием лишь жителей сравнительно крупных городов, повседневность же сельской российской глубинки до сих пор модернизирована весьма поверхностно: телевизор, видео, в редких случаях спутниковая антенна — вот, пожалуй, и все.

Если авторы «Вех» сетовали на то, что в России право стоит на низшей ступени ценностной иерархии, то в модернистском менталитете место «социального изгоя» прочно занято нравственностью, демонстративное презрение к которой столь явно демонстрируют «новые русские». И сегодня мы воочию убеждаемся, что человек, не обремененный нравственными запретами, гораздо более удачлив в бизнесе, чем его совестливые коллеги (впрочем, так уж сложилось, что последние в современных условиях бизнесом и не занимаются). И если в начале прошлого века нуворишей не пускали в респектабельное общество, то ныне господствует совсем иной принцип. По горькому, но справедливому замечанию известного отечественного социолога Н. Е. Покровского, для нынешней российской элиты «некоммерческий человек — никчемный человек, и даже не человек вообще»¹⁵.

Наконец, — продолжая ряд метафорических уподоблений, — разум современного россиянина уже обогатился категориями постсовременной, информационной цивилизации, благодаря открытости виртуального информационного киберпространства — Internet. Однако последствия подобной «интернетизации» отнюдь не однозначны и далеко еще не осознаны в полном объеме. Современные исследователи «философии сети» отмечают, что вместо «электронного социализма», где «от каждого — по способности, каждому — по труду», на наших глазах возникает электронная форма «сетевого глобализма» с «золотым миллиардом» во главе». Его неосозаемое господство в области глобальных коммуникаций и массовой культуры создает информационно-психологическое воздействие, сравнимое с новым ви-

дом оружия¹⁶. Более того, «сетевой детерминизм» чреват превращением человека в программируемое устройство, открывает путь к его подсознанию, внутреннему пространству человеческой личности. Поэтому электронный «прогресс несвободы» в социальной практике нередко оборачивается «неотрадиционализмом», а то и «неоархаизацией». Для примера вспомним хотя бы столь популярную ныне телепередачу «За стеклом»: нераздельность, слиянность публичного и частного пространств свойственна образу жизни традиционного общества. Но если в Средние века королевская опочивальня служила приемной лишь для узкого круга приближенных, почитавших за честь быть принятыми в королевской спальне, то нынешние представители современного информационного общества распахивают двери своих спален для миллионов телезрителей. Так обретают буквальный смысл слова выдающегося итальянского философа культуры Умберто Эко: «Средние века уже начались»¹⁷. Провидческим оказалось прозрение К. Маркса в том, что история повторяется дважды: один раз — в виде трагедии, другой — в виде фарса.

Сложность анализа конфигурации цивилизационных пластов в ментальности современного российского общества усугубляется тем, что они «социально распределены» отнюдь не в соответствии с имущественной, социально-культурной и образовательной дифференциацией населения. Один и тот же человек, как правило, демонстрирует все три цивилизационные модели сознания в различных социальных ситуациях. Например, электоральное поведение среднестатистического россиянина, независимо от его образовательного уровня, почти исключительно ориентировано на традиционалистский архетип. «Голосуют сердцем» («умом Россию не понять...»), т.е. выбирают не проекты и программы преобразований, а человека, которому доверяют — вполне в духе персонификации социальных связей, свойственной менталитету традиционного общества. Понимая (а скорее, чувствуя) это, кандидаты не спешат обнародовать свои предвыборные программы, вызывая недоумение международных наблюдателей. «Кто такой Путин?» — вопрос, ставший воистину риторическим на Давосском форуме 2000 года.

Но потребляя досуговые технологии, современный россиянин, во всяком случае в городах, явно проявляет черты постмодернистского менталитета. Пленительные виртуальные реальности телесериалов, компьютерных игр и вакханалии шоу-бизнеса, похожие на ритуальные пляски дикарей, все более вытесняют из сознания (да и из школьных программ) великую русскую литературу — бесценное культурное наследие, без которого Россия — «Верхняя Вольты с ракетами».

В попытке «догнать Запад» российские реформаторы гайдаровского призыва действовали по атлантической, монетаристской схеме. Они стремились «догнать» Запад VIII века, создавая предпосылки свободного рынка, «невидимая рука» которого якобы в состоянии автоматически разрешить все социальные проблемы. Между тем английский экономист Дж. Кейнс, еще в 1936 г. проанализировав причины экономического кризиса, поразившего ведущие капиталистические страны в 30-е годы прошлого века, показал, что рынок хотя и способен адекватно определять соответствие между спросом и предложением, но сам по себе он не в состоянии обеспечивать это соответствие на оптимальном уровне¹⁸. Влияние идей Дж. Кейнса было столь значительным (как в области экономической науки, так и в экономической практике), что в развитых капиталистических странах ответственность государства за обеспечение занятости, сбалансированного развития и в принятии антимонопольных законов стала нормой демократической практики. Современный уровень разделения труда, широкое внедрение дистанционных технологий, а также поразивший современные страны Запада «кризис идентичности» полагают пределы экономическому либерализму, основанному на приоритете прав индивида. В условиях постмодернизации решающим преимуществом обладает тот, кто наилучшим образом наладил социальные коммуникации. Зримый тому пример — страны Тихоокеанского региона («Тихоокеанские драконы»), осуществившие мощный технологический прорыв в цифровую эру отнюдь не на основе индивидуалистски ориентированной протестантской этики, а на духовных скрепах традиционалистского сознания. Для постсовременной ментальности характерно осознание того, что буржуазный индивидуализм не адекватен вызовам современной цивилизации. Именно поэтому в странах классической модернизации прилагают огромные усилия к тому, чтобы реставрировать те ценности традиционного общества (взаимопомощь, социальную ответственность, бережное отношение к природе и человеку и т.д.), которые оказались утраченными («уплаченными») в результате утраты «ценностной рациональности» (Ю. Хабермас) традиционного общества. Такова цена прогресса.

На Западе попытки реставрировать традиционалистские ценности, обладающие общечеловеческим содержанием, пока не дали ощутимых результатов: от мышления в парадигме силы и власти к устойчивой коэволюционной стратегии путь не скор. Там, где названные ценности утратили способность мотивировать человеческое поведение

ние, попытка их возрождения оборачивается то ли трагедией, то ли фарсом: падением в неоархаику, неокочевничество, неотрайбализм. Ведь свойственная постиндустриальному («информационному») обществу виртуализация коммуникаций, соединяя людей информационно, разобщают эмоционально и, увы, не способствуют поддержанию социальной ответственности. Жизнь как игра забавна и насыщена, но ее цена — ощущение социальной бездомности, «неокочевничество». «Кризис идентичности» — неизбежный спутник децентрированной личности, утратившей свою нишу в общественном бытии — сопровождается переживанием свободы как пустоты и социальной не востребоваемости, порождая парадоксальный для классического капитализма феномен «Бегства от свободы» (Э.Фромм).

Но в России многие из этих ценностей сохранились в структурах традиционалистского менталитета. Именно поэтому сегодня российский менталитет, как это ни парадоксально, более подготовлен к вызовам постсовременности, чем в развитых капиталистических странах. Междисциплинарная задача специалистов в области общественных наук — смоделировать такие пути устойчивого развития, на которых наличные российской предпосылки смогли бы заработать в полную силу. Для решения этой задачи у нас в наличии серьезные культурные ресурсы. Именно у СССР многие экономически продвинутые страны перенимали тот бесценный социальный опыт организации науки, высшего образования и здравоохранения, от которого сегодня реформаторы правого крыла столь бездумно отказываются, выплескивая вместе с водой и ребенка. Нелишне вспомнить и то, что важнейшей составляющей «тихоокеанского чуда» стал переход стран Азиатско-Тихоокеанского региона к бесплатной системе высшего образования. Но постсоветская установка на самокупаемость образования и по сей день, как дамоклов меч, довлеет российской системе не только высшего, но и среднего, народного образования. На практике это означает, что работникам народного образования предлагают вменить в обязанность не только учить детей, но и самим зарабатывать деньги на нужды школы. Но зарубежный опыт свидетельствует как раз об обратном. Шведские коллеги вспоминают, как двадцать лет учились у нас «сильной социальной политике» в области образования, здравоохранения и культуры, и этот опыт с учетом национальной специфики активно использован в «шведской модели социализма». Два года назад английская общественность широко отмечала тридцатилетие системы бесплатного медицинского обслуживания. И даже сильнейшая эпидемия гриппа, постигшая тогда туманный

Альбион и вскрывшая серьезные недостатки национальной системы здравоохранения, не смогла побудить англичан отказаться от этого социального (а по сути — социалистического) завоевания. Российские же реформаторы от медицины не устают повторять, что «за здоровье надо платить». И большинству трудящихся россиян здоровье «не по карману». Так обретает буквальный смысл горькая правда о том, что жизнь в России не является предметом первой необходимости.

Так от какого же наследства мы отказываемся?

И все же — повторим — в России сохранились значительные ресурсы позитивной социальной динамики. Они состоят в возможности реализовать сценарии дальнейшего развития, основанные на восстановлении трудовой этики, социальной ответственности, коллективизма. И хотя у нас все еще слышны голоса, призывающие, ориентируясь на атлантическую модель капитализма, строить жизнь «не по ценностям, а по интересам», такая позиция представляется мне недостойной не только социального ученого, но и человека.

Еще Н.Лосский сетовал на то, что в России постоянно довлеет проблема «срединной области культуры», непосредственных противоположностей. В приведенной выше структуре российского менталитета — традиционализм, индустриальная современность и постсовременность (информационное общество) — самое «слабое звено», опять же, среднее. Однако в поисках ресурсов позитивной социальной динамики именно это обстоятельство сегодня внушает оптимизм. Дело в том, что структуры традиционалистского менталитета образуют с постсовременным куда более прочный сплав, чем с менталитетом индустриального общества, жизненные смыслы и ценности которого (нравственно не регулируемое, потребительски-хищническое отношение человека к природе, друг к другу и самому себе, помноженные на жесткость социокультурных технологий) в значительной мере противоположны традиционалистскому менталитету со свойственным ему бережным, нравственно регулируемым отношением человека к природе, обществу и самому себе, стремлением не покорять природу, а вписаться в их структуры, не разрушая их. Возможно, в этом и состоит залог нашей способности адекватно ответить на вызов постсовременности.

Однако наивно полагать, что ответ придет сам собою, без сознательных усилий со стороны различных общественных сил, политической воли и разума. В современной духовной жизни России отсутствуют сколько-нибудь крупные культурные инициативы масштаба «русской идеи». Но вряд ли стоит стремиться к тому, чтобы вновь преподать человечеству очередной горький урок. Мне представляется,

что регулятивной идеей, сохранившей способность активно влиять на ментальность современного российского общества, является воплощающая общечеловеческую ценность идея *социальной справедливости*. Еще со времен Аристотеля она демонстрирует свою значимость для европейской культуры, однако многие и по сей день подвергают сомнению ее культурную значимость на том основании, что она не достижима на практике. Вот как аргументирует эту мысль признанный лидер неоллиберализма, лауреат нобелевской премии по экономике Ф.А. фон Хайек: «Полная беспредметность «социальной справедливости» проявляется в том, что отсутствует единство в споре о критериях, на основании которых стала бы возможной объективная оценка эффективности вклада каждого в общий продукт для так называемого справедливого вознаграждения. Итог всех проведенных исследований показывает, что никто из недовольных сегодняшней моделью распределения не в состоянии противопоставить решительно ничего определенного взамен того, что обладало бы признаками справедливости»¹⁹.

Разберемся. Во-первых, как экономист Хайек рассматривает лишь распределительный аспект социальной справедливости, тогда как содержание этого понятия гораздо шире. Так крупнейший отечественный специалист в области этики А.А. Гусейнов настаивает на том, что «справедливость <...> касается человеческих взаимоотношений во всех их общественно значимых разновидностях (от межличностной сферы до международных отношений). Специфический предмет справедливости — благо и зло совместного существования в рамках единого социального пространства»²⁰. Во-вторых, само понятие социальной справедливости исторически изменчиво даже и в том узком значении, какое придает ему фон Хайек. Так, «если нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым, — указывал Ф.Энгельс, — то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя»²¹. Наконец, недостижимость — черта любого идеала, благодаря которой он и обладает регулятивной силой. На эту особенность идеала обращали внимание еще основатели «этического социализма» (Г.Коген, П.Наторп, Р.Штамлер, К.Форлендер, П.Нельсон), в духе неокантианских традиций утверждая, что трансцендентность по отношению к реальности — неотъемлемая черта любого идеала, который, в отличие от «сущего», наделен чертами «должного». Наконец, фактический отказ от использования понятия социальной справедливости в идеологических концепциях современных правых базируется и на определенных социальных практиках, и прежде всего — криминальной приватизации всенародной

собственности, отбросившей большую часть населения страны за черту бедности. Поэтому, не вдаваясь в рассмотрение взаимоотношения идеала и реальности, мне представляется более конструктивным рассмотреть те социальные обстоятельства, которые на сегодняшний день препятствуют практической реализации идеи социальной справедливости в ее исторически и культурно-антропологически детерминированном объеме.

Еще Аристотель выделил 2 формы специальной (частной) справедливости как «нравственно санкционированной соразмерности распределения благ в рамках единого социального, государственно-организованного пространства»²², которые, как указывает А.А. Гусейнов, составляют несущую конструкцию всех последующих теорий: распределительной и уравнивающей. Определяющей для современных обществ является принцип распределительной справедливости «каждому — по заслугам», хотя принципы «всем поровну» и «каждому — по потребностям» в качестве второстепенных все же незаменимы в отдельных областях современной общественной практики. Какую же картину мы наблюдаем в современной России? Первый вопрос, на который сегодня нет юридического ответа, состоит в том, являются ли недра страны общенациональным достоянием или они принадлежат узкому кругу лиц, приватизировавших территорию их залегания? Но фактический ответ на него очевиден. Современный Газпром превратился в «государство в государстве», по финансовой мощи сравнимым с национальным бюджетом России. Можно ли всерьез говорить о «распределении по заслугам»?

Распределяются ли сегодня права человека по принципу «всем поровну»? Ориентированный главным образом на защиту прав предпринимателей, новый Трудовой Кодекс Российской Федерации по степени юридической защиты прав трудящихся заметно уступает предыдущему, перечеркивая весь мировой опыт профсоюзного движения. Степень социальной защищенности прав человека находит свое выражение в демократических свободах, в частности праве избирать и быть избранным. Широкое использование в электоральной практике так называемых «грязных» технологий делает весьма уязвимой одну из важнейших гражданских свобод. Все, что остается избирателю, — это «символическое удовлетворение» самим фактом участия. Наконец, регулятивный принцип социальной работы «каждому — по потребностям» (в оказании социальной помощи и налоговых льготах) сегодня обременен таким количеством бюрократических преград, которые делают его практически не дееспособным.

Ничуть не лучше обстоят дела и в отношении *уравняющей справедливости*, должествуемой осуществляться без учета личных достоинств и индивидуального вклада лиц в общественное производство. Она применяется в сфере обмена и осуществления наказаний. Сегодня вряд ли кто усомнится в том, что марксова трудовая теория стоимости, в соответствии с которой рыночная цена колеблется вокруг величины, определяемой общественно-необходимым временем, затраченным на производство товара, применима лишь для восходящего капитализма эпохи свободной конкуренции. В виртуальной же экономике, для которой характерно «резкое ослабление обычных причинно-следственных связей, практически полный отрыв денежно-финансового рынка от реалий производственной сферы»²³, цены устанавливает тот, кто установил информационный контроль над рынком. Более того, монетаристские реформы привели к тому, что «курсы акций окончательно потеряли связь с событиями внутри страны и зависят в основном от состояния североамериканского рынка»²⁴. О каком эквивалентном обмене в подобной ситуации может идти речь?

Что же касается неотвратимости и справедливой меры наказания за совершенные правонарушения, то в этой области дела обстоят ничуть не менее удручающе. В последние годы заметно возрос рейтинг радиопередачи «Облака» — для заключенных и всех тех, кому не безразлична их судьба. Приводимые в ней вопиющие факты нарушения прав человека в местах лишения свободы неопровержимо свидетельствуют, что современная система осуществления наказаний в России лишает человека не свободы, но человеческих условий бытия как таковых. И это в то время, когда современная практика отбывания наказаний в европейских государствах постоянно эволюционирует в направлении смягчения режима: в Голландии заключенных, не нарушающих режима содержания, отпускают ночевать по домам, в Швеции осужденным и вовсе позволяют проживать дома, ограничивая лишь пределы их передвижения.

Подобные примеры можно множить до бесконечности, но вывод, к которому я хочу подвести, один. Для того, чтобы на деле превратить социальную справедливость в регулятивную идею, способную если не отладить наличный механизм социальных коммуникаций, то хотя бы сглаживать остроту современных социальных конфликтов в целях достижения более высокой степени общественной безопасности, необходимо, оставив, наконец, абстрактные рассуждения о недостижимости идеала и основываясь на гарантированных Конституцией демократических правах и свободах, осуществлять постоянную и кропотливую работу по смягчению и последующей

элиминации тех социальных обстоятельств, которые противоречат фундаментальным установкам социальной справедливости. Мыслить глобально, действовать локально. Но это самое трудное.

Примечания

- ¹ Заметим, что менталитет — не «надстройка» над независимой от него социальной реальностью. Он ее неотъемлемая составная часть. Менталитет — культурная матрица непрерывного воспроизводства определенного цивилизационного типа. Понятие менталитета выражает активное, программирующее воздействие человеческих ценностей, способов восприятия и базисных структур понимания на формирование социальной реальности как таковой.
- ² См.: Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 602—633.
- ³ См.: Потемкин А.П. Элитная экономика. М., 2001. С. 325.
- ⁴ Караулов А. Диалог с Г.Х.Поповым // Вокруг Кремля. М., 1993. Т. 2. С. 405.
- ⁵ См.: Вебер М. Основные социологические понятия. С. 602—625.
- ⁶ О соотношении понятий «общественная формация» и «цивилизация» см.: Плетников Ю.К. Формационная и цивилизационная триады К.Маркса // Карл Маркс и современная философия. М., 1999. Автор выделяет 4 основных парадигмы цивилизационного анализа: общеисторическую, философско-антропологическую, социокультурную и технологическую.
- ⁷ Следует согласиться с мнением В.М.Межуева, что Запад никогда не ставил перед собой задачи «перехода от традиционного общества к современному», т.е. не рассматривал современность как нечто, лежащее впереди себя. Межуев В.М. Проблема современности в контексте модернизации и глобализации // Экономические модели модернизации. М., 2002. С. 141. Соглашаясь с ним, я стараюсь избегать использования столь распространенного в современной философской литературе словосочетания, как «проект современности».
- ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 92; Т. 46. Ч. 1. С. 477.
- ⁹ См.: Панарин А.С. Стиль «ретро» в идеологии и политике. М., 1989.
- ¹⁰ См.: Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов // Социология политики. М., 1993.
- ¹¹ См.: Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М.: ИФ РАН, 1996; Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1996.
- ¹² Покровский Н.Е. Великий отказ // На перепутье (Новые Вехи). М., 1999. С. 174.
- ¹³ См.: Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе. М.: ИФ РАН, 1995.
- ¹⁴ См.: Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров. М., 2001.
- ¹⁵ Покровский Н.Е. Великий отказ // На перепутье (Новые Вехи). М., 1999. С. 174.
- ¹⁶ Мясникова Л.А. Экономика постмодерна и отношения собственности // Вопр. философии. 2002. № 7. С. 6.
- ¹⁷ Эко У. Средние века уже начались // Иностран. лит. 1994. № 4.

- ¹⁸ *Кейнс Дж.* Общая теория занятости, производства и денег. М.: Прогресс, 1978.
- ¹⁹ *Хайек Ф.А.* Антология сочинений. Электронная версия <http://www.libertarium.ru/libertarium/lib/>.
- ²⁰ *Гусейнов А.А.* Справедливость // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., Мысль. 2001. С. 622–623.
- ²¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 124.
- ²² *Гусейнов А.А.* Указ. соч. С. 623.
- ²³ *Потемкин А.П.* Элитная экономика. М., 2001. С. 5.
- ²⁴ Там же. С. 4.

Постмодернизм и глобализация

Либерализм, ценностям которого все еще прикрывается глобализация, все больше теряет свою былую привлекательность. Сегодня он явно работает как идеологическая система двойных стандартов. Никто уже всерьез не верит ни в «чистый рынок», огражденный от всякого вмешательства политических инстанций, ни в свободную конкуренцию, ни в суверенитет потребителя, на самом деле давно превратившегося в объект эффективной манипуляции со стороны все-мощной рекламы. Точно так же серьезные люди, вкушившие соответствующий опыт, не верят ни в реальный партийно-политический плюрализм, ни в гражданский социальный консенсус, ни в правовое государство. Все эти либеральные ценности сегодня явно превратились в пропагандистскую «утку» новых господ мира сего, которые реально ориентируются не на либеральный порядок, а на «пиночетовскую диктатуру» в национальном, да и в мировом масштабе. Либерализм остается всего лишь *декларацией* о буржуазных свободах. В этом отношении нужна была эффективная работа по подмене терминов, что действительно осуществил постмодернизм.

Постмодернистский деконструктивизм и глобализация

Сегодня апологетическая мифология глобализма напирает на такие очевидности, как объективность и необратимость процесса растущей взаимозависимости мира, интеграционные тенденции, образование единых наднациональных экономических, информационных, культурных пространств. При этом остается в тени главная

проблема, относящаяся к «закону сохранения и превращения энергии»: если растущая часть социальной энергии и ресурсов переходит в единое глобальное пространство, то, следовательно, такая же часть изымается из ведения наций и национальных государств, которые тем самым «деконструируются». Несомненный факт, что процесс глобализации идет неравномерно: в нем участвуют одновременно не все элементы, не все слои национальных обществ, а в первую очередь наиболее социально мобильные и влиятельные, которые тем самым выходят из-под национального социально-политического контроля.

Никто не осмелится заявить прямо, что между глобализмом и демократией намечилось глубочайшее противоречие: если демократия означает суверенитет народа — электорального большинства, контролирующего своих правителей и их решения, то глобализация означает передачи растущей части решений — причем не декоративных, а напрямую затрагивающих вопросы социальной безопасности большинства наднациональным центром власти, таким, как «трехсторонняя комиссия», «вашингтонский консенсус», МВФ, МБ и другие. Тем не менее правящие в России «демократы» предпочитают по-прежнему оперировать дилеммой «демократия-тоталитаризм», уводя внимание общественности от новой дилеммы «демократия-глобализм», в рамках которой просматриваются сегодня наиболее опасные вызовы демократическому суверенитету народа.

Никто не отрицает того факта, что в настоящее время лидирующей по всем показателям глобализации является *финансовая элита*, связанная с глобальными играми краткосрочного спекулятивного капитала. Ежегодно в поисках спекулятивной прибыли национальные границы пересекают более 1,5 триллиона долларов* . Это означает, что по меньшей мере столько же долларов изымается из реальной производящей экономики, из сферы легального налогообложения, из всего того, что способно работать на благосостояние национального большинства. Не вправе ли мы предположить, что заинтересованным субъектом, непосредственно связанным с глобальными практиками спекулятивного финансового капитала, выгодно представить дело так, будто всему этому «нет альтернативы» и что опасения народного оппозиционного большинства в связи с этими деконструктивистскими играми свидетельствуют лишь о невежестве, «агрессивном традиционализме» и национализме? Если в мире появился столь влиятельный и несомненно заинтересованный в оправдании своих практик «субъект действия», то судя по всему он не пренебрежет возможнос-

* Экспертные данные на 1997 г.

тью как-то привлечь на свою сторону носителей модно-влиятельного проекта «постмодернистской деконструкции», способных выдать ему недостающее интеллектуальное алиби.

В этом плане особенно многозначительным выглядит откровенный крен постмодернистской философии на сторону бинарных философских оппозиций, разбирающих извечную динамику добра и зла, истины и лжи, нормального и девиантного в этом мире. Мы вправе предположить, что до тех расчисток пространства моральных суждений, которые произвел постмодернизм, мало кто осмеливался бы заявить, что «мафия кормит страну» (в противовес «ретроградной» государственной экономике), что взятка чиновника является его «законным бизнесом» или что люди, выдающие национальные секреты иностранным разведкам, ближе к современной «глобальной этике», чем люди, верные присяге и долгу. Иными словами, нам нельзя игнорировать то обстоятельство, что новый спекулятивный капитализм, у которого не осталось привычных оправданий старого «веберовского» капитализма, связанного с продуктивной экономикой, непременно адресует свой социальный заказ постмодернизму и попытается приспособить выводы модной философии к своим собственным нуждам. Наиболее показательным здесь, пожалуй, выглядит совпадение «текстового» дискурса постмодернизма с потребностями спекулятивного капитала интерпретировать деньги как автономно циркулирующие «знаки», имеющие право не сверяться с «референтом» (с реальной экономикой). Постмодернистская презумпция принципиальной немотивированности знака («обозначающего»), бесконечно удаляющегося в своем автономном движении от «обозначаемого», прекрасно вписывается в нынешние практики ротации денег, минуя всякое отношение к товарной массе и обслуживанию реальной экономики. Подобно тому, как тема отчуждения реинтерпретировалась у К.Маркса в опыте пролетариата, тема *деконструкции* может быть реинтерпретирована в опыте глобализирующегося буржуазного класса. Этот класс сегодня прямо требует «деконструкции» всех национальных богатств — перевода их в ликвидную (денежную) форму и беспрепятственного «трансфера» их через национальные границы.

И здесь мы переходим к еще одному постулату постмодернистской философии — постулату «не-наличия». Постмодернистское видение мира как хаотичного движения текстов, оторванных от обозначаемой ими реальности (на ее долю остается значение «следа», слабого воспоминания, «первичной травмы» человеческого детства, наподобие «травм» инфантильного опыта у Фрейда), ведет к оправданию известной практики неоплаченных векселей — от нарушен-

ных обещаний политики до разрушенных обязательств перед вкладчиками сбережений. Все это может показаться кому-то приемами вульгарного социологизма, слишком прямо проецирующего абстрактные понятия и принципы философии на эмпирический социальный опыт известных групп. Но дело ведь не в наших попытках более или менее произвольно проецировать заявки и проекты философской теории на позиции тех или иных влиятельных социальных групп; дело в том, что сами эти группы активно проецируют себя на постмодернистскую теорию, рассчитывая с ее помощью получить алиби для своих практик. Чем больший символический капитал — капитал общественного убеждения — несет в себе то или иное философское течение, тем выше вероятность того, что его попытаются присвоить себе влиятельные агенты действия. И такая социологическая проекция постмодернистского опыта напрашивается не только в силу поразительного совпадения интенций постмодерна, воюющего с «метафизикой наличия», с интенциями глобальных манипуляторов, ускользающих от данных обязательств. Она напрашивается и самим новопровозглашенным статусом философии, выводимым постмодернизмом из своих академических укрытий прямо в мир «мозаичной повседневности».

В свое время только марксизм открыто заявлял о своей связи с социальными практиками. Социальная заявка постмодернистской философии, вырвавшейся из «академического гетто», в чем-то поразительно созвучны. Только, разумеется, с двумя существенными поправками. Во-первых, никаких «позитивных» программ, воодушевляющих прежде, ценностно ориентированное сознание, у постмодернизма нет, напротив, он апеллирует к «прежде униженным» моментам бинарной оппозиции, несущим нищенский демонизм отрицания. Во-вторых, постмодернизму, разумеется, органически чужды какие-либо коллективные проекты, исходящие из принципа устойчивой социальной идентичности людей. Адресатом постмодернистской философии является личность, постоянно пересматривающая свою идентичность, рвущая с любыми устойчивыми обязательствами и ролями, пребывающая в неуловимом «игровом модуле». И горе тем, кто осмеливается посягнуть на эти игровые права постмодернистского индивидуализма и призвать его к серьезности, ответственности или хотя бы социальной устойчивости. Игрок постмодерна потому и стремится к статусу вольного «гражданина мира», что этот статус позволяет ему пребывать «вне наличия», вне определенных обязательств и привязок.

Как же обыгрывается «не-наличие» в конкретном опыте глобализирующихся элит, ускользающих от национального контроля? Новые постмодернистские элиты, в отличие от прежних пионеров модернизации, предлагают массам знаки вместо реальности: знаки потребления вместо реального потребления, знаки демократии вместо реального народовластия, ваучеры (чеки) — вместо реального участия в собственности и т.п. Когда подходят обещанные сроки расплаты, элиты предлагают новые знаки, требующие соответственно новых отсрочек обналичивания. Ротация лидеров, изменение программ и платформ отныне должны быть поняты не в логике последовательного приближения к реальности, а в логике перманентного отсрочивания, отодвижения обещанной расплаты. Обанкротившегося лидера сменяет «преемник» не для того, чтобы реально скорректировать курс и расплатиться по данным обязательствам, а для того, чтобы продлить готовность избирателя, заново обнадеженного явлением новой политической фигуры, в очередной раз потерпеть исполнения обещаний. «Обналичивание», вполне в духе установок постмодернистского опыта, то и дело отодвигается, его удел в конечном счете — ускользание в бесконечность.

Но стратегическая задача школы постмодерна состоит в том, чтобы вообще перестроить наше сознание с реальности на знак, с «обозначаемого» на «обозначающее». Новые знаки в конечном счете должны восприниматься как самоценные, а привычка ждать «обналичивания» осуждается как атавизм традиционалистского сознания, привыкшего все понимать буквально, вне «игрового» контекста. Сам вектор движения глобализирующихся элит обозначен постмодернистски — в духе практической «критики наличия». «Реформаторы» начинают свою деятельность там, где торговля знаками идет в присутствии доверчивой публики, не сомневающейся, что оплата по векселям последует, но перемещаются в новое пространство в тот самый момент, когда сроки обещанного «обналичивания» подошли. В итоге публика получает не обещанное, а всего лишь новые обещания. В этом смысле глобалистская критика национально-ответственного поведения совпадает с постмодернистской критикой «наличия». Ясно, что радикально уменьшить риск для тех, кто широко практикует обманную торговлю никогда не обналичиваемыми знаками, можно лишь заполучив такое массовое сознание, которое вообще утрачивает способность к достоверному различению виртуального и реального. В мире новых, постмодернистских приоритетов, где виртуальное ценится выше реального, сама демократия меняет свое содержание. Демократия здесь, во-первых, означает право уходить от

истины — на своеобразный эпистемологический «либерализм» или «плюрализм», уравнивающий права реальности и права нашего вымысла, а во-вторых, право реально мигрировать или дезертировать из той реальности, тяготы которой нам показались чрезмерными.

Словом, если модерн, связавший себя с Просвещением, с точным знанием, давал нам право и надежду на реальные преобразования не устраивающей нас действительности, то постмодерн дает нам право либо «свободно» игнорировать эту действительность (равно доступные виртуальные практики) или — мигрировать из этой действительности в более шадящее пространство (привилегированные практики глобализирующихся элит). В целом создается впечатление, что постмодерн испугался серьезности демократических обещаний модерна, но, не решившись откровенно их дезавуировать, легитимировал подмены. Впрочем, в этом пункте и намечается современное классовое деление опыта постмодерна. Дело в том, что пресловутая автономия знаков, связанных с первоначальным содержанием только на уровне некоего смутного «следа» (Ж.Деррида), по-разному проявляется в опыте привилегированных и непривилегированных. Элитарные группы — торговцы знаками (владельцы символического капитала) выманивают и выменивают на них отнюдь не призрачные ценности. Они претендуют на то, чтобы на их уровне самые дерзкие мечты раскованного гедонистического воображения сбывались — за счет соответствующего ограничения реальных возможностей непривилегированных. Распространяемые привилегированными «знаки» властно притягивают богатство, подобно тому как ничем не обеспеченный доллар* по-прежнему обменивается на реальные ценности и похищает реальные богатства стран, вольно или невольно вошедших в «долларовую зону». С символическими играми автономного знака связаны и так называемые интеллектуальные ренты. Первичный смысл данного понятия, сохраненный на уровне «следа», состоит в том, что интеллектуальная рента отражает наукоемкость товара, превышающую среднеотраслевой уровень. Большие вложения творческого труда, воплощенного в товаре, образуют его дополнительную стоимость. Однако сегодня интеллектуальная рента на деле означает не столько творческую способность, сколько определенную привилегию. Товары стран, входящих в элитарный круг «золотого миллиарда», при прочих явных достоинствах, автоматически продаются

* После произвольного выхода США из Бреттен-Вудских соглашений в 1971 году эмиссия доллара практически ничем не обеспечена, кроме системы общего давления США на мир.

дороже аналогичных товаров, производимых на периферии. Иными словами, символическая нагрузка на единицу физического объема возрастает не столько по закону научно-технического прогресса, сколько по законам неэквивалентного обмена. «Автономия знаков» выражает известную «прибавочную стоимость», которую получают привилегированные страны, группы и инстанции независимо от своего реального вклада.

Что же касается «автономии знаков» применительно к ситуации непривилегированных, то она измеряется готовностью последних удовлетвориться символическими обретениями взамен реальных. Непривилегированных принудительно включают в игру в «голового короля», понуждая их доверять не эмпирическому опыту, нагруженному неизменной реальностью, а «рафинированному» опыту символических форм. Когда, например, говорят о том, что дали «реформы» российскому населению, неизменно апеллируют не к обыденному социальному опыту миллионов, заново познавших нищету, лишения и социальное бесправие, а к «демократическому» опыту привилегированных, который на общем уровне выглядит чисто символически (в форме «знаков», оторванных от реальной повседневности).

Но это вовсе не значит, что непривилегированные выступают просто в роли обманутых. Дело в том, что постмодернистская деконструкция социума, которая сопутствует «демократизации» и глобализации, выглядит и на уровне привилегированных, и на уровне непривилегированных как *опыт освобождения*. В первом случае речь идет о реальном отвоевании буржуазным классом особых прав у общества — прав свободно переводить капитал за рубеж, ускользать от налогов, отбросить социальные завоевания последних 100–150 лет, связанные с системой социального государства. Для такого реального буржуазного освобождения требуются реальные деконструкции. Нужно деконструировать былое государство, способное контролировать и призывать к ответу. Нужно деконструировать саму общественную мораль, расшатав устоявшиеся нравственные критерии и духовный опыт различения добра и зла. Нужно деконструировать культуру с ее приоритетами высшего, внеутилитарного, «постэкономического». В последнем случае деконструкция представляет собой перманентно действующую процедуру заподозривания — последовательного развенчания всего того, в чем воплощены прежние социальные идеалы и завоевания цивилизации. Теперь, после аналитических разработок постмодернистской философии, мы можем лучше оценить значение нынешних неустанных разоблачений того, в чем находило свою опору самосознание русского и советского человека. О чем бы

величественно-героическом, воодушевляющем или просто морально бесспорном ни шла речь — об объединении Руси, об Отечественной войне 1812 года, о Великой Отечественной войне, как тут же подключаются мастера деконструкции и активизируют «воспоминания» о теневой стороне дела: азиатской жестокости царей-объединителей, темноте крестьянского патриотизма, обесмысленного крепостничеством, палаческих заградотрядах, будто бы только и предопределивших успехи Советской армии в Сталинградской битве, и т.п. А на более высоком академическом уровне действуют теории, подобные чикагскому учению, призванные скомпрометировать социально ориентированные ограничения конкуренции, социальное государство, права профсоюзов — вообще все механизмы, воплощающие цивилизованную коррекцию естественного рыночного отбора. Ясно, что подлинный смысл вся эта система деконструкции обретает в свете проекта нового освобождения собственнического класса от прежних социальных и моральных ограничений, в свете его войны с цивилизацией во имя торжества социал-дарвинистского «естественного порядка».

Класс интеллектуалов, естественно тяготеющий к «деконструкции» всех систем, так или иначе питающих различного рода фанатизм и традиционалистские верования, может продолжать оценивать проект деконструктивизма как новейшую форму «романтической иронии», подрывающей авторитарную догматику. Но сегодня, судя по всему, опыт деконструкции затребован теми, кому понадобилось «деконструировать» все обретения социальной демократии за последние 150 лет. И эти круги уже воспользовались реальными возможностями «деконструкции» куда эффективнее, чем интеллигенция, тираноборческая «ирония» которой оказалась реинтерпретированной на потребу нового социального заказчика. В этой реинтерпретации деконструктивизм реально выступает как разрушение социума безответственным буржуазным индивидуализмом. Все, в чем данный индивидуализм узнает своего морального, политического и социального оппонента, в чем находят воплощение приоритеты общественного блага над индивидуалистической волей к обогащению любой ценой, подвергается воздействию деконструктивизма. Здесь — реальная доминанта деконструктивистского опыта, сосредоточение действительной власти и воли, за ним стоящей. Пора понять, что различные общественные группы не равны в своей способности перекупать и использовать символический капитал, воплощенный в тех или иных модных течениях века. Одни группы способны эксплуатировать этот капитал весьма профессионально, другие могут оказаться в

роли слепых попутчиков, не ведающих конечных последствий мероприятия. Ясно одно: точкой совпадения деконструктивистского опыта и классового буржуазного опыта сегодня стал *индивидуализм*. Буржуазный социальный заказ состоит в том, чтобы полностью освободить «экономически ориентированного» индивида от всех социальных и моральных помех, выстроенных на его пути культурой и цивилизацией. Все институты и установления деконструируются до уровня того, что непосредственно соотносятся с индивидуальной волей к обогащению любой ценой — все прочие сложные «надстройки» снимаются.

Обратимся теперь к деконструктивистскому опыту непривилегированных. Среди них стремительно растет круг людей, обнаруживающих усталость от социальной мобилизации. Как знать, возможно вся эпопея модерна с его проектом ускоренной индустриализации, новыми дисциплинарными практиками, неведомыми традиционному человеку, живущему в ритмах естественной среды, породила известный эффект общечеловеческой усталости, тем более что самые заманчивые обещания и мечты модерна так и не сбылись на массовом уровне. Массовый человек, в первую очередь, разумеется, в молодом поколении, *устал* — он больше не готов отзываться на героические коллективные призывы, заново затягивать пояса во имя светлого будущего, верить «великим пророкам» и «великим организаторам». На этот источник массовых «постмодернистских» настроений обратил внимание З.Бауман*. Но ни З.Бауман, ни другие аналитики не выявили реальных социальных последствий «опыта постмодерна» в его массовом применении. Речь идет об опыте *дезертиров социума*, отказывающихся нести бремя социальной дисциплины и долга во всех его проявлениях. Эти дезертиры по-своему сотрудничают в деле деконструкции национального государства, армии, промышленности, то есть помогают глобалистам устранять преграды на пути глобализации. Они — тоже индивидуалисты, но их индивидуализм, в отличие от индивидуализма приватизаторов, носит инфантильно-беспомощный, саморазрушающий характер. Маленькие люди из «Шинели» Гоголя — все эти достойные жалости Акакии Акакиевичи потому и превратились из объектов чужой воли в самостоятельных субъектов действия, что научились объединяться в дисциплинированные группы коллективного протеста и самозащиты. Маленький человек из низов сразу же стал превращаться в большого, когда, в форме марксизма, взял на вооружение символический капитал немецкой классической философии, помогающей сформировать устойчивую кол-

* См.: Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4.

лективную идентичность, обрести коллективную веру и долгосрочный исторический проект. Теперь эта коллективная идентичность «маленьких людей» успешно разлагается «деконструктивистами», развенчивающими все «коллективные мифы» и «метарассказы» историзма. Маленькому человеку предлагается вместо трудного пути коллективного сопротивления легкий путь неучастия и индивидуалистического дезертирства.

Наглядно это проявилось в новейшем опыте постсоветской деиндустриализации. Привилегированные индивидуалисты — приватизаторы организовали деиндустриализацию с целью все растащить по своим частным карманам и расчистить территорию «этой» страны для своих практик спекулятивного обогащения. А что осталось в удел новым индивидуалистам из стана непривилегированных? Их обретения можно интерпретировать на языке психологии и психоанализа. Деиндустриализация для них подобна фрейдистскому «убийству Отца» — носителя дисциплинарной нормы и обретенное право ротозейничать на фоне нищенства. Не прошедшие постмодернистскую школу индивидуалистической расслабленности могут скорбеть по поводу утраты надежного заработка, квалификации и профессии, возможностей служебного продвижения, заложенных в былой системе массовой вертикальной мобильности. Напротив, их сыновья, освоившиеся в роли «юношей Эдипов», избавившихся от «отцовской дисциплины», могут радоваться тому, что вместе с крушением отечественной промышленности отменена необходимость с утра вставать к станку, соблюдать производственную дисциплину и социальную дисциплину вообще (в качестве былой надстройки над промышленной дисциплинарной системой). Они могут осваиваться в роли «челноков», мелких торговцев и менял, соискателей случайного заработка, по реальным социальным критериям явно «опущенных», но избавленных от бремени прежних форм ответственности.

Эти массовые «постмодернисты» по-своему внимают профессиональным мастерам деконструкции, дискредитирующим систему коллективных социальных обязательств и связанные с нею институты. Они радуются ослаблению национального государства, жадно внимают либеральным критикам армии и других «авторитарных» институтов. Их индивидуализм не конвертируется в опыт реальных частных собственности приобретений, оставаясь целиком в психоаналитическом поле «освобожденного инстинкта». Совсем недавно марксизм упрекали в том, что он населил мир утопистами революционно-экстремистского толка. Постмодернизм населяет мир утопистами, вздумавшими вообще покончить с «принципом реальности»,

заменяя его «принципом удовольствия» — в основном в сфере виртуального опыта. Эти массовые постмодернисты по-своему осваиваются в «пространстве знаков», оторванных от референта — мигрируют из реальности в сконструированные профессионалами СМИ и другими проектантами виртуального мира «текстовые системы». Вот почему новая Фемида «правового государства» оказывается вовсе подслеповатой, когда ей предстоит осудить продавцов порнографии и наркотиков, дать оценку активистам девиантного поведения, обучающим новые поколения опыту сексуальных меньшинств и другим асоциальным опытам. Дело в том, что другого применения своему «последовательному индивидуализму» слои молодежи, не принадлежащие к истеблишменту, в большинстве своем найти не смогут. На их долю остается дезертирующий индивидуализм «расслабленных» или — индивидуализм новых робингутов, отлавливающих владельцев тугого кошелька в каменных джунглях дичающего города. Но последнее применение индивидуализма непривилегированных все же касается явного меньшинства и, конечно, будет преследоваться «правовым государством», стоящим на страже собственности. Большинство же ожидает маргинализация, несущая на себе постмодернистскую печать «освобождения» от былой промышленной и другой коллективной дисциплины.

Постмодернистская «телесность» в глобализирующемся мире

Здесь самое время обратиться к понятию «телесных практик», занимающему видное место в категориальной системе постмодернизма. С программой реставрации «телесных практик» мы встречаемся как в левой (марксистской), так и в нынешней правой (либерально-постмодернистской) фазах большого исторического цикла. Рабочий у К.Маркса — это материально реабилитированная телесность, противостоящая миру богатых в двойном смысле. Во-первых, рабочий — носитель производительной функции, и в этом смысле он имеет дело не с туманностями надстроечных «факультативных» игр, чем занимаются паразитические верхи, а с сопротивлением природного материала, который он укрощает и преобразует в ходе производства. Во-вторых, рабочий воплощает «социальную материю» производственного базиса, представляя одну, наиболее динамичную сторону производственных отношений, второй, консервативной стороной которых выступает класс собственников. Ясно, что эта марксистская апологетика материалистической пролетарской телесности чревата редуccionистскими эффектами, что и проявилось в опыте «реально-

го социализма». Организаторы «стройки трудящихся» нередко недооценивали на практике роль творческого труда, науки и культуры не только в их надстроечном воплощении, но и в той части, где это касается формирования материально-производственного базиса, который по-коится отнюдь не только на физическом труде. Тем не менее реальная практика социализма по-своему иллюстрировала «восхождение от абстрактного к конкретному»: от представления, будто только непосредственный труд рабочего создает материальные стоимости, к пониманию того, что в этом процессе в конечном счете участвует вся цивилизация, воплощающая научный творческий гений и гений социальной организации. Массовая культурная революция большевизма, открывшая университеты для трудящейся молодежи, обеспечила новую встречу пролетариата с цивилизацией и новую интеграцию «гегемона» в систему большой культуры.

И вот на наших глазах ситуация с «телом», выпадающим из цивилизации, заново воспроизводится, теперь уже под знаком нового «великого учения» — либерального. Здесь снова распадается постмодернистский опыт привилегированных приватизаторов и постмодернистский опыт массового типа. Обратимся сначала к первому из них. Мы беремся утверждать, что все нынешние рыночные «секвестры», касающиеся науки, культуры и образования, выражают не только изыскания чикагской школы, но и архетипическую установку буржуа-протестанта, столь ярко описанного М.Вебером. Протестант, как известно, отверг веру в коллективный опыт спасения, воплощенный в официальной церкви. Он был убежден, что между верующим и Богом не должны стоять никакие посреднические инстанции — их заступничество не может спасти душу верующего, ответственную только перед Богом. Если верить М.Веберу, этот индивидуалистический проект спасения впоследствии был реинтерпретирован протестантами и включен в их предпринимательский опыт. Протестанты-предприниматели, в отличие от своих коллег — католиков, первыми склонились к опыту невмешательства государства и других общественных инстанций в предпринимательскую сферу — это соответствовало их восприятию данной сферы как теста на подлинность. Протестантская интенция рыночного дела, очищенного от всяких примесей, потакающей коллективности, от помощи со стороны государства и выгодных номенклатурных заказов, идущих помимо «честной конкуренции», несомненно проявилось в новейшем опыте консерватизма, «рейганомики», «тетчеризма» и т.п. Интуиция рыночного индивидуалиста, гордо стоящего один на один с взыскательным потребителем,

как единственной инстанцией, имеющей право выносить свои оценки, несравненно в чем-то воспроизводит интуицию индивидуалистической протестантской аскезы.

Имеет ли это отношение к постмодернистской деконструкции и постмодернистскому «опыту телесности»? К ответу нам по-своему помогает приблизиться теория «рационального выбора», как известно, входящая в арсенал знаменитых «чикагских» аргументов в пользу «чистого рынка». Эта теория оппонировала кейнсианской школе в той ее части, где формировалась концепция «производства потребностей». Адепты этой концепции, создававшие «экономику спроса», прямо заявляли, что современная фирма, вместо того, чтобы пассивно приспосабливаться к потребительскому спросу, сама его активно формирует вплоть до создания совершенно искусственных потребностей, с чистого листа внушенных всеильной рекламой. В ответ на это сторонники теории «рационального выбора» отстаивали суверенитет обыденного сознания и здравого смысла рядового потребителя. Если бы возможности системы производства потребностей в самом деле были бы безграничными, то всякая разница между производством действительно затребованной потребителем продукции и производством не затребованной исчезла, критерии отличия вообще перестали бы работать, и тогда рынок стал бы напоминать план, причем в его действительно тоталитарном значении системы, с одинаковой полнотой формирующей и материю товаров, и дух потребностей. Теория рационального выбора, опираясь на традиции англо-американского эмпиризма, отстаивала приоритет индивидуалистического опыта рядового потребителя, якобы полностью суверенного в выборе и потому выступающего первичной инстанцией рыночной системы отбора. Вся реклама, все остроумнейшие учителя раскованности, приобщающие потребителя к самым смелым экспериментам гедонистического воображения, якобы ничего не стоят — в конечном счете именно потребитель с его «первичным» извне не внушенным опытом отбирает нужное и ненужное.

Таким образом, секвестр культурной «настройки» в практике рыночного либерализма воспроизводится дважды. Сначала — на уровне потребительского индивидуализма: как попытка «нейтрализовать», перечеркнуть теоретически и практически всякое влияние интеллектуальной настройки, олицетворяющей искусственные стимуляции потребностей, на реальный рыночный выбор потребителя. Затем — на уровне производственного индивидуализма предпринимательской среды, которую стали подстрекать на бунт против «раздутой» цивилизации: зачем вам кормить столько «яйцеголовых», за-

нятых в науке, культуре, образовании и т.п.? Старая протестантская интуиция здесь вроде бы подсказывает, что все эти посредники между индивидуалистическим предпринимателем-хозяином и рынком, во-первых, по-настоящему, прагматически, себя не оправдывает — проедают больше, чем сами дают, а во-вторых, создают какой-то сомнительный экран культуры, искажающий «чистую рыночную рациональность». Таким образом, мы имеем своеобразную реанимацию голого, освобожденного от культурных одежд предпринимательского тела, подобно тому, как марксистская критика буржуазной надстройки в свое время обнажала истину «пролетарского тела», задействованного в материальном производстве. Собственно, сама английская классическая политическая экономия уже содержит эту готовность жестко проверять все общественные вне- и надэкономические формы на предмет того, насколько они способствуют, а не препятствуют «единственно важному делу» производства богатства.

Эта интенция классической политической экономии радикализована в опыте новейшего экономического индивидуализма, обнаружившего прямо-таки нигилистическое отношение к науке, культуре, образованию и другим «факультативам» цивилизации. Предприниматель-индивидуалист, выносящий за скобки все социальные и культурные обретения цивилизованности, желает быть голым «экономическим телом», нередко даже смешиваемым с брутальной телесностью обитателя джунглей и участника «естественного отбора». В особенности «тело» новых приватизаторов выступает как ничем не обязанное окружающему социуму, не несущее никакой гражданской и моральной ответственности перед ним. Именно поэтому оно легко трансплантируется в любые другие социумы, пользуясь правом экстерриториальности. Вся «чикагская» критика избыточности социальных обязательств, от которых рыночного буржуа надлежит освободить, фактически определяет статус собственника как асоциального тела, не участвующего в культуре, в цивилизации, в ценностном «конфликте цивилизаций» и потому — глобального. Поэтому программа глобализации с натуралистически приземленным собственником во главе — редукционистская. В центре ее стоит не тот современник, которому мало содержания национальной культуры, и он привлекает к своим практикам потенциал других культур, а тот, который просто выносит культуру за скобки как помеху. Не случайно глобализация сопровождается спекулятивным вырождением экономики: для развития продуктивного хозяйства требуется привлечение творческих возможностей цивилизации, для развития спекулятивно-мафиозной экономики и культуры, и мораль — только помеха.

При этом буржуазный индивидуалист сегодня менее всего готов к аскетическому существованию старого протестанта, отвергнувшего рафинированные блага цивилизации. В его опыте подозрительно просматриваются черты номенклатурного «опыта привилегированных». Особенности его «тела», освобожденного от обязательств перед социумом, таковы, что к этому телу автоматически притягиваются социальные блага, к другим «телам» почему-то отнюдь не прилегающие. Производством этой привилегированной телесности, вопреки заявлениям о ее «естественности», занимается сонм новых специалистов — массажистов, визажистов, стилистов, не говоря уже о более широком круге служителей «тела» как мощной метафоры элитарной потребительской культуры. Чему же в этом плане служит постмодерн? Он олицетворяет известную инверсию позиций народной (плебейской) и элитарной культуры. С давних времен известный «платонизм» господской культуры, ее тяготение к более или менее абстрактным универсалиям духа, контрастировал с земными, теллурическими тяготениями народной крестьянской или ремесленной культуры, имеющей дело с сопротивлением косной природной материи. И даже в своих «смеховых», праздничных проявлениях народная культура ближе была к телесному модусу — типа Санчо Панса или Колла Брюньона, хорошо это иллюстрирует. И вот в наше время полюса перевернулись. Верхние слои общества выступили с необычайной культурной инициативой «реабилитации тела» и инстинкта и последовательной дискредитацией сферы духовно возвышенного. Сфера высших смыслов демонизирована современными либералами как источник «конфронтационной культуры», повинной во всех революционных и прочих катаклизмах недавно ушедшего века (создается впечатление, что только испытывающий отвращение к общим вопросам и ценностному воодушевлению, вечно жующий и восхищенно взирающий на торговые витрины потребитель — единственно благонамеренный член либерального гражданского общества).

Телесные практики постмодерна, обращенные к *непривилегированным*, акцентируются в нескольких аспектах.

В данном аспекте методология «деконструкции» выглядела как употребление процедур снятия морально-идеологических барьеров, воздвигаемых вокруг нашего тела «репрессивной культурой». Шаг за шагом барьеры «цензуры» снимались, и люди заново открывали свою чувственность — тот самый эрос, который был в подполье, в тайной оппозиции, как бы составляя часть общей либерально-демократической оппозиции. Все эти версии бунтарского «тела-подпольщика» могли бы выглядеть тем более убедительно, что с ними ассоциировались

вполне реальные, социологически удостоверенные лозунги феминизма и молодежного движения. Женская и молодежная чувственность в самом деле находилась под давлением старой авторитарно-патриархальной культуры, пережившей многие другие, социально-экономические, политические проявления традиционализма. Ассоциация с реальным эмансипаторским опытом феминизма и «ювенализма» помогла постмодернистскому пониманию «тела» легче утвердиться в общественном сознании. Однако вскоре обнаружилось, что в этом «опыте тела» массовая демократическая аудитория вряд ли может узнать себя. Во-первых, по причине самых беспардонных подмен: людям, в повседневности лишаемым привычных социальных прав и гарантий, предлагают утешаться «свободой секса» и бесцензурными демонстрациями порнографии. Женщине, чья «телесность» требовала в ряде известных случаев шадящего подхода и гарантий, теперь отказывают в оплате декретных отпусков или запросто увольняют в период беременности (в советское время это считалось уголовным преступлением), взамен предлагая идентифицировать себя с совсем другой «телесностью», демонстрируемой на «околопорнографических» конкурсах красоты и других подобных выставках.

Во-вторых, по причине отчуждения «тела» в современном поп-арте. Действительно, в народной фольклорной культуре существует тяготение к язычески истолкованной телесности. Но вместе с тем народ прекрасно отдавал себе отчет в том, что его материально приземленная (и в трудовых ролях, и в ролях досуга) культура — это еще не вся культура, что она должна быть облагорожена высокой культурой Просвещения, вырабатываемой элитами. Народ тянулся к знанию уже не как к чуждому господскому занятию, а как к своей собственной перспективе, открытой демократическим модерном. В этом смысле подтверждалась давняя монотеистическая интуиция тела как органа, как вместилища души и стихии, предназначенной к духовной обработке. Постмодернизм решительно прерывает и эту традицию. Постмодернистская деконструкция высвобождает «инстинкты» из плена разума и нравственности и дает алиби «телу» именно в его анархическо-нигилистическом качестве. «Телесность», явленная в бесчисленных телебоевиках и фильмах ужасов, возможно, и вписывается в социал-дарвинистскую концепцию «естественного отбора», но она никак не вписывается в парадигму духовно насыщенной телесной образности, как она выступает в лирическом искусстве, в героических эпопеях, в карнавальности праздника. Постмодернистки деконструируемая телесность придает телу статус «знака», отказывающего обозначать легитимированное культурной традицией содержание.

Отныне «тело» гуляет само по себе, вне велений культуры и цивилизации. И перед лицом такого «деконструированного» «тела», переставшего быть вместилищем души, массовая народная аудитория уже проявила себя «консервативной», не готовой разделять восторги «телесного освобождения».

Телесный опыт непривилегированных в чем-то ассоциируется с марксистской сагой о пролетарии, который в обществе собственников позиционирует себя как владелец одного только собственного тела, которое он и закладывает на капиталистической фабрике. Сегодня господствующая пропаганда в целом подает дело так, что этот опыт пролетария, распоряжающегося своим телом на капиталистическом рынке, для общества, выходящего из тоталитаризма — шаг не назад, а вперед. Тоталитаризм не давал людям свободно распоряжаться своим телом, закабалял его идеологически и политически, а теперь они вольны распоряжаться им совершенно свободно. В этом смысле и опыт проституции выглядит одновременно и как форма «вхождения в рынок» тех, кому больше не с чем туда войти, и как свидетельство свободы частнособственнических отношений, прежде скованных всевозможными цензурами, в том числе и цензурой тела. Таким образом, даже изгойские слои «реформируемого» общества оказываются нечуждыми опыту постмодерна с его программами освобождающей телесной «деконструкции».

И здесь мы подходим к вопросу о глобализации, в которую тоже по-своему интегрируется постмодернистская практика телесности. В самом деле, что мешает нашему телу свободно гулять по миру, кроме чисто внешних погранично-полицейских препятствий? Как вытекает из постмодернистской логики, ему мешает прочная привязка и ассоциированность с культурой, национальной по содержанию и в этом смысле ограниченной. Чем больше «семантических следов» местного социального опыта, традиций и обычаев, а также туземной системы ценностей несет на себе наше тело, тем менее оно «транспортабельно» в глобальном смысле, тем труднее ему пересекать границы других стран и осваиваться в новом пространстве. Для того, чтобы низам по-своему приобщиться к модели космополитичных «граждан мира», гонимых ветром перемен, им требуется не больше культуры (на это их возможностей все равно не хватит), а меньше культуры, меньше всего, что утяжеляет тело местными обязательствами и ценностными смыслами. Агенты глобализма, разумеется, не ставят точки над *i*: не проясняют конечную перспективу, указывающую на участь нагих, в символическом и буквальном смысле, рабов, лишенных привычных человеческих прав и гонимых по миру бичом глобальных надсмотрщиков.

Опыт постмодернистской деконструкции, сегодня акцентированный в мироощущении привилегированных групп, как оказывается, прямо касается и непривилегированных. Но если для первых деконструкция *оказывается освобождением* — разумеется, классово-эгоистическим, выступающим как расставание со всеми социальными и национальными обязательствами — то для вторых она означает перспективу *отлучения* от всех прежних социальных и культурных завоеваний цивилизованности. Деконструктивисты первого рода стремятся любыми способами разложить прежние социальные структуры и институты, ибо в них слишком много инвестировано низами, стремящимися освоить свою долю из общих возможностей демократического модерна. Почему сегодня так достается от либералов деконструктивизма национальному государству? Потому что национальное государство во многих странах успело стать «плебейски» демократическим, интегрирующим социальные программы незащищенного большинства. Напротив, гражданское общество современными привилегированными группами рассматривается как та среда, для которой всякие «метаисторические» или нравственные интуиции, касающиеся особых прав «нищих духом» выглядят мертвым звуком. Нас прямо поучают, что гражданское общество есть социальный ансамбль, образованный законченными индивидуалистами, свободно конкурирующими между собой и пекущимися только о собственной выгоде. При этом уточняется, что гражданское общество — это среда, максимально равнодушная к «традиционным» спорам о ценностях, о добре и зле, социальной справедливости и ответственности. «Экран ценностей» препятствовал бы свободной циркуляции *чисто экономической* информации, касающейся наиболее экономных путей к успеху. С такой экономией, собственно, и связаны кажущиеся на первый взгляд парадоксальными новейшие «рыночные» подозрения, относящиеся к цивилизации. Современная цивилизованность, насыщенная социальными проектами и моральными императивами, рассматривается как помеха свободной конкуренции и барьер на пути специфической рыночной информации, оптимизирующей экономическое поведение.

Но здесь просматриваются многозначительные эффекты бумеранга, о которых адепты либерального деконструктивизма, в особенности «на местах», зачастую еще не подозревают. Привилегированные обитатели национальных туземных пространств сами рискуют оказаться в роли непривилегированных, как только программа глобального гражданского общества заработает в полную силу. Эти ту-

земные привилегированные нередко забывают о том, что их привилегированное положение вовсе не результат рыночного отбора, а следствие некоторых внерыночных стартовых позиций, обретенных ими на местах вместе с положением в структурах власти и разного рода иерархиях. Если представить себе, что вся мировая периферия будет выстроена согласно императивам «открытого общества», в котором запрещено обороняться от мощных вторжений извне всякими национальными барьерами, то операция деконструктивистского «разделения» — обнажения носителей местных привилегий до состояния «натурального тела» уже прямо коснется тех, кому сегодня еще мнится роль членов мировых элитных клубов и господ мира сего. В пределе механизм деконструкции указывает на перспективу, когда на одном полюсе будут выступать граждане центра (сверхдержавы), чувствующие себя и материально, и символически имущими, на другой — обнаженные до уровня первобытного «тела» жители периферии. Причем сначала этим жителям внушают, что настала пора освободиться от груза всей «традиционной культуры», то есть стать культурно необремененным телом, а затем уже их, культурно разоруженных и потому полностью «пластичных» в чужих руках, обнажат и в чисто физическом, материальном отношении.

Уже сегодня мы наблюдаем многозначительную асимметрию. Либералы-постмодернисты во всю бранят патриотизм, коллективную идентичность, культурную память и прочие помехи на пути модернизации-вестернизации. Но почему-то гражданам единственной сверхдержавы не возбраняется выступать неистовыми патриотами, эгоистическими националистами, фундаменталистами американизма. Иными словами, им разрешается входить в глобальный мир «культурно одетыми», обладающими устойчивой национальной идентичностью и даже очевидным национальным эгоизмом. Но от всех других требует обнажения до состояния постмодернистского «тела», начисто свободного от культурной и цивилизованной памяти.

Новые приватизаторы собственности, отвергшие социальную и моральную цензуру культуры, мешающую их сомнительным практикам обогащения, может быть впервые за всю историю классового разделения труда лишились культурного алиби. Прежде верхи имели то оправдание перед историей, что они — хранители и распространители высокой культуры, которая без них лишилась бы своего прибежища. Теперь у них нет этого аргумента: богатые и привилегированные отныне выступают в своем чистом качестве «силы, которой ума не надо». Автору этих строк уже приходилось писать о народах, покину-

тых глобализирующимися элитами* . Вместе с этой миграцией элит из национального в глобальное пространство, в котором формируется новый эзотерический «интернационал богатых властителей», национальное большинство лишается значимого интеллектуального (символического) капитала. Создатели этого капитала, формирующие новейшую систему ценностей и критериев культурного отбора, перешли на услужение наднациональным центрам власти, которую они снабжают системой оправданий, вытекающей из либеральной концепции. В рамках этой новой системы народам светит участь интеллектуально неимущих — отлученных от достижений цивилизации. Поэтому разлученность с «социальными обязательствами» и освобождение от груза социальной идеи, которые сегодня так приветствуются либеральной частью интеллектуального сообщества, в конечном счете оборачивается против самого сообщества, лишая его важнейшего из источников вдохновения. Это иссякание вдохновения заметно чувствуется при обзоре того, что, например, успела создать «либеральная» эпоха в постсоветский период.

Оружие деконструктивизма — обоюдоострое. Сегодня его явно перехватили новые приватизаторы, по-своему использующие его для демонтажа сопротивляющихся им социальных, национальных и нравственных твердынь. Но мы полагаем, что не закрыта и перспектива использования «деконструкции» оппонентами поспешно скроенных и слишком явно апологетических либеральных синтезов. Сегодня в силу ряда внешних причин пока что ускользает от деконструктивистской «иронии» выстраиваемая система американской непогрешимости и величия. Но претенциозность «глобальной американской миссии», все больше снабжаемой одними только силовыми аргументами, явно напрашивается под нож деконструктивистской критики. Наспех замаскированные швы и прорехи в символической системе «американского величия» деконструктивистский скальпель может легко обнажить: нашлись бы только охочие до этого специалисты из ряда интеллектуалов. Сегодня Америка покупает интеллектуалов, завтра, пожалуй, она может перейти к их откровенному устрашению. Но, как сказал поэт, «волхвы не боятся могучих владык, а княжеский дар им не нужен, правдив и свободен их вещий язык и с волей небесною дружен». Этой «дружбе с небесами», предохраняющей от полной капитуляции перед «законами рынка», интеллектуальный «клир» обязан всеми своими эпохальными достижениями. Будем надеяться, что

* См.: *Панарин А.С.* Народ без элиты: между отчаянием и надеждой // Наш современник. 2001. № 11.

свою способность следовать не только своекорыстным интересам «самообеспечения», но и зову питаемого состраданием тираноборческого вдохновения, интеллектуалы сохраняют и на тот момент, когда фаза постмодернистской деконструкции сменится фазой нового смыслоозидания.

Не все еще догадались, что объявленная постмодернистами смерть «метарассказов» — о смысле истории, смысле жизни и смысле человеческой борьбы — означает смерть духовно-интеллектуальной сферы как таковой. Перевести эту сферу на язык обслуживания текущих рыночных практик — значит не только лишить ее настоящей творческой перспективы, но и лишить перспективы само предприятие демократического модерна, питающееся отнюдь не одним только прикладным знанием, но и высокой культурой, дерзко заглядывающей за горизонт. Нынешний исторический горизонт затянут тучами. Заново высветить его — вот высокая интеллектуальная задача времени. Но эта задача под силу не деконструктивистам, сегодня не без злорадства констатирующим «не-наличие» всех наших гуманистических ожиданий, а людям, которых не оставила вера и вдохновение.

Наши авторы

В. Г. Буров — доктор философских наук., профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

В. В. Денисов — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

Нгуен Зуй Куи — академик, Президент НЦОГН СРВ

Ле Хау Танг — доктор философских наук, профессор, вице-президент НЦОГН СРВ

Чан Дык Лыонг — Президент СРВ

В. М. Межуев — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН

А. Г. Мысливченко — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

Ю. В. Олейников — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

А. С. Панарин — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором социальной философии Института философии РАН

Ю. К. Плетников — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН

В. С. Семенов — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

Н. М. Смирнова — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Статья выполнена по гранту РГНФ 02.03 – 18293 а

Нгуен Чонг Тьуан — доктор философских наук, профессор, директор Института философии НЦОГН СРВ

В. Г. Федотова — доктор философских наук, профессор, руководитель научного Центра методологии социального познания Института философии РАН

В. Н. Шевченко — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором философских проблем политики Института философии РАН

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

ЧАСТЬ I

СОЦИАЛИЗМ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В. С. Семенов

Мировая практика социализма в XX веке и перспективы на XXI век	12
Как складывался в XX веке социалистический мир	13
Прорыв социализма в новое общечеловеческое будущее	14
Негативные и кризисные явления в социалистическом развитии	20
XXI век — век качественно новой социалистичности и коммунистичности	30

В. Н. Шевченко

Советская модель социалистического общества: причины поражения	38
Особенности и итоги форсированного развития России по капиталистическому пути (1861–1917)	40
Социалистический выбор 1917 года и поиск модели социализма, адекватной сложившимся историческим условиям	45
О природе советского социализма	48
Нарастание кризиса советского общества в 70–80-е гг. и причины его развала	55

Ю. К. Плетников

Социализм как посткапиталистическое общество	63
Социализация капитала	63
Глобализация и «антиглобализм»	67
Угроза экологической катастрофы	71
Коренная перемена точки зрения В.И.Ленина на социализм	77
Идея полного социализма как бесклассового общества	80
Переходный период к социализму	83
Ранний и полный социализм	87

В. М. Межуев

Социализм — пространство культуры	95
Социализм — идеология или наука?	96
Культурный смысл социалистической идеи	98
Либерализм и социализм о свободе и равенстве	104
Социализм в современном мире	111

В. В. Денисов

Гуманистические идеалы социализма	122
Марксизм — философия практического гуманизма	122
Диалектика классового и общечеловеческого	127
Ненасильственный мир — категорический императив современности	132
Терроризм — вызов гуманизму	137
XXI век — век надежды	141

Ю. В. Олейников

Вектор социальных и мировоззренческих трансформаций современного общества	147
Взаимообусловленность научно-технического и социального прогресса	149
Трансформации системы ценностей и мировоззренческих универсалий в постиндустриальном обществе	154

ЧАСТЬ II

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗМА

Нгуен Чонг Тьуан

Пути строительства социализма во Вьетнаме	167
---	-----

Чан Дык Лыонг

Обновление — верный выбор для современного развития Вьетнама	176
Обновление — закономерная логика жизни	176
Обновление концепции развития	179
Результаты обновления: успех нового курса развития	182
Некоторые уроки из опыта обновления Вьетнама	184
Продолжение и усиление обновления: путь к будущему Вьетнама	189

Нгуен Зуи Куи

Обновление теоретического мышления во Вьетнаме	192
--	-----

Ле Хау Танг

Обновление социализма во Вьетнаме: теоретические проблемы	200
---	-----

В. Г. Буров

Социализм с китайской спецификой	209
Творческий подход к теории	209
Теоретические основы деятельности Коммунистической партии Китая	215
Изменение социального состава компартии	221
Программные установки XVI съезда КПК	225

ЧАСТЬ III

ЗАПАДНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

В. Г. Федотова

Вызовы левым взглядам и их трансформация	234
Свобода, общественное благо и равенство	235
Было ли советское государство социальным и что с ним случилось?	237
Социальное государство и гражданское общество на Западе	240
Вызовы левой идее в сегодняшнем мире	243
На какие вызовы Западу отвечает концепция и политика третьего пути?	248
В чем состоит концепция и политика третьего пути?	252
Глобализация третьего пути	254

А. Г. Мысливченко

Западная социал-демократия и перспективы социального государства	259
Поиск новых форм социализации	261
Роль государства в обществе с рыночной экономикой	266
Смена парадигмы: от «государства социальной помощи» к «государству инвестиций»	273

Н. М. Смирнова

Цивилизованный анализ динамики современной российской ментальности	283
Социокультурная интерпретация соотношения традиционализма и индустриализма в современном мире	284
Российские реалии в парадигмах цивилизационного анализа	290
Ресурсы позитивной социальной динамики	294

А. С. Панарин

Постмодернизм и глобализация	302
Постмодернистский деконструктивизм и глобализация	302
Постмодернистская «телесность» в глобализирующемся мире	312
Освобождение одних и отлучение других	319

Наши авторы	323
-------------------	-----

Исторические судьбы социализма

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *В.К. Кузнецов*

Технический редактор *А.В. Сафонова*

Корректор *Т.М. Романова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 22.01.04.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 20,43. Уч.-изд. л. 19,03. Тираж 500 экз. Заказ № 055.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор *Т.Я. Кордюкова, И.Б. Рябушкина*
Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119992, Москва, Волхонка, 14